

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Екатерина ФЁДОРОВА

ПОД СЕНЬЮ ПРОКЛЯТЬЯ

Издательство "Самиздат"

Травница Триша, от рождения уродливая и с усохшей рукой, за свою короткую жизнь научилась многому. Лечить людей и терпеть их косые взгляды, варить приворотные зелья и разбираться в травах. А ещё она научилась выбирать. И когда судьба предлагает ей выбор, она раз за разом делает его, не пытаясь сбежать или спрятаться. Потому и приведет Тришина дорожка из дальнего села в стольный город Чистоград. А затем впутает в дворцовые интриги — и подарит суженого, одного на всю жизнь. Но судьба любит смелых. Поэтому в конце концов Триша-травница сумеет изменить не только свою жизнь, но и свой облик. Правда, для этого ей придется схлестнуться с магом из далекого Цорсея — и побороть его магию...

Екатерина Фёдорова
ПОД СЕНЬЮ ПРОКЛЯТЯ

Глава первая. Госпожа моя матушка

Говорят, когда я родилась, повивальная бабка закричала от ужаса. И уронила младенчика на пол. Вот потому-то левая рука у меня и короче правой.

Я вот думаю, что всё это враки. Да, я страшная — но ведь у всех новорожденных мордашки красные и опухшие, по ним не поймешь, что там вырастет. А Кириметь-кормилица намного добрее людей, и всех приходящих в мир детей она делает похожими друг на друга. За исключением тех, кого судьба ещё в утробе матери исковеркала так, что им уже не жить.

Думаю, Кириметь-матушка делает это нарочно. Чтобы у матерей была возможность полюбить своих младенцев сразу же. Пока ещё неясно, станут они красивыми, когда вырастут, или нет.

Но со мной этого не произошло — меня не полюбили.

Кем была моя мать, я не знаю. Сколько не спрашивала бабку Мирону, та не говорит. А меж тем бабка Мирона единственный человек, которого я помню с детства. Она мне была и вместо матери, и вместо отца.

Зовут меня Тришей. Мироне я даже не родня — бабка приняла меня в свой дом откуда-то со стороны, ещё младенчиком, а со временем начала учить врачевательству и травному искусству. В селе Шатрок, где мы живем, Мирону уважают и побаиваются, поскольку лечит она изломы не только телесные, но и душевные. Если кто, по её мнению, шибко не прав, то бабка упирает руки в боки и на все село расписывает бедняге, кем были его родные и что за тварь он сам.

По словам бабки, её когда-то призвали в один дом, где показали некрасивое дитя двух месяцев от роду — меня. И спросили, может ли она исправить лицо и левую ручку, которая усыхала. Мирона, по её словам, ответила, что лицо исправить не в силах даже сама Кириметь, богиня-матушка, а вот усыхание ручки она остановит.

Но не вылечит.

На что моя мать недовольно скривилась и заявила, что с таким лицом не имеет значения, какая у меня будет рука. На глазах у бабки дитя сунули в корзину и вынесли за дверь, а моя родительница начала расспрашивать про приворотное средство. Поскольку младенец показался бабке Мироне худым, замороженным и никому не нужным, она предложила забрать меня у матери, чтобы со временем выучить врачебному делу.

Та согласилась, потребовав взамен целый горшок приворотного зелья.

— Весь мой припас тогда отдала. — С гордостью заявляла Мирона, как будто для меня это было важно.

Однако где стоит дом, из которого она меня унесла, и кто моя мать, бабка никогда не говорила. Шатрок село не маленькое, но и не город — тут все друг друга знают... а про мою родительницу лишь слухи гуляют.

Саму меня шатрокские бабы считают подкидышем, которого Мироне подбросили. Стало быть, родительница не отсюда, потому как пропажу младенчика у одной бабы и появление его у знахарки заметили бы сразу.

В окрестных селах, кстати, младенцы тоже не пропадали. Так мне доложили деревенские кумушки, когда я подросла — и начала тайком от бабки задавать разные вопросы.

Усыхание руки Мирона остановила, но нормальной моя левая рука не стала. Так и осталась короче правой. Из-за неё в селе когда-то сочинили небылицу про падение на пол и перепуганную повивальную бабку.

Я неприязненно покосилась на кисть левой руки, и села в уголок тереть в порошок семена травы априхи, на зубное зелье. Привычно ухватившись за пестик левой рукой — бабка Мирона с раннего детства приучила меня все делать короткой левой, а не правой.

На дворе гуляло солнышко, а в избе у нас было сумрачно и тихо. Бабка гуляла по огороду, оглаживая травы и нашептывая им наговоры на добрый рост, на хорошее цветенье. Пахло подходившей опарой... и ничто не предвещало того, что случится.

Дом, где мы с бабкой живем, стоит на отшибе от села. Ворота у нас — одна видимость, большая въездная калитка прикрывается только на ночь. Так Мирона завела, на случай, если вдруг привезут кого перекаленного на подводе. С такими каждый миг на счету, уже не до распахивания врат. Двор охраняет Желтяй, желтобрюхий пес с черными обводами вокруг глаз, приученный с людьми молчать, а лаять только на волков.

И вот я сидела и терла семена априхи. Со двора вдруг донесся шум, грохот и мужские матерки. Осторожно гавкнул Желтяй — судя по гулкому звуку, не вылезая из будки, где прятался от солнца. Я спешно грохнула на край стола горшок с априхой, подхватила дерюжную простыню, которую мы держали на случай, если кого придется тащить в избу на руках, и понеслась во двор.

Мать честная, Кириметь-кормилица, такой подводы я в жизни не видела.

Крытый фургон торговца Гусима, что приезжает в село каждый год в конце весны, на эту штуку чуток походил — но в сравнение не шел. Словно кто-то решил сделать крохотный домик чуть побольше наших сенцов, изукрасил его резьбой и расписал зеленым да алым. А потом поставил все на колеса, громадные, в половину моего роста.

Кони в упряжке были запряжены огромные, вороные. И оба сейчас упирались мордами в наш сарай — подворье у нас с бабкой недлинное.

А во дворе, меж крыльцом и забавной подводой, стояли двое мужиков. В штанцах в обтяжку, в полукафтанных без рукавов, навроде бабьих душегрей, только затянутых по поясу кожаными ремнями. Из дыр по плечам выплескивались рукава белых рубаш, широченные, складчатые, на которые не пожалели полотна. И было то полотно блестящим, точно его соплей измазали.

Дверца дома на колесиках распахнулась, один из мужиков просунулся вперед и принял на руки появившееся оттуда чудо. Потом отнес и поставил на крылечко рядом со мной. Я сначала подумала, что он несет кого-то болезного, но глянула — и отбросила такие мысли.

На крыльцо мужик поставил женщину. Такой красоты я в Шатроке никогда не видела — по белому лицу птичьими крыльями разлетелись брови, черные, густые. Глаза прозрачно-голубые, как лед в полынье по весне, а губы точно кровью сбрызнуты. И одета красавица не по-нашему — платье в обтяжку, зашнуровано по бокам, чуть вздохни и лопнет. Да ещё сверху по плечам так обрезано, что еле держится. Ткань красы невиданной, цвета давленных вишен. А из-под вишен, значит, по плечам да по груди белой окаемкой сорочица виднеется. И кушак не на поясе, как у меня, а на бедрах.

И ещё одно отличие — кушак не из тряпки, как мой, а из пряжи червонного золота. Кольцами скрепленных.

Я такого никогда не видела. У меня прям сердце обомлело. И ещё острее ощутила, как сама я рядом с такой смотрюсь — с носом громадным, почти без подбородка, с косыми

зубами, над которыми даже губы сомкнутся путем не могут. А ещё прыщи по мне, чем не мажу, не лечатся, и лоб узенький, как у крысы, уши не топорками, а топорами цельными, потому как они у меня в два раза больше нормальных. А ещё...

Прекрасное создание брезгливо сморщилось, глянув мне в лицо. Но тут же снова расправило личико и проворковало:

— Милая девица, не позовешь ли врачевательницу Мирону?

— Да запросто. — Согласилась я. И заорала: — Бабка Мирона! А бабка Мирона! Под сюда, тебя госпожа какая-то изволит!

И хоть на красоту мне судьба поскупилась, но вот голосом не обидела. Красавица в вишневой утяжке — платьем это назвать было грешно — аж присела. Мужики, у которых рукава по ветру полоскались, что твои крылья у лебедей, тут же подступили к крыльцу. Один твердым голосом заявил:

— Так кричать при госпоже не.

Но та остановила его взмахом руки. А потом страдальчески вздохнула и осторожно так коснулась шеи под ушами. Заложило ей уши-то, видать.

— Тута я. — Недовольно сказали сбоку.

И со стороны распахнутых ворот появилась бабка Мирона.

Красавица обернулась. Бабка почему-то резко посуровела лицом, едва та стала к ней передом. Брови на переносице свела и губы в узелок стянула.

Тут мне стало так любопытно, что даже брови вверх поехали. Бабка, похоже, красотку в вишнях знала. И что забавно — стояли они обе молчком и друг на друга смотрели.

Вроде как в «гляделки» играли.

Ну, выиграла-то, положим, бабка. Оно и понятно — разве старую Мирону переглядишь? Она ж не только словом, она ещё и взглядом людей может стращать. И к совести призывать.

Непонятно другое — как только госпожа дрогнула и личико вниз опустила, бабка Мирона скуksилась. Вроде как плакать собралась.

И тут я поняла — быть беде. Желтый, и тот вылез из будки, по ту сторону чудной подводы, и взвыл.

— Приехала за отданным. — Неожиданно визгливо сказала красавица.

— Про отдачу уговора не было. — Тут же возразила бабка.

Один из мужиков в рукавах-крыльях снова выступил вперед, теперь уже по направлению к бабке, и завел:

— Ты, сиволапая, как смеешь госпоже прекословить.

Но диво в вишневом опять остановило его ручкой и обратилось к Мироне:

— Говори да не заговаривайся, старуха. Хочешь за кражу младенца на суд пойти?

— Своим, что ль, объявишь? — С насмешкой бросила бабка.

Я вдруг осознала, что говорят они про меня. И двухмесячного младенца с сохнувшей ручкой отдала бабке когда-то вот эта госпожа. Неужто она моя родительница? А по виду и не скажешь, ни по её, ни по моему.

Пока я стояла на крыльце, бледнела и холодела, бабка и госпожа продолжали ссориться. Мирона уперла руки в боки, сварливо провозгласила:

— И что ты с ней делать будешь? Куда в своих покоях приткнешь? Тебе бедная девка и раньше не нужна была. А нынче и вовсе обузой станет — укладу вашего не знает, павой с утра до вечера выступать не умеет. Она к работе привычна, сопли рукавом утирает.

Я возмущенно моргнула. Бабка сама, ещё четыре года назад мне объяснила, что так

делать не годится. И я с тех пор — ни-ни, только в передник сморкаюсь.

— Что я с ней делать буду, то мое дело. — Сказала красавица, и в голосе у неё вроде как железо звенькнуло. — А твое дело чужое отдать.

— Как скажешь. — С притворной покорностью согласилась бабка. И, глянув мимо красавицы, сказала: — Триша, рыбка моя.

Это был условный знак, давно обговоренный нами. Бабка ласковыми словами никогда не зовет, только Триша да деваха. Раз я стала рыбкой, значит, надо бежать. Далеко и насколько ноги унесут. Бабка говорила, что всякие люди бывают, и потому, если вдруг припрется кто чужой, а она меня этак ласково, светиком или кисонькой покличет — надо тут же нестись в лес, затаится там и сидеть, пока день не минет.

Или ночь, если незваный гость ввечеру нагрянул.

— Иди-ка вещички собирай, ласточка ты моя. — Сладко пропела бабка.

А поскольку чудная подвода весь двор загородила, и кони мордами в сарай тыкались, я напрямик рванула. То есть вскочила на козлы, приделанные к передним колесам повозки — с одной стороны вскочила, а с другой выскочила. Потом на огород и через плетень в лес кинулась.

Далеко бежать я не стала. Так, добралась до Ручейного холма, что смотрит на наш с бабкой дом, забралась там на кривую ольху и начала выглядывать.

Повозка, расписанная алым и зеленым, по-прежнему стояла на дворе. Бабки и госпожи в вишневом платье нигде не было видно. Только мужики, полоща по ветру рукавами, бегали по огороду. Один даже рискнул выбраться за плетень.

Правда, тут ему не повезло. Как раз с той стороны огорода у нас недавно поселился старый медведь. Большой, бурый и вроде как солью присыпанный — седой, значит. Бабка Мирона утверждала, что зверь был не простой, из господского зверинца. На косолапом, как только он появился, красовался шипастый ошейник. Железную нашейку бабка потом сняла. Ещё увидит кто, языком трепать начнет, а там и хозяин медвежий объявиться. Господин какой-нибудь.

Зверинцы, как известно, простому люду не принадлежат, только господам. А господ умный человек избегает и к себе не приманивает. Ещё решат, что бабка-лекарка неведомой ворожкой господского зверя сманила. Конокрадов, как поймают с уведенным конем, сразу вешают — а за медведя, как сказывала бабка Мирона, могут и к порубной казни приговорить.

Воспоминания о зверинце у седого медведя остались недобрые, поэтому людей он не любил. Только меня да бабку терпел.

Мужик с складчатыми рукавами, полезший за плетень, именно на седого и нарвался. Даже я на своей ольхе расслышала визг. Обратно, на огород мужик вылетел испуганным зайцем. Одного рукава уже не было — его забрал себе медведь.

Видать, у нашего косолапого ещё со зверинца тяга к модам осталась.

После этого на дворе все затихло. Мужики, что вишневую госпожу сопровождали, на козлы залезли и там замерли. А сама госпожа вместе с бабкой Мироной, видать, в доме сидели, на двор носа не казали.

Такая тишь да гладь во дворе наступила, что любо-дорого.

Только жеребцы хвостами машут да Желтый раза два из своей конуры гавкнул. Тянулось это долго — за такое время и ленивая курица яйцо снесет, не то что работная. Последняя ещё и с петухом прогуляться успеет.

Потом дверь в сенцы растворилась, гостя из дома вышла и ручкой махнула. Один из мужиков, тот, которому медведь рукав отодрал, тут же порскнул с козлов и на руках госпожу в расписную повозку переправил. Другой, что остался на козлах, тряхнул вожжами и гикнул по-особому. Воронье попятилось, первый мужик вскочил на козлы, и колымага рванулась прочь.

На крыльцо тут же вышла бабка Мирона, приласкала вылезшего из будки Желтя и пошла на огород.

Тут и дурень сообразил бы, что пора вертаться. Я скатилась с ольхи, разорвав по подолу сарафан, метнулась обратно к дому.

Пока бежала, сердце билось часто, но не от бега, а от смятения. Неужто и вправду эта краса — моя мать? И как у такой лебедушки, какую и королевичу за себя взять не зазорно, уродилась такая уродина?

Чуднее всего было то, что смотрелась госпожа в вишнях девкой на выданье. А не мамкой, у которой уж свое дите в невестину пору вошло.

По дороге в малиннике, что оплетал березы в десяти шагах от огорода, на глаза попала морда медведя. Я ему кивнула на бегу — пусть знает, что добро не забуду. Вечером непременно снесу за огород ломоть хлеба с медом, а то и два. Заслужил.

С бабкой мы встретились у самого плетня, что огораживал грядки с капустой.

— Слышь, девахы. — Горестно сказала Мирона. — Ведь та баба — она за тобой приехала.

Я замерла. Таким голосом бабка разговаривала лишь тогда, когда больной, что нам привезли, уже не жилец.

— Мать это твоя. — Продолжила Мирона голосом чуть помягче.

— Уже догадалась. — Я кивнула, глянула на неё настороженно.

Бабка вздохнула с надрывом. И тут же уперла руки в боки, нахмурилась.

— Ишь ты, догада. Придется тебе с ней поехать. Сама знаешь, кто породил, того и дитя. Она госпожа, таким не перечат.

Я смотрела на неё и ушам своим не верила. Мирона меня гнала, испугавшись какой-то госпожи? Пусть даже и моей матери?

— Ну, чего уставилась? — По-свойски окоротила меня бабка. — Не бойсь, не с перепугу говорю. Расскажу тебе один сказ, Триша, а ты слушай да запоминай. Не знаю, помнишь ты про то или нет, но по третьему твоему году повезла я тебя в город. Кулиш-горшечник тогда на ярмарку с товаром собрался, вот на его возу мы и поехали.

Она глянула на меня вьедливо, словно на иголку, в которую нужно вставить нитку — а ушко у неё махонькое да ужимистое. Я на лице тут же послушание изобразила. От того Мирона отмякла лицом и сказала чуть попроще:

— В Простях, где ту ярмарку каждый год затевают, тогда жила ведьма Аксея, ворожея из первых и врачевательница из лучших. Мне-то своего умишка не хватало, чтобы в бедах твоих помочь, вот я и понадеялась, что ворожея больше моего сможет. Нашла я Аксею быстро. Она, хоть и старая, но прыткая тогда ещё была. И в уме здравая. Сначала тебя честь по чести осмотрела, потом воду над твоей головой слила и соль с больной ручки ссыпала. Села в ту воду глядеть. Помню, сидит, солью сверху посыпает. Мне сказала, мол, если я хочу, могу из-за её плеча тоже глянуть. Да только не с моим мастерством в ворожейный-то ряд лезть.

Бабка сокрушенно покрутила головой. Я прикусила губу. Об этом она никогда не

рассказывала. А поездку в Прости я не помнила.

— И сказала она мне. — Бабка возвысила голос. Петух в загончике за баней кукарекнул было, но она только глазом повела — и тот сорвался. — Что нет на тебе ни порчи, ни сглаза. И в судьбе у тебя не помечено, что ты такой уродишься. Показалось Аксее, что в воде виден след, точь-в-точь, как от проклятья бывает. Крикнула она мне, чтобы я свечку поближе поднесла, разглядеть получше. А тут стол под горшком с водой вдруг дернулся. Горшок на стол хлоп, вода брызнула, в доме вроде как потемнело. Ты в углу заревела, я и кинулась к тебе. А как повернулась обратно к столу, увидала Аксеюшку тающей. Кириметью-кормилицей клянусь тебе, таяла ворожея, словно баба из снега на Зимнепроводы.

Я недоверчиво нахмурилась. Мирона сцепила руки на животе, глянула на меня коротко, так что я сразу уяснила — все именно так и было. Бабка помолчала, сказала с надрывным вздохом:

— Доброй ворожеей была Аксеюшка, всегда о людях заботилась и в миру не чванилась, а потому водица от неё лилась чистая и светлая, ровно родниковая. От неё уж половиночка только осталась, когда я её узрела. И не кричала, болезная, лишь шепотом сказанула, через силу — «в Чистоград, Ведьмасте...». А потом дотаяла. Ох и страх меня тогда пробрал. Я тебя в руки и ходу. До самой ярмарочной площади, где Кулиш с подводой стоял, бежала как оглашенная. Люди инда дивовались.

Бабка зябко повела шеей, а я вскинула голову.

Последняя курица из бабкиного загона сообразила бы, что между страхолюдностью и проклятьем, виденным ворожеей Аксеей, связь самая что ни на есть прямая. Раз ни порчи, ни сглаза, ни отметины в судьбе нет, виной всему могло быть только оно.

Значит, вот оно как? Стало быть, не суждено мне было уродиться такой косорукой страшилищей? И стала я такой из-за неведомого проклятья?

Бабка стояла смурная, а у меня в душе все пело. Проклятья, как известно, снимаются. Или уничтожаются. Сама Мирона мне как-то рассказывала, что для этого надо лишь найти того, кто проклятье наложил. Или того, кто будет посильней наложившего в разы.

— Саму Аксею, — строго сказала бабка, — хватились только через седмицу. Думали, что она в лес за травами пошла. К тому времени мы уже в Шатроке были. Слова её я запомнила. Да только ни денег, ни человека, на кого могла бы округу оставить по врачевательским делам, у меня не было. А ведь Аксеюшка в последнем своем своем не просто в столицы, в Чистоград, наказывала идти, а в сам Ведьмастерий. Ведьмы не лекарки и не ворожеи, к ним с улицы не войдешь, одним поклоном, пусть даже и поясным, их не проймешь. На них денег много нужно. Да и то сказать — я ведь, деваха, уже тогда старовата была. Могла и не доехать с тобой до Чистограда. Осталась бы ты одна на дороге.

Я кусала губы все сильнее.

— Разумею я, судьба это, что матушка твоя за тобой приехала. — Звучно закончила Мирона. В лесу за плетнем радостно завелась кукуха. — Сказала она, что есть у неё ещё одна дочка, помладше тебя. Хочет твоя родительница поженить её с сыном какого-то графы. Да только мать у него злыдня, и при себе завсегда травницу держит. Вот и нужна твоей матушке своя мастерица по травам, чтобы все чужие зелья перебороть и сына графы окрутить. Живет тот парень в Чистограде, вот туда ты и поедешь, вместе с сестрой и родительницей. Не как дочь, вестимо, а как прислужница.

— Это как? — Удивилась я.

Бабка воинственно насупила брови.

— Ты вот что, деваха, ты себе мечты не строй. Дочерью она тебя не признает. Ей травница нужна, чтобы делать приворотные зелья. Она тебя хотела и вовсе задаром получить, мол, моя кровь, что хочу, то и ворочу. Но я про тот горшок зелья напомнила, которым за тебя заплатила. Опять же сказала, что дочери ей не видать, пока по-другому не заговорит. Она покочевряжилась, да и согласилась. Есть ты будешь с их стола, для начала тебе справят три платья, и положат оплату — каждую седмицу по три бельчи. А коли выгорит дело с сыном графы, то наградит на особицу. Так что ты, в Чистограде живучи, бельчи копи, чтобы было с чем в Ведьмастерий потом постучаться. Все поняла?

Она вдруг пригорюнилась и всхлипнула:

— На кого ж ты меня покидаешь.

И утерлась передником. Деловито сказала:

— Ну, чё стоишь-то? Иди одежки складывай. Родительница твоя в колымаге за холмом ждет, там, где дорога на Соболеково сворачивает. Я ей обещалась, что пришлю тебя, как только переговорю. И помни, Триша — госпожа она или нет, но тебе да мне в этом мире своим умом жить надо. Пусть она свою выгоду ловит, а ты свою лови. Вдруг да выгорит дело, и вернешься ты ко мне раскрасавицей. Ить старая я, внучков хочу.

Она шумно высморкалась в передник. А я вдруг поняла, что день прекрасен. И бабка Мирона раскрасавица, и облака по небу плывут пушистые, каких я ни в жисть не видела.

— Медведю хлеба с медом занеси за меня, ладно? — Попросила я Мирону.

Бабка истово закивала головой.

— Каравай ему снесу, угрюмищу. И всю мякину внутри медом залью, как есть. Пусть будет заступником за нас перед Кириметью-кормилицей, пусть она доброту нашу увидит и смиростивится.

Вещей у меня было немного, а узел все равно вышел большой. Для сборов Мирона выдала мне новую льняную скатерть, которую приготовила под вышиванье. Я постелила скатерть на бабкину кровать и подступилась к сундуку.

— Платье на пуговицах, что справили на прошлый Свадьбосев, отложи! — Распорядилась Мирона, стоя у печи и с надрывом сморкаясь в передник. — В дорогу оденешь, чтобы не хуже людей быть. Новые поршни достань, обуешь сейчас. А мою неношеную пару про запас возьми. Да зимнее не забудь! Когда ещё твою сестрицу сумеете графскому сыну спихнуть.

Я послушно кивнула и начала метать в середину скатерти вещи. Три нательных сорочицы, три летних сарафана, два зимних. И платье на холодную пору, из тонкой весенней шерсти — вторая моя нарядная одежда, которую я берегла на Зимнепроводы. Гребень, ленты для волос, два полотенчика. Бабка просунулась сбоку, бережно положила на кучу вещей свои новые поршни, обернутые в чистую тряпицу. Я на неё глянула, но отнекиваться не стала. Ещё обидится.

Поверх всего легла зимняя телогрея из стеганого льна, подбитая шерстяной волосиной, две зимние юбки и вязаные чулки на холодную пору. К шерстяной шали, которую я когда-то вышила красными цветами, Мирона доложила вытасенный со дна сундука голубой полушалок. По излому и на отсвет тянулся по полушалку узор, не вышитый, а вытканый искусно нитями того же цвета — цветы и бутоны с широкими лепестками. Не удержавшись, я погладила дивный плат. Шелковая бахрома скользнула меж пальцев, словно струя воды.

— Припасла тут на всякий случай. — потерянно сказала бабка.

В общем, все это да ещё пара валенок. Из всего вышел большой узел. Я скинула старый

сарафан, натянула платье с пуговицами, которое сама сшила из тонко выделанного льна год назад. И изукрасила прошвами. Отрез нам дала тетка Лариха из соседних Неглинок за то, что мы с бабушкой помогли разродиться её младшенькой.

Застегнув последнюю деревянную пуговицу, я прикусила губу. Сердце у меня колотилось. Ведь говорят же, что по одежке встречают, так? Конечно, мое платье, крашенное травой жучихой в коричнево-красный цвет, и близко не походило на ту красу цвета вишень, что носила приехавшая за мной красавица. Однако оно было чистое, справное и с новья, сразу видать. Глядишь, люди и не будут шибко коситься в мою сторону, как это случилось во время поездки с бабушкой Мироной в Соболеково два года тому назад. Глядишь.

Да и прекрасная госпожа моя матушка будет поблизости. Рядом с такой лебедушкой меня, глядишь, и вовсе не заметят — главное, заплатами людям в глаза не бросаться.

Матушка. Я покатила это слово в уме и решила на другое. Мама. Однако красавице в вишневом оно удивительно не шло. Госпожа, королевишна — что угодно, только не мама.

И сердце на него никак не отзывалось. Когда-то, лет в двенадцать, я верила, что когда-нибудь всенепременно найду свою родимую, что она, небось, за это время раскаялась и льет слезы горючие, только ко мне явиться не решается, от стыда да от горести. Но с тех пор прошло восемь лет, и в горюющую мать я больше не верила. Последние два года я даже бабушку из соседних деревень не пытала расспросами о пропавших младенчиках...

Бабушка Мирона, шмыгнувшая ненадолго за печь, опять появилась. Протянула мне маленький кошель. Поскольку я не двинулась, она пихнула мне его в руку, и я ощутила кругляши бельчей.

— А как же ты, бабушка Мирона? — Мне это все не нравилось. После того, как мы справили обновки в эту весну, две бельчи в кошельке были последним нашим богатством. — Скоро Свадьбосев, торговцы в село заглянут, и не только Гусим. Да и запас, ты всегда говорила, в доме должен оставаться.

— Мне ещё Арфен-мельник задолжал, вот и требую. — Отмахнулась от меня бабушка. — А тебе в городе каждая монета пригодится. Когда ты ещё оплату получишь, мало ли что. Бери, да помни про Ведьмастерий.

Вот так я и ушла из дома, оставив за собой опустевший сундук, пустую затаенку за печью, где хранились бельчи, и опечаленную бабушку. Желтый весело помахал мне хвостом от будки — собаки многое заранее чувствуют и знают, но только не разлуку. Я вышла за вратную калитку, забросив узел за спину и повесив на сгиб короткой левой корзинку со снедью, спешно собранной Мироной.

Передо мной лежала дорога на Соболеково. Бабушка застыла у столба врат, сложив руки на животе, вскинув подбородок и скорбно поджав морщинистые губы.

Расписная колымага ожидала вовсе не за холмом. Я наткнулась на неё за первой же извилиной дороги. Мужики с пышными рукавами посиживали себе на козлах — и даже слезть не соизволили, когда я подошла. Пришлось сначала самой пропихнуть в колымагу узел с одеждой и корзинку, а потом карабкаться по высокой лесенке.

Один из мужиков щелкнул кнутом, едва дверца захлопнулась. Меня бросило на колени, укрытые вишневой тканью. Когда я примостилась наконец на скамейке, запихав в угол свою поклажу, лицо госпожи в вишнях было перекошено от отвращения.

Я вздохнула, ухватила за скамейку задрожавшими руками. Видать, не любя я своей родительнице. Вон как губы-то кривит.

Но поскольку бабушка учила меня не дожидаться, пока люди ко мне подберут, а самой

идти к ним с добрым словом, улыбнулась во весь рот. И спросила:

— Долго ждать пришлось? А звать тебя как, по имени да по батюшке?

Красавица в вишневом слегка расправила губы.

— Зови меня госпожой. И запомни — имя моего отца тебя не касается. То, что ты стала моей травницей, не значит, что я тебя признаю.

— Да я о таком и не думала. — брякнула было я.

— Не перебивай! — Жестко заявила баба, которая когда-то носила меня в утробе. — Зови меня госпожой Морисланой. И даже не думай обмолвиться кому-нибудь, что ты моя дочь. Запомни, мое дитя от первого мужа, маленькая госпожа Триферья, умерла ещё в младенчестве.

Триферья? Мое настоящее имя мне не понравилось. Триша звучало гораздо лучше. Теплее, что ли.

— Мой первый супруг тоже мертв. — Продолжала госпожа Морислана. — Так что эта история любопытства ни у кого не вызовет. Не надейся, что моя дочь, госпожа Арания, захочет общаться с тобой. Деревенская уродливая дикарка будет жить со мной только до тех пор, пока мне нужны её услуги. Уяснила?

Я кивнула. И спросила с непокорством — больше от обиды:

— А прислужников своих не боишься, госпожа? Вдруг разболтают, кто я? Чай, сегодня во дворе тебя не только бабка Мирона слышала.

Во дворе Морислана говорила откровенно. Даже если мужики в душегреях и рубахах со складчатыми рукавами не знали в точности, кто я, догадки у них появиться могли.

— Я их кормлю, одеваю и даю кров. — Надменно сказала госпожа моя мать. — Поэтому они забывают все, что слышали. А если я прикажу, забудут и то, что видели.

Колымага влетела в Соболеково, распугав кур, гулявших у въездной дороги. Я прилипла к оконцу двери. Дивные дома на два поверха, виденные мной ещё три года назад, когда бабка Мирона решила свозить меня на Соболековскую ярмарку, проносились мимо.

Проехав городище, повозка свернула на незнакомую дорогу и помчалась вперед.

К вечеру мы добрались до громадной реки, лениво текущей в зеленых берегах, поросших лесом. Здесь была наплавная переправа, уложенная поверх крупных лодок. У въезда один из мужиков заплатил стражу на въезде — целых три медяка! — и колымага застучала колесами по дощатому настилу.

Будь напротив кто другой, я бы спросила, как называется река.

Но госпожа в вишневом навряд ли ответит на вопросы прислуги. Так что пришлось прикусить язык.

Ехали мы долго, однако Морислана за всю дорогу куска хлеба в рот не положила, лишь отпивала время от времени из серебряной баклажки. Я, на неё глядя, даже не решалась достать из корзины утешные шанежки, уложенные туда бабкой Мироной. По пути повозка сделал две остановки в лесу. Каждый раз госпожа моя матушка капризным тоном приказывала идти за ней. Чтобы сторожить, пока она в кустах уединяется. Одна из остановок случилось возле родника, и я смогла вволю напиться.

Мягкая дрожь, сотрясавшая колымагу, убаюкивала. Как ни велико было мое любопытство к чужим деревушкам, городищам, лесам и полям, проплывавшим за окном, перед самым закатом дрема навалилась так, что я начала клевать носом.

И проснулась, когда затылок ударился об стенку сзади. Колымага остановилась. Я услышала голос Морисланы:

— Приехали. Помни мои слова, как тебя там. Триша, да?

Лицо её скрывала полутьма внутри повозки. Но я и без того знала, что госпожа родительница отлично помнит моё имя, потому как произнесла она его легко и быстро. Просто место мое хотела мне указать.

В оконце плеснул свет факелов, Морислана полезла наружу, а я последовала за ней, предварительно придвинув узел и корзину поближе к двери.

Глава вторая. Палаты каменные

Госпожу Морислану встречали двое мужиков с факелами и две девки в белых передниках — прислужницы, сразу видно. Желтые отблески лизали ступени за спинами встречающих. В сгущающейся тьме над лестницей угадывались очертания громадного дома. Я с замиранием сердца поняла, что он высок, не на один поверх, а на два или даже больше. А потому восхищенно выдохнула, закинув оттягивающий руку узел за спину.

Госпожа Морислана, уже шедшая к ступеням, на звук моего вздоха повернулась, сказала утомленным голосом:

— Это Триша, травница. В последнее время я чувствую себя усталой, даже нездоровой. Она будет присматривать за мной, так что подберите ей горницу рядом с моими покоями. Чтобы была поблизости, если понадобится.

От того, что собственная родительница прилюдно признала меня чужачкой, травницей в услужении, я не ощутила ровным счетом ничего. То ли с устатку, то ли ещё от чего. Только желание спать навалилось ещё сильнее. Мы с бабкой Мироной обычно укладывались рано и в эту пору уже видели первые сны.

Заскрипели колеса — колымага, что привезла нас сюда, уезжала. Морислана развернулась, неспешно заскользила вверх по лестнице. Один из мужиков с факелом вышагивал перед ней. Вишневый подол, во тьме казавшийся почти черным, тек по ступеням длинным языком. Одна из девок семенила следом.

Другая, проводив их взглядом, повернулась в мою сторону. Сделала знак, подзывая, и зашагала по ступенькам вместе со вторым мужиком, державшим факел.

Я двинулась следом. Никто не предложил мне помочь с узлом или корзиной. Ступени оказались низкие и прятались в темноте, поэтому я не сразу сообразила, что это не дерево, а камень.

Гладкий, как хорошо отструганная липовая доска. С лестницы мы вошли в широкую полутемную горницу, где по стенам трепыхались язычки свечей. Прислужница отстала на мгновенье, чтобы притворить двустворчатые двери.

Внутри дома пол опять был каменным, из желтых и черных плит, сплетавшихся между собой, как полосы крашеной бересты в девичьем тuesке. По стенам из теней проступали узоры, непонятные из-за скудности света. Потом я увидела в дальнем конце горницы начало ещё одной лестницы. Мужик, несший факел, направился к ней.

Я обрадовалась. Раз есть лестница, значит, дом точно на два поверха. В кои-то веки не просто погляжу на такую домину, но и поживу в ней. Лишь одно меня смущало — каменный пол. Нет, каменные приступки я уже видела, но чтобы внутри дома полы мостить из камня? Такого не водилось ни в Шатроке, ни в самом Соболекове. А уж там-то роскошество на каждом углу!

Может, мы уже приехали в Чистоград? То, что видели мои глаза, напоминало сказочный дворец из бабкиных сказок. Где же и стоять таким хоромам, как не в столицах?

Не дави мне на спину узел, и не оттягивай корзина больную руку, я бы заговорила с теми, кто шел рядом. Но взбираться по лестнице с ношей оказалось непросто. В полутьме приходилось шуриться и осторожничать, чтобы не промахнуться ногой мимо ступеньки. На второй поверх мы поднялись в молчании. Меня провели через громадную горницу, заполненную тьмой. Боковую её стену прорезали двери — мы зашли в ту, что оказалась в

конце. Мужик все так же молча затеплил свечки от факела, что был у него в руке, степенно сказал:

— Доброй ночи.

И ушел. Задержавшаяся прислужница кивнула.

— Меня зовут Саньша. А ты, значит, Триша-травница будешь?

— Буду. — Я свалила узел с корзиной на пол, согнула и разогнула левую руку. Чувство онемения в локте постепенно проходило. — Подобру тебе, Саньша.

— И тебе. — Она с любопытством глянула на мою усохшую ладонь, потом мне в лицо. Горевшие в напольном подсвечнике свечи освещали её неровным светом с одной стороны, и видно было, что она моих лет. Может, чуть старше. И уж точно пышнее телом.

Я молча стояла, давая себя разглядеть. Даже вскинула нос, чтобы не прятать в тени скошенный подбородок. Наперекор всем моим ожиданиям, Саньша не сморщилась и не скривилась. Вместо этого она зевнула и почти равнодушно спросила:

— А ты, поговору слышно, тоже из тутешей?

— Из них.

Мы, тутеши, жили здесь испокон веков. Так мне бабка Мирона говорила. И если мужики с пышными рукавами, что сопровождали госпожу Мирослану в наш Шатрок, к тутешам не относились — по крайней мере, так я поняла по их говору — то Саньша точно была из нашенских. Из тутешей.

А с родительницей моей непонятно что было. Говорила она не по-нашему, чудно. Но господа по-нашему и не говорят. Даже если родом из тутешей. Видела я как-то раз земельного Оняту, которому Шатрок в прокормление дан и дань платит, и королевскую, и поземельную. Так вот он по морде — родной брат нашему мельнику Арфену, а по говору не пойми кто.

— Это хорошо. — Сказала Саньша. — Значит, наших прибыло. А то госпожа у нас из норвинов, так что два мужика из них у нас уже служат. Опасаемся, как бы она и девку из норвинов не наняла — они, говорят, вредные да доносить любят.

У меня вдруг мелькнуло сразу две мысли. Первая — раз родительница моя из норвинов, то кто я? А вторая была про сестру. Раз она есть, стало быть, у неё и отец имеется.

— А господин ваш из каковских? — Наугад стрельнула я вопросом.

Саньша сделала страшное лицо.

— А он, слышь-ка, он вообще не из нашенских, ни из тутешей, ни из норвинов. Олгар он. Вот завтра сама увидишь. Лицом смугл, а глазами востер. Так тихий-тихий, а глазом как зыркнет, так в грудях аж холодает.

— Ишь ты. — Без выражения сказала я.

Уж не был ли и мой отец олгаром? Я напряглась. Из олгаров был Гусим, что приезжал в село на каждые Зимнепроводы и Свадьбосев. Смуглый, пропеченный солнцем, с волосами цвета дубовой коры и с такими же глазами. Разговаривал Гусим, смешно коверкая слова. И даже про баб и девок говорил «он», а не «она». Походила ли я на него?

Глаз у меня зеленый. Но тут я могла удасться в родню со стороны родительницы. У норвинов завсегда глаза голубые или зеленые. У тутешей глаза бывают всякие. Волосы и кожа у меня светлей гусимовских, но тут опять же могла взять вверх материнская кровь.

— Вот завтра увидишь. — Сонно сказала Саньша. — Так-то он через месяц на границах служит, но сейчас как раз в дому отдыхает. И помни, покои госпожи по левую руку от твоей светелки. Так что спи вполуха да прислушивайся. Если крикнет, беги бегом, она у нас во

какая!

Саньша показала мне крепко сжатый кулак. Я кивнула и спросила:

— А на двор куда ходить?

Потому что негоже в чужом дворе метить углы, ровно собака.

— Деревня, сразу видно. — Снисходительно сказала Саньша. — Вон у тебя кровать, мы перины на ней третьего дня только на солнце жарили. Под досками ночной горшок, выплескивать сама будешь. Как проснешься, приходи на поварню, поутряничаем. У нас поварихой баба Котря, тоже из тутешей, добрая.

Мирона мне сказал, что кормится я буду с господского стола. Однако навряд ли госпожа Мирослана посадит меня утреничать и вечерять за одним столом со своей семьей. Так что предложение Саньши было очень даже завлекательным.

— Приду. А рукомой, чтобы умыться.

— В сенках у поварни. — Она снова зевнула. — Охо-хонюшки, спать пора. Доброго тебе ночеванья, Триша.

— И тебе. — Пожелала я.

И едва Саньша ушла, заглянула под койку и вытащила горшок. После чего обомлела.

Дочка Арфена-мельника, Малка, в детстве раза два приглашала меня в гости, пока её младшая сестренка только ползала по полу. Потом сестренка подросла, играть моя подружка стала с ней, во мне нужда отпала, но по поварне мельниковского дома я пройти успела. И Малка с гордостью показала мне лучшее из утвари, что имелась у мельничихи. В лучшее, помимо громадной сковороды с крышкой и оловянных ложек, входил горшок. В точности такой же. Покрытый белой глазурью, расписанный по переду алыми цветочками...

Я засмеялась, потом задвинула горшок на место, взяла корзинку и съела шанежку, сидя на кровати. Сон навалился с новой силой, так что я отчаянно зевала, вяло пережевывая донце из кисловатого теста и пшеничную кашу с прошлогодними сушенными яблоками, пошедшую на начинку. После чего стянула с постели покрывало, а с себя платье, упала на перину и уснула.

Проснувшись я, как и положено, засветло. Сев на кровати, пальцами кое-как расчесала растрепавшуюся за ночь косу. Заплела её заново. Узел, в глубине которого был уложен гребень, по-прежнему валялся посреди горницы, где я его бросила прошлой ночью.

Свет разгорающегося рассвета лился через окно, высокое и громадное, ничем не похожее на низенькие окошки, что были в избе у бабки Мироны. Я спешно нашла платье, застегнула пуговицы, завязала поршни и выскочила вон.

Просторная проходная горница, куда выходила дверь, и которую я так и не рассмотрела вчера, была из камня. Вся. В дальней стороне косой полосой падали перила лестницы и виднелись новые ступеньки, уходящие вверх. Стало быть, здесь имелся третий поверх? Ух ты.

Каменные стены прикрывали расшитые покрывала, с королевичами на белых конях и королевешнами в чудных уборах, в углах стояли раскидистые подсвечники на двадцать, а может, и поболее, свечей, похожие на небольшие деревца. Потолок над головой полого уходил вверх, закругляясь посередине. Все было странно и богато так, что у меня дух захватывало.

А потом я ощутила зависть. И злость. Повернувшись к стене, коснулась здоровой правой рукой цветного покрывала по соседству с дверью. С полотна на меня глядел чудный выюнош — увлекшись, я не сразу подметила, что глаза у него разных размеров и вышиты на разных

высотах, так что лицо по сути перекошено. Однако нитки, пошедшие на вышивание, были ярче и разноцветнее, чем ленты в моем узле.

Зависть моя вдруг запылала пожарищем. Я глянула на левую короткую руку со злостью. Если бы не мое уродство, моя мать оставила бы меня при себе. Этот дом мог бы стать моим домом. Я умела бы сморкаться так, как сморкаются госпожи, кстати, как они это делают? Для меня не был бы дивом белый расписной горшок под кроватью. И много чего ещё я бы знала и умела.

А потом я вспомнила все, что знала и умела как раз потому, что этот дом не стал мне домом. О том, как бьется в руке перерезанная жила, которую следует держать крепко-накрепко, пока бабка Мирона прихватывает её конским волосом, прошивает волосом самого страдальца и затягивает узел. О том, как вялой тряпкой лежит в руке младенец после несчастных родов, и о том, как нужно макать его в ледяную воду из подпола и в горячий отвар поберики, пока не оживет. И при этом задохшемуся младенцу все равно, здоровая рука его держит или увечная. О том, как складываются обломки в раздробленной кости — осторожно-осторожно, чтобы не поранить о них собственные пальцы, запущенные в кровоточащую плоть. О том, что и как нужно делать, чтобы кость срослась. О тридцати травах лечащих и тридцати калечащих. О зелье приворотном, отворотном, о наговоре от сглаза и от порчи. О том, какая трава зверя приручает, а какая от дома отгоняет. О... о многом, в общем.

Я отдернула руку от расшитой холстины, заметила мимоходом, что и сидит-то вышитый красавец на своем коне странно — то ли седло раскроило его до пояса, то ли тело было ненамного длиннее головы, при длинющих-то ногах. И помчалась к лестнице, искать отхожее место.

Не были господами, ну и нечего начинать. Кто ж в доме нужду-то справляет? Да разве в такой дом Кириметь-кормилица благим оком заглянет? Да ни в жисть!

Солнце уже высунуло свой край за окоём и осветило мир, так что можно было разглядеть все. Меня охватило разочарование, потому что дом стоял не в Чистограде, а посреди леса. Прямо от ступеней начиналась дорога, за ней тянулся выпас, обнесенный высоким забором. Паслись кони, один белый, парочка каурых и пара вороных. Посередине забора над травой возвышались закрытые ворота и темнел лес.

Я сбегала по восьми ступеням, идущим от входной двери, чуток отступила и оглядела дом моей матушки. Он оказался на три поверха. Плотнo уложенные камни стен оглаживало первыми лучами встающее солнце. На первом поверхе окна поблескивали кусочками стекла, вставленными в тяжелые решетчатые рамы — здесь дорогих цельных пластин, как на втором поверхе, не оказалось. То ли хозяева решили поберечь бельчи, не тратить на дорожное убранство, то ли подумали о защите от зверей. Лес-то вон он, рядом.

Сзади за домом простирался двор — слева конюшня, справа коровник с птичником на задах. Здесь лес подступался к постройкам близко, кроны нависали над самыми крышами. Тес на кровлях порос по краю седыми мхами, что нарастают от большой влаги.

Отхожее место было устроено в самом конце двора, за срубом, стоявшим перекладиной между птичником и конюшней. Уже идя обратно, я рассмотрела домину получше. Две трубы и две входных двери. Если подумать, на задах у двора положено быть бане — но они такими длинными не бывают. Хотя, может, у господ все не по-нашему?

Из ворот конюшни, глядевших на дом, вышел мужик, ведя в поводу кобылу. Та шла тяжело, тяжело поводя раздутыми боками на каждом шагу. Беременная.

Мой взгляд скрестился со взглядом мужика, ведшего кобылу, и я узнала нарвина, что сидел вчера на козлах. Сегодня рукавов, широких, что твои занавески, на нем уже не было. Напротив, на плечах нарвина лежала посконная рубаша без рукавов, с глубоким запахом, наполовину открывавшим грудь, прямо как ночная душегрея бабки Мироны.

На лице мужика мелькнуло странное выражение, не узнавания, но размышления. За три шага он бросил:

— День добрый. — Последнее слово вышло у него почти как «да-абрый», подтверждая не тутешное происхождение.

— Добрый. — Я сбилась с шага.

Нарвин на меня уже не глядел, неспешно шагая вперед. Похоже, он выгуливал кобылу, которой подходил срок ожеребиться. Я спросила вдогонку:

— А где поварня?

Он на ходу махнул рукой в ту сторону, где коровник подходил к дому.

Вход обнаружился за углом. Три приступки вели к окованной железом двери, за которой оказались сенцы, темные, соединенные с лестницей. Несколько ступеней, отделенных от входной двери широкими каменными плитами, уходили вверх, ко второй дверце. Та была уже из простых досок.

По левую руку у входа стоял рукомой — широкая деревянная бадья, поставленная на высокую лавку, а рядом ведро с ковшиком. Я ополоснула все ещё сонные глаза, утерла лицо подолом и пошла вверх.

Поварня тянулась вдоль стены дома, выходя окнами во двор, словно узкая, проходом рубленая, изба. У одного окна за столом сидели две бабы, выглядывая наружу. Я повернулась, бросила взгляд в ближайшую решетчатую створку.

Ничего особенного. Только давешний нарвин чинно идет по двору, выгуливая кобылу.

— Подобрю ль вам, тётеньки? — Бросила я.

И подбоченилась больной левой. Мирона как-то раз сказала, что сухота на ней не так заметна, когда стою с норовом да этак с выходом, словно большая госпожа.

Бабы повернулись. В одной я узнала Саньшу, вторая, судя по длинному белому переднику, низко надвинутому на лоб повойнику и пухлому немолодому лицу, была баба Котря.

— Да поутру-то всегда подобрю. — Приветливо отозвалась баба в повойнике. И улыбнулась, отчего пухлые щеки стали похожи на два сморщенных яблока. — Ты, что ль, Триша-травница будешь? А я баба Котря, повариха здешняя. Проходи, поутренничаем, чем кормилица Кириметьюшка послала.

Она сдвинулась, взгляду открылась столешница, заставленная снедью. Я села на лавку с дальней стороны, помянула с сожалением шанежки, оставшиеся наверху, в светлице — и зачерпнула ложкой кашу из горшка, что стоял посередке стола.

Пшениное варево щедро забелили молоком, да и маслом приправили от души.

— Худая-то какая. — Заботливо сказала баба Котря, придвигая большое блюдо с ломтями хлеба, где с одного боку лежали полуоплывшие маленькие куски старого, засохшего меда. — Ты это, тово.

Она наградила меня жалостливым взглядом, на мгновенье задержав его на скошенном подбородке с выпирающим носом. Добавила рассудительно:

— Заморенная больно. Вон и шея как у цыпленка.

— А травницы все такие. — Встряла Саньша, разворачиваясь от окна и с удобством

расставляя локти на своей стороне стола. — Ранеша из Балыкова, которую Парафене на днях выкликали, тоже худющая. Только наша Триша подбрее взглядом будет. У той, слышь-ка, не глаз — а чисто игла!

— Остынь. — Сказала Котря. — Все у тебя глазастые, все у тебя зыркают. Одна ты взглядом не тычешь, а мажешь, ровно лебедь-сохрана, Кириметева птица.

— Дык я ж добрая! — Изумилась Саньша. — Потому и глаз у меня добрый, как на кого гляну, так ровно медом угощу... Слышь, Триша, а что тебе Сокуг-то сказал? Вы ж во дворе переведались.

— Сокуг? — Я застыла с недонесенной до рта ложкой.

— Тот нарвин. — Бойко ответила Саньша. Белое лицо её пошло подозрительными красными пятнами. — Так-то имя его только он сам да мужики норвинские вымолвить могут. Сначала зашипят змеями — «с-ск»! А потом выплевывают: «йог»! Так что мы Сокугом его кличем, все легче выговаривать. И что вы.

— Мы поздоровкались, потом он мне показал, где поварня. — Я отправила в рот ложку.

Теперь ясно, зачем бабоньки сидели у окна. Глазели на мужика. Норвин и впрямь хорош собой — осанистый, спина прямая, подбородок упрямо торчит вперед, глаза молодые, синие. И борода русая, недлинная, видно, что скоблит лицо ножом каждый месяц, не забывает.

В общем, чем не жених. Я отковыряла от меда крошку, положила в рот. Саньша между тем раскраснелась ещё больше.

— У ней глаз на него положен. — Доверительно сказала Котря. — А он, слышь-ка, обещанную где-то имеет. На наших не глядит, вот Саньша у нас и извелась. Может, ты ей пособишь? Приворотное какое.

— Это можно. — Я размышляла, посасывая мед.

Если у нарвина есть обещанная, то есть сговоренная невеста, и он ей верен, значит, дело будет нелегким. Не то что бы невозможным, но.

— Только вот что. — Прямо сказала я, глянув на полыхавшую, как закат в месяце яблоне, Саньшу. — Если обещанная любит нарвина, и горевать потом будет, Кириметь-кормилица за тот приворот с тебя плату стребует. Твое счастье-удачу отберет. И девке отдаст на замену. А ты болеть начнешь беспрестанно, или помрешь скоро.

Саньша уложила на скрещенные руки пышную грудь и громко шмыгнула носом.

— А Ранеша мне этого не говорила. Она только двенадцать бельчей потребовала в уплату. А где их взять? Дома мамка вдовая, у ней ещё двое младших остались, сеструха да братуха, так что все мои бельчи туда идут.

— Травница может сказать не сразу, а потом. — Это я знала от Мироны. — К примеру, когда деньги уже у неё, а снадобье она ещё только протягивает. Но скажет обязательно, пусть даже в самый последний миг, иначе Кириметь-богиня на неё саму рассердится. Коль ты так смела, что от чужой доли отщипываешь, то и от твоей убыть должно. Иначе никак.

Я снова принялась за кашу. Мы с Мироной никогда так щедро не сдабривали еду маслом, и от непривычки уваренная пшенка казалась мне чуть ли не медовой.

— Вот оно как. — Со вздохом сказала Котря, подвигая поближе к моему локтю блюдечко со сморщенными кусками вываренных сушеных яблок. — Воду с яблок будешь? Она сладкая, я ей туес из-под меда полоскала.

— Буду. Спасибо тебе, баба Котря, за хлеб, за угощение.

— Да на здоровье. — Повариха уже направилась к печи, стоявшей в середине поварни, с

распластавшимися направо и налево открытыми подтопками, куда можно было ставить кастрюли и сковороды. — Дурищу вон нашу уму-разуму поучи. Она уже и бельчи копить собралась.

— Ну. — Я глянула на примолкшую Саньшу.

Та сидела, пригорюнившись. В широком вырезе сорочицы мерно поднималась и опускалась полная белая грудь. Горевала девка, сразу видно.

— Глянь. — Сказала я, откурочивая ещё одну крошку меда с куска.

— Можно ведь не медведем ломится, а ужом проползти. Это я к тому, что надо узнать. Может, обещанная этому Сокугу и не мила вовсе? Или он ей не мил, а отец с матерью сговорили. Коли так, то урона никому нет, и Кириметь будет не в обиде.

— Да не говорит он со мной! — Горестно сказала Саньша. Запояска передника под её грудью протестующее треснула. — Вот с тобой заговорил почему-то. А на меня всякий раз глянет с небрежением, да рукой этак махнет, мол, ступай, откуда пришла. Ровно муху отгоняет. А я к нему и так и сяк. То квасок поднесу, то пирогу с рыбой — норвины, слышь, рыбу любят.

— Может, ты с ним поговоришь, а, Триша? — Спросила баба Котря возвращаясь от печи с глиняной кружкой, над которой поднимался пар, пахнувший медом и яблоками. — С тобой-то он заговорил. И дружка его, Рогора, распроси. Двое у нас норвинов-то. Глядишь, и сладится дело. А то Саньша по Сокугу с прошлого лета сохнет. Исхудала вся.

Я с сомнением глянула на пышную девку. Саньша надрывно вздохнула, соглашаясь со словами поварихи. На этот раз треск издала сорочица. Похоже, треснул шов.

— Попробую узнать. — Согласилась я. И спросила о том, что засело в памяти — и почему-то все никак не уходило: — А что случилось с Парафеной, к которой звали эту Ранешу-травницу? Из этого, как его.

— Из Балыкова. — Подсказала повариха, ставя кружку на стол возле моей здоровой руки. — Там тоже беда, да побольше Саньшиной. Парафена-то прежде работала у нас, в поместье. А до того служила госпоже Морислане, пока та в Чистограде жила. Это уж потом хозяйка сюда приехала, когда за нашего земельного Эрэша вышла.

— Она была служанкой у... у госпожи? — На мгновенье я запнулась. Не знаю, почему. Может, с непривычки — в Шатроке госпожой не величали никого. На такое имела право лишь жена земельного Оняты, но она в село никогда не приезжала. Дом господи имела в стороне, у Соболекова, мимоходом с ними не повстречаешься.

Котря кивнула, сядя рядом с Саньшей, на лавку по ту сторону стола.

— Её личной прислужницей была, да не один годок. А десять зим назад госпожа сказала, что Парафена уж не может служить в покоях как следует, денно и ночью. Засыпает, мол, не слышит, когда позовут. И выдала её замуж в Неверовку, ближнее село. За Крольчу. Хороший мужик, даром что зубами щербный. Госпожа для личной прислужницы и приданное выпросила у господина Эрэша, детки пошли, жить бы да жить! А вот стукнул бабу родимчик. На днях, как черемшань-месяц кончался, пошла Парафенушка в лес зырю-траву собирать — к столу да на щи. А дорога по полю вьется, видать, голову и напекло. Вечером мужики побежали искать пропажу вместе с Крольчей — а она на опушке лежит, сорочица обмочена, сама недвижна и говорить не может, только слюни пускает. Жаль Крольчу, а ещё пуще деток, младшенький-то в колыбели ещё.

— И что сказала Ранеша? — Отвар от яблок был сладкий, пахучий и горячий. В голове как-то разом все прояснилось.

И я поняла, что обязательно пойду навестить болезную. Раз Котре жалко деток, значит, Ранеша так не помогла. Не сумела. Не то что бы я знатная травница, но взгляд второй врачевательницы помехой не станет.

На мгновенье меня одолело сомнение — а можно ли так величаться, целой-то врачевательницей? Не рано ли? Правда, бабка Мирона научила меня всему, что знала сама. А в прошлый Свадьбосев даже заявила шатрокским бабам, что замену себе приготовила. Если что, мол, её Триша сдюжит и даже передюжит.

— Сказала, что Кириметь им в помощь, намучаются они с Парафеной. — Котря присела на край лавки рядом с Саньшей. — Велела говорить с ней завсегда ласково, руки да ноги тереть.

Травки оставила, поить. Но предупредила, что на ноги не встанет и говорить опять не начнет. А у Крольчи хлеба засеяны, после Свадьбосева ждет косьба да в огороде полотьба. В избе дети плачут, баба камнем валяется, в хлеву корова мычит... Ох, горе! Пока соседки помогают, да ведь как настанет косьба да жнивье, так и побежит каждый на своё.

— Жалко бабу. А схожу-ка, проведу. — Я забросила в рот кусок сморщенного уваренного яблока, раскусила мякоть. — Если госпожа спросит, так скажите, что я за травками пошла.

Хорошо быть травницей — всегда можно уйти, а при случае отговориться, дескать, за травками хожу, без дела не сижу.

— Ступай, Триша. — Тепло сказала баба Котря. Умильно подперла натруженной рукой подбородок, увешанный складками. — Может, чем и пособишь бабе. А госпожи ты не бойся, она теперь только к обеду встанет. И госпожа Арания, дочка её, тоже. Вот как они встанут, тогда все и начнется, мне подносы тащить, Саньше с ведром бежать, покои убирать.

— Нож бы мне. — Попросила я, чувствуя себя удивительно легко. Почти как дома. Почти как с бабушкой Мироной. — Траву резать.

Саньша уставилась заворожено, а баба Котря, резво подхватившись, махнула подолом сарафана по полу, кинувшись к небольшому столу рядом с подтопкой. Вытянула из-под столешницы ящик, запятанный снизу рукой умельца, достала нож длиной в ладонь.

— Вот. Острый, как раз вчера Теляша наточил. Как знал.

Темное железо лишь у самой рукояти поела ржа. Да и то чуток. Нож был не старый, с деревянным упором, чтобы палец не соскальзывал на лезвие.

— В Неверовку иди тропой, что от ворот влево сворачивает. — Заботливо сказала повариха. — Волков в нашем лесу уж три года не видели, но, может, попросить кого проводить?

— Проводить травницу в лес? — Изумилась я.

Баба Котря успокоено кивнула, а Саньша вновь с жалобным вздохом прилипла к окну, за которым нарвин оглаживал по боку и холке забеспокоившуюся кобылу.

Глава третья. Парафена

Прежде чем отправится в Неверовку, я сбегала наверх, на второй поверх, чтобы сменить платье на сарафан и взять корзину.

Вчера в закрытой от солнца колымаге, обдуваемой ветром, жара была незаметна — но сейчас предстояло идти пешком, причем дорога, как сказала баба Котря, проходит не только по лесу, но и по полю. Солнце вставало, припекало все сильнее, и в праздничной одежде становилось жарко. Да и праздничное платье из тонкого льна трепать по кустам не хотелось.

Внутри дома — и на лестнице, и в громадных гулких залах — все было тихо, дремотно. Я проскользнула в свою светелку, сменила сорочицу, одела и подвязала веревочным пояском сарафан. Потом достала из узла полотняную ленту, обвязала косу, чтобы та не расплелась по дороге. И отправилась, прихватив с собой корзину с шанежками. Им шел уже второй день, а тесто мы с бабкой вымешали на яйцах. Месяц первокур набирал силу и жар, печенная снедь в такое время долго не лежит.

Так что шанежки лучше отдать лесному зверью. Заодно и Кириметь порадовать подношением.

Лес за воротами сначала шел невысокий, из орешин и молодых берез. Меж ними стояли невысокие черёмухи, увешанные кистями зеленых жемчужин, которые уже через месяц нальются, почернеют и станут ягодами.

Потом пошли сосны, лес подрос, протянул над тропой раскидистые лапы. Я оставила шанежки на первой же полянке, где по траве протянулась вязь земляничных кустов. В ежевичных кущах на дальнем конце прогалины шебуршал ёж. Я пожелала ему доброго угощения и пошла дальше.

Первые три травы, нужные для приворотного зелья, попались мне на глаза ещё в лесу за воротами. Четвертая стыдливо пряталась возле тех самых ежевичных кустов, где копошился ёж. Не хватало только пятой и ещё кое чего.

Все знают, что приворотные зелья у травниц разнятся по силе. И причина этого не только в том, что всякая травница свою силу имеет, даже зелье в котле при варке по-своему вымешивает — хотя и это есть. Соль в том, что зелье варят по-разному. Пять положенных трав в приворотное варево кладут все, а вот шестую травку каждая травница добавляет, исходя из слов наставницы. А она, как известно, у каждого своя, и редко бывает, чтобы одна и та же выучила сразу двух преемниц.

Бабка Мирона, к примеру, добавляет не травку даже, а корешок, на который ей указала когда-то давно помершая бабка Олоша, её наставница. И я, стало быть, тоже добавлю. Только сначала придется поискать.

Лес пах разогретой хвоей, но один раз сбоку потянуло душком гниющей дичины — то ли какой-то зверек помер, то ли волки в этом лесу все-таки имелись. И даже пренебрегали извечным обычаем прикапывать остатки недоеденного.

Вырвавшись из леса, дорога запетляла среди полей. Большая часть наделов успела покрыться короткой порослью после недавней вспашки. Но чернота земли все ещё просвечивала сквозь зелень. На нескольких полосках тянулась к солнцу озимая рожь, успевшая оправиться и подняться. Солнце набирало силу и жар — первый месяц лета, первокур, тешил землю-матушку жаркой лаской, гнал соки и поднимал хлеба.

До Неверовки идти было близко. На первом же огороде, что смотрел на поля,

копошилась стайка детишек под предводительством мощной бабы — пололи морковь и капусту. Я остановилась, поздоровалась и спросила дорогу к дому Парафены. Баба с детворой, дружно щипавшие зелень вокруг ростков, тут же с готовностью разогнулись. Хозяйка утерла пот, капавший со лба, и спросила, кто я буду. Узнав, что травница, и хочу повидать Парафену, бабища закивала головой и отрядила младшенького — чтобы довел.

Веснушчатый самилеток, обрадованный возможностью увильнуть от полотьбы, немного поплутал по улицам. У высокой избы, крытой новеньким тесом, он нехотя со мной попрощался и вразвалку пошел назад, взбивая босыми ногами облачка пыли. Я улыбнулась, глядя на то, как он топырил острые локти, срывая по дороге верхушки у придорожных сорняков.

А потом развернулась и стукнула в калитку, прорезанную в заборе рядом с большими, двустворчатыми воротами.

Крольча оказался худым мужиком, с печальными глазами и резкими, свежими морщинами на лбу. Услышав, кто я и зачем пришла, он засуетился. Ещё никогда меня не вводили в избу с большим почетом — мужик умудрился два раза поклонится, пятясь задом к высокому, в резных балясинах, крыльцу. И все приговаривал:

— Ох-ти, матушка, посмотри, Кириметь-кормилица тебе подмогою.

По годам Крольча был в два раза старше меня, и жалостные нотки в его голосе, судя по натужности, были ему непривычны. Я ступила в высокие темные сени, справа и слева украшенные дверями клетей. Вошла в избу, просторный пятистенник, где в первой горнице была угол для готовки, длинный стол в красном углу, под засохшей березовой ветвью, перевитой красной нитью, оберегом с прошлого Свадьбосева. Справа от двери, перед столом, пряталась за занавесками, тканными из рогожи, кровать хозяев. Я ткнула принесенную с собой корзину в руки Крольче и поднырнула под занавес.

В матицу рядом с кроватью был вбит пустой крюк от люльки. Парафена лежала на кровати пластом. Она была ещё не стара, лет на пять моложе Крольчи. Глаза равнодушно рассматривали что-то на потолке, темные волосы свисали с края кровати. Отчетливо пахло мочой, хотя ряднина под ней гляделась свежей. В вырезе белой сорочицы из добротного льна торчали острые ключицы.

— Ну что там, госпожа травница? — Высунулся из-за рогожного занавеса Крольча.

Ишь ты. Вот и госпожой меня величают. Даже к бабке Мироне так обращались лишь один раз, когда привезли порванного волками мужика, уж совсем не жильца.

Я наклонилась над бабой, погладила её по руке. Позвала:

— Парафена! Подобру тебе!

Она моргнула, и глаза её дернулись вправо-влево. Потом все-таки остановила на мне взгляд, приоткрыла губы, подвигала ими, словно дите, что пытается поймать ложку. Из угла рта капнула вниз слюна.

Все было, как и положено при ударе, вот только молода была Парафена для такой беды.

— А дети где? — Спросила я Крольчу.

Потому что говорить больше было нечего. Не помочь Парафене, никак.

— У сеструхи. — Выпалил тот. — Взяла она моих троих до Свадьбосева, у себя подержать, чтобы помочь. Я-то с ног уже валюсь.

И он глянул на меня с такой истовой, беспросветной надеждой, что мне захотелось отвернуться от стыда.

— Ну. — я опустила взгляд вниз.

На кровать. На руку Парафены.

За рогожными занавесями была полутень, солнце, игравшее в окошках, только и могло, что пробиваться лучами в щели и заливать светом потолок над жердями, к которым крепилась рогожа.

— Света. — Сказала я дрогнувшим, изменившимся голосом. — Света мне! Убери эти рогожи.

Послышался резкий треск — Крольча не стал мучиться, отодвигая занавески. Он просто их сдернул, нещадно оборвав лыковые петли, что их держали.

Посветлело. И стало видно, что не почудилось — по ногтям Парафены, в самом их начале, отступив всего лишь на два-три волоса от кожицы, тянулась красноватая линия.

Тридцать трав калечащих. Кириметь-кормилица, как же это? Все, как говорила бабка Мирона — красным волосом метка по ногтю, знак травы саможорихи, что пускает лист лишь в конце черемшаня-месяца. Сейчас первокур, а месяц черемшань только что кончился — стало быть, самое время для саможорихи.

А ещё Мирона добавляла, что ни она, ни бабка Олоша, наставница её, ни бабка Далиха что когда-то учила саму Олошу, не видали людей, поевших травы саможорихи. Точнее — накормленных ею, потому как эту траву просто так не едят.

Если заставить человека съесть свежий лист, он расскажет все, что спросишь. А потом трава пережжет ему разум, и оставит от него одно неподвижное, но дышащее тело.

Моя больная левая рука непроизвольно дернулась, пальцы свело судорогой — то ли от долгой неподвижности, то ли от напряжения.

Я трянула кистью, сжала и разжала её, успокаивая боль. Глянула на Парафену.

Она двигалась. Значит, надежда ещё есть. Может, я смогу вернуть её — или хотя бы часть прежней Парафены.

Лежавшая на кровати баба глухо замычала, завертела головой из стороны в сторону. Похоже, её беспокоил свет.

— Дай ещё корзину. — Бросила я Крольче, отступая назад и не сводя глаз с Парафены. — В придачу к той, что принесла с собой. И пять пустых чистых горшков.

Тот убежал, споткнувшись на рогожах, брошенных прямо на пол.

В лес, что отделял Неверовку от дома госпожи Морисланы, я возвращалась чуть ли не бегом. В двух корзинах — одна на правой руке, вторая на больной левой — побрякивали горшки. Крольча сказал, что беда случилась с Парафеной восемь дней назад. Бабка Мирона говорила про лечение от саможорихи, но никогда не упоминала, помогает ли оно на таком позднем сроке. А ведь всякую хворь, тем более умственную, лечить надо сразу же, без промедления.

Не хворь, а отравы, поправилась я. Ясно, что бабу либо силой, либо обманом накормили травой, которая живет всего четыре седмицы в году. И как раз сейчас саможориха в поре — с конца черемшаня по конец первокура, так мне бабка говорила. А сушеный лист, опять же по её словам, силы такой не имеет и ум напрочь не отсушивает.

Понятно, почему Ранеша не угадала причину беды — красноватая черта сразу себя не показывает. Ноготь должен нарасти, да так, чтобы метка вышла из-под кожи и стала всем видна.

Непонятным было другое — зачем? Ну зачем деревенской бабе давать саможориху? Ещё в начале учения, узнав о тридцати калечащих травах, я спрашивала бабку Мирону, кому такое может понадобится. И она сказала, что это дело господское. Изводить ворогов. Нам,

простым людям, оно не надобно.

Однако Парафена никому из господ ворогом быть не могла — чего опасного в простой бабе? Её хозяйка, Морислана, даже дала служанке надел в приданое, значит, расстались они по-доброму. Тогда остается только одно.

Парафена служила Морислане ещё в Чистограде, сказала баба Котря. Может, я была не единственной тайной у госпожи Морисланы? И накормили бедолагу саможорихой, чтобы узнать нечто из прошлого госпожи моей матушки? А потом бросили бабу на опушке.

Я сдвинула брови и вошла в лес.

Лекарством от саможорихи была трава нижинка. Знала я её хорошо, потому что отваром нижинки поили тех, кто мучился от головных болей. Вот только против саможорихи варить траву не следовало — наоборот, следовало употреблять её совсем по-другому.

По тропе я не пошла, свернула в заросли. Нижинка всегда растет в тех местах, где воды мало, и солнца нет. Взгорок под высокими деревьями — самое для неё место.

Окаймленные белым короткие стрелчатые листья нашлись на четвертой горке, если считать от опушки леса. По пути я высматривала в низинах, не мелькнет ли где низкий красный стебель с красными же черешками, лист небольшой, странный, темно-зеленый, по виду как обрубленный на конце лист подорожника — трава саможориха, как её описывала бабка Мирона. Негоже такой отраве расти там, где люди ходят. Долг всякой травницы выдрать её с корнем.

Но лес пускал мне в глаза лишь зеленое и коричневое, кое-где украшенное белым и лиловым от скромных лесных цветов.

В Неверовку я вернулась с полными корзинами. В пяти горшках лежали вырезанные с землей кустики нижинки, кроме них я прихватила чудову травку, тоже хорошее средство от головных хворей. Крольча ждал, широко распахнув обе створки ворот — как для дорогой гостии, которой калитка уже не по чину.

Несколько деревенских баб подпирали ограду поблизости, хотя час был ранний и для работы вполне годный. Меня обозрели придиристо, въедливо, однако с искренним почтением. К соседским заборам лепилось несколько детишек, глазевших на меня с ужасом и восторгом. Крольча снова принялся бить поклоны. Я остановила его:

— Принеси штуку беленного полотна. И нож чистый приготовь, горшок с водой. Да песок, который жена для чистки утвари держала, принеси.

Сейчас предстояло сделать то, о чем я только слышала, но никогда не делала. И бабки Мироны не было рядом, чтобы остеречь и показать.

Ворота захлопнулись за моей спиной, отрезая от деревенских кумушек и от возможности сбежать.

Голову Парафене я выбрила ножом. Дочиста, не жалея длинных темных прядей. Потом натерла темя, затылок и виски песком до красных царапин, пока та протестующее мычала и дергала руками. Впрочем, она ни разу не смогла поднять их высоко над кроватью. Я понимала, что бабе больно. Было стыдно, вроде как котенка мучаю.

Хуже всего лечить вот таких, потерявших ум. Да ещё малых детей. Когда человек понимает, что боль ему причиняют не просто так, а ради его же пользы, страху у больного меньше, а у травницы на душе легче.

Покончив с Парафеной и отрезав от холста нужный кусок, я принялась за нижинку. Осторожно вытянув из горшка один из кустиков и отряхнув ему корни, нарубила травку — всю, от листьев до корешков. Потом уложила нарубку в полотно, завернула конец и уложила

повязку на бритую голову Парафены. Концы увязала под подбородком и сзади на загривке.

Теперь оставалось только ждать. Темно-зеленый сок быстро пропитывал полотно.

— Сядешь рядом. — Приказала я Крольче. — Будешь смотреть, чтобы не содрала.

Мужик топтался рядом. На лице его была выписана такая надежда, словно у меня за плечами махала крылами сама лебедь-сохрана, посланница Киримети. Я вздохнула и пошла в угол перед печью готовить завар из чудовой травы. Чтобы нижинка подействовала лучше, нужно ещё и поить больную чудовым заваром.

Оставшиеся горшки с живыми нижинками я пристроила в одной из клеток, там, куда падал из окошка неяркий солнечный свет, пробивавшийся через мутное стекло. Полила ключевой водой из бадьи, что была в избе. И наказала Крольче в клеть самому не входить и никого туда не пускать, чтобы траву не тревожили.

Как саможориха имеет большую силу, пока лист зеленый, так и нижинка лучше всего, пока свежая. А бабу нужно лечить ещё четыре дня, вот для этого и потребовалось сажать траву в горшки. Можно было, конечно, выкапывать по кустику в лесу каждый день, но я держала в уме, что госпожа матушка собирается в столицу. А услышав о том, что случилось с Парафеной, может и вовсе заторопиться.

Чудова травка в корзине осталась в той же клетке. Я вручила мужику горшок с заваром, велела поить им Парафену и днем, и вечером. Потом наконец ушла, обещав прийти поутру.

Две бабы, поджидавшие за воротами дома Крольчи, попросили глянуть их детишек. Один был хворый животом. Я велела давать ему жидкую кашу со снятым молоком. И что самое главное, не пускать его больше в лес, где ребяшня объедается зырей-травой, а то и чего похуже ест на спор. У другого было что-то непонятное. Я распорядилась, чтобы его не кормили, только поили чистой водой.

Придется встать до рассвета, чтобы глянуть на мальчонку до Парафены, пощупать живот и да глянуть на язык.

В дом госпожи Морисланы я вернулась уже после обеда. На ступеньках входной лестницы наткнулась на мужика, который прошлой ночью встречал нас с госпожой Морисланой, держа факел.

— Госпожа требует к себе. — Басом сказал он.

Мужик был самый что ни на есть тутеш, судя по выговору. Я кивнула, занесла в свою светелку корзину, куда успела по дороге набрать трав для приворотного зелья — не только те пять, которые знают все, но и тайный корешок, что показала мне Мирона. Правда, за ним пришлось подлезть под одну корягу, что стоило мне распоротого на боку сарафана.

Узел с одеждой сиротливо лежал в углу — все дожидался, когда его разложат. Я запихнула корзину с травами в угол, подальше от света, и пошла к госпоже Морислане. Которая обитала за дверями по левую руку, как и сказала Саныша.

Глава четвертая. Разговоры

Стены в горнице госпожи были увешаны дивной тканью, сиявшей, как поверхность озера в солнечный день. Лучи, бьющие из окон, гуляли по цветам и звездам, вытканным зеркальным серебром по матовому.

Сама госпожа Морислана сидела в кресле посреди горницы и, откинув голову, молча смотрела в окно. Стоявшая за креслом служанка длинными движениями расчесывала темные пряди, перекинутые через невысокую спинку.

Я обошла служанку, встала чуть сбоку от госпожи, поклонилась — не слишком глубоко, но и не мелко. Та вскинула руку, качнула пальцами. Служанка исчезла.

— Надеюсь, ты набрала всё, что нужно для приворотного зелья? — голос Морисланы звучал хриловато, словно она все ещё не проснулась.

— Да, госпожа. Тут случилось кое-что.

Но она меня перебила:

— В Чистограде, куда мы отправимся, тебе предстоит померяться силами с одной из лучших травниц Положья. Мирона сказала, что научила тебя всему, что знает. Сумеет ли твое зелье перебороть чужие снадобья, как ты думаешь?

— Я постараюсь. — Мне вспомнилось все, что зависело от этого — бельчи, поход в Ведьмастерий, снятие проклятья и больная рука непроизвольно дернулась. Я спрятала её за спину, решительно добавила: — Да справлюсь, чего уж там. На зелья бабки Мироны пока что никто не жалился. Может, её-то приворотное будет посильней снадобья той травницы!

Тут у меня чуть было не вырвалось — да и вам оно понравилось, раз снова к бабке завернули. Едва успела язык прикусить.

Госпожа чуть дернула уголком рта. То ли улыбнуться собиралась, да не собралась, то ли насмехалась.

— Помимо этого, — сказала она голосом, из которого вдруг исчезла сонная хрипота. — Ты будешь следить за здоровьем госпожи Арании. Есть разные способы, чтобы побороть чужой приворот. Необязательно все время поить наследника отворотами. Можно сразу ударить по корню всех зол, по девице, ради которой все затеяно, ты поняла?

— Да. — Я прищурилась, перебирая в уме названия тех трав, которые вредят человеку. И которыми можно тайно накормить или опоить человека.

Хорошо хоть саможориха скоро выйдет из поры — ещё три с половиной седмицы, самое большее четыре, и лист её начнет увядать. А увядший, потеряет силу.

— В Чистограде всю её еду сначала будут приносить тебе. — Твердо сказала Морислана. — И ты будешь пробовать. На всякий случай.

У меня перехватило дух. Смогу ли я опознать любую отраву с первого же глотка, с первого же укуса? Вот будет проверка так проверка — и моих способностей в травницком деле, и того, чему смогла меня выучить бабка. Того, как я её науку усвоила.

А наградой станут не только бельчи. Если оплошаю, могу и сама отравиться.

Я сглотнула. Как там Мирона говорила? Нет таких трав, такого яда, который не давал бы привкуса. Однако есть такие кушанья, где тот привкус теряется.

— Хорошо. — Я глянула вприщурку на госпожу мою матушку и подумала — вот мне и показали, как мало значит моя жизнь. Медяк разменный, плата за удачную женитьбу младшей единоутробной сестрички. Наверняка холеной, выросшей в ласке и довольстве,

любимой.

Я отчаянно искала, чем бы мне смягчить горечь в сердце. И нашла. Бледное лицо мальчишки в Неверовке. У него либо грыжа с защепом кишки, либо прямой заворот. Пусть сестра моя любима, но пользы-то от неё никакой. А мне завтра того мальчишку спасти, Кириметь-кормилицу радовать.

Конечно, нехорошо завидовать, а кичиться перед собой, вроде как благодетельницей стану, ещё хуже. Однако после той думки задышалось сразу полегче. И на матушку я смогла смотреть без того, чтоб сердце щемило.

— А ещё. — Надменно сказала госпожа.

Но я её перебила:

— Раз так, кормить вашу дочку в Чистограде нужно только тем, что скажу. Не во всяком вареве яд различим, поэтому некоторые явства лучше не пробовать. И помните — ошибусь, так помрем обе.

Несколько мгновений госпожа моя матушка размышляла над сказанным, потом кивнула, спесиво изогнув губы. Хотела ещё что-то заявить, но я её опередила:

— И вот что, госпожа Морислана. Сегодня я ходила в Неверовку, так там.

Она недовольно нахмурилась.

— Я плачу тебе не за то, чтобы ты пользовала крестьян. Твое время принадлежит мне. И нечего его тратить на.

— Там вашу Парафену окормили травой, которая выжигает ум! — Выпалила я.

Моя матушка сначала глянула недоверчиво. Но потом брови её изогнулись. Светлоголубые глаза, которые до того были прищурены, распахнулись. Черные дыры зрачков расширились, выдавая испуг.

— С чего ты это взяла?

— Трава саможориха. — Отчеканила я. — Все признаки.

Настороженный страх на лице Морисланы сменился узнаванием и ужасом. Вот это да, госпожа моя матушка знает одну из тридцати калечащих трав?

— Кто? — Голос у неё снова охрип — но теперь это была не сонная хрипотца, а разъяренное шипенье загнанной в угол кошки. — Когда? Где?

— Восемь дней назад. — Сообщила я. — Парафену нашли обеспамятевшей на опушке леса, стало быть, там и. окормили. Ну а кто, неизвестно. Я хотела было спрашивать сельских, не видал ли кто чужих в ту пору, но решила, что сначала о том надо рассказать тебе, госпожа.

Ярость на лице Морисланы потихоньку утихала. Глядела она вроде как на меня, но взгляд её с моим не встречался. Похоже, моя матушка крута и вспыхивает, как щепка, по первой же искре. Но и в разум возвращается так же быстро. И притом не делает ничего без оглядки, без того, чтобы хорошенько обдумать.

— Да, это не твое дело. — Даже голос у неё лился теперь ровно. — Я займусь тем случаем сама. Что с Парафеной?

— Лечение начато. Но пока ничего сказать не могу. — Я пожала плечами. — Через четыре дня станет ясно, вспомнит ли она себя.

— А того, кто её накормил травой, она тоже вспомнит?

Я качнула головой — нет. Похоже, госпожа моя матушка знала о саможорихе, но травницкого дела не проходила. Иначе не задала бы такого вопроса. Потому я добавила:

— Даже при хорошем раскладе, когда противояд сразу дают, память не вся

возвращается. А тут восемь дней прошло. Хорошо, если разговаривать и ходить снова начнет.

— Ты сказала, это станет ясно через четыре дня? — Нетерпеливо спросила госпожа.

Я кивнула.

— Ещё четыре дня Парафене нужно будет накладывать на голову припарки из травы нижинки. Потом все, только чудову травку пить. Тогда и поглядим.

И испуг, и задумчивость — все это дивную королевишну в кресле только украсило. По щекам, до этого бледным, плеснуло румянцем. Белые пальцы без единой мозоли, сначала впившиеся в резной подлокотник, теперь оглаживали его завитушки длинными, мягкими движениями.

— Что ж. Я думала отправиться в Чистоград послезавтра. Но из-за Парафены мы задержимся. Лечи её.

— Уж не сомневайтесь. — От чистого сердца пообещала я.

Вот и будет время, чтобы заняться мальцом. А навестить его придется самое малое три раза — такую беду, как у него, раньше не выведешь.

Госпожа Морислана неспешно обронила, отрывая меня от мыслей о мальчишка:

— Рада видеть у тебя такое усердие к службе. Но помни, никому не слова о саможорихе. К моей бывшей служанке уже вызывали местную травницу?

— Говорят, Раньша из Балыково приходила. — Сообщила я. — Но она пришла слишком рано, когда меток на ногтях ещё не было. Вот и решила, что это обычный удар.

— Славно, — тихо сказала госпожа Морислана. — Пусть все так и думают. Поглядим, что будет. Когда займешься приворотным зельем?

— Да хоть сегодня. — Может, и для Саньши сварю, подумала я. Только сначала надо про того норвина разузнать. — Пусть баба Котря освободит мне поварню к вечеру. И казанок даст поновее, не прохудившийся.

— У тебя будет все, что тебе нужно. — Царственно сказала госпожа Морислана, все ещё размышляя о чем-то своем и поглаживая подлокотник. — Я знаю, что зелье варят впрок в летнюю пору, значит, позаботься о том, чтобы сделать запасы. Учти, если дело затянется, мы останемся в Чистограде на всю зиму. Тогда потребуется много.

— Сделаю. — Пообещала я. — Однако, раз боитесь отравы, не мешало бы и лечащих трав запasti. И место для сушки трав потребно, чтобы солнце не било, да ветром обдувало.

— Сенник свободен. — Сказала госпожа. — Мой супруг его построил по своим олгарским обычаям, так что там как раз и солнца нет, и сквозняки гуляют. Понадобится ещё.

Хлопнула дверь, и в горенку влетела девица в белом платье, шитом серебром и вишневыми нитями. Разрезы по бокам сливались с сорочицей из белейшего полотна, и только серебряная шнуровка выдавала те места, где одеяние бесстыже расходилось, открывая исподнее.

Ростом она была повыше меня, а годами заметно моложе, если судить по детскому, нежно-белому лицу. Госпожа Морислана красотой её превосходила в разы — у пришедшей и брови выщипаны, а все не то, и ровного очертания крыл, как у матушки, не получилось. И глаза темные, да не играют, и волосы густые, а блестят не так, потусклее будут. Губы полные, но влажной ягодой, как у Морисланы, не смотрятся. Однако в лице девицы проглядывало сходство с госпожой нашей матушкой.

Морислана гибко извернулась на кресле, глянула назад, в сторону двери. От её движения перекинутые через спинку расчесанные пряди соскользнули ей на грудь, засияв в солнечных лучах отблеском, какой дает только вощенный дуб.

— Счастлив день! — Почти выкрикнула девица, и я узнала слова, с которыми въезжал в наше село бродячий торговец Гусим. — А это кто, матушка?

Она не ткнула в меня пальцем, но я все равно ощутила себя товаром, выставленным на погляд — с таким жадным любопытством уставилась на меня пришедшая.

Хорошо хоть больная рука по-прежнему была за спиной. Но девице хватило и лица, чтобы через мгновение глянуть на меня с жалостью. Попролам с легким отвращением.

— Это травница, которую я наняла, Арания. — Ответила госпожа Морислана. И предупреждая, с холодком, глянула на меня. — Помнишь, я говорила тебе перед отъездом.

— Да-да. — Нетерпеливо сказала девица, приближаясь быстрым шагом — и сделав мне знак рукой, отойди, мол. — Понимаю, ты должна обговорить важные дела, кого и как опаивать. Однако мы ещё не в Чистограде, и у меня есть к тебе дела, матушка.

Я отступила к окну. Девица встала перед матерью, заняв точнехонько то место, где до этого стояла я. От окна мне видна была только спина моей сестрички. И волосы, причесанные не по-нашему — две косы, заплетенные над ушами, перекинутае назад, на уровне лопаток связанные вместе, в толстую веревуцу, густо обвешанную серебряными бляхами. Посередке каждой бляхи кровавым зрачком блестел темно-алый камень.

— Эта швея из Балыкова ужасна. Разве так шьют для госпожи? В её разрезах не видна исподней сорочицы, края сходятся, словно она шьет для простолюдинки.

Госпожа Морислана со своего места махнула мне рукой, прогоняя. Я зашагала к выходу. За моей спиной сестрица разливалась соловьем, требуя мастерицу выгнать, а платья пошить уже в Чистограде, где знают, как должна выглядеть госпожа.

Вернувшись в свою светелку, я наконец разложила свои вещи. В углу нашелся небольшой пустой сундучок, над ним к стене был приделан обломок оленьего рога. Летнюю справу и платки я уложила в сундучок, рядом расставила обутки, телогрею повесила на вешало из рога, а зимнюю справу вновь увязала в узел и сунула под кровать. По-хорошему, следовало бы попросить ещё один сундучок, но через несколько дней Морисланна увезет меня в Чистоград, так что смысла обустраиваться не было.

Продранный сарафан я поменяла на другой. А прореху спешно зашила, отыскав заботливо уложенные бабкой Мироной в узел нитки и иголку.

Покончив с вещами, я проведала травы в корзинке, оставленные в углу за кроватью. Они слегка приувяли, но до вечера могли и потерпеть. Раньше поварню навряд ли освободят, а варить приворотное при людях нельзя — крепость не та. Зелье, оно суеты и чужого глаза не терпит, говаривала бабка Мирона.

Покончив со всем, я вышла. И первым делом увидела околачивающегося за дверью норвина — не Сокуга, а второго, Рогора, как называла его баба Котря. Вот только Рогор ли он? Если настоящее имя Сокуга Скъёг или Скъйог, как сказала Саньша, то и этого родная матушка по-другому должна была кликать.

— День добрый. — Сказал мне норвин.

Свечи в подсвечниках-деревьях не горели, весь зал освещало единственное узкое окно, выходящее на боковую сторону дома, поэтому здесь было сумрачно. Но даже в полутьме я разглядела, что норвин смотрит на меня спокойно.

Как будто мое уродство его не только не отвращало — но и уродством не казалось.

— Подобру тебе, добрый человек. Я Триша-травница. — Уважительно сказала я. Потом припомнила свое намерение расспросить второго норвина о Сокуге, ради Саньши. И

спросила:

— А тебя матушка как нарекла?

— Ргъёр. Но ваши зовут меня Рогор. Ты тоже можешь. — Норвин шевельнул бровями, добавил: — Я теперь буду сопровождать тебя повсюду. Так приказала госпожа.

Мысли мои перескочили с Санышиных печалей на другое.

— А что так? — Изумилась я чисто для порядка, хотя причину уже знала.

Сильно перепугалась госпожа моя матушка. Или хочет побережься на всякий случай? Ишь ты, даже ко мне защитника приставила. Правда, одного, а сколько будет охранять Аранию?

Я одернула себя. Нечего считать, чего и сколько выделяют моей младшей сестре. Это зависть, а от неё ничего хорошего в голову не приходит.

— У господина Эреша есть враги. — Невозмутимо ответил норвин.

И замолчал, чуть отступив в сторону. На кожаном ремне, что подхватывал такую же, как у Сокуга, безрукавную рубаху с глубоким запахом, был подвешен длинный тесак.

Вот только сомневалась я почему-то, что враги были у господина Эреша — ярость моей матушки при вести о Парафене говорила о другом. Но вслух я эти думки высказывать не стала. Просто кивнула норвину и двинулась вперед.

Подходя к лестнице, я вдруг слышала удивительные звуки, доносившиеся с первого поверха. Пока мы шли вниз, они становились все громче. Даже Рогор, бухавший сапогами по ступеням, не мог их заглушить. У нас в селе на праздниках плясали под бубен и дудки-сопелки — но эти звуки звучали по другому. Мягче и сильнее. Певуче, как родник, журчащий на камнях. Свистяще, как ветер, танцующий в пустых по весне кронах деревьев.

— Эгергус. — Непонятно сказал норвин, поймав мой удивленный взгляд. — Короб из мягкой липы и тридцать две струны из лучшего конского волоса. Госпожа Морислана, которую мы зовем Морислейг, каждый день после обеда играет на эгергусе. И учит этому госпожу Аранейг. Или Аранию, по-вашему.

Вот эту штуку — эгергус — я бы с удовольствием увидела. И с ещё большим удовольствием поиграла бы на ней. Завлекать людей, не наливая им чего-то в рот, а всего лишь заставляя петь липу и конский волос. Это почти волшебство.

Я завистливо вздохнула и вышла из дома. Рогор или Ргъёр шел за мной по пятам.

На поварне в этот час была только баба Котря. Красная и распаренная, она перемешивала содержимое громадной сковороды. Пахло жареным луком и незнакомыми мне приправами.

— Ну чо, девка, полдничать наконец пришла? — Провозгласила она, бросив любопытный взгляд на Рогора. — Как там Парафена?

— Плохо. Но есть надежда, что хотя бы встанет. — Уклончиво сказала я. И перевела разговор на другое: — Баба Котря, нет ли чего поснедать? А то я полдня по лесам лазила.

— Да уж как не быть, ягодка. — Добродушно сказала она, отворачиваясь от сковороды и оттирая пот с лица передником. — Я тебе поесть отдельно отложила, вон на загнетке держу, чтобы не остыло. Бери пока миску, хлеб сейчас принесу.

В миске обнаружилась густая баранья похлебка с зырей, приправленная репой и морковью. Мы с бабкой Мироной мясом баловались не каждый день — даже не каждую седмицу по нынешним временам, потому как на дворе стоял месяц первокур, и время резать скотину ещё не пришло. Прежде чем устроится за столом, я глянула на Рогора. По хорошему, предложить бы ему разделить со мной застолье, но он уже устроился в углу

поварни, глядя в окно и выказывая, что не желает ни угощаться, ни даже сидеть рядом со мной.

Что ж, вольному воля. Я устроилась у окошка спиной к норвину. Баба Котря поставила передо мной доску с ломтями хлеба и кружку с родниковой водой.

— Крольча-то как? — Спросила она без особого жара в голосе.

Видно было, что узнать стряпуха желает о другом, но разговор заводит издалека.

— Жалеет он Парафену, смотрит как может. Да только с хозяйством не справляется. — Честно доложила я.

— Охо-хонюшки. — Пропела Котря, встав у самого края стола и подперев щеку одной рукой. — А ты, значит, не одна пришла?

Рогор, батюшка, что ж ты не садишься поближе? Я и тебе чего поснедать наложу.

— Нет. — Коротко ответил норвин.

— А что ж так? — Повариху прямо-таки распирало от любопытства.

— Сюда ты пришел, а есть не желаешь.

Если я ей как-то не объясню, поняла я, она изведется от любопытства. И напридумывает себе всякого.

— Госпожа велела ему меня сопровождать. — Пояснила я. — Боится, как бы не забрела туда, куда не нужно. Вторую травницу быстро не найдешь, вот и заботится.

Баба Котря зыркнула на меня востро, протянула:

— Во-от оно как. Ну да. У нас и волки иногда под окнами шастают. И медведи в дальний малинник, бывает, заходят...

Все её лицо кричало — врешь ты, девка, ох, врешь! Но я больше ничего не сказала, переведя разговор на другое:

— Мне поварня потребуется, баба Котря. Чтобы в ней никого не было, только я. И чистый казанок с большой ложкой. Да, ещё бы горшок с тряпицей.

— Госпожа Морислана уж посылала сказать. — Баба Котря недовольно сморщилась и мысли её, похоже, переметнулись на другое. — Вот, даже ужин готовлю нынче раньше, чем обычно. Ещё немного, и милости просим на поварню.

Она вернулась к сковороде и принялась мешать скворчащую поджарку, не забывая поглядывать томящуюся рядом в котле кислую капусту.

Поев, я решила глянуть на сенник, о котором говорила Морислана. Рогор сказал, что стоит он не в самой усадьбе, а на поляне, в пяти десятках шагов от коровника.

Выйдя через калитку, прятавшуюся за курятником, что лепился к коровнику, мы зашагали по лесу. По дороге мне вспомнилась Саньша, потому я и спросила:

— Уважаемый Рогор, а твой товарищ, норвин по имени Сокут, здоров ли?

Рогор издал невнятный звук, потом быстро спросил:

— Почему ты об этом спрашиваешь, Трьёшь. Триша-травница?

— Да грустный он больно. Вроде как в боку у него свербит. — Бодно ответила я.

И полезла под старую ель. Там в тени блеснули похожие на детские пяточки бледно-зеленые листики хрящихи, первойшей травки от резей, какие бывают после порченной еды. По спине сыпануло иглами, под сорочицей закололо.

Зато из-под ели я вынырнула с целым кустом хрящихи в руках.

— Если у него где и свербит, то не в боку. — Встретил меня ответом норвин. Глянул оценивающе. — Вот, кстати. не знаешь ли ты, Триша-травница, такого снадобья, чтобы от него затягивались сердечные раны? Я не про отворотное средство. Мой товарищ Скьёг

должен заглушить огонь в своем сердце, чтобы вновь понести в нем лед нашей родины. Ибо так завещано предками всякому норвину.

Сказано было цветисто, но смысл я поняла. Права была бабка Мирона, когда утверждала, что в миру каждый болен. Только все болеют по-разному — кто втихомолку, кто понарошку, кто сердечной болью, а кто и бессердечием.

— Может, и есть такое средство. — Медленно сказала я. — Да только мне нужно знать все, чтобы не ошибиться. Отчего сердце Сокуга горит?

Боковым зрением я углядела ещё одну хрящиху под соседней елью. Помня то, что сказала госпожа Морислана — а ещё то, что хрящиха могла пригодиться, когда пойду к больному мальцу, запасти её следовало побольше.

— Скъёг, или Сокуг, как вы говорите, из нашей Норвинской слободки в Чистограде. — Торжественно сказал норвин. — У него там была девушка, Иргейк. Она ему обещалась. но её родителям это не понравилось. Они выбрали дочери жениха побогаче, а потом купили у тутешской травницы приворотного и напоили её. Теперь Иргейк счастлива и ждет первого ребенка, а Скъёг носит в сердце пламя.

Я содрогнулась. Приворотное зелье, как и прочие снадобья, людям дала сама Кириметь-кормилица. Однако ни один парень у нас в селе не посмел бы скормить приворотное девице — как бы хороша та не была. Потому как великая богиня даровала своё зелье не мужикам, а бабам. Чтобы облегчить их путь в мужском мире, чтоб могли они выбрать пару себе по сердцу, на прочее не оглядываясь.

Супротив самой Киримети пошли норвины, окормив дочь приворотным. Мирона о таком и помыслить бы не смогла. Время ещё покажет, чем поплатятся родители девицы Иргейк за такое кощунство — ясней ясного, что Кириметь-кормилица заставит их заплатить, по-другому и быть не может.

А мне следовало решить, что делать дальше. Отворотное Сокуг не хотел. Может, дать ему приворотное — вдруг любовь к Соньше залечит сердечную рану? Но понравится ли это Киримети? Да и выйдет ли? Опять же неизвестно, как Соньше будет житься с Сокугом. Если у этих норвинов сами родители дочерей опаивают зельями, как мы коров перед отелом блажной травкой, то и к женкам у них невелик почет, да мало уважение. Пожалеет девка потом, да поздно будет. А ведь Сокуг может и во второй раз отворотного не захотеть. Ещё накуролесит с дурной головы, и Соньша меня недобрым словом помянет.

— Насчет снадобья погляжу. — Уклончиво пообещала я. — Надо будет по лесам походить, приглядеться к здешним травкам. Потом скажу верней.

Норвин молча кивнул и больше к этому не возвращался.

Сенник и впрямь сделали не по-нашему. Посередь поляны на высоких столбах возвышался длинный настил, над ним нависла двускатная крыша из плотно уложенного теса. Щелястые стены набраны из досок — ветерком их продувает, но лосю по зиме не добраться. С умом, словом.

Для сушки травы — лучше и не придумать.

Я заодно прогулялась по поляне, нарвала ещё кой-каких трав, развесила их тут же в сеннике, перевязав пучки скрученными стеблями пырея. Потом зашагала назад. Рогор бессловесной тенью следовал за мной.

Часть хрящихи, ту, которую не оставила сушиться, я увернула в лист лопуха и оставила в углу своей светлицы. Едва с этим было покончено, прибежала незнакомая мне девка со словами, что поварня свободна. И баба Котря ждет, потому как потом ей надо ставить опару.

Подхватив корзинку с зеленью и корнем, приготовленными для приворотного зелья, я помчалась вниз.

Баба Котря уже стояла за дверью поварни, когда я вошла, неся в руках корзинку с травами.

— Я на мыльне пока посижу. — Доложилась мне повариха. И стрельнула любопытным взглядом в сторону корзины. — Туда и девки наши придут, побалакаем, языки почешем. А ты, как закончишь, тут же меня извести, сделай милость. Людям ещё вечерять, а мне хлеба месить.

Где мыльня, я не знала, но Рогор, что неотступно маячил за плечом, должен был подсказать. Поэтому я кивнула.

В пустой поварне все приготовили к моему приходу. Огонь в подтопке пылал, на печном приступке стоял небольшой котел с черным от копоти днищем. Изнутри его начистили так, что стенки блестели серым чугуном. Чистый горшок с тряпицей красовался у окна.

Рогор тоже зашел следом, но, поймав мой взгляд, поспешно отступил за дверь.

Доска для рубки капусты нашлась на узком столике у дальнего окна. Я мелко порубила собранные травы ножом, что баба Котря выдала мне давеча, побросала их в котел. Добавила туда самую малость воды и поставила на огонь. Корень отложила в сторону — его очередь придет в самом конце.

Вода закипела в считанные мгновенья. Настала пора мешать — обязательное дело при варке зелий.

Известно, что всякая травница приворотное и отворотное варит со своими ухватками. Кто-то, как рассказывала мне бабка Мирона, мешает варево посолонь, кто-то противосолонь. Сама бабка помешивала зелье быстрыми движениями поперек, ныряя ложкой вглубь, словно ловила упавшее туда яйцо.

А я мешала варево больной левой, чтобы нагрузить её работой. И вела ложку то посолонь, то противосолонь. Да ещё и дула в котелок — чтобы пар отогнать да взглянуть на варево.

Уж больно чудно на него глядеть.

Сок травы всегда поначалу красит воду в черное, но потом зелье становится прозрачным — вроде как смотришь в осеннюю лужу, где все на просвет, но дно земляное, выстеленное потемневшими опавшими листьями. Затем прозрачность заплывает краснотой. А уж после мутнеет и выцветает.

Готовое приворотное зелье выходит цвета глины, рыжее с радужным отливом и густое. За один раз травница вываривает немного, едва хватит дно миски прикрыть. Иначе нельзя. Если попытаешься наварить больше или несколько раз в день варку затеешь, приворотное не сработает. И пойдет о тебе слава, что не травница ты, а так, пустодельша и пустомельша.

Дело тут не только в травах, но и в самой травнице. Каждое зелье от души что-то забирает. Вот потому-то новое зелье можно варить только на следующий день. Чтоб утерянное душой вновь вернулось.

Полный горшок приворотного, что отдала когда-то бабка Мирона за меня — целое богатство, если вдуматься. Мы с бабкой каждую осень сбываем по неполному горшку торговцу Гусиму. Бельчей за него хватает на десять мешков муки и шесть мешков пшена. Но варить его приходится все лето. Нет, конечно, не будь больных и рожениц, к которым надо ходить, дело пошло бы быстрее. Однако травницы, как бабка Мирона говорит, живут под

особым надзором Киримети-кормилицы. И нельзя им разменивать людские жизни на корысть от зелий — не простит того великая богиня, руки сведет или неизлечимой порчей одарит.

Под конец я бросила корень, нарезанный тонкими стружками. И ещё раз подула, чтобы полюбоваться, как по темно-рыжей гуще вдруг стрелънут серые прожилки. А потом рыжина смешается с серым воедино, станет густой, яркой, с переливами.

Закончив с варкой, правой рукой я утянула котелок на свободный край подтопки, под которым не было огня. Ложкой выбрала неуварившиеся куски стеблей и стружки от корня, бросила их на прогорающие поленья. Большая часть травы успела истаять при варке, загустив зелье. Готовое приворотное я слила в горшок, прикрыла тряпицей и водворила в корзину. Вот и все.

На двор уже опускались сумерки, чуть прохладные от близости леса. Синие, как ягоды с куста ежевики, тени накрыли и коровник, и конюшню, и высокий каменный дом. В окнах поперечного сруба в конце двора играли отблески зажженных лучин. Я вышла, прислушалась — оттуда доносились взрывы хохота. И так было ясно, куда идти, но я все же спросила у Рогора, поджидавшего у двери поварни:

— Мыльня?

Он кивнул.

Длинная мыльня делилась на две части. Дверь в одну половину замыкал замок. Во второй половине, в просторном предбаннике с корытами на стенах, сидели баба Котря, Саньша, ещё какие-то девки, и два мужика. Узнав, что поварня свободна, все гурьбой отправились вечерять. Я отнесла горшок к себе, запихала под кровать вместе с корзиной. И тоже вернулась на поварню.

На этот раз Рогор сел со мной за стол. Вызванный с конюшни ради ужина Сокут весь вечер просидел за столом напротив меня безмолвной тенью. Саньша, усаженная бабой Котрей поблизости от него, все расспрашивала норвина то об одном, то о другом. Но тот отвечал лишь нет да не знаю.

Парнишка с болезненным животом оказался первым, кого я навестила поутру. У него и впрямь оказалась грыжа. В самом низу живота, небольшая, почти не видная глазу, но за прошедшую ночь уже налившаяся дурной пухлостью и болью. Я, ощутив живот, повернулась к матери парнишки, нахмурилась — та отшатнулась от меня в сторону.

С моим крючковатым носом и выпирающими зубами сведенные брови смотрелись страшненько, тут уж ничего не поделаешь. Я шмыгнула носом, спросила, чуть расправив личико:

— Он поднимал на днях что-то тяжелое? Непосильное?

Мать ответила с испуганным придыханием:

— Да вот. мы к Олюшу-кузнецу его пристроили, в обучение. Он в кузню целых два дня ходил, а потом чего-то приболел. Но кузнец клянется, что ничего такого не поручал.

Я прищурила глаз, поворачиваясь к мальцу. С притворной злобой, чтоб тот испугался. Тут мне свезло — парнишка, лежа на широкой лавке, вздрогнул, зачастил даже раньше, чем его спросили:

— Олюш сказал, наковальню из кузни только настоящий мужик поднять сможет. Он сам её одним махом над полом вздевает. Я и попробовал.

Рогор все это время скромненько простоял в углу у входа — норвин утром подстерег меня на лестнице и притаился в деревню следом, чтобы охранять. При словах мальчишки

даже он осуждающе покачал головой.

— Видел ли это кузнец? — Спросила я. Голосом строгим, но ровным. Рывкать, как делает бабка Мирона в таких случаях, я не стала. Мальчишка и так трясется на своей лавке, на меня глядячи. Ещё напряжит в портки посередь разговору.

— Нет.

— Ладно, раз так.

Я милостиво кивнула, разгладила лоб и принялась вправлять грыжу, бормоча наговор на зарост дыры в брюхе. А закончив, велела мальцу, чтобы он пролежал в постели самое малое месяц, вставая только ради отхожего места. И год не поднимал ничего тяжелее кружки, а уж к наковальне и вовсе не совался лет этак семь. Дала матери приувядший куст хрящихи, велев напоить сына травным отваром тут же — чтобы очистить живот от всего дурного, и от застоявшегося в кишке тоже.

Малец глядел огорченно, его мать усердно кивала. Потом она робко сказала:

— Благодарствую за труды, госпожа травница. Уж не сердись, да только нету у нас денег, чтобы тебе отплатить за труды. Сделай милость, возьми штукой полотна.

Изба была небогатая — даже второй горницы, как у Парафены, тут не оказалось. Я стрельнула глазом на горшки с отбитыми краями, стоявшие в закутке у печки. Порядочная хозяйка такие горшки выкинет на помойку... если найдется на что купить новые.

А мне и без того должны были заплатить за эти дни, да не полотном, а звонкими бельчами. Так что я мотнула головой.

— Ничего не надо. Приглядывай за своим сыном, хозяйка, и подобру тебе.

Баба била мне поклоны до самой улицы, призывая милость Кирымети не только на меня, но и на всю мою родню. И на Морислану с Аранией тоже, выходит.

Самое смешное-то в чем? Коли Кирыметь-заступа по её мольбе и впрямь мою родню милостями одарит, то Морислана выдаст Аранию замуж, как хочет. А мне отсыплет бельчей, на которые я оплачу помощь ведьм из чистоградского Ведьмастерия. И им ладно, и мне в радость.

Рогор, до этого державшийся точнехонько у меня за спиной, отступил в сторону, чтобы его не задела ненароком кланяющаяся баба. Я спешно удрала со двора.

На лице у Крольчи, когда я вошла в его избу, горела надежда. Парафена, по его словам, всю ночь ворочалась и пыталась сорвать повязку. Но двигалась она резвей и уверенней, чем прежде. И руку подносила к самой голове, чего раньше не делала. Круги под глазами у мужика говорили, что ночка далась ему нелегко. Но по тем же глазам было видно, что он готов и дальше не спать, лишь бы вернуть себе женку.

Я сняла засохшую скорлупу повязки, омыла голову, растирая её грубым полотном и сдирая напрочь подсохшие корочки на вчерашних царапинах. Парафена мычала и дергалась. Мужу пришлось держать её руки, чтобы она не отталкивала меня. Ей явно стало лучше. Правда, моя работа от того стала лишь трудней.

Наложив бабе на голову повязку из свежего кустика нижинки, я осмотрела ей руки. Тонкая красноватая линия на ногтях чуть поблекла.

— Что скажете, госпожа травница? — Спросил Крольча, глядя на меня с выражением измученным и радостным одновременно.

— Посмотрим на пятый день. — Строго возвестила я. Напомнила: — А чудову травку давай по-прежнему, не забывай.

— Как можно! — Воскликнул Крольча. — Знамо дело, не забуду!

И с размаху отбил поклон, причем так истово, что Рогор даже дернулся в его сторону. Я приготовила для Парафены горшок свежего отвара из чудовой травки и ушла.

Остаток дня прошел так же, как и вчера — я набрала трав, развесила кое-что сушиться на сеннике и сварила вторую порцию зелья. На третий день Парафена села, на четвертый сделала первый шаг по избе, опираясь на своего Крольчу.

Память её восстанавливалась хуже, чем способность ходить. Госпожа Морислана посылала за мной каждый вечер, чтобы расспросить о бывшей прислужнице. Но сказать мне было нечего, Парафена из случившегося не помнила ничего. Единственное, что меня обрадовало — с третьего дня она начала говорить и перестала сопротивляться при смене повязки. Но все её слова оставались разговорами ребенка — дует, холодно, больно, дай, уходи, пряник, вода. На четвертый день она начала выдавать небольшие речи, складывая по три-четыре слова вместе:

— Тетя делает больно! Дядя, дай пряник!

Тетей Парафена называла меня, дядей — Крольчу. На пятый день, однако, её разум повзрослел. Она за ночь выучила имя своего мужа, и когда я зашла в их избу, сопровождаемая молчаливым Рогором, выпалила:

— Крольча, страшила-то какая! Гляди, вон! Ужас!

И ткнула в мою сторону пальцем. Крольча, стоявший тут же, побледнел, с размаху отвесил поклон в мою сторону.

— Прости, милостивица! Не в разуме она! — Потом повернулся к жене, сказал с мольбой: — Ты уж так не говори, Парафенушка! Это травница, что пришла тебя врачевать. Госпожой Тришей кликают.

— Травница? — Парафена глянула с кровати ясным взором, помолчала какое-то время.

И я поняла, что она роется в памяти. Потом бывшая служанка моей матушки сказала нечто, от чего у меня забилося сердце:

— Травница. Да, знаю. Это с травками ходить и лечить, да? Ещё наговоры и зелья.

— Точно. — Громко согласилась я, подходя поближе и уже привычно окидывая взглядом её ногти. Красноватая полоса была едва заметна. — А ещё раны шить и зубы дергать. Подобру тебе, Парафена!

Баба глядела на меня, и на лице у неё была тень узнавания. Она подвигала бровями, сказала неуверенно:

— Я тебя вроде как знаю.

У меня оборвалось дыханье. Служанка моей матушки вполне могла видеть меня в детстве. Значит, она начала вспоминать?

— А вроде как и нет. — Задумчиво закончила Парафена. — Триша-травница, да? Нет, не помню.

Я присела на край кровати и начала выпрашивать. Увы, к бабе вернулись только обрывки из прежней жизни. Ни меня, ни того, кто окормил её саможорихой, Парафена не помнила. Впрочем, она и детей-то своих вспомнила едва-едва. Да и то с подсказки рядом стоявшего мужа.

Крольча, тем не менее, сиял. Баба его теперь ходила без посторонней помощи, и даже один раз сумела сварить горшок каши под мужниным присмотром. Через три седмицы, к Свадьбосеву, он собирался забрать детей у сестры.

Пять дней прошло, и продолжать лечить Парафену нижинкой было уже опасно. Я велела поить её чудовой травкой ещё с месяц, а потом непременно показать местной

врачевательнице. Ещё наказала передать ей, что господская травница накладывала Парафене на голову повязки с травой нижинкой. Пять дней. После этого я отказалась от трех бельчей, которые Крольча упорно совал мне в руку и ушла, сопровождаемая его поклонами.

Раньша, услышав про нижинку и повязки, враз поймет, от чего лечили Парафену. И пусть мои слова нарушали приказ Морисланы о сохранении тайны, зато сберегали устои и правила, данные травницам от Киримети-кормилицы — не вредить больному. Раньша не сможет помочь Парафене при нужде, если не будет знать, что с той стряслось.

Я ожидала, что Рогор, весь день неотступно проторчавший у меня за плечом, доложит обо всем хозяйке. Но Морислана ничего не сказала, ни этим вечером, ни потом. То ли норвин промолчал, то ли сама она не захотела поднимать крик из-за такой малости.

Госпоже матушке я объявила, что Парафена ничего не помнит, однако говорит, а её лечение окончено. После такой новости Морислана прямо при мне приказала запрячь свою колымагу и умчалась в Неверовку.

Я сходила в лес, чтобы пособирать там трав. Когда Морислана вернулась из деревни, неизвестно. Но ближе к вечеру её прислужница, та самая девица, что причесывала ей волосы в первый день, перехватила меня по пути на поварню. И сказала, радостно хихикнув, что завтра мы уезжаем в Чистоград. Я пожала плечами и пошла дальше — зелье нужно было доварить, раз уж травы собраны.

Покончив с приворотным, я вышла с поварни. В усадьбе, несмотря на позднее время, стояла суматоха. Девки, среди которых была и Саньша, носились меж двором и покоями Морисланы, спешно вытряхивая и проветривая господские одежды. Сама госпожа Морислана перед дорогой долго мылась в бане. С третьего поверха доносились вскрики Арании, моей сестрицы — она попарилась раньше матери и теперь ей в два гребня чесали волосы.

На входной лестнице я столкнулась с незнакомым мужчиной в длинной, шитой серебром душегрее, накинутой поверх белой рубахи. Лет ему было немало, короткие темные волосы густо поперчила седина. Лицо широкое, с надломленным носом. и чем-то напоминало Гусимовское лицо. На поясе висел недлинный нож, серебро на ножнах ловило блики света из окон.

Следом шел молодой парень, с такими же темными волосами, только без седины, одетый в душегрею попроще, без шитья.

Заместо ножа у молодого на поясе висел длинный тесак, в простых ножнах. Рука парня лежала на рукояти тесака — чтобы не брякать им по ступеням, как я догадалась.

Мужчина в годах мог быть только господином Эрешем, мужем моей матушки. А парень с длинным тесаком — его прислужником. При виде меня оба встали. Рогор, тенью шедший за мной, выдвинулся вперед.

— Это.

— Я знаю. — Оборвал норвина господин Эреш. Глянул на меня мягко, но изучающе. На тутешском он говорил чисто, как прирожденный тутеш. — Это наша травница, Триша. А ты, травница Триша, знаешь, кто я?

— Подобру тебе, господин Эреш. — Я поклонилась, как положено перед старшими. Правда, не слишком глубоко — на лестнице кланяться неудобно, того и гляди пойдешь ступеньки лбом считать.

Да и за корзину боязно. Того и гляди, горшок внутри опрокинется.

— Вот и познакомились. — Ещё мягче сказал Эреш. — Худенькая ты, однако, Триша.

Кушай побольше.

Я кивнула. Парень за спиной у господина вдруг разразился бурной речью. Но не на нашем языке. Эреш выслушал, глянул на меня по-другому, остро и изучающе. Я враз припомнила слова Саньши — «а глазом как зыркнет, так в грудях аж холодает». Точно, холодает. И не только в грудях, но и в животе.

— Мой булушчэ, то есть помощник, говорит, что ты хорошая травница. — На лице у господина появилась добрая улыбка. Г лаза оставались спокойными. — Он слышал разговоры местных крестьян о тебе.

Я опустила глаза, гадая, что от меня надо помощнику господина. Ходил он вроде ровно, спину держал прямо... Может, у парня разболелся зуб? Или мозоль появилась на руке, которой тесак придерживает?

Но следующие слова меня удивили.

— Он говорит, в его селе никогда не было травницы. Однако люди слышали о таких, как ты. Поэтому он хочет жениться на тебе, как только ты закончишь служить своей госпоже. И хочет увезти в свой аил, где все будут относиться к тебе с большим почтением. — Господин Эреш остановился, и снова зыркнул на меня острым взглядом. — Со своей стороны я подтверждаю, что Барыс хороший парень. Он добр с лошадьми, следовательно, будет добр и с женщинами. Его уважаемый род, Кар-Барус, лишь на самую малость ниже моего рода, рода Кэмеш-Бури.

Это было первое сватовство в моей жизни. А если чистоградские ведьмы не помогут снять проклятие, то оно же станет и последним. В груди захолонуло. Было радостно и вместе с тем горько, потому что парню нужна была травница для села, а не я сама.

А мне хотелось другого. И уж точно не такого сватовства — в потемках да на ступеньках. В нашем селе хорошую девку просят со сватами, а отдают со смотринами. И сговаривают прилюдно, вытаскивая столы во двор, зовя соседей на гулянье.

— Подобру тебе, Барыс. — В глазах отчего-то зашипало. Первое сватовство, надо же! Кому в Шатроке рассказать, так не поверят. — За честь спасибо, однако замуж мне ещё рано. Да и в мастерстве травницком я не так хороша, многому ещё только учусь.

Я сделала передышку, но господин Эреш не стал переводить мои слова Барысу. Похоже, тутешский тот понимал. Хоть сам на нем и не говорил. Стоял молчал, неподвижно застыв на ступеньках и слушая мою сбивчивую речь.

— В общем, спасибо тебе, но никак не можно. — Быстренько добавила я. — Доброй ночи, Барыс, доброй ночи, господин Эреш.

И ступила на следующую ступеньку, торопясь удрать с лестницы, но Рогор схватил меня за рукав сорочицы и не пустил. Господин Эреш развернулся, неспешно двинулся к входным дверям. Барыс из рода Кар-Барус пошел за ним следом, даже не одарив меня взглядом.

— Триша-травница, ты сумасшедшая. — Почти с восхищением сказал Рогор, когда дверь за олгарами захлопнулась. — Разве можно идти вперед господина к двери? Да ещё и бабе. девке то есть. Да любой из господ в Чистограде тебя бы за это плетью отходил! Радуйся, что господин Эреш по мелочам не сечет, только по крупному.

Мне стало страшновато. Правильно говорила бабка Мирона про меня — укладу их я не знаю, сопли рукавом утираю.

В носу засвербило. Я перетерпела порыв попользоваться рукавом, шмыгнула носом и вошла в дом.

В светелке кто-то побывал. На моей кровати, пока меня не было, разложили платья.

Голубое, темно-красное и глубокого зеленого цвета. У всех одежек имелись боковые разрезы, зашнурованные тесьмой в цвет ткани — знак господской одежды. Платья были не новые, однако ни потертостей, ни пятен на них я не увидела.

Впрочем, солнце уже зашло, а при свете единственной свечки, которую чья-то рука запалила в моей светлице, многого не разглядишь.

Сердце у меня радостно забилося. Вот они, те три платья, что выторговала для меня бабка Мирона. Пусть ношенные, зато дорожные, мягкие, как погладишь — так словно не пальцы ткань ласкают, а она их. Яркие оттенки напоминали цветы и темную летнюю листву. Я с трепетом перебирала складки, пока Рогор за дверью не прокашлялся, сказав вполголоса:

— Ночь на дворе. ужинать бы да спать.

Мне стало стыдно. Аккуратно свернув подаренные платья и уложив их на сундук, я побежала на поварню.

На следующее утро мы выехали в Чистоград.

Глава пятая. Кремль на восемь теремов

Встать в это утро пришлось до рассвета, чтобы забрать с сенника заготовленные травы. Небо уже наполовину просветлело, но солнце ещё не показало своего края из-за леса. Рогора на лестнице не оказалось, и это хорошо — надо же и норвину хоть раз поспать подольше, не все ему бегать за мной, как клушка за цыпленком.

И без него не заблужусь.

Дом был тих, однако окна поварни уже светились — баба Котря готовила всем утренничать и собирала корзины на дорогу. На тропинке, что шла от коровника, оказалось темнее, чем у дома. Но утоптанная земля оставалась черной даже в сумрачном полусвете, а заросли отсвечивали, превращая тропу в ленту мрака на серебряном шитье трав.

До поляны я дошла как по ниточке, а там забралась в темный, наполненный мышинным писком и шуршанием сенник. Собрала на ощупь пучки где засохшей, где поувядшей травы, сложила их в корзину.

Теперь можно было отправляться в дорогу. А если по приезду чего-то неостанет, так наберу на месте. Уж лес-то под Чистоградом найдется. В столице, как говаривала Мирона, все есть.

Пока я возилась с травами, времени прошло самую малость, но и этого хватило, чтобы поместье проснулось. Возвратившись с сенника, перед домом я наткнулась на Сокуга, или Скьёга. У него за спиной потряхивали длинными гривами два гнедых жеребчика. Поодаль один тутеш — звали его Четверой, как я успела узнать — держал под уздцы ещё одну пару лошадей, уже саврасых, крупных, груженных тюками.

— Подобрю вам, дяденьки. — Поздоровалась я с мужиками.

И уже было хотела ступить на лестницу, но замерла. Двери распахнулись, из дома выступили господин Эреш и его молодой помощник, неспешно спустились — господин спереди, Барыс сзади. Сегодня оба были одеты иначе. И вооружены по-другому.

На олгарах побрякивали темно-серые рубахи, тяжелые и текучие, словно из железа сотканые. От запястий руки закрывали намотанные в несколько витков ремни с железными бляхами, самую малость не доходившие до локтей. Крупные пластины, гнутые по телу, поблескивали на груди и плечах. На наборных поясах висели тесаки поболее вчерашних, широкие и прямые. Уж потом я узнала, что они зовутся мечами. А тогда смотрела, разинув рот и застыв прямо на пути у олгаров.

Те шли ровно, глядели равнодушно, вроде как сквозь меня. В руках оба держали странные шапки, смахивающие на чугунные котелки, вытянутые сверху капель, с длинными штырями в наверху. По краям шапок тянулась меховая опушка — у старого олгара серебристо-черная, у молодого белая.

— Подобрю тебе, господин Эреш! — Поклон у меня вышел неглубокий, потому что в руках опять была корзина.

— Счастлив день. — Звучно ответил муж моей матушки. И повел темным оком, словно только сейчас меня заметил. — Белого пути и тебе, и мне, травница Триша.

Барыс, шедший следом, тоже пробормотал что-то. Невнятно, словно мучился от заложенного носа. Приветствует, поняла я. Однако глаза у парня упорно смотрели в сторону леса, что темнел за огороженным выпасом.

В свете разгорающегося дня видно стало, что молодой олгар не больно хорош собой.

Нос изломан, по скулерванный шрам, угол рта провис — что-то острое рассекло когда-то щеку до самой кости.

А ведь скажи я «да» прошлым вечером, сейчас провожала бы жениха. Эта думка вспыхнула и угасла, потому что на смену ей пришла другая — а куда едут олгары? Навряд ли в Чистоград, потому что ни Морисланы, ни Арании на ступеньках не было видно. Судя по тишине в доме, они обе ещё спали.

Мое любопытство оказалось до того сильным, что я замерла на месте, разглядывая во все глаза, как олгары вскакивают на гнедых и принимают от тутеша поводья саврасых, груженных поклажей. Кони тронулись, неспешно порысили к лесу по ту сторону выпаса. Сокуг быстро ушел за дом, но тутеш задержался, поскреб по груди ногтями, зевнул, глядя вслед уезжавшим. Я подошла поближе, спросила:

— А куда они едут?

— Да к пристани. — Звучно ответил тот. — Сейчас сядут на баржу по Дольже-реке, и доедут в два дня до Касопы-моря. А там на конях домчатся до границы с Урсаимом. Два-три месяца на ней послужат, и опять домой, на роздых.

— Послужат? А как? — У меня прямо язык чесался, так хотелось все выпросить. К примеру, что такое граница? А Урсаим? А Касопа-море?

Тутеш повернулся ко мне, хмыкнул.

— Что, не знаешь? Дык ты ж травница, и многознающая притом, как наши бабы судачат. Такого да не знать?

Он глянул на меня горделиво, но мне чужое величание было не в обиду. Пусть его. Так что я перекинула корзину с больной руки на здоровую и умильно сказала:

— Дядька Четвёра, я ж из лесу. Мы в своем селе медведей чаще видим, чем путников с новостями.

Имечко значило, что у мамки он уродился четвертым. И, видать, перебрал родительской ласки, раз захотелось ему почваниться перед травницей. Пусть его. Мне не ссориться надо было, а разузнать.

— Уважь, сделай милость, дядька Четвёра. Расскажи про Урсаим этот, про границу, про Касопу-море.

Четвёра закинул руки на ремешок, что прихватывал рубаху.

— И как такого не знать? Урсаим — то у нас соседняя страна, лежит далеко-далеко отсюда, на югах. Нет там ни снега, ни льдов, а есть только сады, в которых лето непрерывное, а от того богатство. — Он скинул одну руку с ремешка, назидательно воздел палец. — И живут там люди-урсаимы. Злые, ровно волки оголодавшие, на Положье наше, что ни день, покушаются. А ещё есть в тех краях колдуны абульхарисы, молниями кидаются, по воздуху гуляют, как по земле. Вот господин Эреш туда и ездит. И Барыс с ним на пару. Там они с другими земельными ведьм охраняют, что с абульхарисами перехлестываются. И границу все вместе доглядывают.

— Границу? — Я моргнула, глянула ещё умильней.

— Межу-то хоть знаешь? — С насмешкой в голосе спросил Четвёра.

Я быстро кивнула.

— Так граница та же межа. Только идет она не меж наделами, а меж странами. Пограничье, или граница.

Узорочье новостей раскидывалось передо мной, и оказалось оно таким занятым, что дух захватывало. О странах мне говорила Мирона — это земли, где живут другие народы, не

тутеши, не норвины с олгарами, а незнамо кто. Значит, здешний земельный Эреш ездит и охраняет межу всего Положья? А за ней, за межой-границей, в стране по имени Урсаим, живут абульхарисы?

Я вдруг припомнила нашего земельного Оняту. У нас в Шатроке он бывал только раз в году, когда приезжал за податями на Зимнепроводы. Или сразу после праздника, по-всякому бывало. Может, и наш земельный ездит на ту границу? Потому и видим мы его раз в году, не больше?

Четвёрта сделала движение, собираясь развернуться, но я вцепилась в него как клещ:

— А Касопа-море?

— Это навроде нашей Должи-реки, только намного больше. И берег один, а второй незнамо где, за окоёмом спрятанный. — Солидно ответил мужик. — Кругом вода! И соленая к тому же.

Он развернулся и потопал за дом, пока я раздумывала, чего бы ещё спросить. Из-за другого угла дома вылетела тем временем повариха, неся громадный поднос с мисками, прикрытый чистым полотенцем. Навстречу ей из дверей выскочила Саныша. Придержала створку, зачатила:

— Ох, баба Котря, давай скорей! Госпожа торопится, хочет засветло приехать на постоянный двор, что по дороге в Чистоград.

Повариха исчезла в доме, Саныша глянула на меня.

— Подобру тебе. А ты чего стоишь? Собирайся да иди на поварню, поутренничаем перед дорогой. Того и гляди, подводу подадут.

Сегодня на ней был не сарафан с передником, а простенькое платье из серого льна. С короткими, по локоть, рукавами, застегнутое на грубо вырезанные деревянные пуговицы. Она убежала тем же путем, каким пришла баба Котря, а я пошла наверх. Нужно было собрать узел.

Укладка вещей не заняла много времени. Травы я уложила в корзину, увернув в один из летних сарафанов и сорочицу. Все прочее, в том числе и найденные на кровати платья, увязала в скатерть, затянув её углы узлами. Г оршок с приворотным зельем поставила в самую середину корзины, с двух сторон подперла связками травы. Вот и все.

За дверью меня уже дожидался Рогор, одетый в рубаху с широченными рукавами и короткую душегрею, подпоясанную ремнем. В ответ на мое приветствие норвин коротко кивнул.

На поварне сидели Четвёрта, ещё один мужик-тутеш, Саныша и деваха, что занималась стиркой. Успевшая к этому времени вернуться баба Котря крутилась у печки, вытаскивая пирожки. Пахло медом и теплым хлебом. Я подсела к Саныше, глянула на её платье.

— Дык и я с вами еду. — Безмятежно сообщила она в ответ. — Буду там покои убирать, по поручениям бегать. То да сё. На-кось, Триша, пирожки с творогом. Вкуснющие.

Она пододвинула ко мне блюдо, что стояло перед ней. И украдкой глянула в окно.

Из сарая, бывшего продолжением конюшни, как раз сейчас выезжала расписная колымага, запряженная парой вороных. На козлах сидел Сокуг. Тоже в рубахе с безбрежными рукавами.

— А всё-то он в делах. — Жалостливым тоном пропела Саныша. — Первым встает, последним ложится. тудяга, одно слово.

Рогор хмыкнул, глянул на девку чуть насмешливо. Я в ответ сдвинула брови, одарила норвина недовольным взглядом, сказала:

— Ничо, не переломится. А переломится, так вылечу.

И про себя подумала, что времени расслаживаться нет, раз уж господская колымага выехала. Все разом повскакивали. Я впопыхах проглотила один творожник, подхватила второй, чтобы сжевать на ходу, и поспешила за Саньшей. Рогор улетучился, вновь оставив меня без присмотра.

Перед домом, помимо зелено-алой колымаги, стояла длинная подвода, запряженная парой крупных гнедых. Над дощатыми высокими боками возвышался полотняный навес, на козлах сидели два незнакомца самого что ни на есть лиходейского вида. В кожаных безрукавках с нашитыми пластинами из металла, бородатые. Железные шапки на их головах изгибались луковицами. К сундукам, что громоздились сзади, были небрежно прислонены два лука. И колчаны с длинными стрелами.

— Вон, глянь. — Возбуждено сказала Саньша. — Охранники из Балыково приехали. В грузовой телеге мы с тобой и поедом, с этими мордами. Ты не бойсь, они смирные, Ты да я, будет с кем поболтать. А Вельша и Алюня сядут с господами. Чтобы прислуживать им, руки растереть, обдуть, коли сомлеют.

Я кивнула. Алюня и Вельша были личными прислужницами госпожи моей матушки и сестрицы. Саньша понизила голос.

— В господской колымаге, слышь-ко, не трясет, как в грузовой, зато тяготно. Господская дочка та ещё оторва. То одно ей не так, то другое.

Она резко осеклась, потому что хлопнула дверь и на лестнице показались Морислана с Аранией. Мы с Саньшей поклонились, дружно возвестили:

— Подобру, госпожа Морислана. подобру, госпожа Арания.

Моя матушка, кивнув свысока, спустилась со ступенек, полезла в колымагу. Подол бледно-голубого платья скользнул по высокой приступке. Следом поднялась Арания. Распущенные волосы перекачивались за её спиной темными волнами.

— Глянь-ка, — шепотом сказала Саньша, пихнув меня в бок локтем.

— Отец со двора, а она сразу и волосы распустила. Как при господине Эреше, так по-олгарски ходит, две косы за спиной в одну сплетает. А как без него, так и волосня по ветру. Олгары такое за срам почитают, а наши господа — за красу.

Дверца колымаги захлопнулась. Подошел Рогор, неся в широко разведенных руках сундук с ручками, сунул его вглубь подводы. Нахмурился.

— Вы ещё тут? Ехать время. Ну-ка быстро.

Из дома выскочили Алюня и Вельша, держа в руках узелки и свертки. Запрыгнули в колымагу.

Мы с Саньшей побежали в дом за вещами. Я успела первая, потому что жила ниже девахи — каморка, где та спала, была на третьем поверхе. Но выходить, оставляя Саньшу распоследней, мне не хотелось. Я постояла за дверью, поджидая, пока она спустится.

За это Морислана одарила меня колючим взглядом из оконца расписной повозки. Мы с Саньшей запрыгнули в заднюю часть подводы — и лошади тут же тронулись.

За сундуками и узлами, что заполняли переднюю половину подводы, нашлось пустое местечко. Чья-то добрая рука бросила туда охапку старого прошлогоднего сена. Я поставила корзину в углу, где ей ничто не угрожало, кинула рядом узел и уселась, опершись на его мягкий бок спиной. Саньша устроилась рядом, облокотившись на свои пожитки.

Подводу немилосердно трясло на ухабах, а грохот окованных колес порой заглушал голос. И все же это была не поездка, а настоящее гулянье. Мы несколько раз

останавливались у придорожных трактиров. Охранники уходили внутрь перекусить, трактирные служки тем временем поили и кормили лошадей. Мы с Саньшей выбирались, бегали в отхожее место, разминали ноги, оглядывались.

Для пропитания Рогор выдал нам одну из корзин, заготовленных бабой Котрей. Там лежали творожники, пирожки с капустой, сморчками и шкварками, сваренные вкрутую яйца, закупоренный огрызком сушеного яблока глиняный штоф с квасом. Солнце неспешно плыло с одного края неба на другой, снаружи под полог залетало пение птиц — и мир был прекрасен, а будущее и того лучше.

Я узнала, как зовут сестренку и братуху Саньши, какого парня она любила до норвина — а в ответ рассказала ей все страшные сказки про привороты и несчастных привороченных, какие слышала от бабки Мироны. Чтобы девка уяснила, чего она хочет и каким боком ей это может выйти.

Переночевали мы в постоялом дворе на окраине большого города, что звался Лаишевград. Зайдя следом за Морисланой и Аранией в подклеть большого дома на два поверха, я увидела громадную горницу — и тьму народа внутри. Большая часть из людей была обряжена по-тутешски, однако нашлись и те, кто вырядился иначе. По столам разлеглись широкие рукава, как у Рогора с Сокугом, кое-где мелькали безрукавые душегреи, шитые бисером и цветной нитью — олгары.

Одно роднило всех этих людей — оружие. Везде за поясами из наборных блях или узорчатой кожи торчали рукояти больших и малых тесаков, к лавкам кое-где прислонялись мечи, навроде тех, что были на поясе у Эреша и Барыса. Выглядывали луки, с колчанами, полными стрел.

Все пили и ели, негромко беседовали. При нашем появлении шум голосов стал потише, многие начали оборачиваться. Норвины, шедшие с нами, один впереди, другой следом, тут же набычились, ухватившись за рукояти длинных тесаков.

И все же их угрожающего вида не хватило, чтобы все вернулись к своей еде и беседам. Несколько мужиков продолжали глазеть — правда, не на нас, а на шедшую впереди Морислану.

Моя матушка спокойно плыла за хозяином двора, не обращая ни на кого внимания. Но ступив на лестницу, спросила вдруг звучно, на весь зал:

— Добрый человек, надеюсь, в твоём доме никто не обидит жену и дочь Эреша Кэмеш-Бури, господина из рода Серебряных волков?

Хозяин обернулся, переломился в поясе.

— Не пощажу ни себя, ни чад моих! Какая честь, сразу две госпожи Серебряных Волков. да у меня мышь в сторону ваших покоев не проскочит, не то что лиходей какой!

По залу прокатился ропот. Те несколько мужиков, что нахально глазели на Морислану, пригнулись к своим тарелкам. Олгары, которые, напротив, на нас не смотрели, тут же подняли головы. И одарили нас долгими взглядами — то ли запоминали, то ли ещё что.

— Видишь? — Тихим победным шепотом сказала стоявшая за мной Саньша. — Я ж говорила, хозяин у нас тихий-тихий, а как зыркнет. видать, за долгую жизнь на многих назыркался, вот его и знают. Теперь тут с нас пылинки сдувать будут.

Вельша и Алюня улеглись в горницах Морисланы и Арании — для них из общей залы приволокли широкие лавки, поставив их в ногах господских кроватей. Нам с Саньшей отвели крохотную светелку под самой крышей. Морислана строго приказала сидеть внутри, даже носа за дверь не высовывать.

Могутная бабища, запоясанная передником над грудью, притащила нам миску с горячей похлебкой, кувшин воды и кувшин молока. Потом вернулась с двумя ночными горшками.

Я прыснула. Но когда позже захотела выйти в отхожее место, за дверью наткнулась на хмурого Рогора.

— Велено не пускать. — Сообщил он.

И мне пришлось освоить науку обращения с ночным горшком.

На ночь Рогор улегся у нас в светелке, скинув парадную белую рубаху и постелив у себе двери толстый половик, полученный от хозяина. Двое охранников из Балыково и Сокуг, как я знала, стерегли горницы Морисланы и Арании.

Наутро отдохнувшие кони понесли нас к Чистограду.

В столицу мы приехали только к вечеру следующего дня. И въехали в неё как-то незаметно. Дорога стала глаже, тряска прекратилась, колеса вместо постукивания на отдельных камнях загрохотали ровно и неумолчно. Мы с Саньшей полезли к заднему борту подводы.

Уже не было полей с перелесками и деревушками. Дорогу, что вытекала из-под колес, покрывали камни, уложенные рядком, без щелей. По бокам высились дома — на два поверха, на три, даже на четыре. Мелькали узкие садики под окнами, засаженные цветами, высокие ворота, затейливые коньки на крышах.

Вот только курей на улицах я не заметила. Может, за то столицу и прозвали Чистоградом?

Там и сям над каменными палатами возвышались бревенчатые терема, украшенные резьбой и расписанные яркими красками, ничуть не тусклее тех, что покрывали колымагу Морисланы. И дождик их мочил, и солнышко жгло на такой высоте, а они все равно сияли оттуда алым, зеленым и бирюзовым.

— Красотища. — С гордостью сказала Саньша. — Вот погода, ещё в кремль приедем. Там и вовсе дивы дивные.

Она перехватила мой взгляд, смешно наморщила лоб, приподняв светлые брови.

— Чо, не знаешь? В кремле, Триша, сидят верчи и сам король. Там восемь палат каменных с теремами. И дворец короля в самом дальнем конце. Кругом стена высоченная, чтоб, значит, чужие не ходили, не тревожили. С башнями из камня.

— Верчи? Это кто? — Я почувствовала, как загораются от прилившей крови щеки.

Идущие по дороге прохожие глядели на меня с нехорошим любопытством, некоторые даже с жалостью. От их взглядов хотелось отползти назад, за сундуки.

Вот только незнанию прятками не поможешь. Да и на город глянуть было любопытно.

— Слышала я, что вы, травницы, все с причудами. — Рассудительно сказала Саньша. — Но что бы настолько! Тебя, Триша, вроде как в лесу растили. И у медведей в бору учили. Верчи — это самые важные господа в Положье. Выше них только сам король. Все графы им подчиняются. А тем — земельные.

Я кивнула, услышав знакомое слово — графы. Арфен-мельник рассказывал, и не раз, про Моржену, нашего графу из Оксиграда. Именно ему, как говорил мельник, Онята отсылает собранную с Шатрока и Соболекова подать.

— Всех верчей восемь. — Продолжала Саньша, радостно вертя головой по сторонам. — Ишь, глянь, какая лавка! С платками, что хвосты у павлина!

— Павлин? — Я вздохнула. Похоже, тут спрашивать да спрашивать.

— Птица такая. Из себя яркая да семицветная. Дорогушая — страсть! А в кремле

запросто, заместо кур живет. — Доверительно сообщила мне Саньша. — Вот приедем туда, сама увидишь. Нашу госпожу в кремле всегда привечают. Прочие женки земельных по чужим углам или на постоянных дворах мыкаются, коли своего дома в Чистограде нет. А нас в терем селят, что поверх палат верча Яруни. И ключница к госпоже завсегда подходит с поклонами, и дворня с полным уважением.

Она смолкла. Мы вдвоем начали любоваться алыми полотнищами, что расстелило по двускатным крышам заходящее солнце.

В кремль подвода въехала не останавливаясь. Сначала мы миновали ворота в могучей стене, потом, оглянувшись, я увидела две круглые башни, что стояли у врат по бокам. Подвода свернула влево и загромыхла по объездной дороге, вдоль высоченной стены, утканной башнями из темного камня.

Справа курчавились сады, над которыми возносились в небо дивные терема — высоченные, с острыми крышами, обзорными вышками и луковками куполов.

— У верчей и терема на особицу. — Изрекла Саньша. — Так поглядеть — сплошное баловство, башенки да беседки на верхотуре. А на деле все разбирается в миг. И каждое бревнышко, слышь-ка, заостренное, ровно стрелка. Только вместо лука их мечут по воздуху ведьмы чистоградские. Далеко-далеко забрасывают, до реки по ту сторону. А захотят, могут и до слободок.

Я глянула с изумлением.

— Что, не веришь? Вот погоди, скоро Свадьбосев, ведьмы в кремле будут действо устраивать. Народу съедется — тьма! И из Цорселя послы придут.

Цорсель? Я уже было разинула рот, чтобы спросить, но тут Саньша взвизгнула:

— Павлины! Глянь, там!

И я забыла обо всем. На маленькой лужайке, уже начавшей прятаться в тени, красовались дивные птицы. Одна из них распахнула хвост.

Потом подвода свернула вправо и поехала вглубь садов. Из-за деревьев заблестели огни — нас встречали. Когда подвода остановилась, в последний раз громыхнув колесами, перед ней возвышалось громадное каменное здание на три поверха — палаты верча Яруни.

Соскочив с подводы, я подхватила корзину, взвалила на спину узел. Морислана уже стояла перед широким крыльцом с каким-то мужиком, охающую Аранию служанки вели в палаты под руки. От лестницы подбежали молодые прислужники в светлых рубахах, начали выгружать сундуки.

Идя вслед за Саньшей, бодро топавшей ко входу в палаты, я прошла мимо госпожи матушки и мужика, с которым она беседовала — тутеша, судя по виду. Одет он был богато, в верхнюю рубаху из блестящего синего шелка. Под короткими, по локоть, рукавами и в распахнутом вороте белела нижняя сорочица. Вот уж не думала, что и мужики такое носят. На вид господину было за сорок, под курчавую бородку с щек убегало несколько морщины.

Говорили они тихо, шепотом. Мужики у подводы гремели окованными сундуками, заглушая их беседу. Да только бабка Мирона сызмальства учила меня слушать сердце, а потому я с легкостью их слова расслышала.

— Завтра пир. — Это сказал мужик в синей рубахе. — Велено пригласить и тебя, госпожа, и твою дочь. Однако твое место будет на королевском мосту, а дочери велено сесть за стол верча Медведы. Не нравиться мне все это.

— Я пойду. Мы пойдем. — Судя по сведенным вместе бровям моей матушки и холодному тону, идти ей вовсе не хотелось. — Мы что-нибудь придумаем. И будем начеку.

Тут я ступила на лестницу. Слова их утонули в грохоте сундуков.

К деревянному терему, возведенному над каменными палатами, шла раскидистыми пролетами громадная лестница. Мимо нас стрелой промчались вниз Вельша и Алюня — теперь им нужно было отвести наверх Морислану, держа ту под руки, чтобы не утруждала белы ноженьки подъемом. Я поднималась, любуясь каменной резьбой на стенах и лестничной оградой из точенных жердин, глаза с восторгом на подсвечники, что вырастали прямо из стен, как диковинные цветы. На последней ступеньке нас поджидал Рогор.

— Ты — туда! — Немногословно приказал норвин Саньше. И ткнул пальцем в левую половину терема, где свету было поменьше. — А ты — за мной!

Он размашисто зашагал в правую половину терема, я заспешила следом.

Под жильё мне отвели светелку, дверь которой выходила в покои, занятые Морисланой. Один угол в ней занимала малая печка, другой — кровать с периной. А посередке и под окном оставалось ещё довольно места, чтобы сушить травы. Я огляделась и принялась разматывать завернутые в одежду запасы.

Ни одна из травок не попортилась в дороге. Даже те, что не успели высохнуть на сеннике, плесенью не пахли. Зато подаренные роскошные платья помялись, и это меня не порадовало. Я скинула с кровати перину, тщательно разложила на досках все три одежды, одну поверх другой. Укрыла поверху своей шалью из узла, чтобы защитить их от пуха.

Вот и ладно будет — мне спать, а им разглаживаться.

Тут в дверь постучали. Тонкий голос Алюни возвестил:

— Госпожа Морислана зовет!

Я спешно прикрыла платья периной, выскочила за дверь. Хозяйка дожидалась меня в крайней светлице своих покоев, замерев у окна.

— Подобру тебе, госпожа Морислана!

В ответ на мой поклон она кивнула — мол, подойди. Я сделала несколько шагов и бросила взгляд в окно за её спиной.

Если из моей светелки виднелась только крыша, шатром встающая напротив и озаренная далекими огнями, то из господского окна открывался вид на сад, где под кущами деревьев кто-то уже засветил ночники. Освещенная снизу листва расстилалась под окном подсвеченным узорочьем, а дальше сияли огнями палаты других верчей.

— Да, — Морислана проследила мой взгляд. — Здесь красиво. И опасно. Чего ты хочешь, Триша?

Я глянула изумленно. Может, и её чем-нибудь опоили? И когда успели, разве что в дороге исхитрились?

— Нет, я помню — мы с твоей наставницей договорились о бельях для тебя. И о платьях. — Задумчиво сказала хозяйка. Ласточкины крылья-брови на гладком лице чуть дернулись, поднялись на концах. Словно птица приготовилась сесть. — Однако сейчас я спрашиваю тебя. Чего ты хочешь от жизни?

Это было мгновенье, когда в моей голове пронеслось множество мыслей. Сказать Морислане о проклятии? Но если оно как-то связано с ней самой? И она не захочет, чтобы его сняли?

В общем, в конце концов я сказала совсем не то, о чем подумала:

— Хочу вернуться домой. Богатой.

Морислана насмешливо прищурилась. Не поверила, поняла я.

— Одни бельчи на уме? В твоём-то возрасте?

— Хочу много белья. — Я пожалала плечами. — С бельями всяк тебе рад. И ещё хочу узнать имя моего отца.

— К чему оно тебе? — Морислана глянула замкнуто, холодно. — Он мертв, его земельный надел отдан другому, родни нет, все померли. К чему тебе несуществующее имя несуществующего человека? Однако.

Она сделала паузу. Моей матушке чего-то от меня надо, сообразила я. Потом припомнила разговор, что подслушала сегодня на ступеньках. Может, это что-то, связанное с пиром?

Но кое-что Морислана мне уже открыла. Стало быть, мой отец был земельным. Как Онята, как её муж Эреш. Ишь ты, значит, я со всех сторон из господ.

— Тем не менее я готова назвать тебе его имя. — Сказала Морислана. — Однако в ответ хочу преданности. Случилось кое-что неожиданное. и все придется менять на ходу.

Я кивнула. Менять так менять.

— Завтра будет пир. — Негромко бросила Морислана. — С плясками. Туда пригласили меня и мою дочь. Причем меня король желает видеть за своим столом.

Я чуть было не спросила — а с чего бы? Но глянула на прекрасное даже в полутьме лицо моей матери и промолчала. И так ясно.

Непонятно было другое. Как господин Эреш со спокойным сердцем отпускает эту королевичну в столицу? Одну, безмужнюю, по пирам скакать.

— Но Арания сядет отдельно. Ей определили место за столом верча Медведы. — Беспокойно продолжила Морислана. — С одной стороны это хорошо, потому что именно сына верча Медведы я прочу в мужья своей дочери.

— А сын графы как же?! — Я изумилась, вспомнив все, что сказывала мне несколько дней назад бабка Мирона.

Морислана утомлено вздохнула.

— Женщина моего положения не выкладывает деревенской бабке все, что хочет сделать.

Восемь верчей на все Положье, вспомнила я. Восемь — и выше их только сам король. Моя матушка желает, чтобы её младшая дочь навечно угнездилась в здешних палатах. Вот это да!

— Но с другой стороны, сидеть за столом верча Медведы опасно. — Голос Морисланы дрогнул. — Жена верча не собирается посылать сватов в мой дом. А в прошлый приезд я слишком много спрашивала о предпочтениях юного Согерда. И боюсь, она меня заподозрила. Король почему-то захотел видеть меня за своим столом, хотя мне это не по чину. А моя дочь сядет одна. Случится может всякое.

Я кивнула. Морислана передохнула и жестко закончила:

— Поэтому ты пойдешь с ней на пир. Сядешь рядом, и будешь охранять. Пробуй все, что покажется подозрительным, опрокидывай блюда на пол, если что-то не так. Твоя неуклюжесть и дурные манеры только позабавят окружающих. Даже если кто-то заподозрит что-то, главное, чтобы Арания осталась после этого пира в добром здравии. От этого зависит даже больше, чем ты думаешь. Мы назовем тебя её двоюродной сестрой, которая осталась без родителей. Станешь госпожой. нет, не Триферьей. Просто Тришей. Госпожа Триша — звучит вполне прилично.

— Да я не рвусь в госпожи. — Безрадостно ответила я. — И потом, может, лучше не идти? Оставьте Аранию дома, вот и все.

— Нельзя. — Матушка качнула головой. — Приглашение сделано так, что отказать — пощечине подобно. Ты получишь много белья, поняла? И между делом присмотришься к Согерду. Его матушка все время начеку, ястребом за ним приглядывает, вместе со своей травницей. Однако нужно найти способ накормить его приворотным. Как бы ещё сделать так, чтобы этого не поняли.

По правде говоря, это было не мое дело — давать приворотное. Но бельчи, поход в Ведьмастерий и имя моего отца были достойной платой за многое.

— Я поговорю с Аранией. — Решительно сказала Морислана. — Алюня приготовит для тебя подходящее платье. И причешет твои волосы. Главное, помни — нос вытирают не рукавом, а платком, который для этого прячут в рукаве.

Я кивнула и спросила последнее, что хотела узнать:

— А что за страна Цорсель?

— Ты этого не знаешь?

Матушка глянула на меня, удивленно скривив губы. Я ощутила, как сами собой сходятся на переносице брови.

— Не довелось узнать.

— Цорсель — громадная страна на западе. — Она едва заметно вздохнула. — Когда-то она была гораздо меньше. Но потом Цорсель пошел войной на Норвинию, на родину моих предков, что лежит далеко на севере. И Норвиния пала. Судьба людей, что жили там, печальна. По-настоящему спаслись лишь те норвины, кто бежал сюда, в Положье.

— А что, были и те, кто спасся не по-настоящему?

— Были. — Морислана скривила губы. — Они остались там, они смирились, выжили. Но позабыли веру предков и имена своих богов. Если мы, если какой-нибудь норвин встретит их теперь, они не смогут даже понять друг друга. Речь их больше похожа на цорсельскую.

— А олгары? — Быстро спросила я. — Они тоже бежали в Положье от кого-то?

Морислана поморщилась.

— Можно и так сказать. Однако им удалось бежать под крыло положского короля вместе со своей землей. Когда на Олгарию стали накатываться племена с востока и юга, олгары потеряли больше половины своих владений. Но часть земель всё же отстояли. Если хочешь, я пришлю тебе книгу, где изложена история Положья.

Я вздрогнула. Читать-то меня никто не учил.

Но Морислана того не заметила. Сказала властно:

— О сказанном не болтай. Помни, будешь верно служить, вознагражу. А теперь ступай. Рогор за тобой будет ходить по-прежнему. Боюсь, как бы не повторился тот случай с Парафеной.

Я вышла, унося с собой мое смятение. И даже не сказала, что саможориха через три седмицы завянет, а значит, опасность минует.

В светелке стояла темень, так что пришлось идти за огоньком. Больше всего свечей горело на лестнице. Припомнив, что кормилица Кириметь завещала хозяевам делиться с гостями, я прокралась к ступенькам и выдернула из ближайшего кованного держака белую восковую свечу. Снизу уже звучали шаги, по лестнице кто-то поднимался, а из левой половины терема, где поселилась Саныша, вдруг донесся зычный голос Рогора. Я кинулась в светелку, прикрыв огонек ладонью.

Пустой подсвечник для моей добычи нашелся в углу, у небольшой печки. Едва с этим

было покончено, как в дверь постучали. Вошла Вельша, держа в руках поднос, протараторила:

— Тут с поварни прислали, для хозяек. Да только госпожа Морислана велела сначала к тебе отнести. А уж потом им подавать.

Она глянула хитро, и мне стало ясно, что девка кое-что знает. Больно уж лицо у неё стало шельмовское.

Я покорно зачерпнула ложкой варево из большой миски. Ощутила вкус — курячья похлебка на взваре от сушеных грибов. Подержала на языке, выискивая, нет ли чего непривычного — кислинки или горчинки какой, а то и ядовитой сласти. Неспешно отщипнула крошку от хлеба, съела ложку просяной каши с тыквой, сдобренной маслом и медом, отхлебнула от кваса и молока.

— Да вроде бы все ладно. — Сказала под конец.

Вельша улыбнулась краешком рта. Я поспешно добавила:

— Вкус, говорю, хороший. Так и передай.

Она хихикнула и умчалась. Потом пришла Алюня, принесла мне тарелку каши, кружку молока и наказ Морисланы — из светелки не выходить, пока она не позволит. Первую ложку я сначала подержала во рту, то же сделала и с первым глотком молока. И бояться не боялась — да кому я нужна? Но на сердце отчего-то было тяжело и беспокойно.

Ночью сон не шёл. Вставшая луна выложила серебром пятно от окна на досках пола, а я все ворочалась с боку на бок, перебирая в уме одну за другой тридцать калечащих трав. Часть из них вредила, будучи съеденной или выпитой в настое. Часть калечила одним прикосновением. А вдруг не успею заранее опознать отраву? Конечно, кое-что я пробовала, когда вместе с Мироной натыкалась на злую траву в лесу. Но не все, совсем не все.

От отрав и ядов мысли мои скользнули к Морислане. Я собралась в комок, обхватила себя руками и подтянула к животу согнутые ноги. Была ли это тоска по материнскому объятию или горечь из-за того, что собственная мать с легкостью готова обменять мою жизнь на жизнь сестры? Не знаю. Но изнутри меня словно глодал неведомый зверь. И выть хотелось волком, чего со мной никогда не было.

Глава шестая. Во пиру веселье

Наставшее утро, однако, унесло все печали прочь. Свет из окна заливал всю горницу, крася бревенчатые стены в желтое, птичье щебетанье прорывалось сквозь закрытое окно. Я встала, прошлась босиком, радуясь прохладе сосновых досок под ногами. Отворила окно.

Шатер крыши впереди блестел крашеным тесом, уложенным затейливой чешуей. Справа и слева, далеко внизу на земле, зеленели деревья, краешками виднелись палаты с теремами. Отовсюду наплывал густой запах сдобных хлебов.

Верно говорила бабка Мирона — курей считай по осени, а беды поутру. Ночные печали куда-то ушли. На душе было тихо и спокойно.

Зачем я страдала вчера вечером, теперь и сама не могла понять. Дела мои шли на лад, до Чистополя я уже добралась. И поселилась не где-нибудь, а в самом кремле, по соседству с положским королем. Как вернусь в Шатрок да расскажу кому о таком — обомлеют.

И осталось у меня всего две заботы — бельчи заработать да добраться до ведьм. А что рисковать придется, пробуя явства, так ведь денежки задаром никто не даст. Опять же, по совести говоря, на то я и травница, чтобы жизнь людскую охранять. А сестринскую жизнь или ещё чью, это дело пятое.

День между тем разгорался. Я отошла от окна, выбрала среди своих лент самую яркую, отливающую пламенем. Туго заплела косу, надела платье, привезенное из Шатрока, и выглянула из светелки.

Путь был закрыт. Рогор ночью притащил широкую лавку и улегся перед дверью из покоев Морисланы, через которую лежал моя дорога на лестницу. От скрипа петель норвин проснулся.

— Не велено. — Буркнул он. — И чего тебе не спится? Чесунчик, что ли, поймала? Сс вчерашнего велено госпожой звать, вот и живи, как госпожа. Спи, пока служанки не придут.

— Мне бы на двор. — Сказала я.

Но норвин только махнул рукой.

— Забудь. Горшок под кроватью, вот и пользуйся. Учись жить по-господски.

— Я просто погулять.

— Нет. — Строго ответил Рогор. — Сегодня пир с плясками, там и нагуляешься. А пока сиди в светелке, как девице господской положено.

Он снова опустил голову на скамью, вскинул руку, прикрыв широченным рукавом сонные глаза. Затих.

Я со вздохом отступила от двери, осторожно закрыла створку. Надо было найти дело.

Платья, пролежавшие всю ночь под периной, частью отгладились, но взамен начали пахнуть затхлостью. Пришлось раскидать их по кровати, а одно, лежавшее сверху, даже повесить на створку окна.

Потом я пересмотрела и перебрала травы, отложила в сторону по пучку хрящихи и беличьих ушек — первейшего средства, чтобы вызвать рвоту и вытянуть желчь. Сегодня, на пиру, если не распознаю вкуса отравы, одна из этих травок может спасти Аранию. Или меня.

Вот только в руке их не понесешь, а потому я достала иглу с ниткой, нашла среди своих сорочиц самую старую и отодрала от её подола полосу ткани. Потом села шить крохотные, в полпальца, мешочки. Дело было почти закончено, когда в дверь торкнулись.

Вельша опять принесла мне на пробу поднос, нагруженный едой. Следом прибежала

Алюня, держа в руках сладкий городской калач с кружкой кваса — для меня. Обе девки, и Вельша, и Алюня, с утра кликали меня госпожой, но при этом всякий раз всякий раз хихикали и постреливали лукавыми взглядами — мол, мы-то знаем, что почем!

В ответ я одаривала каждую хмурым взглядом, сведя брови на переносице. Сказано быть госпожой, значит, стану. Чай, не велика наука. Опять же, кому как, а мне такое дело, госпожой быть, положено от отца с матерью. По рождению, значит.

Глянув на моё лицо, личные прислужницы Морисланы и Арании сторожко поджимали губы. И удалялись, неслышно ступая.

В те дни я отчаянно гордилось тем, что с обеих сторон происхожу из господского роду-племени. Мне вспоминались все обмолвки, сделанные Мироной — мол, у нас-то все тихо и гладко, а вот у господ жизнь тяжелая. Такое у них в жизни бывает, чего простому люду и не снилось!

Я сравнивала свое увечье со страшным шрамом, что уродовал лицо молодого олгара Барыса, и думала, что они схожи. Только он пострадал от таинственных абульхарисов из страны Урсаим, а я от неведомых врагов, которые были то ли у моего отца, то ли у моей матери.

Кулич таял во рту, квас тоже был ничего, шибал в нос шипучим душком. Правда, у нас с бабкой Мироной квас все равно выходил злее, шипучее. Доев последнюю крошку, я снова села шить мешочки из лоскутов, теперь уже про запас. Потом обметала порванный подол сорочицы. Покончив с шитьем, выглянула в окошко.

Поднявшееся солнце блестело на крашенном тесе, запах хлебов сменился запахом печева и варева. Откуда-то остро пахло жареным мясом, какое мы с Мироной ели только на Свадьбосев да Зимнепроводы. Видать, в кремле сейчас кашеварили — снедью пахло отовсюду. Или все шло с королевской поварни, где готовили сегодня угощение на почестен пир? Я распознала дух от пирогов с зеленым луком и щавелем, потом от мясного варева. Были и ещё какие-то запахи, но те я даже не пыталась опознать, настолько они казались чудными и непонятными.

Солнышко жарило в окошко все сильнее. Я отошла вглубь светелки, решив от безделья взяться за скатерть, которую Мирона выдала в дорогу для узла. Полотно на неё пошло новое, только зимой белили... Я самолично морозила руки, распяливая тот холст мокрым на снегу. Так чего ж работе пропадать? Всякий знает — для вышивания лучше беленной холстины нет. Вот привезу скатерть обратно всю в узорочьях, бабка увидит и кивнет с одобрением. Нравилось Мироне, когда я рукодельничаю.

К холстине пристала пыль. По-хорошему, конечно, следовало её простирнуть, но мне по господскому обычаю теперь это было неуместно.

Так что я высунулась в окно и от души повытряхивала скатерть, заставив её шелкать в теплом воздухе навроде кнута. Потом, взмокнув, села на кровати, откинув подаренные платья и распялив холстину на коленях. Глянула на нитки в моточках.

Ниток было не густо. Если шить, так петельчатым швом, на него много не уйдет. По краю пустить полосу из цветов, лепестки едва обозначить, а в середине каждого лепестка нечастым швом цвет пометить.

Тут в дверь снова торкнулись. Влетела Саньша, зачастила:

— Госпожа Триша! Пошли мыться перед пиром. Хозяйка с дочкой с мыльни уже ушли, теперь велено тебе идти. А я помогать буду, как приказано...

На меня она косилась любопытным взглядом. Я отложила скатерку, начала искать

чистую сорочицу и сарафан. Саньша меня остановила:

— Ничего не бери. Там Вельша одежду тебе уж приготовила.

Я кивнула. Но уходя, кинула взгляд на платья, разложенные по кровати. Ещё одежда? Ох и щедра ко мне матушка. Вот только неспроста такая щедрость, ох неспроста!

Едва мы ступили на лестницу, откуда-то ужом вывернулся Рогор. И пошел за нами молчаливой тенью.

Мыльня пряталась в самом дальнем конце палат, в подклети. Рядом, из-за двери, пахло съестными запахами — поварня. Мы прошли мимо, не обращая внимания на попадавшихся по дороге чернавок, кидавших на Саньшу любопытные, а на меня — испуганные взгляды. Отворили оббитую кожами дверь и очутились в предбаннике, увешанном оленьими рогами. Рогор остался снаружи.

Приготовленное мне платье я увидела издалека. Оно висело, распяленное на одном из рогов. Укромного темно-зеленого цвета, по вороту и рукавам тонкой стежкой сделана прошва из мелкого жемчуга. И шнуры на боковых разрезах из шелка с жемчужным отливом, красота-то какая.

Там имелась и сорочица белого шелка, и короткие, по щиколотку, сапожки зеленого сафьяну. Я застыла в немом восхищении. Но Саньша, мигом скинув одежду, дернула меня за руку.

— Велено поторапливаться. Как закончим, придут мыться домашние верча Яруни, евоная жена с дочками. Так что не стой столбом, скидывай платьишко. Париться перед пиром не след, но волосы промыть нужно. Да и пот смыть, с дороги, чай.

Кивнув, я разоблакалась и молча пошла следом. В жарко натопленной парилке Саньша окатила меня горячей водой. Потом подступила поближе, держа в руке новую липовую мочалку. Но я ту мочалу отобрала, сказав, что обойдусь без подмоги, не старуха. Разве что спинку потереть попрошу.

Девка тут же радостно кивнула, исчезла, заскочила обратно в парную с тряпицей в руке. Присела рядом со мной, поливая себя слитым настоем золы и яростно проходясь по коже принесенной ветошью.

Какое-то время в парилке стояла тишина, потом Саньша сказала:

— А ко мне вчера Рогор приходил, велел тебя госпожой Тришей величать. Ты и вправду хозяйкам родственница?

— Двоюродные мы. — Пробормотала я, припомнив слова Морисланы.

— Вот оно как. — Она с пыхтеньем наклонилась вперед, полила светлые волосы зольным настоем, начала их перетирать в руках. — А чего ж ты раньше молчала? А то я к тебе по-простому, как к своей девахе.

— Я из бедных. — Отбрехала я. — Мне родом-племенем гордится не положено. Ты ж видела — в простых сарафанах хожу, травницким делом себе на хлеб зарабатываю. Тут не до господской спеси.

Она сочувственно кивнула и продолжила тереть голову, занавесившись от меня пологом соломенно-желтых волос.

Мыться мы закончили одновременно. Мне на плечи Саньша накинула полотенце. Сама лишнюю воду с тела согнала руками, тут же натянула сорочицу, не вытираясь. Видно, в господской мыльне прислуге полотенца не положены. Да и мочалы. Я нахмурилась, но ничего не сказала. Замотала голову полотенцем и принялась одеваться в оставленное.

Шелк сорочицы ластился к коже. Только со шнуровкой дело не заладилось. На левом

боку до шнура я дотянулась легко, и с завязкой справилась, а на правом не смогла. Изуродованную левую руку схватили судороги, едва попыталась ухватить концы шелковых шнуров.

— Дай-кось я. — Сказала Саньша, заплетавшая косу у горячей стенки предбанника, соседствовавшей с парилкой.

Она затянула мне шнур на правом боку, завязала, отступила на шаг.

— Ишь ты, чё одежда с людьми делает. Теперь всяк видит — госпожа.

Наверху в светлице меня уже дожидалась Вельша. Она требовала одну из моих сорочиц, кинула её мне на плечи, распустила волосы. И принялась их чесать, щедро смачивая пивом, сдобренным медом.

Когда она закончила, я глянула на одну из прядей и обомлела. Волосы сияли блеском вощенного дуба.

Как у Морисланы.

— Кровь-то не водица. — Со значением сказала Вельша, поднося к моему лицу небольшое зеркальце, принесенное с собой. — Волосы ну точь-в-точь как у нашей госпожи. Теперь всяк увидит, что вы родня. Ладно, побежала. Только ты смотри, косу-то не заплетай больше. От этого блеск уходит.

Она исчезла, а я снова принялась за скатерть.

После полудня мне постучали в дверь, велели выходить. Я ступила за порог и тут же наткнулась на Морислану. Госпожа матушка стояла в шаге от моей двери, позади неё замерла с надутым лицом Арания. Волосы сестрицы, в отличие от моих, были заплетены в олгарские косы, сходящиеся за спиной в единый жгут.

— Теперь слушай. — Быстро сказала Морислана. — Ты — дочь моего двоюродного брата, Иргъёра Ирдраара. Тутеши его называли Игором. Мой брат давно погиб на границе, поэтому опровергнуть твою ложь никто не сможет. И ты, и я будем говорить, что он успел жениться перед смертью. На тутешке, что жила в дальнем селе. После его кончины твоя мать, родив тебя, умерла с горя, и ты осталась с её дальней теткой. Поняла?

Я кивнула. Чего ж не понять.

— Ты не должна отходить от Арании. — Нахмурясь, велела Морислана. — Ни на шаг. Даже в отхожую клеть для господских дочерей будете ходить только вдвоем. Все пробуй, на все смотри, за всеми примечай. Меня зови тётей, её — сестрицей Аранией. Имя твоё — госпожа Триша Ирдраар. Идем, и да защитят нас Дин и Трарин!

Она развернулась, поплыла неспешной лебедушкой. Следом зашагала насупленная Арания, позвякивая бляхами в косе — серебра почти не видно, сплошь блестят алые камни. А уж потом пошла я. За дверью второй светлицы нас дожидались норвины, Рогор и Сокуг.

Поплутав меж кремлевских садов, где высились каменные палаты, отделанные резным камнем, мы вышли к дворцу. Высоченный, длинный как стена, он оказался больше всех домов, что я до этого видела.

Стояло королевское жилище в самой дальней части кремля, и даже на взгляд выглядело темным и старым, старше всех палат. Ни один наличник не украшал высокие окна. Легкого бревенчатого терема над дворцом тоже не имелось — сверху донизу тянулся только камень, угрюмый, поросший мхом и покрытый кое-где странными трещинами. Такие идут по льду на лужице, как ударишь в него пяткой.

Кроме нас, к дворцу двигались и другие. Все разряженные, в многоцветных одеждах,

блистающих жемчугами и камнями. Большинство были тутешами, часть — норвинами, в коротких душегреях, запоясанных дорогими наборными поясами, в снежно-белых рубахах с широченными, складчатыми рукавами. Платья женок, что шли рядом с норвинами, укрывали по спине куски тканей, стелющиеся по ветру, как большие шали, наброшенные двумя углами на плечи.

Имелись и олгары — мужчины в богатых душегреях, сплошь шитых жемчугом и бисером, женщины в платьях, что тонули в оборках, с двумя косами, сзади сходящимися в одну.

— Смотри, — сердито сказала приотставшая Арания, оборотясь ко мне на ходу. — Мать и меня хотела в такое обрядить. В такое, с оборками! Только я, не будь дурой, не далась. Волосы, правда, отстоять не сумела. Вот и иду теперь на почестный пир, как тутешская простолюдинка. Заплетенная! С косами! Проклятая Вельша ещё и затянула их натуго!

Она сердито фыркнула, а я промолчала, не зная, что ответить.

Мы прошли через двустворчатые двери, широко открытые, блестящие на солнце железом. Украшенные литым узором — птицы, похожие на дроздов, порхали средь ветвей. Каждая створка оказалась толщиной в локоть. Двери охраняли четыре молодца в серых полукафтаньях, шитых серебром — королевские жильцы, а попросту стражники, как я потом узнала. На поясах у них висели длинные мечи в простых кожаных ножнах, сужавшиеся к концу, что твое шило.

Рогор и Сокуг остались у входа. Мы вместе с народом шагали дальше, в малую залу, от которой вверх уходила лестница. Потом через двери по правую руку вышли в громадную светлицу. Здесь в четыре ряда стояли столы, укрытые красными скатертями, на столешницах красовалась богатая утварь.

А сверху от одной стены к другой перекинулся мост. Повис посередке, в воздухе над столами. К нему с двух сторон тянулись каменные лестницы, лепившиеся к стенам долгими, пологими уступами. Из-за кромки моста выглядывал стол, за которым сидели люди. Лишь середина его оставалась пустой.

Внизу, в светлице, пришедшие на пир рассаживались, негромко разговаривая. Люди обходили нас, как река обтекает камень, спешили по своим местам.

— Я посажу вас за стол верча Медведы и уйду. — Дрогнувшим голосом сказала Морислана. — Помните мои наставления. Ты, Арания?

— Помню. — Хмуро ответила моя сестрица.

Морислана кивнула, храня свой всегдашний спокойный вид. Но лицо её чутко погрустнело, а губы дрогнули. Потом она обратилась ко мне:

— Ты, Триша?

— Да, помню.

Она ещё раз кивнула и с достоинством поплыла вперед. Мы устремились за ней, как цыплята за клушкой — и не было у нас ни её стати, ни её горделивости в походке.

Отовсюду на меня сыпались колкие взгляды. Но долго не глазели, быстро отводили взгляд. Несколько девиц испуганно скривили лица, зашептались с соседками. И отвернулись.

Стол, к которому неспешно шла Морислана, стоял неподалеку от дверей. Госпожа матушка дошла до его середины, неспешно поклонилась, возвестила:

— Доброго вам дня, великая госпожа Ерислана и господин Согерд! Благодарствую, что пригласили мою дочь Аранию за свой стол на этом пиру. Велика моя радость, не высказать её словами. С ней спутница для этого пира, дитя моего погибшего брата Иргьёра, госпожа

Триша Ирдраар.

Она отступила вбок, перестав нас загораживать. Арания поклонилась в пояс, я поспешно согнулась вслед за ней, запоздав на два удара сердца, не больше.

А выпрямившись, встретила взгляды. Много взглядов. Будь на мне одно из деревенских платьев, может, все пошло бы по-другому. Но гладкий прохладный шелк сорочицы, льнущий к телу, придал храбрости. Я приветливо улыбнулась — как и положено вежественной гостье перед хозяевами. Несколько баб в богатой одежде тут же отвернулись.

Великая госпожа Ерислана сидела прямо перед нами, по ту сторону столешницы. За ней торчала высокая резная спинка стула, в то время как все остальные разместились на лавках. Из себя она была высокая, с лицом, на котором все гляделось каким-то крупным — и глаза, и нос, и губы, и подбородок. Платье на Ерислане оказалось самым блескучим за столом, цвета пламени и сосновой смолы, на вороте и рукавах сияло золотое шитье, искрились желтые каменья. Под стать одеянию были и волосы — густые, буйной рекой утекавшие за плечи, полыхавшие осенним листом, где золото сплетается с рыжиной. В глазах, больших и светло-карих, отсвечивала та же рыжина.

Рядом с ней, широко расставив локти по столу и сгорбившись, примостился крупный парень со светлыми волосами. Широкое лицо украшали рябины от уже заживших угрей, на лбу и подбородке пылало по свежему прыщу, оба воспаленные и болезненные даже с виду.

А кого часто опаивают, у того кровь портится, вдруг вспомнились мне слова бабки Мироны. И выходит та порча чирьями да пятнами прямо на лице, не спрячешь, не залечишь. Вот оно как.

Аж сердце жалостливо ёкнуло. Хотя чё жалеть? Бедолаге по любому пару себе не выбрать — как-никак, сын верча. Не я, так другая травница сотворит молодому господину судьбу, привяжет сердце молодецкое к зазнобе, о которой он до этого и не помышлял.

На Аранию наследник Согерд даже не глянул, вылутился сразу на меня. Я и ему улыбнулась. Нам не жалко. Он слегка дернулся.

— Мы рады принять юную госпожу Аранию, пока её матушка украшает собой королевский стол. — Ласково сказала крупнолицая жена верча. И тоже улыбнулась.

Улыбка у неё вышла славная — широкая, добрая, глаза оперились добродушными морщинками. А вот слова получились не очень. Стол украшают посуда, еда да скатерти. Но никак не мужняя жена, к этому столу приглашенная.

— Жаль только, что вашу родственницу Тришу мы не звали. И не ждали. — Все так же добродушно сказала Ерислана, глянув на меня без следа отвращения или брезгливости на лице. — Может, за столом олгарского верча, Алтына Берсуга, найдут для неё свободную лавку? Он ведь друг вашего мужа, не так ли, госпожа Морислана? Терен, проводи госпожу Аранию к её месту за моим столом.

С дальнего края стола поднялся мужичонка с бледным, неприметным лицом, одетый в рубаху серого полотна, шитую алым шелком. Двинулся к нам.

Морислана спокойно ответила:

— Что скажет мой супруг, господин Эреш Кемеш-Бури, когда узнает, что я оставила нашу дочь одну на пиру? Как не жаль, но это не по олгарским обычаям. Простите, великая госпожа. Олгарка не может сидеть за столом, где нет ни одного её родственника, это закон. Печально, но мне придется.

— Да как можно. — Мягко пропел Терен, который тем временем уже дошел до нас. — Великая госпожа Ерислана, и вы, госпожа Морислана, дозвоьте молвить слово. Для дочки

пропавшего на границах доблестного воя Игоря любой из нас уступит свое место. Да вот хотя бы и я.

Он улыбнулся с той же добротой, что и его госпожа. Кожа у меня на хребте стянулась в ледяную корку. Ишь как они хотят удержать за своим столом Аранию. Ох, неспроста такое вежество. Смогу ли, угадаю ли яд-отраву?

— Что ж. — Ерислана продолжала улыбаться, но глаза её по мне так и рыскали. Словно дырку искали или знак какой. — Подзабыла я олгарские обычаи в последнее время. Простите великодушно, госпожа Морислана. Терен, распорядись.

Тот перегнулся в поясе, воскликнул:

— Не беспокойся, матушка! Все сделаем в лучшем виде!

И слегка поклонился уже в нашу сторону, широко повел рукой, отступая назад. Его лицо тоже не дрогнуло, когда он мазнул по мне взглядом.

— Прошу вас, юные госпожи.

Арания двинулась первой, высоко вскинув голову. Я пошла следом. За нашей спиной Морислана начала громко благодарить супругу верча, суля той за доброту к бедной сироте неслыханные милости от всех богов — и от тутешской Киримети, и от норвинских Дина с Тарином, и от олгарского Тэнга. Потом голос её затих.

Устроили нас на дальнем конце стола, на самом углу. Терен остро глянул — и молодая девица в лазоревом платье потеснила соседнюю бабу. Ещё один мужик просто пересел на другую сторону стола. А ведь Терен обещал мне свое место отдать! Выходит, врал.

Я села и огляделась. Госпожа матушка уже уходила, направляясь к лестнице у стены громадной горницы. Ещё немного — и она начала скользить по ступенькам к мосту, повисшему под потолком.

Справа от меня разместилась Арания, рядом с ней опустился на лавку Терен. Моё место оказалось на самом углу. Слева, на конце столешницы, сидел старик в темной рубахе из домотканого полотна, обшитой по вороту и груди облезшими соболями.

Едва я уселась, он подслеповато сощурился в мою сторону и приветливо улыбнулся — похоже, не разглядел как следует. С одной стороны у старика не хватало половины уха, со лба под седые редкие волосы уходил широкий шрам.

На столе перед каждым стояла широкая глиняная миска, расписанная цветами. Сбоку лежала дорогая оловянная ложка — и ещё одна, вроде и ложница, но вся в прорезях, навроде вил. Я глянула вбок. Такие же штуки лежали перед Аранией и Тереном. Значит, господа щи хлебают не только простой ложкой, но и дырявой? Чего только не удумают.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Посередке столешницы тянулись серебряные блюда с ковригами хлеба, серебряные же солонки и непонятные мелкие склянницы. Народ негромко гомонил, громадная горница заполнялась, за столами свободных мест уже почти не осталось.

Все чего-то ждали, даже подслеповатый старик рядом со мной сидел тихо, молча глядя перед собой. Сестрица Арания вертела головой, разглядывая гостей — бляхи в её косе звенели колокольцами. Терен что-то обсуждал с соседом, молодым справным мужиком лет двадцати пяти-тридцати, с шапкой жестких черных волос, обрезанных по самые скулы. И хоть одежда на нем была тутешская, выговор звучал по-норвински. При том, что цветом волос он походил на олгара. Ох и намешано тут все в Чистограде.

От скуки я принялась изучать узор на красной скатерти. Тонкие строчки выписывали согнутые венками березовые ветки. Шито было мастерски, стежки легли в ниточку,

ровненько.

Тут кто-то заорал:

— Идет король-батюшка, володетель Положья и Олгарских верчеств, верч Чистоградский, хозяин над стругами Касопы-моря и Дольжи-реки! Радуйся, люд положский!

Я подняла глаза, ожидая увидеть всех этих четырех господ, о которых только что прокричали. Все глядели вбок, и я повернулась туда же.

От входа шел высокий господин. Верхняя рубаха из белого шелка пошита так, что нижней и не видно, по оплечью полосой идет узор, шитый черной нитью — небольшие птицы, похожие на дроздов, переплелись крыльями, слившись в ожерелье. На голове, несмотря на летнюю пору, красовалась соболья шапка, на тулье чешуей блистали темно-красные, почти черные камни. Надо лбом высилась выходившая прямо из темного меха стрела, тускло-серого металла — железо? Наконечник заостренным листом глядел в потолок, кончик даже на вид казался острым — мне показалось, что я различила царапины от точила.

Народ за столами вставал, я тоже приподнялась. Никто не кланялся, но головы все держали низко, согнув шеи. Я опустила голову, исподлобья глянула на идущего. Выходит, король — батюшка, володетель, верч Чистоградский и хозяин каких-то стругов — все это он? Один на четыре звания?

Королю Досвету было под пятьдесят. Шел он бодро, живота не имел и гляделся молодцом. Белую рубаху в птицах распирали крепкие плечи, угловатые, но не костлявые, не подпернутые жирком. Перед тем, как взойти на лестницу, король-батюшка остановился, обвел горницу взглядом.

И вот тогда все поклонились. В пояс, низко, кое-где звякнула посуда, потревоженная лбами. Только подслеповатый старик рядом со мной и ещё несколько таких же болезных старинушек запоздали с поклонами.

Я склонилась быстро, предусмотрительно отодвинув на тот край стола блюдо с караваем. По усохшей руке стрельнула судорога, перекручивая пальцы. Я сунула кулак под столешницу и покрутить им там, разминая.

— Подобру тебе, люд положский. — Пророкотал король.

Гости начали выпрямляться, несколько голосов зычно гаркнули:

— Поздорову, король-батюшка! Благодарствуем за хлеб, за соль, за приглашение!

Прочие поддерживали клич нестройным гулом лишь в конце. Король Досвет махнул рукой и принялся взбираться по ступенькам. Люди усаживались. Я расслышала, как подслеповатый старик, пристраиваясь поудобнее на лавке, бормочет:

— Опаскудился народишко. Раньше-то как кричали, эх! Дворец дрожал. А нынче, кабы не пара кричальщиков, то и спасибо королю-батюшке сказать никто не хочет.

Терен с другой стороны от Арании громко сказал:

— Да, раньше все было не так, верно, господин Дюжата? И березы w о А зеленей, и девки ядреней. А нынешних, немочье семя, и жменью-то не пожмякаешь — ни заду у них, ни грудей, сплошные оглобли.

Конец стола зашелся в смешочках. Старик по имени Дюжата сжался. И жалко было его, заступиться бы, да только.

Только ужас как не хотелось вызывать на себя досужие взгляды. Но ведь старику от этого не легче?

Я скривилась — те, кто меня видел, враз смолкли — и громко сказала, обращаясь к

соседу:

— Не подскажите, господин Дюжата, когда начнут разносить еду? А то в наших краях гостей сразу за полные столы сажают. Здесь же, как вижу, все миски пустые стоят.

Лицо его отмякло, он с придыханием начал объяснять мне, как кормят гостей на королевских пирах.

Когда прислужники в алых верхних рубахах понесли по рядам глубокие позолоченные и серебряные блюда с кушаньями, я уже знала о королевских пирах все. Ну, или почти все. Блюда подавались по очереди — сначала жарено и копченое, потом закуски и заедки с огорода, грибное, потом мясные и курные похлебки, пироги и пирожки с двенадцатью начинками, рыба перемена, и только после этого на стол несли сладкие пироги и медовые узвары, знаменуя сладостями конец пира. Яблок, груш и вишен к столу в этот раз не ожидалось — не по месяцу, поскольку было лишь начало лета.

Из блюд каждый клал себе в миску, сколько надо. Все, за чем мне нужно было уследить — чтобы Арания брала только от того куска и с того края блюда, где я уже сняла пробу.

Первыми на стол принесли жареных уток, баранью прожарку и копченые в дыму свиные ребра. Потом настал черед квашенной капусты, свеклы в уксусе, груздей соленых, жаренных сморчков, молодой морковки в сметане, соленых огурцов, оставшихся ещё с прошлого года, но все ещё хрустевших на зубах.

Арания, к моей радости, поперед меня ни к одному блюду не совалась. И всякий раз брала лишь то, что я уже опробовала.

Только один раз спросила:

— Сестрица Триша, вон те огурчики не желаешь ли?

Я понятливо кивнула, уволокла с блюда огурец побольше, отхватила себе четвертинку ножом, лежавшим на блюде с хлебом. Съела, остальное щедро перекинула в миску Арании.

И удостоилась изучающего взгляда от Терена, сидевшего рядом с моей госпожой сестрицей. Учужал что-то. Я улыбнулась, сказала:

— Мы с сестрицей любим угощаться с одного куска. Т ак, Арания?

— Истинно так. — Подтвердила она, двумя пальцами ухватываясь за огурец и с хрустом в него вгрызаясь.

— Кровное родство, — гладко сказал Терен. — Всегда проявляется в сходстве вкусов. Не желаете и это попробовать?

Он зачерпнул ложкой с блюда, стоявшего от нас в стороне. И плюхнул на миску Арании небольшой кругляш бурого цвета. Я отчекрыжила половину, спешно метнула в рот.

Язык и небо ожгло сразу. Хорошо хоть, что сидела на углу — так что развернулась и выплюнула кус прямо на пол. Прислужник в алой рубахе, разливавший мед неподалеку, глянул нехорошо. Бабы на другой половине стола зашлись смешочками.

Ухватившись за кружку рядом с миской, я жадно глотнула. Ядреный квас смыл огонь не сразу. Отдышавшись, объявила:

— Не по тебе лакомство, Арания. Не трожь его.

В такой штуке можно спрятать любое зелье — острый вкус забьет все. Сестра хотела что-то сказать, но её перебил Терен:

— Дело в том, что уважаемый Дюжата, говоря о нравах на пиру, кое-что забыл. Наложное в миску съедается обязательно. Иначе это будет бесчестье королю и оскорбление хозяев стола. Уже и то, что ты выплюнула, есть поношение.

Врет, подумала я. А как же наказ Морисланы швырять на пол все, что покажется

подозрительным? Однако прочие за столом смотрели, выжидая. И никто не возразил. Я на мгновение замерла, решая, что лучше сделать — сразу опрокинуть миску Арании на пол или взять оставшееся себе и поступить с ним так же, как с первым куском? Но тут сбоку отозвался Дюжата:

— Уж не заморский ли овощ перуга лежит у вас в миске, юная госпожа? Давненько я его не пробовал — с тех самых пор, как меня стали сажать в конце стола. Не поделитесь лакомством со старым воем, немало послужившим Положью мечом и копьем? Все равно для юных девиц перуга непригодна, ибо вкус имеет огненный.

Арания с облегчением ткнула миску мне в руку, я перегрузила бурый ошметок Дюжате. Тихонько сказала:

— Вы бы, господин, поосторожнее. Оно жжется.

Старикан улыбнулся, ложкой в прорезях отчекрыжил крохотный кусок от перуги, соединил его с жареным сморчком.

— А я по чуть-чуть. Оно мне только всласть пойдет.

Мать-Кириметь, пусть в этой отвратной перуге не будет яда, подумала я, провожая взглядом ложку Дюжаты. К тому же я её уже пробовала.

— Доброта к старым воям. — с той стороны заявил Терен. — Украшает всякую девицу! Даже самую, гм. поднимем же чары за госпожу Аранию и госпожу Тришу!

Мужчины сдвинули чаши с хмельными медами, отвернувшись от меня и по большей части взирая на раскрасневшуюся Аранию. Дальше пир продолжался спокойно. Блюда с явствами приносились и уносились, тутеш с черными олгарскими волосами, сидевший по ту сторону от Терена, то и дело заговаривал с сестрицей. В ответ та хихикала и смущалась. Больше ей в миску Терен ничего не подкладывал.

И я успокоилась. Даже начала поглядывать на мост, висевший над горницей. Сверху доносились взрывы хохота, гул разговоров. Веселье.

Под конец подали медовые и творожные пироги. После них прислужники в красных рубахах пошли вдоль столов, скидывая в миску каждому гостю по шарiku. Яркому такому, вроде как из моркови слепленному. Я замерла. Клади шарик сами прислужники, гостям выбирать не позволяли. А вдруг кто из них подговоренный? А вдруг шарик отравленный?

— Это пирожные. — Вполголоса пояснила мне Арания. — Редкое лакомство!

И одарила меня вопросительным взглядом — мол, как выкручиваться-то будем? Терен смотрел с насмешкой.

— Сестрица Арания. — Громко сказала я. — Давай поменяемся. Шарик, что тебе достался, больно уж мал. Уж как я вам с тетушкой Морисланой благодарна за приют, за ласку к бедной сироте! Уважь, сделай милость, съешь моё пирожное, моё-то поболее будет! Дай хоть так отплатить!

Сестрица с облегчением выдохнула, спешно перекинула мне в миску своё угощение. Терен хитренько улыбнулся.

Внутри, на разломе, диковинное пирожное оказалось белым. На язык попались странные, никогда мной не пробованные зерна, разваренные до липкой мякоти. И замешанные на киселе со сливками и медом, густом, как масло. Поверх шарика слоеной лепилась нарезанная тонкой лапшой морковь, на язык — отваренная на меду до прозрачности. Где б такие зерна найти — я бы такое сготовила дома для бабки Мироны.

Арания принялась за шарик только тогда, когда я уже проглотила своё угощение. Но доест не успела — с моста зычно выкрикнули:

— Кончен пир, гулянью начаться! Выходи, положский народ, на площадь перед дворцом. Что поедено-попито, в плясках растряси!

Люди начали подниматься, загремели отодвигаемые лавки. Арания спешно дожевала шарик и вскочила. Я встала следом. Неспешно, в конце толпы гостей, мы вышли во двор.

Солнце уже клонилось к вечеру, от садов тянуло прохладой. Мы с Аранией, выйдя чуть ли не последними, очутились на задах кольца из приглашенных. Сзади, от дверей, кто-то завопил:

— Король положский, володетель Положья и Олгарских верчеств, верч Чистоградский хозяин над стругами Касопы-моря и Дольжи-реки! Дорогу королю-батюшке с королевою!

Народ спешно расступился. Мы с Аранией вдруг оказались на самом краешке разогнувшегося людского кольца. Я на всякий случай вцепилась ей в рукав — в толпе потеряться легко, а сойтись тяжело. И устоялась на выходивших из дворца.

Впереди всех шагал король Досвет. После пира по его лицу пролег пятнистый румянец. Ступал король уже не так молодцевато, как прежде, походка стала тяжелой. Один раз он даже шаркнул ногой по камню. По левую руку, с нашей стороны, рядом с Досветом шла красавица, чуть поплосше Морисланы. Соболиный волос с рыжиной, лицо белое, бровями расчерчено. И одета в белое платье, схожее с королевской рубахой, с узором из тех же птиц на подоле. Макушку укрывал соболиный венчик с рядком из темнокрасных камней. Королева, сразу видно.

А по правую руку от короля ступала такая чудная баба, каких я ни в жисть не видала. Худая, высокая, вся в черном, и только волосы белые, длинные, по ветру полощутся, камни дворовые метут. Лицо такое же белое, словно мукой присыпанное. Прямо мертвячка. Не удержавшись, я дернула Аранию за руку.

— Кто это? Ну, в черном?

— Главная ведьма из Ведьмастерия. — Прошипела в ответ госпожа сестрица. — Не можешь, что ли, потом спросить? Что за дремучее невежество деревенское!

Я, не отвечая, впиалась взглядом в белое лицо. Вот оно. Главная из их Ведьмастерия, и на расстоянии всего пяти шагов от меня! Эх, кабы не эта толпа да не пир.

Заглядевшись на ведьму, я поначалу и не заметила девицу, что шла за королевской четой. Но Арания дернула меня за руку, жарко зашептала в ухо:

— Ты глянь, какое платье на королевшне! Цорсельское, не наше! Ох, любота!

Я и глянула. Сама королевшна, идущая вслед за родителями, на лицо была бледна и невзрачна. Так себе, хоть и королевшна. Вот только платье на ней выделялось. Сшили его не цельным куском с плеч до подола, как наши, а из частей. Грудь прикрывала короткая душегрея до пояса, узкая, не вздохнуть. Снизу подшиты две юбки — одна сплошная, другая распашная, с прорезью по переду. И рукава пузырями, на серебряной тесьме. Если душегрею скроили из голубого атласа, то на юбки и рукава пошел белой шелк, густо тканый серебром.

— Ох, лепота! — Шепотом ныла рядом Арания. — Вот бы мне такое! А то меня то тутешское, то в олгарское рядят, и никакой тебе перемены. Вот выйду с-под маменькиного крыла, сошью себе справки на цорсельский лад. Пройдусь такой же павою!

Я, не слушая её, глянула дальше. За королевской семьей и ведьмой шли восемь мужиков в богатых одеждах, большей частью немолодые, с широкими спесивыми лицами. На двоих надеты олгарские расшитые душегреи. Восемь положских верчей, подумала я. Следом шагали ещё люди, среди них мелькнуло бледное лицо Морисланы.

Вышедшие заполнили то место, что оставалось в разрыве людского кольца. Госпожа

матушка вдруг очутилась рядом с нами, требовательно глянула мне в лицо. Случайно или нет, но тогда же я заметила в толпе черноволосого тутеша, что сидел на пиру рядом с Тереном. Стоял он неподалеку, смотрел на царскую семью, как и прочие — только ухо было повернуто к нам.

— Ну и славно же мы посидели на пиру, тетушка Морислана! — Я улыбнулась. — Сестрица Арания самый сладкий кус со мной делила, меня, сироту, угощала. Тут напоследок вкуснющими пирожными оделяли — так я ей за то свое отдала, оно потолще да повкусней показалось. Как могу, так и плачу вам за милость, уж не обессудьте!

Морислана соизволила улыбнуться. На лице её словно что-то отмякло. Тут из толпы гостей, что теснились за верчами, кто-то завопил:

— А ну, пляски давай! Потешим короля-батюшку, королеву-матушку! Давай, ребятушки! А кто первый в пляс, тому перстень враз!

С верхних окон дворца запели дудки, рассыпались трелями балалайки. Им ответил бубен, зачастил, выводя плясовую. С той стороны людского круга в центр вылетел светловолосый парень в желтой, как одуванчиков цвет, рубахе. Вдарил подкованными каблуками по камням, прошелся в переплясе, рассыпая звонкую дробь. Пропел:

— А хожу, гляжу, красну девицу ищу! А выходи, станцуй со мной, я парнишка холостой!

Под крики и хохот кто-то вытолкнул ему навстречу крупную деваху в богатом парчовом платье. Та сначала замерла, но парень отбил перед ней каблуками задиристое дробное коленце — и она поплыла по кругу, выгнув спину, раскинув руки лебедиными крылами. На лицо, склоненное набок, упали волны темно-русых волос. Парень шел следом, топоча камни, отзывающиеся гулким стоном.

Вслед вышла ещё пара, и ещё. Заводиле в желтой рубахе, когда собрался выходить из круга, со стороны верчей кинули перстень. Тот поймал, нанизал на палец и скрылся в толпе.

Плясали долго. Парные пляски сменил мужской перепляс, разухабистый и страшноватый. Потом балалайки и бубны смолкли, дудки запели нежно, сладко. В раздавшийся круг вышли девки. Морислана вытолкнула к ним Аранию. Та пошла охотно, бляхи, навешанные на косу, звенели на каждом шагу. В хоровод встали и тутешские девки, и олгарские, и норвинские. Заскользили яркой цепью, закружились, сложили четыре круга — один внутри другого.

На небе уж разгорался закат, скрытый от людей на площади темной громадой королевского дворца. Косые лучи красили алым цветом верхушки кремлевских теремов. А девки пели:

Льется песня в Чистограде,
Отзываясь во посаде,
И над Дольжею-рекой
Вторит песне волнобой.
Мирны весны, мирны жатвы, Тихи отчие дома,
И хранит положски села Пограничная тропа.
И в ночи, и в непогоду
Вои тропку берегут.
Ведьмы знаки расставляют,
Укорот врагам дают.

Я такую песню не знала, а потому заслушалась. Однако вокруг, куда ни глянь, все болтали да хихикали. Лишь Морислана, как и я, стояла молча, не сводя глаз с Арании, кружившейся в хороводе.

— Ну, хорош тоску разводить! Тут госпожа ведьма желает мастерство показать! Брысь, девки! — Рывкнул неожиданно тот же голос, что призывал начать пляски.

Я вытянулась в струнку, ища глазами бабу в черном. Ведьма покажет мастерство? Вот уж свезло так свезло! Увижу в деле ведьму чистоградскую, да не какую-нибудь, а главнейшую!

— Я не спешу. — Простуженным голосом заявила ведьма в наступившей тишине. — И с радостью бы дослушала.

— Да ты что, матушка! — Разорялся все тот же голос. — Ведь вечереет, как мы твои чудеса увидим? Мы ж не мыши летучие!

— И впрямь. — Поддержал его бабий голос — то ли самой королевы, то ли королевичны. — Уважьте, госпожа Аленьша, покажите, что хотели. Скоро уж ко сну идти.

Толпа заволновалась, всколыхнулась — девки возвращались к своим мамкам-родственникам. Арания встала рядом, шепнула:

— Ох и люблю хороводы! Правда, песни у нас все старые. Бают, в Ламаньском верчестве другое поют, есть там такой певец-затейник. вот бы его послушать!

Морислана одарила её взглядом — ровно крапивой хлестнула. Арания смолкла, надувшись.

Черная фигура меж тем скользнула в центр круга, вскинула руку. Все затихли.

— Сначала старое. — Все тем же хрипловатым — с простудой — голосом сказала ведьма.

Появился прислужник с большой крытой корзиной и пучком лучинок. Отдал лучинки ведьме, сунул руку под крышку и выпустил голубя.

Птица вспорхнула, ушла в вышину. Поймала на белое оперенье закатное зарево, словно в кровь окунулась. Ведьма подкинула одну из лучинок, поставила под неё ладонь с распряленными пальцами — та застыла в воздухе, подрагивая. Потом баба в черном вскинула голову, едва заметно повела пальцами. Лучинка исчезла, а через мгновение горлица курлыкнула и упала вниз. Точнехонько в круг на площади.

Кое-кто, как и я, ахнули, но большая часть толпы молчала. Арания глядела со скукой, словно такие чудеса были ей не в новинку. Лишь Морислана смотрела на ведьму, не отрываясь. На бедную горлицу госпожа матушка не глянула.

На следующий заход прислужник выпустил уже трех голубей, потом шесть. Ведьма метала каждый раз по несколько лучинок — три, шесть.

— А теперь новенькое. — Хрипло объявила баба в черном, когда десять птиц улеглись на круг.

Перешептывания, какие были, враз смолкли. Белогубое и белобровое лицо, словно выточенное из льда, озарилось улыбкой. Страшной такой, с натугой. Вроде как лед на реке треснул.

Давешний прислужник ушел, на смену ему в круг ступил другой. В небо выпустили ворона. Он хлопнул черными крыльями, метнулся вбок.

Ведьма выцелила его белым пальцем, странно так сказала:

— Хлоп!

И черный комок упал с неба. Почему-то по наклонной, на самый край круга.

Разлетелись перья, пахнуло горячей волной смрада — словно что-то стухло.

— Прощенья просим, госпожа Ерислана. — Неспешно сказала ведьма.

И я увидела, что плюхнулся-то ворон у самых ног крупной бабы в платье цвета смолы и пламени. Т а стояла, окаменев — глаза прищурены, губы чегой-то дергаются.

— Ежели ворон вам платье подпортил, пришлите его к нам в Ведьмастерий, мы все поправим. — Все так же неспешно предложила ведьма. — Платье, конечно, не ворона — того уж не воротишь. Сами понимаете, волшебство новое, необъезженное. Бывает, чего уж там.

— Я понимаю. — Через силу выдавила Ерислана. Она тоже вроде как простыла, голос хрипел. — Ничего, у меня другие платья есть.

Ведьма заростила трещину-улыбку на своем лице, скрипнула:

— Честь и хвала верчу Медведе, что держит жену в довольстве. Прощевайте, люди положские. Теперь уж только на Свадьбосев увидимся.

— Прощевай, госпожа ведьма! Бывай поздорову! — Хором отозвался круг.

И расступился, пропуская страшную высокую бабу в черном. Вслед за ней развернулся король, тоже собираясь уходить. Несколько голосов закричали здравницу королевской семье.

Морислана схватила одной рукой меня, другой — Аранию, и потащила нас из толпы. Ко дворцу верча Яруни.

Глава седьмая. За пиром похмелье

В тереме госпожа матушка отослала Аранию отдыхать, а мне взмахом руки приказала следовать за ней. Я и пошла.

Пока нас не было, в покоях навощили полы. Пахло медом, подошвы липли к полу, доски поскрипывали. Алюня спешно зажигала в горницах свечи — солнце уже закатилось за окоём, сгущалась темень. Морислана, поджав губы, выждала, пока прислужница не покончит со свечами. Наконец девка выскочила за дверь — и Морислана тут же спросила:

— Что было на пиру?

Я пересказала, не забыв упомянуть про помощь господина Дюжаты. Добавила:

— А опоить ихнего наследника просто. Я уж присмотрелась.

Ложки дырчатые, навроде вил, у всех гладкие, из олова — а у Согерда с мамашей золотые. И каждый штырь завитком идет. Можно намазать приворотное по завитухам, на золоте зелье незаметно. Одно плохо, много не намажешь, так что меру приворотного придется давать не сразу, а в несколько разов. Потом.

— А потом, — перебила меня Морислана. — Надо завести его в храм Киримети прежде, чем Ерислана заметит случившееся. В этом главная трудность. Я поняла. Что ж. Верч Медведа из тутешей, и Согерд по отцу верует в Кириметь. А великая богиня-кормилица разрешает супругам порушить семью, только если этого желает жена. Это в тутешской вере мне нравится больше всего.

Она выпрямилась, поморщилась, потерла правый бок.

— Ещё нужно найти человека, который намажет вилцы наследника приворотным зельем. Ну а прочее по ходу дела. Неплохо. Весьма неплохо. Ступай.

Морислана махнула рукой, высылая меня из горницы. Но я не пошевелилась.

— Перед пиром вы обещали назвать имя моего отца, если все пройдет хорошо.

Морислана опять сморщилась, да так, что на лбу появилась непривычная для неё морщина.

— Быстро просишь. Пока что вся твоя служба — нарядилась госпожой да посидела за господским столом.

— Я туда не рвалась. — Напомнила я. Без угрозы, но и без угодства.

— А вы обещали, что скажете имя.

— В обмен на преданность. — Госпожа матушка качнула головой. — Но не в обмен на сиденье на пиру.

Я замерла. А ведь и правда, ясного уговора про имя отца у нас с ней не было, одни намеки.

— В следующий раз никуда не пойду. — Пригрозила я ей. — Коль у тебя, госпожа Морислана, все слово в слово, то и у меня все слово в слово будет. Ты меня как травницу нанимала, а не по пирам расхаживать потешной девкой, косые взгляды ловить. Вот и не жди от меня больше снисхождения, об Арании заботы.

Она вдруг глянула — и с жалостью, и рот брезгливо перекосив. Потом разгладила лицо, глянула вбок, в пустоту светлицы.

— Ладно-ладно. Варята, вот как звали твоего отца. Господин Варята, сын Калиня. Когда-то ему принадлежал земельный надел в Новинском верчестве, потом он погиб на границе. Калинь, его отец, сложил голову там же, мать умерла задолго до этого. Больше в их

семье никого не было, так уж получилось. И больше я ничего не скажу. И говорить об этом снова не желаю. Поняла?

— Спасибоочки, госпожа Морислана. — Со всем моим вежеством поблагодарила я.

Госпожа матушка ответить не соизволила, услав меня прочь резким взмахом руки.

Алюня, видать, успела пробежаться и через мою светелку, потому что на этот раз меня внутри ждала зажженная свеча. Я переоделась в простую сорочицу, привезенную из деревни. Укрыла печку своей зимней шалью, и бережно разложила по холстине зеленый наряд. Погладила ластящийся к руке шелк. Хорошо бы Морислана не потребовала его назад. Вот приеду домой, да одену эту красоту, а потом выйду на праздник — то-то люди подивятся! Такого в Шатроке ни у кого нет, даже у Малки, дочери Арфена-мельника.

А если ведьмы снимут проклятье, с таким платьем и другим лицом быть мне на селе красавицей. Может, даже первой. Я улыбнулась и ещё раз погладила ткань.

Мыслей у меня в этот раз было много, так что уснуть скоро не удалось. Сначала я ворочалась и думала об отце, несчастном погибшем Варяте, которого никогда не видела. Каким он был? И как погиб? Успел ли увидеть меня перед смертью, или скончался прежде, чем я родилась? Раз Морислана не хотела об этом говорить, придется разузнать все самой.

Начну с прислужников верча из этого Новинского верчества, решила я. Глядишь, и доберусь до того, кто знал отца самолично.

Зато теперь я знала, что по отцу родом из тутешей. Значит, правильно делаю, когда прошу у Киримети помощи — под её защитой мне положено быть. А не под опекой Дина и Трарина, норвинских богов, которым молится Морислана.

Потом мысли перекинулись на ведьму, виденную на пиру. Раз она главная в Ведьмастерии, как сказала Арания, значит, сил у неё побольше других. Вот к ней и надо пробиваться, нечего тут на приспешниц размениваться.

Наконец я уснула — и увидела сон, в котором склонялась над нашей речкой Шатеркой, над заводью под яром, где в прошлом году утонула одна из сельских девах. Тихо, лист не шелохнется, ни ветерка, ни дуновенья, и речка Шатерка лежит передо мной гладкая, как стекло.

Я глядела в воду и видела в ней своё лицо, отраженное в речной глади — лицо Морисланы. Волосы лились по плечам, цветом и блеском такие же, как у моей родительницы.

А потом я вдруг очутилась на главной улице Шатрока. Все село высыпало из домов, и я поплыла меж ними неспешной лебедушкой. Вслед глазели парни, одобрительно кивали мужики, перешептывались бабы и зло шурились все наши девки. От таких переживаний я даже во сне взопрела и зарделась.

Наутро сон вспоминался мне со стыдом, смешанным с радостной надеждой. Одно огорчало — я никак не могла вспомнить, в каком платье гуляла во сне по Шатроку. Прямо хоть плачь.

Дверь из покоев опять сторожил Рогор, так что половину следующего дня я проскучала в горнице, вышивая скатерку и пробуя еду, которую прислали для Арании с Морисланой. Зеленый наряд свисал частыми складками с боковины беленой печки. Убирать его не хотелось, ещё помнется.

Вскоре после обеда прибежала Алюня и велела идти к Морислане. Госпожа матушка встретила меня в кресле с высокой спинкой, в светлом платье, как всегда красивая до немоты. Раскиданные по плечам волосы сияли и переливались.

— Подобру тебе, госпожа Морислана.

— Хорошая новость. — Перебила она меня. — Прислужник, готовый намазать вилцы Согерда приворотным, уже найден. Твое зелье настораживается так же, как и зелье твоей наставницы?

— А то. — Я пожала плечами. — От неё у меня вся наука, иначе не можно. Сжечь три девкиных волоса, намешать с приворотным — и давать.

— Бери. — Она кивнула на стол у окна.

На шитой скатерти лежал гребень с темными волосами.

— Иди и принеси готовое зелье. — Царственно распорядилась Морислана.

И вдруг перегнулась, прижав руки к животу, извергла себе на ноги большой сгусток крови, перемешанный с желчью и слюной. Подняла голову, глянула, расширив глаза. Лицо её быстро белело. Прямо на глазах.

— Что. что это?

Дыхание тут же оборвалось, а потом пошло снова, но тяжело, с хрипом и свистом. Мне почему-то вспомнилось, что Морислана всегда дышала легко и неслышно, тише котенка.

Я бросилась к ней.

Перетащить госпожу матушку на постель сразу не получилось — Морислана пожелала сначала сменить платье на чистое. Пришлось звать Алюню. Кончилось это тем, что у Морисланы снова пошла кровь ртом. На этот раз она резко перегнулась вбок, уберегая одежду.

— Ушат волоки. — Приказала я Алюне, когда Морислана наконец вытянулась на кровати. — И простыни. Воду кипящую и ключевую. А ещё кружку для заваря.

Алюня крутила головой, глядя с ужасом то на свою хозяйку, то на сгустки крови на полу. Пришлось рыкнуть:

— Беги, что стоишь?

И только тогда она унеслась, споткнувшись о порог и издав тонкий всхлип.

Я осмотрела Морислану как положено. Отогнула веко, губу, глянула на язык. Желтизны не было, но была синюшность. И язык сухой, с белизной. Помяла ей руками живот — мягкий, но болезненный.

Морислана лежала молча. Тяжело, со свистом дышала, и казалась погруженной в свои мысли. Я осмелела настолько, что без спросу приложила ухо к её груди. Сердце колотилось часто-часто, словно госпожа матушка только что пробежалась по лестнице, от входной двери до самого терема над дворцом.

Ох ты ж мать Кириметь-кормилица. по всему выходило, что где-то внутри Морисланы сейчас хлестала кровушка.

Пока я думала об этом, Морислана сдвинулась к краю кровати и, свесив голову, аккуратно извергла на пол целую лужу кровавой рвоты. На этот раз без сгустков, ярко-алую. Словно только что из жилы хлестануло. Помахала тонкими пальцами, прося дать ей тряпку, чтобы вытереть рот. Я подхватила, сдернула со стола скатерть и сунула тряпицу ей в руки, уже начавшие мелко дрожать.

После чего понеслась в свою светелку, оставив госпожу матушку одну. Кое-какие травы у меня были. но не все.

А тут и все травы могли не помочь.

У двери светелки меня поджидал Рогор.

— Что случилось? Алюня вся перепуганная убежала, только крикнула, что Морислане

плохо.

— Очень плохо. — Поправила я. — Боюсь не совладать, да и нет при мне всех нужных трав. Знаешь здесь какую травницу? Беги к ней, скажи, что кровь из кишков хлещет, да изо рта бежит. Пусть несется со всем припасом, что есть.

Он исчез, а я побежала за семицветом и трясицей. Когда вернулась, у кровати Морисланы толклись все три девки — Алюня, Вельша и Саньша.

А скатерть в руках госпожи матушки была окровавлена, почитай что вся. Я выхватила из рук у Саньши кружку, сыпанула туда полную пригоршню семицвета, наспех перетерев в жмене. Рывкнула:

— Вареную воду!

Вельша плеснула из ковша кипятка, едва не обварив мне руки. Я застыла у кровати, выжидая, пока трава заварится. Морислану тем временем опять вывернуло кровью, Вельша едва успела подставить ушат. Это смерть, подумала я, глядя на ярко-алый круг, плескавшийся в узких берегах ушата, сбитых из тонких досок. На полу Алюня подбирала тряпкой лужи крови.

И все же я сунулась к умиравшей с кружкой, в которой медленно — Кириметь-заступница, как же медленно! — отмокали обломки сухой травы. Подняла ей голову, прижала глиняный край к синим губам, надавила на подбородок.

— Пей.

Морислана глянула таким взглядом, словно я все удалялась и удалялась от неё. Но кружку выпила, хоть и через силу, давясь и захлебываясь. Потом хрипло выдохнула:

— Наклонись. Ко мне.

Я низко склонилась над кроватью, и она вцепилась дрожащей рукой мне в волосы, притянула так, что моё ухо почти прижалось к её губам.

— Старшая. Ты — старшая. Аранию тебе. гляди за ней. Убереги. Глупая.

Она хотела ещё что-то сказать, но тут двери с грохотом распахнулись, и горницу заполнили встревоженные люди. Тут была полная женщина в темном платье, с корзиной, полной травных мешочков, служанка с горшком, исходившим паром, незнакомый мне мужик в богатом одеянии. или я его где-то видела?

Приведенная травница спросила, отдуваясь и пыхтя:

— Что давала?

— Семицвет, жмену. — Сообщила я. — Трясицу не успела.

Она кивнула, выхватила у меня из рук кружку и принялась сыпать туда свои травы. Я отступила. Так положено у травниц — когда одна работает, другая не мешай, если не просят. К тому же у неё должен быть живолист, которого не было у меня.

Только одна мысль билась в голове — теперь я и впрямь стану полной сиротой. И хоть Морислана назвать меня дочерью не желала, а все ж приходилась мне родительницей.

В светлицу уже заглядывала Арания, глаза у неё были большие, губы кривились, то ли в ухмылке, то ли в испуганной гримасе.

— Что с маменькой?

— Иди к ней. — Велела я. — За руку поддержи. Заболела она.

— Маменька никогда не болела. — Арания глянула на кровать. Испуг наконец-то вышел на её лицо.

Я подтолкнула дуреху в ту сторону, а сама вдруг заметила испачканное платье Морисланы и окровавленную скатерть, которые Алюня сгребла в угол. Выбрала из кучи

скатерть, подняла и перетерла сочащиеся кровью складки в руках, словно стирала холстину.

А потом распялила.

В углу, в одном-единственном месте, складки слиплись, словно их сцепили ниткой. Вот и подтвердилась моя догадка. Ошиблась матушка-то. Она считала, что на вчерашнем пиру ловушку готовят для Арании. А вышло, что для неё.

— Кольша. — Выдохнула я.

Травница у кровати, только что сумевшая влить в горло задыхавшейся Морисланы полкружки настоя, подняла голову, глянула на скатерть и встретила со мной взглядом. Кивнула, соглашаясь.

Кольша-травя, живоглотиха и убивица. Растет она на дне прудов с непроточной водой, в самой середине, в глубине. Чтобы превратить её в чью-то смерть, нужно нырнуть, достать волокнистых, гибких стеблей — а потом перекинуть в бадейку с водой, и тут же, не вынимая, размять. Выбрать тонкие жилы из мякоти, порезать мелко, все там же, в воде. И надломить каждый кусочек жилы надвое, крючком.

Потом можно вытаскивать на воздух и сушить — крючки усохнут, станут крохотными, пальцем не поймаешь, глазом не ухватишь.

Крючки из кольши закладывают в еду перед тем, как дать съесть тому, чьей смерти желают. Попав во влажное, они снова растут. И вцепляются в кишки. Через день, через день и ночь — кому как повезет — набухающие жилы достигают своей полной величины. Еда, съеденная после этого, будоражит крючки, и они начинают распарывать кишки. Хлещет кровь.

Смерть.

Я вспомнила пирожные, которые дворцовые прислужники клали в миски гостей по своему выбору. Обволакивающая мякоть с зернами. Самое то, чтобы спрятать россыпь крохотных крючков.

Но матушка сидела на мосту с самим королем. Значит, и там подают отраву?

У кровати вдруг громко закричала Арания. Травница отступила, одергивая засученные рукава и горестно поджимая губы.

Теперь я полная сирота.

Я вышла из светлицы первой — не было сил видеть девок, жмущихся к стене, и воющую над матерью Аранию. За дверью путь мне преградили Рогор и Сокуг.

— Госпожа Морислана? — Спросил Рогор. Больше для порядка спросил. По лицу было видно, что норвин уже понял все.

Сокуг только молча зыркнул.

— Скончалась. — Я опустила глаза и заметила, что платье на мне пропиталось кровью.

— Надо поговорить. — Рогор глянул настойчиво, требовательно. Особой печали на его лице не было. Задумчивость имела, словно норвин о чем-то раскидывал умишком.

Вот Сокуг, тот в отличие от него смотрелся опечаленным.

Я кивнула, не желая отвечать, и пошла в свою светелку. В голове кружились мысли — и что теперь? Морислана мертва, её нужно обрядить в последний путь, а Арания. ей лучше вернуться в поместье под Неверовкой. Там дом её отца, там её место.

И там ей будет безопаснее, чем здесь. Хотя. Морислана уже мертва, а значит, и её мечты о замужестве для дочери — тоже.

Рогор посторонился, пропустил меня, и зачем-то зашагал следом. Сокуг остался у двери. Войдя в светелку, я подхватила скатерть, разложенную по постели, начала обтирать руки.

Вышиванье, за которым просидела половину дня, пошло темно-алыми пятнами.

Сзади Рогор осторожно прикрыл дверку. Встал, идолище норвинское, прямо у меня за спиной, в шаге, не больше.

— Отчего умерла госпожа Морислейг?

Голос Рогор понизил. Норвинское имя моей матушки царапнуло по ушам. Не по-нашему оно звучало, по чужому.

Однако мне тогда показалось до ужаса верным то, что норвин называл Морислану именем, данным её от отца с матерью. Когда жизнь окончена, остается только то, с чем ты её начал — тело и имя.

— Трава-потрава. — Я выпустила скатерть из рук, отшвырнула её к стенке.

Прости меня, бабка Мирона, что к твоей холстине да с таким небрежением.

Просто на ней кровь моей родительницы.

Рогор ждал за спиной. Не спрашивал больше, молчал.

— Кольша. — Наконец ответила я, не оборачиваясь. — Подводная трава. Из кольшинных жил делают крючки, сушат, те усыхают до малости. Потом их подмешивают в еду, и они снова набухают. Все нутро рвут в клочья.

Он не стал спрашивать — а разве нету супротив этого средства, а что ж вы не пробовали заговор какой, а как же травки, а другая травница с припасом? Но я все равно сжалась, потому что втайне этого ждала. Трудно людям объяснить, что чудодейственные заговоры хороши, когда у тела есть время их выслушать. И что даже две травницы не спасут того, кто уже не жилец.

— Ты уверена? — Ровный был голос у норвина, аж жуть.

Я кивнула, все ещё не оборачиваясь.

— Её рвало кровью. В извергнутом был крючок из кольшиной жилы. Самолично нашла.

— Где могли подсунуть эту гадость госпоже Морислейг?

Он не спросил «кто». Значит, многое знал. И по-прежнему именовал Морислану Морислейг.

— Вчера на пиру подавали лакомство. — С усилием сказала я. — В самый раз спрятать такую штуку. Мягкое и липкое. Пирожное называется. И прислужник всем накладывал по штуке, своей рукой.

Я сердито мотнула головой — в груди словно червь сидел, и грыз изнутри, до того странно там ныло. неужто горюю? Может, это просто страх? Как-никак, и мне могли подсунуть пирожное с кольшей, и я могла умереть такой страшной смертью.

Всю мою жизнь, все мое детство и всю мою юность Мирона учила меня травкам. Я наизусть знала то зло, которое они причиняют. И до этого при мне умирали — но наши, сельские, бабы и мужики, иногда дети. Смерти у них тоже были наши, сельские — от болезней, от встречи со злым зверем в лесу, от несчастного случая.

Смерть Морисланы была первой смертью от намеренной потравы, которую я видела. И за что? За попытку оженить парня, пусть и очень знатного? Да слыхано ли это? Наверно, потому и ныло в груди.

Даже с Парафеной, подумалось вдруг мне, и то обошлись милостивее. Она выжила, а Морислана — нет.

Я зло мотнула головой и отошла в угол, где лежала одежда. Взглядом поискала в стопке сарафан, да попроще — не время рядиться.

— А не говорила ли госпожа Морислейг чего-нибудь особенного перед смертью? —

Спросил вдруг Рогор.

Последнюю волю умирающего замалчивать нельзя. Я призналась:

— Просила приглядеть за госпожой Аранией. Да разве простая травница может приглядеть за господской дочкой?

— Ну, как сказать. — Со значением сказал норвин, пока я тянула из стопки летний сарафан из пестрядины. — Госпожа всегда знала, что делала. Думаю, тебе лучше побыть госпожой ещё недолго.

Моя рука с сарафаном застыла. Я глянула на сложенные вчера вечером платья, подаренные Морисланой в её доме под Неверовкой. То, что дали для пира, с жемчугом, самое роскошное, тоже осталось у меня. Так что играть госпожу я смогу, рядиться есть во что. Вот только.

— Зачем? — Вырвалось у меня.

— Госпожа Морислейг на вчерашнем пиру объявила, что ты её племянница. — Доверительно сказал Рогор. — И если ты вдруг перестанешь ею быть, кое-кто начнет задавать вопросы. А поскольку госпожи Морислейг уже нет, то задавать их станут госпоже Арании. Или уж сразу вам обеим, чтоб быстрее. Оно тебе надо?

Я отшвырнула сарафан обратно на стопку и взяла лежащее сверху темно-зеленое платье. Красное и голубое были слишком радостными для этого дня.

— Так-то оно лучше. — Одобрительно сказал Рогор, наблюдавший за мной. — К тому же на господскую одежду у тебя все права. Как-никак и по матери, и по отцу из господ.

Я развернулась и глянула на него в упор. В первый раз за все время Рогор показал, что знает, кем мне приходилась Морислана.

— Алюня тебе поможет. — Пробурчал норвин, отводя глаза. — Не уходи, пока она не придет. Только просьба у меня одна. Нужно, чтобы травница, стоявшая у постели госпожи Морислейг в её последний час, поклялась перед знатными норвинами из дома Ирдраар, что ту отравили. И рассказала, где и как ей могли подсунуть ту отраву.

— Зачем? — Опять спросила я.

Рогор задумчиво посмотрел в пол, прищулив глаза, словно увидел там нечто невидимое. Поднял руку, потер впадинку под нижней губой.

— Тут дело не простое, госпожа Триша. Знатную норвинку из дома Ирдраар отравили. За это назначат большой легед.

Я сделала полшага к нему, он пояснил:

— Плата за кровь. Узнав все, дом Морислейг даст вознаграждение тому, кто принесет голову убийцы. Потом, такого ещё не было. Я уверен, и прочие норвинские дома захотят вложиться. Норвинку убили, пока она была в кремле! Во всех домах будет шум. И многие заплатят, чтобы узнать хоть кусочек правды.

— Да чё гадать-то. — Вырвалось у меня. — На чьего сына Морислана замахивалась, тому и смерть её нужна была. Ерислана, не иначе.

Рогор хмыкнул, покрутил головой.

— За попытки оженить юного Согерда ещё никого не убили. Кое-кому, говорят, испортили девку — но и только. Нет, госпожа Триша, не верь тем подозрениям, что плавают навроде тухлой рыбы сверху. Они обычно тухлой рыбой и оказываются. Так как насчет нашего дела? Ты выйдешь свидетельствовать перед домом Ирдраар?

— Да. — Возглас вырвался у меня слишком громко.

— Хорошо. — Одобрил норвин. — Кто-то должен отомстить за несчастную Морислейг,

верно? И если дети перестанут мстить за своих родителей, то куда покатится мир?

Он резко развернулся, прошагал к выходу, распахнул дверь. Из приоткрытой створки донесся чей-то вопль:

— Пошлите за Глердой!

Вслед зазвучали тяжелые шаги, но дверка тут же захлопнулась, и звуки отрезало.

По дороге в мыльню Алюня то и дело икала, пряча заплаканные глаза. На лестнице дворца и на первом поверхе было странное затишье — ни души, словно все попрятались. Пока мы шли по проходу подклети, мимо двери поварни, двери справа и слева то и дело открывались. Оттуда наружу высовывалась то бабья, то мужская голова. Смотрела выпученными глазами короткое мгновенье и снова пряталась.

— Здешние-то, — глухо прошептала Алюня, — прячутся! Ровно чумные мы теперь.

Помылась я быстро. Испачканное деревенское платье Алюня прибрала, сказав, что сама стирает. Той лукавой девахи, что ехидно хихикала, называя меня госпожой, больше не было — Алюня только что не кланялась, принимая от меня вещи, а потом поливая на руки отстой золы и воду. То ли смерть Морисланы её напугала до дрожи, то ли Рогор что-то сказал.

Обратно в терем мы шли в молчании, сопровождаемые все теми же испуганными взглядами из-за неожиданно открывавшихся дверей. Наверху лестницы стоял набычившийся Рогор.

— Верч Яруня призывает к себе госпожу Тришу.

Он махнул рукой в сторону Алюни, та исчезла, испуганно ойкнув. Придвинулся ближе, склонился ко мне.

— Ты, госпожа Триша, поосторожнее там. Кланяйся не в пояс, а до земли, верча называй великим господином Яруней. И о Ерислане лучше не заикайся. Не твое это дело — меж верчей лезть, они и так между собой не ладят. — Он понизил голос до шепота. — Яруня знает, что ты Морислейг не племянница, но на людях этого не покажет. И ты помолчи. Он тебя простой травницей считает, которую госпожа наняла по надобности. Если вдруг спросит, куда собираешься после всего, отвечай, что домой, в родное село.

Он отступил на шаг, громко возвестил:

— Ступай за мной, госпожа Триша! Я покажу, куда идти.

И зашагал вниз по лестнице.

Глава восьмая. Проклятье

Горница, куда привел меня норвин, смотрелась богато. Стол и лавки застилала лиловая ткань в золотых узорах, с синими и алыми кистями по краям. Подзоры на окнах поблескивали густо нашитым жемчугом, в резных поставцах у стены высились стопками странные кирпичи, утянутые тисненной кожей, с чудными золотыми знаками по бокам. По беленым стенам тянулась роспись — розаны и многоцветные птицы, от потолка до пола.

У окна на лавке сидел тот самый мужик, который заявился в горницу Морисланы вместе с травницей. Лицо широкое, как лопата, по краю поросло кудрявым волосом, коричневым с сединой. Голова тоже с проседью, по углам тонкого рта коромыслами залегли глубокие морщины.

Напротив, у стены, сидела и травница — молчком-тишком, скромно положив руки на колени и опустив глаза.

— Великий господин Яруня! Вот родственница госпожи, которую ты искал. — Рогор, вошедший первым, отбил низкий поклон и исчез.

Я молча махнула поклон до земли, поздоровкалась:

— Подобрю тебе, великий господин Яруня.

Тот нетерпеливо махнул рукой, приказывая подойти. Я сделала несколько шагов.

— Госпожа. — на этом слове у верча дернулся угол рта. — Триша. Я знаю, что ты знакома с травническим делом. Ты тоже считаешь, что госпожа Морислана умерла от травы, которую травницы именуют кольшей?

— Ясен пень. — Подтвердила я. — От неё.

Верч прищурился.

— Поскольку госпоже Морислане и её дочери в моем доме приносили один поднос на двоих, выходит, отравили её не здесь. Иначе вместе с ней умерла бы госпожа Арания. Морислана приехала в кремль только позавчера вечером. И до сих пор никуда, кроме как на пир, не отлучалась. Значит, там, на пиру, её и отравили.

Он вскочил на ноги, оскалился то ли зло, то ли радостно.

— Гляньте, люди добрые, что твориться! Отравить знатную женщину на королевском мосту, за столом самого короля! Да ещё как отравить! Те, кто это сделал, ответят, не будь я верч Новинский! А если в этом замешан верч Ламаньский.

Мысли мои скакнули. Яруня — верч Новинский! Значит, в этом доме и нужно спрашивать о моем погибшем отце, Варяте. Вот только навряд ли здешняя прислуга знает какого-то земельного. может, лучше спросить самого верча?

Тут в дверь стукнули и глухой голос из-за створки сказал:

— Госпожа Г лерда пожаловала.

— Проси! — Рывкнул верч.

Дверь распахнулась. Вплыла высокая худая женщина в узорчатом платье, с гривой светлых волос до колен. Поспешно спросила:

— Верно ли сказал посыльный? Госпожа Морислана мертва? Клянусь глазом Дина, я до сих пор не верю! Возможно ли такое.

— В наше время возможно все. Даже потрава гостей за королевским столом. — Раздраженно сказал верч. — Трава по имени кольша, Глерда. Я и не знал о такой. Какие-то травнические штучки.

Он кивнул в сторону бабы в темном платье, здешней травницы.

Та откликнулась:

— Истинно так. И трава эта заповедная, в тутошной местности её не найти. Ещё те повывели, что до нас врачевали. Дело-то простое, хоть и дорогое. Сыпанул мешок соли в пруд, и прощай, трава-потравушка. Значит — привезли издалека. Или оттуда, где человек не живет.

Травница смолкла. Госпожа Глерда после её слов сморщилась, пробежалась по горнице взглядом, наткнулась на меня. Покачнулась, отступила назад на шаг и глянула на верча, вопросительно надломив тонкую бровь на высоком лбу.

— А это. — С запозданием сказал господин Яруня, подвигав мощным подбородком — видно было, что ищет слова. — Это госпожа Триша, дальняя родственница Морисланы. Она с покойной рядом была, когда той стало плохо. Тоже смыслит в травницком деле. И подтверждает, что речь идет об отраве.

Глерда высоко вскинула обе брови.

— Родственница Морисланы? Вот как?

— Дальняя. — Небрежно сообщил Яруня. Шагнул вперед и заслонил меня от взгляда женщины в узорчатом платье. — Но сейчас не время говорить об этом.

Он махнул рукой, травница шмыгнула за дверь.

— Нужно решить, что делать дальше, Глерда. И тут госпожа Триша, как родственница Морисланы — и самое главное, Арании — может нам помочь.

Глерда, вытянув шею, глянула через плечо Яруни прямо на меня. В углах глаз собрались куриные лапки горестных морщин.

— А что думает об этом сама госпожа Триша?

Верч на мгновение оглянулся.

— Думаю, она согласна. Ведь ты же согласна, госпожа? Все, что тебе пообещала за помощь госпожа Морислана, будет исполнено. Но дело должно быть закончено.

— Какое дело-то? — Я внезапно охрипла.

Верч Яруня, не оборачиваясь, отчеканил:

— Юная Арания должна стать женой Согерда. Впрочем, её можно заменить на любую другую девицу. Можно даже на не знатную — пусть Медведа потом злобой исходит. И женка его заносчивая тоже. Сын Ерисланы не должен жениться на той, кого она выбрала. Вот и все. Не так уж и трудно, верно?

Я замерла. Белое лицо Морисланы с кровью у рта мелькнуло перед глазами. Игры у господ серьезные, не на жизнь, а на смерть.

И меня прикончат под замашку, не пожалеют. Конечно, бельчи — дело хорошее. Но мертвой деньги ни к чему. Вот отравят, как Морислану, и уйду в Кириметев мир, в Наднебесье, горькой тенью. Поминай тогда, бабка Мирона, как ученицу звали-кликали.

Я выдохнула с хрипом — горло отчего-то сжалось, и воздух не выпускало. Вроде как в последний раз дышу.

Пусть Рогор говорит, что госпожу матушку убила не Ерислана — норвин простой прислужник, может и не знать всего. Или знать, да не то. Ишь как беспокоится верч Яруня — чешется ему оженить чужого сына. А меж тем из-за простого приворота не убивают. Что-то тут зарыто, всенепременно.

Припомнилась мне и травница в темном платье, что прибежала в светлицу к умирающей. Явилась она вместе с верчем, значит, живет тут, во дворце. Отчего же Яруня не

просит о той услуге свою травницу, а обращается ко мне, к незнакомой девке из деревни? Вину от себя отводит, если Медведа с Ерисланой озлятся?

Потом мысли метнулись к Арании. К госпоже матушке особой благодарности я не испытывала — не за что, да и дочерью она меня не считала. И все ж забыть о её последней воле не могла. Не по-человечески это — плюнуть на слова умирающей. И сама Кириметь-кормилица добрым оком на такое не взглянет. Если по-хорошему подойти, глупую деваху следует отвезти домой, и послать весточку отцу.

Мое долгое молчание встревожило верча. Он оглянулся, посмотрел с нехорошим прищуром, улыбнулся широким ртом. Вроде ласково, но желваки по щекам так и заходили.

— Молчишь? А я хорошо заплачу. Мое верчево слово твердое, ходить тебе в шелках, красоваться в золоте.

Я уж собиралась было сказать нет, но тут вмешалась Глерда:

— Великий господин Яруня, позволь мне перемолвиться словом с госпожой Тришей. Только наедине. Шутка ли — девица только что потеряла родственницу, вся в горести сидит, а ты с делом к ней подступаешься. Хоть Морислана и дальней родней ей приходилась, по твоим словам, а все ж кровь не водица. Я женщина, мне её уговорить легче.

Верч неожиданно даже сопеть перестал, и стало слышно, как горестно зудит, бьется над жемчужным подзором усталая муха. Потом Яруня проворчал:

— Не было ещё такого, чтобы меня в моем доме просили выйти из горницы. Но будь повашему. Я в обеденной зале посижу, тут напротив, кваску похлебаю. Кликните, как закончите.

Он вышел, набычившись и тяжело покачиваясь на ходу, широкоплечий, громадный, страхолюдный. Муха прозудела последний раз и смолкла. Глерда тем временем скользнула к одной из лавок. Села, постучала ладошкой по лиловому с золотом полотну, застилавшему скамью:

— Присядь, госпожа Триша. В ногах, как говорят у вас, у тутешей, правды нет.

Я села.

— Насколько дальней родней ты приходишься Морислане? То есть приходилась? — Спросила вдруг Глерда.

— Я дочь. — в горле почему-то появился комок. — Её двоюродного брата Иргъёра. У нас его кликали господином Игором. Племянница, стало быть. То есть была племянница. Двоюродная.

Сказала и подумала — а правильно ли я назвала имя брата Морисланы? Но на память пока вроде не жаловалась.

— Значит, Морислана была твоей тетей? — Глерда глянула ласково, расширив светлые, словно водой промытые глаза. Серые, как туман над речкой Шатеркой поутру.

Мне внезапно подумалось, что взглядом баба в узорчатом платье похожа на Морислану. Но следующие её слова выбили из моей головы все думки:

— Надо признать, что ты и впрямь похожа. Нет, не на саму Морислану. Помню, лет двадцать назад я видела в её доме младенца с похожим лицом. Девочку.

Мои колени разогнулись сами, поднимая меня над лавкой.

— Сядь. — Глерда глянула снизу вверх, глаза её сияли, как бегучая вода на гольцах-перекатах. — Теперь, когда ты видишь, как много я знаю, может, поговорим откровенно?

Я хлопнулась задом о лавку, но рта не раскрыла. Нехорошие предчувствия у меня были, аж в груди что-то заскреблось. Морислана погибла, а меня увлекают в ту же заваруху. И

Глерда во мне Морисланину дочь признала. Ох, неспроста это. При таких раскладах молчать да слушать нужно, а говорить — только по надобности.

Вот только как смолчать, когда хочется спросить так много?

— Я всегда думала, что же случилось с тем младенцем.

Не гляди она при этом так проникновенно, может, я и промолчала бы. А так буркнула:

— А чё ж не спросили?

— Госпожа Триша. — Глаза у Глерды вдруг построжали. — После всего, что перенесла Морислана, было бы несправедливо спрашивать у неё что-то. К тому же госпожа Морислана происходила из рода Ирдраар, а там чтут древние норвинские обычаи. Во всяком случае, большую их часть. Согласно им, изуродованного младенца следует унести в лес и там оставить, чтобы не мучить ни его, ни себя.

— Заботятся, значит. И о нем, и о себе. — Я тоже глянула проникновенно.

Хотя на душе было гадко. Это что ж, мне ещё и благодарить Морислану за то, что не в лесу кинула, а бабке Мироне с рук на руки передала?

Глерда выдохнула, серые глаза опять засияли добротой.

— Здесь нет никого, кроме нас. Думаю, нам лучше перестать притворяться. Двадцать лет назад, в доме у Морисланы я видела тебя, госпожа Триша. Честно говоря, я всегда полагала, что ты не выжила. Жаль, но ни о каком признании со стороны рода Ирдраар не может быть и речи. В роду не должно быть ущербных детей, таков их закон.

— Обойдемся, матушка. — Елейно сказала я.

Беседа мне не нравилась. Хоть и хотелось до ужаса расспросить Глерду об отце, о том, что же такого перенесла Морислана, и не связано ли это с проклятьем, исковеркавшим моё лицо и руку. Но я уже понимала — баба эта и впрямь похожа на Морислану, а такие, как она, без выгоды для себя ничего не делают. И не рассказывают. Ох, заманят меня в заваруху с Ерисланиным сыном, как есть заманят...

Глерда кивнула.

— Лучше не питать надежд там, где им не суждено сбыться. Однако это не значит, что ты не можешь исправить свой облик. Все в руках Дина и Трарина, а также Кириметикормилицы, великой тутешской богини.

У меня аж дыхание пресеклось. Думаю, Глерда это заметила, потому как заявила с участием, прищуривая добренькие бледносерые глаза:

— Рассказывала ли тебе Морислана, почему у тебя такое лицо, госпожа Триша? И рука. Я вижу, она не сильно усохла, но от обычной руки все равно отличается, не так ли?

Всех моих сил хватило лишь на то, чтобы мотнуть головой — мол, не рассказывала. В носу нехорошо повлажнело, а левую руку опять свела судорога. Но я даже не пошевелилась, не до того было.

Только носом шмыгнула.

— Хочешь узнать, почему ты уродилась с таким лицом?

— А то. — У меня аж голос охрип.

У Глерды, наоборот, голос медом потек, в отличие от моего:

— Это случилось ещё до твоего рождения. Сначала госпожа Морислана была замечена нами, ведьмами, и стала ученицей Ведьмастерия. Следует отметить — у неё имелись большие способности.

Я глянула на Глерду, не веря своим ушам. Нами, ведьмами? Выходит, она тоже ведьма? На старуху, что убивала голубей перед дворцом, баба не походила. Хотя. волос светлый и

длинный — раз. И лицом какая-то блеклая — два. Опять же смотрит так, словно все видит, все понимает, хотя до старушечьих годов ещё не дожила — три. При том, что на вид ей и тридцати пяти не дашь. Сколько же было бабе, когда она увидела меня двадцать лет назад?

Пятнадцать? Или Глерда старше, чем кажется?

А вчера на пиру, у королевского дворца, Морислана на главную ведьму в упор уставилась, прямо глаз не сводила. Неспроста, выходит. Своих увидела.

Вдруг я осознала — сбылось то, за чем ехала в Чистоград. Рядом — ведьма. И бельчей для этого не понадобилось! Сама завела разговор о моем уродстве, о моем лице..

Вот только что попросит взамен? Не задаром же она передо мной распинается? Вон госпожа матушка за имя отца потребовала на пир сходить, каждый кус поперед её любимой дочки пробовать. Пожелай тот безвестный душегуб отравить не Морислану, а Аранию — лежать бы мне сейчас мертвой. Страшно. Аж холодом по спине мажет.

Глерда глянула так, словно все мои думки по лицу прочла. Усмехнулась.

— Я просто поведаю тебе тайну, связанную с твоим рождением, госпожа Триша. Если потом захочешь нам помочь — будем рады.

Я лишь самую малость помедлила, прежде чем кивнуть — продолжай, мол.

— Твой отец, господин Добута, служил жильцом у короля, пока был жив.

— Добута?! — У меня внутри ещё больше захолонуло. Это что ж значит, Морислана так и не сказала мне правды? Наврала?

Глерда глаза распахнула — тоже вроде как изумилась:

— Ты никогда не слышала имя отца? Жаль, это был достойный человек, из земельных, с низовьев Дольжи-реки. Семья его погибла, когда урсаймские колдуны прорвали границу. Добута, тогда ещё малец, выжил по случайности, абульхарисы сочли его мертвым. А ведьма, что пришла с отрядом воев, его выходила. Следующий земельный, получивший тот надел, из милости взял Добуту к себе в дом. Потом он попал в жильцы, женился, привел Морислану в королевский дворец. Когда все случилось, она была уже на сносях.

По крайней мере, в одном госпожа матушка не соврала, с печалью подумала я. Семьи у моего отца и впрямь не было.

Глерда сказала тихим голосом:

— Эта история связана со старшим сыном короля, Граденем. Морислана тогда проходила обучение. Всех учениц Ведьмастерия перво-наперво учат ставить и держать колдовские щиты. Сначала простенькие, потом посильней, под конец самые мощные. В начале обучения ученицы ставят щит всего на несколько мгновений, а в конце уже на полную седмицу. Ведьма должна уметь есть-пить, разговаривать, ночью спать, но при этом все время держать щит. Не опуская. В ту ночь Морислана этим и занималась. Щит у неё был не самый мощный, но и не из простых. Добута, твой отец, спал рядом с ней. Как потом заявила Морислана, посреди ночи она проснулась от головной боли. И увидела, что узор щита, поставленный ей ещё два дня назад, сломан.

Глерда остановилась на мгновенье, глянула в окно — и зудевшая у стекла надоедливая муха разом смолкла. Ведьма продолжила:

— Твоя мать испугалась, а потому разбудила супруга. Добута тут же захотел пойти в покои короля Досвета — глянуть, все ли там в порядке. Морислана снова поставила щит, и они отправились туда вместе. Жильцы, сторожившие королевские покои, спали. Сам король — тоже. Добута пытался их разбудить, но не смог. Тем временем Морислана почуяла чужое колдовство.словно по дворцу плыла река из бесцветной нити, сказала она. Конец той реки

скользил в сторону покоев старшего сына короля. Все спали, времени искать подмогу не было. Морислана и Добута кинулись в горницы Граденя. Твоя мать встала над королевичем, заслонив его щитом. То, что она поставила, было заслоном для обычного колдовства. Когда река доплыла до кровати королевича, её отбросило в угол. Утром люди во дворце проснулись и обнаружили Морислану в спальне с мертвым Граденем, без чувств.

Она замолчала. Я положила руки на колени, сжала кулаки. На правой ногти впились в мякоть ладони под большим пальцем, на левой кулак так и не сжался до конца.

— А мой отец? — Спросила я, тяжело ворочая губами.

— Он погиб, когда Морислану отбросило в угол. Было учинено следствие от Ведьмастерия. Ведьмы постановили, что твоя мать невиновна в гибели королевича. И даже пыталась его спасти. Чужое колдовство определили как смертное проклятье. Щит твоей матери все-таки отразил его, но не полностью. Осколки проклятья задели всех, кто там был. Градень и Добута погибли мгновенно. Морислана. Морислана выжила. Но навсегда потеряла свой дар ведьмы и родила изуродованную дочь.

Из-за окон наплывал шелест листвы — после обеда ветер все крепчал, вольно гуляя в кронах деревьев вокруг дворца.

Значит, вот как все случилось. Морислана пыталась защитить королевича, мой отец погиб, а я попала под проклятье. И все в одночасье.

Глерда неторопливо добавила:

— Ведьму, державшую в ту ночь щит над дворцом, убили загодя. Мы искали того, кто это сделал. И того, кто навел на дворец сонные чары со смертным проклятьем. Но так и не нашли. Однако Ведьмастерий сумел подобрать рисунок щита для этого колдовства и больше такого не случилось. Караул ведьм удвоили, двери сторожевых горниц с той поры открываются только в условленный час, когда приходит смена. Ты молчишь, госпожа Триша, тебе плохо?

Я думала.

Выходит, свое проклятье я получила тут, в кремле. И отца потеряла тут же. А то, что госпожа матушка меня так легко отдала. Если у норвинов и впрямь негодных младенчиков в лес выкидывают, то Морислану от одного моего вида должно было с души воротить.

Это сколько же раз мне повезло, что я все-таки выжила? Правильно бабка Мирона говорила мне в детстве, когда я плакала из-за своего уродства — не гневи Кириметь-кормилицу, радуйся тому, что есть. Жива, уже хорошо.

Я глянула в окно — прямо напротив большая береза распустила по ветру плакучие ветви, ловила солнечные блики молодой листвой. Ветер ярился и трепал ей космы, оттого узорочье из бликов плясало, взмывая и опадая. Шибко дует — к дождю, не иначе.

Глерда рядом сказала:

— Младший сын короля Досвета, Темень, тоже погиб. Через девять лет после смерти Граденя его нашли на охоте разодранным, в окружении волчьих следов. Королевишна Зоряна теперь наследница престола. А месяца два назад королевская травница доложила в Ведьмастерий, что учуяла в еде Зоряны приворотное зелье. Следствие мы учинили, однако заподозренный прислужник исчез, и ничего уж не докажешь.

Она передохнула, тише прежнего сказала:

— Из всех верчей неженатый сын в жениховской поре есть только у Ерисланы с Медведой. Но подпускать их к престолу нельзя, не те они люди. Смерть королевичей скорей всего дело их рук, хоть это — без доказательств. Проклятье и сонные чары могли навести

лишь изнутри, из кремля. А здесь, за кольцом из щитов, живет не только король, но и верчи. Кто-то из них повинен в измене. Кто-то решил сделать наследницей трона королевичну. и вместе с ней её будущего мужа. Поэтому Согерд не должен жениться на Зоряне.

— Неужто у вас своих травниц под рукой нету? — Вырвалось у меня.

— Как не быть. — Глерда чуть откинулась, посмотрела так, словно в первый раз меня увидела. — Да тут ведь дело такое. Наши, чистоградские, все наперечет. И зелья у них силы известной. И от тех приворотных у всех имеются отворотные зелья, теми же травницами сваренные. А Морислана обещалась привезти из дальних лесов ученицу от особой травницы. Сказала, что зельем от неё она в свое время снабдила нынешнюю великую госпожу Ланьшу, тогда ещё просто Ланьку, дочь бедного земельного. И помогло. Нынче она супруга верча Егеди. А уж как его оберегала матушка, старая верчиха — двух травниц во дворце держала, не одну!

— Мне-то что с того. — Выдохнула я.

Вроде туманно высказалась, но Глерда поняла. Снова сделала лицо добрым-предобрым.

— Тот, кто напустил смертное проклятье на королевский дворец, связан с верчем Медведой. Все за то. А у смертного проклятия есть одна особенность — снять его может только смерть колдуна. Поможешь нам — выманишь того умельца. Уж мы его скрутим.

— Так сколько лет прошло. Неужто он так и сидит с тех пор в Чистограде? — Я глянула вроде бы с небрежением, но у самой сердце заколотилось.

И хочется от проклятья избавиться, и страшно — уж больно кроваво выходит. Как ещё на это Кириметь-кормилица посмотрит? Не травницкое это дело — свою красоту на чужую смерть менять.

— Сейчас он здесь. — Ведьма подалась вперед. — Я вижу кусок рисунка от проклятья на тебе. Светло-серые черты с искрой. Искра та означает, что хозяин проклятья рядом. Уедет — останется только серое. Он в Чистограде.

Я вздохнула. Осталось только одно. И за это я не буду ни торговаться, ни договариваться.

— Арания уедет домой. Одна, и Согерда ей не надо.

Глерда кивнула.

— Согласна.

Мысль о том, что и Глерда могла меня обмануть, как уже сделала матушка, пришла в голову мне с запозданием. Я к тому времени вышла из горницы. Глерда сзади простучала каблуками, направляясь к двери напротив, за которой верч Яруня прохлаждался кваском.

По-хорошему следовало бы вернуться, да выпросить ведьму ещё раз — но Рогор уже шагнул навстречу мне от стены, а довольный голос верча зазвучал громовыми раскатами из обеденной горницы. Поздно было расспрашивать. Ладно хоть Аранию из-под беды вывела. Будет ещё время, спрошу.

Войдя в горницу, откуда одна дверь вела в мою светелку, а другая в опочивальню Морисланы, я остановилась. Норвин за спиной озабочено сказал:

— Девки сейчас должны обряжать госпожу. А Сокуг, наверное, ушел к Ирдраарам, у них тут дом в Норвинской слободе. Ты подожди у себя в светелке, пока не позову.

Я мотнула головой и направилась к покоям Морисланы.

В опочивальне сустились все три девки — Алюня, Вельша и Саньша. На Морислану порезав по плечам и рукавам, вздели платье — роскошное, алое в серебре, блиставшее острыми искрами от белых прозрачных камней. Алюня, притуляясь к плечам, спешно

зашивала разрезы на тканях. Тело Морисланы утопало в охапках хладолиста, рассыпанного по простыне — его использовали, чтобы замедлить тление. И где только набрали столько, за такой-то короткий срок? Не иначе, у кого-то в кремле есть огородец с нужными травками.

Арания стояла у окна, неотрывно глядя на мать. Глаза красные, заплаканные, на лбу подрагивала морщинка. Я подошла, коснулась её локтя:

— Прилечь бы тебе, госпожа Арания. Хочешь, травку дам? Поспишь, успокоишься.

Она перекатила на меня темно-карие, с желтой искрой, глаза, окаймленные красным. Прошептала:

— И ругала она меня, и уму-разуму учила, а все ж с ней лучше было. Сейчас отец или К олгарским теткам меня отошлет, или в дому запрет. Кончилась моя девичья волюшка, ушла моя матушка.

Я смутилась, не зная, что сказать. Не подобает такие слова перед телом матери говорить — но что я в господских обычаях смыслю? Припомнив, что говорила бабка Мирона в таких случаях, я пробормотала:

— Ты поплачь, тебе враз легче станет.

И отошла к кровати Морисланы.

Смерть отняла у неё все цвета, кроме темного блеска волос. Но красоты не убавила — госпожа матушка лежала на своем смертном ложе зачарованной ледяной королевишной, которая и не умерла вовсе, а спит.

Долго смотреть на неё я не стала — не дело это, на мертвяков-то заглядываться. Отошла, села на лавку у стола, с которого содрала давеча скатерть, чтобы Морислана могла утереть кровь. Кто-то подобрал с пола и положил на голую столешницу гребень с темными волосами Арании, запутавшимися меж частых зубцов. Я вздохнула, снова встала и отнесла гребень к печи в углу. Швырнула гребень в топку. Как затопят, так и сгорит.

Нет Морисланы — и не надо ничего.

Потом в горницу заглянул Сокуг, хмуро сказал:

— Девки, готовьте вещи госпожи Арании. И тебе, госпожа Триша, лучше бы собраться.

Он исчез, а в опочивальню тут же вступил норвин в богатой одежде, в рубахе с широченными складчатыми рукавами, запоясанной наборным поясом, с которого свисал короткий меч. Кивнул госпоже сестрице.

— Приветствую тебя, Аранслейг.

Взгляд его метнулся ко мне, и глаза у него чуть на лоб не полезли — так он на меня вылутился. Арания тем временем шагнула вперед, сказала угрюмо:

— Приветствую тебя, дядя Харик. — И кивнула в мою сторону. — Позволь представить тебе госпожу Тришу, дочь дяди Иргёра. Она выросла в дальнем селе, но моя матушка решила приютить её.

Лицо у Харика заостенело, он глянул на меня с отвращением. Кинул взгляд на прислугу и холодно заявил:

— Разве Иргёр женился? Я не знал об этом.

— Она отправится со мной в дом моего отца. — Зло сказала Арания, вроде как не слыша вопроса дяди. — Думаю, верч Яруня с удовольствием приютит нас обеих. До нашего отъезда.

Лицо норвина дернулось.

— Дом Ирдраар пока ещё способен приютить дочь своей дочери в час её печали. И показать, что она не останется одна, несмотря на смерть матери — дом её поддержит. А что

касается твоей спутницы. — он ещё раз с отвращением глянул на меня. — Дитя Ирдрааров имеет право пригласить гостью в дом своих отцов. На время. Но в этом дворце ты остаться не можешь — только не теперь, после того, как здесь умерла твоя мать. Это немыслимо, и мы ещё узнаем, кто повинен в её смерти.

Он прошел к кровати, глянул на Морислану. Девки, закончившие натягивать на ноги умершей сапоги с гнутыми носками, дружно отступили к стене.

— Здравствуй, сестра, и прощай. — Хрипло сказал норвин, погладив руку Морисланы, утонувшую в россыпях хладолиста.

Потом он резко повернулся к Арании.

— Аранслейг, собирай вещи и спускайся. Мои люди уже запрягают вашу колымагу. Для сестры я привел крытую телегу.

Арания в два шага стремительно подошла ко мне, цепко ухватила за ладонь и потащила к выходу. Двое мужиков уже протаскивали в дверь носилки. Норвин крикнул девкам:

— Одна — помочь госпоже с вещами, двое других пусть соберут вещи Морисланы и прочее, что вы с собой привезли. Ну, живо!

Вельша побежала за нами. Я дождалась, пока Арания выведет меня из горницы Морисланы. Спросила, принаравливая шаг к быстрому, широкому шагу сестры:

— Я-то тебе зачем, госпожа Арания?

Она дернула меня за плечо, притянула к себе, зашептала:

— Матушка от яда померла, так? От какой-то травы. Вдруг и меня отравят? А тебя матушка сама нам в травницы выбрала, стало быть, доверяла. Вот ты мне и пригодишься. Опять же одна к ним ехать не хочу, у них там, в доме Ирдраар, все надутые. Мол, мы соль и кровь древней Норвинии, а сами-то — изгнанники, за простых земельных дочерей выдают. Ты не бойся, отец за все заплатит, род Кемеш-Бури одолжаться не любит. Ну, иди, собирай вещи.

Она подтолкнула меня к двери светелки, а сама ушла.

Я собирала вещи, размышляя. Глерде я, конечно, помогать согласилась — но про житейское с ней оговорено не было. Где мне жить, да как. опять же Морислана просила приглядеть за Аранией. Так что самое лучшее — отправится пока вместе с ней. А с Глердой придется ещё поговорить. А то врать про искры дело нетрудное, я и сама так могу.

Увязывать вещи пришлось в испачканную кровью скатерть — ничего другого не было, а взять с кровати чужую ряднину я постыдилась. Много времени сборы не заняли, но в дверь стукнули прежде, чем я увязала узел. В светелку просунул голову Сокуг.

— Готова, госпожа Триша? А то госпожа Арания уже выходит.

Он выждал, пока я покончу с тюком из скатерти, подхватил его и поволок. Я заспешила следом.

На половицах по дороге к лестнице валялся хладолист — видать, роняли, пока несли Морислану. Мы спустились вниз. Арании ещё не было, Харик, дядя Арании, стоял у крытой телеги, что притулилась позади расписной колымаги Морисланы. Увидев меня, он развернулся спиной к крыльцу.

Сокуг сунул мои пожитки — узел и корзину с травами — в угол колымаги. И почтительно, под локотки, запихнул меня внутрь. Потом появилась Арания. Харик подозвал её к себе, о чем-то с ней переговорил.

От норвина госпожа сестрица отошла, сжав губы в клюквинку. Сокуг помог ей

подняться в колымагу, следом залезли Вельша и Саньша. Без узлов — их вещи, видать, пристроили вместе с господскими. То ли в сундуках на запятках, то ли в длинной телеге, где сейчас покоилась Морислана. Туда же села и Алюня — в окошко я увидала, как прислужница матушки прямо от лестницы свернула вправо, в сторону телеги.

Наш обоз тронулся.

Глава девятая. Клятва в доме Ирдраар

Ехали мы долго. Окованные колеса гремели по булыжникам, что покрывали улицы. За окошком мелькали дома и разный народец, крики доносились, суматоха всякая — но выглянуть, чтобы поглазеть на здешнее житье-бытьё, мне не хотелось. Не тянуло что-то.

Девки с Аранией за всю дорогу не сказали ни слова — сидели, как неживые. Молчала и я. На душе было смутно, тоскливо даже.

Вроде и не знала я Морислану как следует, а вот поди ж ты.

Ладно хоть не ревел никто. Даже Арания, и та не всхлипывала. Застыла с ровной спиной, смотрела перед собой, да часто моргала. Глаза у сестрицы были нехорошие, красные.

Суматоха за окошками начала затихать. Потом колеса греметь перестали. Взамен колымага запрыгала по колдобинам — видать, дорога тут была земляная, перепаханная тяжелыми телегами до глубоких ям. Кони шли все медленней, куда-то свернули, потом и вовсе встали.

Сокуг распахнул дверцу, хмуро сказал:

— Приехали.

И мы гуськом полезли наружу. Рогора я увидела на передке телеги, которая как раз сейчас въезжала в ворота. Рядом с ним на передке примостился Харик, брат Морисланы.

Потом я огляделась по сторонам.

Вокруг лежал широкий двор, за спиной высокий частокол да ворота — две телеги проедут, не сцепятся. А напротив частокола высилась странная домина. Таких я не видала нигде — ни в Соболеково, ни в Простях, ни здесь, в Чистограде. Передняя стена на три угла, громадная, высоченная. Поверх неё крыша на два громадных ската, до самой земли. Уж чем там её покрыли, не знаю, но по обоим скатам колосилась трава. Высокая, мне по коленки.

— Общинный дом рода. — Сквозь зубы процедила Арания, встав со мной рядом. — Ты держись-ка ко мне поближе. сестрица. А то мамкина родня тебя живо к прислуге отправит. Видала, как дядька Харик на тебя глядел? То-то же. Мамкины родичи таких, как ты, не любят. А уж когда те к ним в родню лезут, и вовсе придушить готовы.

Я, как было велено, придвинулась поближе. Усохшая левая, что держала корзинку с травами, вдруг дернулась. Вот же, довела господская жизнь мою калечную руку — одни тебе напасти и никакой работы, сплошная праздность с огорчениями.

Пришлось бухнуть узел с тряпьем на землю и перехватить корзинку правой рукой. Размять увечную кисть у всех на виду я не решилась, просто спрятала её за спину.

Двери общинного дома вдруг растворились. Наружу начали выходить люди — мужики в рубахах с широченными рукавами, в ровных складочках, бабы с полотнищами за спиной, притороченными прямо к платьям, по плечам. С боков общинного дома, где стояли бревенчатые постройки, тоже повалил народ.

Все шли, но не к нам, а к телеге, стоявшей позади. К Морислане, стало быть.

Я перехватила злой взгляд одной бабы в мою сторону, наклонила голову. Нечего злить здешних гусаков, если они на уродство так шипят. Сказала Арании тихим шепотом:

— Может, не следовало твоим родичам сказку про Иргьёра рассказывать? Назвала бы меня своей прислужницей, раз хочешь при себе держать, и дело с концом.

— Не боись. — Арания меня почти не слушала, все всматривалась в идущих людей. И

губы зло кривила. — У меня все рассчитано — я ж мамкина дочка. Доказать нашу ложь Ирдраары не смогут — кто знает, чем дядька Иргъёр занимался, когда из дома уехал? Двадцать лет тому назад это случилось, срок не маленький, следов уж не найти. А тебя, если ты служанка, поселят отдельно. Мне такое не подходит.

В сказанном было так много всего, что я даже забыла про дергающуюся руку.

— А чего так?

— Отца дома нет. — Арания чуть вздохнула, мазнула по мне взглядом и снова уставилась на идущих. — Дядьке Харику об этом уже сболтнули. Узнаю, кто из девок проговорился — убью. Сейчас тетки завоют — девица одна, без родни, в пустом доме жить не должна. Начнут жениха мне спешно искать, пока отец ничего не знает. Я все-таки Кэмеш-Бури, у меня приданное есть. Не королевское, конечно, но мамкиным родичам и такое — в завидку. Опоят приворотным, уложат на ночь с одним из здешних голоштанников, потом скажут отцу — Аранслейг, мол, выбрала себе мужа по сердцу. Сама ведь не захочу уйти, вот где подлость-то!

Я кивнула, соглашаясь с её последними словами. И впрямь подлость — опаивать девку приворотным. Киримети на этих норвинов нету.

Над телегой зачем-то разбирали навес. Одна из баб отделилась от толпы, собравшейся там, и направилась к нам.

— Тихо. — Прошептала Арания. — Говорить буду я. Ты молчи.

И шагнула вперед, тряхнув головой. Темные пряди чуть блеснули на солнце, идущим к окоёму. Все же с матушкой Арании не сравниться — у той волосы под таким солнцем засияли бы медными искрами...

Я аж губу прикусила, отгоняя ненужные думки. Нечего покойницу поминать на каждом шагу. Не к добру это.

Но как не поминать, когда тело Морисланы лежит в сорока шагах от нас, на телеге?

— Вот и свиделись, Арания. — Громко сказала подходившая баба, одетая в голубое платье с рыжими полосками по подолу и рукавам.

— День печален, но тебе в доме Ирдраар всегда рады. Мое сердце плачет вместе с тобой.

— Я принимаю твои слезы, тетушка Ослейг. — С холодком сказала Арания.

Они вроде как обряд какой выполняли. Не горевали, а просто говорили положенное.

Взгляд бабы скользнул по мне.

— Харик сказал, что с тобой дочка Иргъёра. Как это возможно? Он погиб много лет назад.

— Очень просто. — Голос у Арании не дрожал и не прерывался. Умеет врать деваха. — Дядя Иргъёр женился перед самой смертью, о чем сообщил моей матери. Моя мать недавно вспомнила о несчастной сиротке и решила о ней позаботится. Она всегда относилась к Иргъёру сердечно.

— Даже слишком. — Вполголоса сказала подошедшая баба.

Про умершую, да ещё рядом с её телом.

Арания ответила громко, не таясь:

— Как говорила моя матушка, дядя Иргъёр был единственным человеком в доме Ирдраар, который не напоминал ей древний знак дома — змею на рукояти меча.

— Это змея мудрости, Арания. Я благодарю богов за то, что единственным дурнем в доме Ирдрааров оказался Иргъёр. Возможно, именно потому он и не дожил до сегодняшних

дней. Вижу, ты совсем не изменилась.

Вельша, Алюня и Саньша, стоявшие рядом с нами, враз опустили головы и уткнулись взглядами в землю. Тетка Ослейг глянула в их сторону.

— Вы, девки. Вон в той стороне — дом для прислуги. Брысь отсюда.

Она взмахнула рукой, и прислужниц как корова языком слизнула. Арания стояла молча, вскинув голову. Я слышала, как часто она дышит.

Баба по имени Ослейг обошла мою сестрицу, как столб, приблизилась ко мне. Скривила губы.

— Но каким бы дурнем не был Иргьер, он не мог лечь в постель с драконом. Такое уродство от простой женщины не рождается.

Арания и тут не смолчала. Мигом развернулась, выдала:

— Матушка моей сестрицы Триши много горевала, когда её супруг погиб. Поэтому она и не вышла лицом.

Тут со стороны телеги донеслось ржание и глухой звук. Я глянула — лошадей выпрягли, и сейчас отвязывали от передка оглобли.

На звук оглянулась и Ослейг. Поспешно сказала:

— Пусть будет так. Морислана умерла, и прошлое пусть умрет вместе с ней. В конце концов это она, а не мы, приютила эту. — Норвинка сжала губы, не дав упасть последнему слову. Развернулась. — Арания и ты. Триша. Сейчас тело Морисланы отвезут в общинный дом. Вечером род будет с ней прощаться. Завтра — похороны. Вы стояли у смертного ложа сестрицы, устали, измучились. Ступайте сейчас в детские покои, отдохните. Прислуга принесет ваши вещи.

— Да сама управлюсь. — Я наклонилась за узлом.

Арания злым голосом распорядилась:

— Оставь, сестра. Дочь моего дяди не должна таскать тяжести. Ты все-таки нашего рода. Сокуг, сюда.

Ослейг резко вставила:

— Ты тоже нашего рода, Арания. Поэтому должна называть своего прислужника по-норвински — Скъёг. А не этой тутешской кличкой.

Арания, не отвечая, распорядилась:

— За мной.

И резво зашагала наискосок через двор, к боковым постройкам. Я двинулась следом — не с Ослейг же оставаться. На середине пути вдруг подумалось: а ведь меня вроде как приняли в семью. Пусть косо, криво, и не от того родителя. Но так зло, как Ослейг, смотрят именно на родичей. Мол, и дал бы пинка — да нельзя, все ж родня.

Радости, ясно дело, от этого не было никакой.

Идя вслед за Аранией, я разочек оглянулась. Узел мой тащил не Сокуг, а Рогор. Поймав мой взгляд, норвин в два шага нагнал, буркнул:

— Про уговор не забудь, госпожа Триша.

Пришлось кивнуть.

Сбоку общинный дом походил на ровный, по ниточке очерченный холм. В боковом пристрое рядом замычал телок, откликаясь на наши шаги. Значит, тут коровник.

За холмом крыши — надо все-таки узнать, как её настелили — прятались ещё два дома, уже бревенчатых, каждый по длине как три-четыре деревенских избы. Арания уверенно зашагала к ближайшему, с разбегу пнула дверь и влетела в узкий проход. По всей длине шли

частые простенки, завешанные тканными пологам. Сестрица, не поворачивая головы, добралась до конца, откинула последний полог и мрачно предложила:

— Заходи.

Я и зашла. Как по мне, так закуток был достаточно велик. А для Арании, пожалуй, мал — та сызмальства жила в палатах. Думка моя оказалась верной. Сестрица, заходя, сморщилась. Бухнулась с размаху на ложе, стоявшее у стены, и приказала Рогору, заглянувшему в щелку полога:

— Притащи топчан из дыры напротив, для Триши. И поставь туда сундуки с моей одеждой. — Она запнулась, вздохнула долго, со свистом. — Сундуки с матушкиными платьями тоже отнеси туда.

Норвин запихнул внутрь мой узел, исчез. Я осторожно спросила:

— Не тесновато нам будет вместе-то? Мне сойдет, но ты ж госпожа, привыкла одна жить в покоях.

— Ничего, вынесу. — Прощедла сестрица. Вздохнула, меняясь в лице: — Это дом для подросших детей рода. Тут ни дверей, ни засовов. И прислуга на ночь уходит в другой дом — так заведено. А я здесь одна не останусь. Лучше уж тебя рядом вытерплю.

По ту сторону прохода стукнуло. Я подхватила полог повыше, Рогор просунул в закуток второй топчан, грохнул его об пол — и снова исчез.

— Садись. — Злым голосом приказала Арания. — Отныне и навсегда разрешаю тебе сидеть, лежать и даже спать в моем присутствии.

Вот так-то, сестрица моя Триша.

Как только Рогор и Сокуг водворили сундуки в закуток напротив, прибежали девки. Меж топчанами враз стало тесно — ни встать, ни ноги спустить. Двое из девок запрыгали вокруг Арании. Вельша кинулась чесать ей волосы — госпожа сестрица пожаловалась, что они спутались. Алюня принялась растирать руки — потому что Арания проныла, что ей сводит кисти.

Одна Саньша осталась без дела. А потому просто встала у пристенка, подперла румяную щеку одной рукой и начала тихо смахивать пальцем слезинки. То с одной щеки, то с другой.

Одна она в этом закутке горевала по Морислане так светло и неприкрыто. Мне аж стыдно стало — вот же, чужой человек, а горюет по госпоже матушке больше моего. Не то что я, родная кровь.

Но отчего-то не плакалось. На душе было смутно, нехорошо, горестно — но глаза слезой все не набухали, оставались сухими.

Узел с вещами Вельша сунула под мой топчан, когда пристраивалась чесать сестре волосы. Я уселась на неширокое ложе, сбросила обувь — те самые зеленые сапожки, что прислала Морислана в мыльню перед пиром. Корзина с травами оказалась рядом, и чтобы занять руки, я начала их перебирать, время от времени поглядывая на Аранию.

Та сидела тихо, уставившись в одну точку, время от времени вздрагивала. То ли гребень в Вельшиних руках за волосы цеплялся, то ли мысли у неё были свои, нехорошие.

Девки молчали, Саньша плакала, я бездумно перекладывала сухие пучки. Хрупкая листва отламывалась от ссохшихся стеблей, припорошивая корзину блекло-зеленым снежком. Потом из-за полога начали доноситься голоса, болтавшие не по-нашему, не потутешки — здешние возвращались в свои закутки. Оконце напротив полога начало затягиваться темнью, Рогор принес зажженную свечку.

Мало-помалу щеки Саньши высохли, а Вельша наконец оставила волосы Арании и

покое. Одна Алюня все ещё продолжала сидеть перед сестрицей на корточках, разминая белые, никогда не знавшие работы пальцы.

Потом по проходу зазвучали тяжелые шаги — тяжелее, чем у тех, кто до сих пор там ходил. Полог сдвинулся, в закуток заглянула толстуха в платье цвета давленной смородины. Тяжело сказала:

— Аранслейг, время идти в общинный дом. Пора начинать прощание с твоей матерью.

Арания вздрогнула, выдрала руку из пальцев Алюни.

— Иду, тетя Элсейг.

Толстуха исчезла. Моя сестра на мгновенье скривила рот, как дите перед тем, как заплакать. Потом вскинулась, тряхнув головой, как молодая кобыла, и лицо её стало как раньше — спокойным, словно она за окошком сидела, и оттуда на всех смотрела. Распорядилась:

— Платье мне. Потемней. Никаких украшений.

Алюня вместе с Вельшей кинулись выполнять. В растворе полога мелькнул Рогор, сказал быстро:

— Госпожа Аранслейг, госпожу Тришу тоже бы надо взять с собой.

Сестрица кинула острый взгляд на Саньшу.

— Ты. Утри слезы и причеши госпожу Тришу. Она должна выглядеть достойно.

— И вот ещё что. — Сказала я быстро. — Гребень. Твои волосы нельзя оставлять где попало. Если ты и впрямь не хочешь остаться здесь как мужняя жена.

Сестрица бросила взгляд через плечо. Туда, где на покрывале лежал брошенный Алюней гребень.

— Саньша. — начала было она.

Та двинулась, но я опередила. Шагнула, вытянула скатку темных волос из частокола зубьев.

Тут в закуток вернулись Вельша с Алюней. Прошли гуськом между топчанами, почтительно, под локотки, вздели Аранию на ноги. И принялись её переодевать.

Саньша тем временем кинулась за мной с гребнем — потому что я спешно нагнулась над краем топчана, где до этого сидела госпожа сестрица.

На пестрядинном покрывале нашлись ещё два волоса. Я сожгла все волосья над свечей — Арания смотрела неотрывно. Облизнула губы, объявила:

— Все поняли? Волосы мои собирать, госпоже Трише отдавать.

Девки дружно закивали. Саньша наконец меня поймала, усадила на топчан, нажав сильными ладонями на плечи. Потом быстро расплела косу, в два счета, больно обдирая гребнем кожу на голове, причесала мои лохмы. Да так и оставила — по-господски.

И мы отправились прощаться с Морисланой. Девки, Алюня, Вельша и Саньша, с нами не пошли.

Кое-где в закутках сидели — где дети, а где и норвинские девки с парнями. По краям пологов пробивался свет, слышались молодые, иногда полудетские голоса. У выхода нас поджидал Рогор, держа в руке толстую горевшую лучину. Рядом с ним стоял насупившийся Сокуг.

Арания два раза оступилась, пришлось подхватить её под руку. Так мы и вышли на двор перед общинным домом, где стояла толпа норвинов. Перед нами расступились, освобождая дорогу. Мы вошли в распахнутые двери общинного дома — и тут же увидели Морислану.

Норвины закатали телегу с её телом внутрь, разобрав борта и навес. Она лежала, утопая

в хладолисте. На каменных столбах, в два ряда подпиравших скаты крыши, горели факела, и серебряное шитье на алом платье сияло. С первого взгляда мне даже показалось, что Морислана шевелится. Я отступила, сглотнула — и только потом поняла, что это мне чудится.

Арания застыла на мгновение, глядя на матушку. Потом двинулась вперед.

Мы встали сразу за телегой. Рогор замер у меня за плечом, а Сокуг за спиной Арании. Кто-то гортанно крикнул, и норвины начали заходить внутрь. Впереди всех шагал крепкий мужик лет под пятьдесят, за ним ещё двое — постарше и побелее сединами.

— Моё сердце плачет о тебе, дочь моего брата Морислейг. — Остановившись у телеги, сказал мужик.

И Арания отозвалась ровным голосом:

— Моя мать принимает твои слезы, дядя Ургъёр.

Норвины все шли и шли, приговаривая:

— Мое сердце плачет о тебе, сестра моя Морислейг. тетушка Морислейг. — и уходили назад, за наши спины.

Арания раз за разом отвечала:

— Моя мать принимает твои слезы, дядя Эргас. принимает твои слезы, сестра Наслейг.

Сзади рядками стояли накрытые столы. Оттуда тянуло сытным духом еды. А у меня с утра во рту крошки не было, так что живот к спине уже присох. Но думки о еде в голову не шли — Морислана лежала прямо передо мной, и с моего места виден был лоб под темными волосами, раскиданными по хладолисту. А ещё щека с ресничинами. То ли с устатку, то ли ещё с чего, только мне все мерещилось, что ресничины дрожат.

Уже после я сообразила, что это из-за факелов. Пламя горит, тени дергаются, вот и чудится всякое.

Единственно, что хотелось — пить. Аж губы коркой пошли. А тут ещё жар от факелов шел, и я боялась, как бы не сомлеть. У Арании, у той голос осип, пить небось хотелось не меньше моего. Только она все проговаривала раз за разом:

— Моя мать принимает твои слезы. моя мать принимает.

Ручеек народу иссяк как-то вдруг. Я от облегчения выдохнула с хрипом, Арания рядом покачнулась, привалилась ко мне плечом. Рогор прошептал над ухом:

— Сейчас я заведу разговор об убийстве Морислейг. И о легеде. Готовься.

Легед это плата за кровь, припомнила я. Арания уже отлепилась от меня и пошла куда-то назад. Пришлось кинуться следом.

Ближайший к телеге стол оказался пуст. За другими столами все расселись лицом к нам. За первым сел дядя Ургъёр. По бокам у него примостились ещё несколько мужиков, таких же, как он — немолодых и седых.

Арания боком пробралась на лавку, уселась посередке, лицом к дяде Ургъёру. Я через лавку просто перешагнула — ноги-то у меня не усохшие. Рогор и Сокуг, как ни странно, уселись с нами рядышком. Рогор с моей стороны, Сокуг со стороны Арании. Причем сестрица в их сторону даже не глянула.

Словно тут, в общинном доме, у тела матери, прислужники-норвины вдруг стали ей ровней.

На столе было выставлено угощение — миски с едой и чаши с темным питьем. Я уже повела рукой к чаше, но тут Арания пнула меня под столом и прошептала:

— Нельзя. Первым всегда пьет глава рода.

Я замерла.

— Теперь, когда мы попросились с дочерью нашего дома Морислейг. — Громко заявил тем временем Ургъёр. — Начнем же последнюю трапезу! И пусть она будет веселой! Пусть никто не пожалеет эля на поминальный глоток для души Морислейг, пусть наша сестра возрадуется, глядя на такое веселье!

Он поднял широкий кубок, размером с добрый туес, но тут Рогор с места выкрикнул:

— Разве может убитая радоваться, пока живы её убийцы? Что лучше для ушедшей души — поминальный глоток или поминальная месть?

Ургъёр чаши не опустил. Как сидел, так и замер.

— Говорящий перед лицом многих — многим и рискует...

Рогор вскочил на ноги.

— Я, в отличие от этих многих, боюсь малого! Боюсь, что когда я войду в чертоги отца нашего Дина, и он меня спросит — был ли я достоин носить пояс мужчины — я постыжусь ответить да! А ты этого не боишься, достойный Ургъёр, глава рода Ирдраар?

Ургъёр поставил чашу на стол. Спокойно так, без стука.

И я поняла, что он знал, о чем пойдет речь. Просто говорить об этом не хотел. Настолько не хотел, что пытался отмолчаться.

— Ты хочешь проверить, как держится мой пояс, Ргъёр?

— Я хочу другого. — Уверенно сказал норвин. — Чтобы все узнали, отчего умерла госпожа моя Морислейг. Чтобы её тень не являлась ко мне по ночам, укоряя за то, что я не сделал. И за слова, которые не сказал. Хочу, чтобы все мы подумали, что будет с нами завтра, если сегодня знатную норвинку травят в кремле. И не следует ли нам что-то сделать, чтобы женщин норвинов не считали за легкую добычу...

— Нам? — Рывкнул Ургъёр. — Ты не из дома Ирдраар! Ты здесь бросаешься словами, а отвечать, если что, будем мы!

— А вы можете и не отвечать. — Заявил Рогор. — Можете и дальше сидеть, и лить поминальные глотки для души несчастной Морислейг, ничем не рискуя. Когда-то мы пришли сюда, спасаясь от тех, кто хотел обратить нас в веру Цорсея. Мы пришли, чтобы жить на чужбине по заветам Дина и Трарина! А они просты — тебя ударили, ударь в ответ! Не можешь ударить, умри! Отмсти за убитого, защити сородича. Разве не так, норвины?

— Так! — Гаркнул кто-то.

За спиной у седого Ургъёра зародился шепоток. И все рос.

Однако сам он молчал, глядя на Рогора.

— Я все сказал. — Норвин опустил на лавку, выложил на столешницу сжатые кулаки.

Мужик рядом с Ургъёром шевельнулся, спросил:

— Правда ли то, что слышали мои уши? Морислейг убили? Не ты ли, Ургъёр, сказал, что дочь твоего рода умерла, отравившись грибами?

Ургъёр вдруг резко поднялся.

— Пусть Дин и Трарин будут мне судьями — я хотел защитить свой род. Но если вы считаете, что Ирдраары могут потягаться с теми, кто убил Морислейг, тогда слушайте этого крикуна. Я, Ургъёр, сказал.

Он с размаху сел, подхватил кубок и выплеснул на стол перед собой чуток темной влаги — навроде кваса.

— Прими от меня свой первый поминальный глоток, дочь моего брата Морислейг. Я помню, ты всегда была мудрой, и язык твой резал глупцов, как нож моей собственной

заточки. С кем бы ты не скрестила копыя в этот раз, я знаю, ты не захотела бы, чтобы из-за тебя пострадал твой род.

Мужик, сидевший по другую сторону от главы дома Ирдраар, заявил:

— Не вижу смысла в твоих словах, Ургьёр. Если ты боишься последствий, назначь тайный легед. И скажи, что его получит лишь тот, кто сумеет отомстить тайно. В конце концов, месть совершается ради неупокоенной души родича, а не ради того, чтобы кричать об этом на всех углах. Я, Иогин Аринсвельд, сказал.

Мне все сильнее хотелось пить. Но пинать Аранию под столом я не стала. Просто дернула её за платье, и показала на чашу.

— Дядя Ургьёр ещё не отпил. — Сипло прошептала та. — Лишь отлил поминальный глоток. И помни — прежде чем пить, тоже слей.

Ждать. А у меня губы уже пошли трещинами.

— Мне не нужны твои поучения, Иогин. — Ургьёр грохнул кубком об стол. Но не отпил из него. — Что ж, Ргьёр. Ты начал разговор, которого я не хотел, вот и продолжай. Есть ли у тебя доказательства, что Морислейг убили?

Норвин встал.

— У меня есть кое-что получше — травница, которая стояла у смертного ложа госпожи Морислейг. Она все расскажет.

Он легко, за один локоть, вздернул меня на ноги.

— Вот госпожа Триша, дочь Иргьёра Ирдраара. Родственница матери выучила её травницкому делу, а госпожа Морислейг приютила. Она знает все.

Норвины со всех столов вылупились на меня. По-доброму не смотрел никто. Седые норвины за передним столом глядели невозмутимо, люди за задними столами кривили лица. Запинаясь и облизывая губы, я рассказала все, что знала. Про то, как госпожа Морислана — я упрямо называла её по-тутешски — боялась отравы. Про то, как я пробовала её еду в тереме верча Яруни, и лишь во дворце короля она отведала не пробованные мной явства. А на следующее утро скончалась.

Под конец я рассказала про кольцо, крючок из которой плавал в крови Морисланы.

Пересохшее горло сильно саднило, но уж больно брезгливо глядели на меня с задних столов. Хотя слушали внимательно. Поэтому я даже не смотрела в сторону чаши на столе. Слабину давать нельзя. Пусть видят меня уродливой, но не слабой.

— Вот. — Громыхнул Ургьёр, едва я закончила. — Видите, люди дома Ирдраар? И вы, достойные гости? Теперь мы знаем, что Морислейг отравили. Даже знаем, чем! Но кто это сделал, все равно непонятно. И что это нам дает? Может, кто-то хочет обвинить самого короля, раз уж Морислейг отравили в его дворце и на его пиру?

Рогор потянул меня за рукав, усаживая на лавку. Сам снова вскочил.

— Достойный Ургьёр, у госпожи Морислейг не было тайн от меня. Я знаю, по чьему наущению её погубили. Не бойся, король тут ни при чем. Если ты назначишь легед, клянусь, что отомщу за дочь твоего рода так же достойно, как отомстил бы за свою родную сестру. И сделаю это тайно, не запятнав Ирдрааров подозрениями.

Он подхватил со стола нож, подкинул, поймал и с размаху всадил в столешницу.

— Да будет мне свидетелем сама луногрудая Трарин — я отомщу так, что душа Морислейг возрадуется в чертогах небесных дев!

Ургьёр молчал, лицо у него окаменело. Я глянула на Рогора.

Даже про жажду забыла. Вот зачем норвин притащил меня сюда — чтобы уломать

сородичей Морисланы на легед.

— Пусть травница поклянется богами, что сказала правду. — Крикнул в тишине кто-то с задних столов. — А мы ещё подумаем, можно ли ей верить!

Все ещё стоявший Рогор повернулся ко мне.

— Госпожа Триша, время произносить клятву.

Я встала. До этого мне никогда не приходилось клясться самой Кириметью — не положено имя Великой кормилицы полоскать по пустякам. Но раз такое дело.

— Клянусь. — Сипло сказала я. — Кириметью-защитницей клянусь, и пусть у меня руки-ноги отнимутся, если я совру. Госпожа Морислана, которую вы зовете Морислейг, на сегодняшней зоре ещё была жива. Я говорила с ней, когда у неё пошла ртом кровь. Клянусь, что нашла в крови, извергнутой ею, крючок колыши. Клянусь, что больше не было причин для её смерти. А те, кто съел колышу, не выживают.

В полной тишине я села обратно. Все молчали. И я не сразу заметила, как медленно-медленно Арания поднимается с лавки.

— Я вижу, мои родичи не хотят навлечь беды на свои головы из-за смерти дочери рода. И я их понимаю. У рода Ирдраар, как известно, много дочерей. Но все вы позабыли об одном. У моей матери остались не только родичи — но и дочь. Я, Арания Кэмеш-Бури, обещаю заплатить щедрый легед тому, кто отомстит за мою мать. Клянусь Тэнгом, богом моего отца, если я увижу, что рука Ргъёра настигла виновного — он получит от меня тысячу бельчей. Это все мое приданное, и я имею право им распоряжаться, по законам олгаров. Мой отец не рассердится на меня за это, олгары тоже платят красным молоком за смерть. Я, дочь Морислейг, сказала.

Несколько мгновений все молчали, изумленно глядя на неё. Потом кто-то неуверенно выкрикнул:

— Щедрая дочь — радость матери!

И все подхватили:

— Да будут прославлены дети, что мстят за родителей! Дочь Морислейг, рожденная от олгара, Трарин ещё наградит тебя за щедрость!

Арания обессилено хлопнулась на лавку. Я прошептала:

— Решила бесприданницей стать?

— Я дочь Кэмеш-бури, — процедила госпожа сестрица. — Мне, чтобы выйти замуж, не нужно приданое. К тому же остаются ещё и кони моего отца. У него хороший табун. За олгарских коней под седло в Чистограде заплатят хорошую цену. Всегда платили.

Рогор меж тем развернулся, поклонился в сторону Арании.

— Аранслейг, дочь Морислейг, я тебя услышал. В день и час, которого пока не знаю, я позову тебя. И ты увидишь, как умрет от моей руки убийца твоей матери. Только после этого ты выплатишь мне легед.

— Что ж, у детей всегда больше прав мстить за родителей, чем у других. — Воскликнул Иогин Аринсвельд. Подхватил кубок, плеснул перед собой. — Прими от меня поминальный глоток, красавица Морислейг, и помяни добрым словом старого Иогина в чертогах луногрудой Трарин! Не было среди норвинов девы, чьи глаза сияли бы ярче, не было той, у которой норов был бы круче! Не хоти ты большего, чем тишина родового дома — была бы сейчас с нами!

Я ждала, что он выпьет — но он так и застыл с поднятым кубком.

— Прими поминанье и от меня, дочь рода моих побратимов. — Заявил старый норвин,

сидевший по другую сторону от Ургёра. Поднял кубок, плеснул. — Пусть твои покои в чертогах Трарин будут на самом низу, чтобы ты каждое утро могла видеть оттуда твоих родичей, твоего отважного мужа и прекрасную дочь!

Сидевший посередке Ургёр наконец-то отпил. Не говоря ни слова. По столам прокатилась волна движения — норвины поднимали кубки, выплескивали поминальные глотки, бормотали свои пожелания Морислейг.

Я схватилась за кубок. Тоже сплеснула чуток и жадно хлебнула. В ушах сразу же зашумело — темная влага, которую местные называли элем, здорово пьянила. Не хуже, чем зрелый мед мельника Арфена, который мне довелось попробовать на прошлые Зимнепроводы.

Чтобы не опьянеть, я спешно поймала в миске напротив вялый соленый огурец. Соления у норвинов оказались много хуже, чем у бабки Мироны. Но нужно было чем-то заесть крепкий эль. Курячья нога тоже оказалась зажарена кое-как, у самой кости сочилась кровью.

Из питья на столе оказался только эль — в глубоких резных ендовах, с берестяным черпаком. Рогор, которому я шепнула про воду, глянул очумело. Блеснул красноватыми бельмами глаз, оскалился.

— На прощальной трапезе воду не пьют, госпожа Триша. Только старый зимний эль. Покойница должна восчувствовать, что мы рады ей даже теперь, после её смерти. Так что пей и веселись.

Уж такое веселье, с мертвой-то за спиной.

А пить все равно хотелось, так что решилось хлебать из чаши, куда Рогор то и дело подливал эля. Очень скоро гомон норвинов начал оборачиваться для меня плеском волн на речушке Шатерке.

И лица за столом напротив закачались, поплыли, как блики на воде.

— Э, госпожа Триша. — Услышала я голос Рогора. — Да ты совсем пить не умеешь. Давай, прислонись ко мне на плечо. Как только женщины рода начнут расходиться, я отведу тебя в дом детей, вместе с госпожой.

Глава десятая. Моя мать отправится на небо

Наутро я проснулась на топчане, с больной головой. Рядом уже суежилась Вельша, причесывая Аранию. Алюня замерла у полога, держа на вытянутых руках платье госпожи сестрицы. Цвета дубовой коры.

— Вообще-то я не хотела тебя брать с собой. — Тихо обронила Арания. — Ты не из ближайших родичей, тебе не обязательно там быть. Но раз уж ты проснулась. Хочешь пойти со мной? Сейчас моя мать отправится на небо. В чертоги богини Трарин.

Отправиться на небо — так норвины называют похороны? На меня, отгоняя сонливость, навалилась тоска. Пусть Морислана была со мной неласкова, за дочь не считала, и знала я её недолго, всего каких-то десять дней — а сердце все равно стиснуло. Кровь-то не водица.

Арания все ещё смотрела, ожидая ответа. Я кивнула. В голове тут же плеснуло болью, застучало, словно капель на солнечной стороне избы. Заварить бы травок, чтобы утишить похмельный стук в голове, да некогда и негде.

Уснула я прямо в платье, и теперь оно измялось. Кто довел меня ночью до топчана? Неужто и впрямь Рогор? Уж навряд ли Арания, сестрица была не из тех, кто услужает.

Стыдоба какая — упиалась до того, что чужой мужик на закорках обратно притащил. Позорище.

Но сил мучиться и думать об этом не было. Похороны. Сегодня похороны моей матери.

Лицо Арании, сидевшей напротив, белело в слабом утреннем свете, лившемся из окошка. Глаза опухли.

Платье менять я не стала, все равно ничего темнее у меня не было. К тому же прочие платья, оставшиеся в узле, тоже должны были помяться. Я проползла по топчану к окну, нашарила под досками узел, вытащила гребень и принялась чесать волосы. Зубья цеплялись — видать, ночью крутилась и вся грива спуталась в колтуны. Рука опять же заметно дрожала, причем правая, здоровая. Левую я и вовсе старалась не беспокоить.

Едва я покончила с волосами, госпожа сестрица встала. Вельша ловко кинула мне на колени её гребень, приняла от Алюни платье и начала одевать Аранию.

Я протиснулась мимо этих двоих по узкому проходу меж топчанами, собрала с пестрядины выпавшее и сожгла темные волосы сестры на свечке, подсунутой Алюней. Все молчали. В соседнем закутке кто-то шептался, а у нас стояла тягостная тишина. Прямотаки на плечи давила.

Норвины опять ждали у дверей дома. Рогор зачем-то держал факел, игравший в свете встающего солнца почти прозрачным пламенем. Наверно, по обряду так положено.

На этот раз мы направились на зады подворья, туда, где частокол прорезали задние ворота. За распахнутыми створками цвели высокие, мне по грудь, чертополохи. На утреннем ветерке покачивались сиренево-розовые полушария колких цветов. Меж ними шла промятая коlea, словно недавно здесь кто-то проехал.

Мы пошли по примятому. Чертополох быстро сменился лопухами, за ними открылся спуск к небольшой речке — крохотной, в песчаных берегах с обрывами по колено.

Бегучие волны разделял надвое крохотный островок с ивой на дальнем конце. На другом берегу покачивались точно такие же лопухи и чертополохи, что и на этом. Частокол опять же возвышался, все, как у Ирдрааров.

По другую сторону от ивы белизну островного песка пачкало большое черное пятно.

Вроде как рассыпь углей. Посреди черного стояла телега с телом Морисланы. Как раз там, где песчаная коса резала надвое речные волны. Ветер шевелил неувядающий хладолист, полоскал над телегой несколько прядок, сиявших на солнце медью и дубом.

Тележные колеса прикрывали вязки хвороста, рядом замерли несколько норвинов. Рядом с ними возвышалась хворостяная куча. Глядели они не на нас, а на телегу с телом Морисланы. И на дальний край косы.

Угли, хворост и факел. Я вмиг поняла, как хоронят норвины. Но страшно не стало. Солнце играло в воде...

— Пойдем вброд. — Вполголоса предупредил меня Рогор. — К месту, откуда уходят в чертоги Дина и Трарин, мостов не делают. Их должна окружать бегучая вода.

Арания ступала, не глядя под ноги, оскальзываясь на песке. В воду она шагнула, даже не подняв подола. Дорогая блестящая ткань всплыла на волнах, потянулась следом немокнущими складками.

Я вошла в речку сразу за Аранией. Было неглубоко, мне по пупок. Рогор и Сокуг обрушились с песчаного бережка у меня за спиной, с шумом зашагали, поднимая брызги.

— День добрый, дядя Ургъёр. — Арания ступила на берег. За ней по песку потянулась влажная дорожка. С одежды текло.

— Добрый день, внучка моего брата. — Ответил седой норвин. Кивнул, отворачиваясь от островной косы, глянул в нашу сторону краснющими глазами.

Длинные рукава норвинской рубахи подмокли по краям. Две бабы и мужик, стоявшие рядом, выглядели не лучше. От всех густо пахло вчерашним элем. Меня замутило от одного духа. Не подхвати меня сзади под локотки Сокуг, оступилась бы.

Следовало что-то сказать, и я промямлила:

— День добрый, господин Ургъёр. И вам добрый день, госпожи... господин...

Глава рода ответил кивком, прочие — недовольными взглядами. Арания, не останавливаясь, прошагала к телеге. Склонилась над матерью, застыла, глядя ей в лицо. Потом быстро нагнулась, поцеловала в обе щеки, каждый раз ненадолго замирая. Крикнула, выпрямляясь:

— Трарин! Открывай врата, к тебе идет мать моя Морислейг!

И выкинула руку назад. Рогор тут же вложил в неё факел.

— Трарин! — Откликнулись громким кличем прочие норвины.

Вязанки занялись огнем сразу. Маслом политы, догадалась я. вдруг мне подумалось — ещё немного, и огонь сожрет лицо моей матери. Навсегда.

К Морислане я кинулась по кругу, с той стороны, где ещё не горело. Склонилась над телегой, опершись коленом о хрустнувшую вязанку. На лице госпожи матушки плясали отблески — и разливались синие тени. Подбородок некрасиво отвис, веки наполовину открылись.

И в правом глазу, в самом углу, набухла слеза. Брызнуло, наверно, когда через речку перевозили.

Я прижалась к её щеке губами. Сзади набежал Рогор, оттащил, бурча:

— Дура ты, а ещё в госпожи. тьфу! Сказала б, что хочешь попрощаться, так дали бы.

Он доволот меня до бледной Арании, толкнул к ней.

— Лучше пригляди за госпожой, чем дурить.

Когда костер начал прогорать, Сокуг и Рогор принялись заваливать его новыми вязанками хвороста.

— Чтобы сгорело все. — Шепотом сказала Арания, отвечая на мой невысказанный вопрос. — Остаться не должно ничего.

Огонь выл и трещал, пожирая политый маслом хворост.

Глава одиннадцатая. Клятва в доме короля

Как только куча углей опала, став мне по щиколотку, пожилые норвины ушли вместе с Ургьёром. А я осталась с Аранией на острове. Сокут с Рогором тоже не двинулись с места.

Речка плескалась о берег, играла на солнце бликами, точно рыба чешуей. Ива пускала по ветру длинные ветки, как девка кудри, листья шептались, остатки костра постреливали угольками. Страшный запах горелого уже не бил в ноздри, теперь пахло просто кострищем.

Арания задрала голову, уткнулась взглядом в небо. Сказала с надрывом:

— Вот бы крикнуть туда — матушка! И чтоб ответила. И чтобы всякий раз отвечала! Эх.

— Не думай об этом, госпожа. — Поспешно заявил Рогор из-за её спины. — Твоя мать уже в чертоге луногрудой Трарин, пьет заздравную чашу со своей родительницей и бабками. Ей не до нас. Но потом госпожа Морислейг непременно бросит взгляд на землю и порадует, как достойно ты за неё мстишь. Пойдемте отсюда. Огонь погас, здесь нет никого, кроме нас.

— Лучше уйти. — Неожиданно поддакнул Сокут. — У меня на ноге старый шрам ноет. Быть дождю.

Говорил он верно. Ветер задул сильнее, облака на небе выросли, вздулись, ива зашелестела громче и тревожнее. Угли меж тем покрылись темно-синей окалиной, сверху погасли последние красные огоньки.

Арания шагнула к воде.

В дом детей возвращаться она не пожелала, вместо этого молча направилась к общинному дому. Рогор, шагая сзади, одобрительно сказал:

— Вот и правильно. После вчерашнего прощанья живот держать пустым ни к чему.

— Замолчи. — Зло рявкнула Арания.

Норвин покорно смолк. Я глянула на госпожу сестрицу сбоку.

Губы сжаты в ниточку, брови сведены на переносице. От горестной оторопи, что была у неё на лице с самого утра, не осталось и следа. Даже платье не пожелала сменить, мокрое по самую сидущку. А ведь господские девки всегда в чистом и теплом ходят, на то они и господские.

Все у нас с ней было по-разному. Моё горе уже стихало. Да и не горе это было, если вдуматься, а печаль по матери, которую я никогда не знала и уже не узнаю.

Арания — дело другое. Её родимая матушка тетешкала с малых лет, растила-баловала. Опять же решала, за кого замуж отдать, и не последнего жениха в Чистограде выбрала для своей дочки.

А теперь та дочка осталась без матери. И несло её, как брошенную гальку по волнам, от тихого горя к злобному. Дело понятное, только как бы не наделала делов. Я на ходу пробормотала:

— Госпожа Арания. давай калюжницу тебе заварю? Хорошая травка, успокоительная. Враз полегчает.

Та ответила косым взглядом, но туго сжатых губ не разлепила. Зашагала размашисто — пришлось бежать, чтобы за ней поспеть. Ростом-то госпожа сестрица повыше меня, и шаги её подлинней моих будут.

В общинный дом Арания залетела бурей, даже мокрый подол от ног отлип. Шлепнулась на скамейку перед первым столом, тем самым, за которым мы вчера сидели. Только теперь

он стоял гораздо ближе к дверям. И прочие столы к выходу подтянулись.

На голые доски стола — здешние хозяйки скатерок не стелили — кто-то выставил два больших блюда. Одно с кусками хлеба, другое наполненное мелкой вяленой рыбешкой. Рядом стояла громадная, полная до краев ендова, в окружении железных кубков. Свет, падавший из дверей за нашими спинами, полосками высвечивал налитое в ендову питье до самого дна. Цвет показался мне не тот, что у вчерашнего зимнего эля, и я было подумала, что это квас...

Арания схватила пузатый кубок, наплескала туда черпачком, жадно выпила. Донесся запах — и живот у меня опять сжался. Эль. Может, не такой крепкий, как вчерашний, но уж точно не квас.

Вот чего удумала девка — похмельным боль заглушить. Рогор и Сокуг, не обращая на неё внимания, уселись по другую сторону стола, придвинули к себе оба блюда и принялись дружно чистить рыбешку.

Я сморщилась. Живот ныл, головушка болела, сердце колотилось. мне бы сейчас отвара из семян априхи, или из чудовой травки. И каши жидкой.

Арания снова наполнила кубок. Я шагнула вперед, положила ей на плечо ладонь.

— Госпожа Арания, может, не надо?

Та дернула плечом, отбрасывая руку.

— Прощаю твою дерзость только потому, что ты тоже горевала по моей матери. Но не смей мне указывать, что делать. И не смей касаться меня без разрешения. — Она задержала дыхание, потом добавила с пьяной усмешкой: — Ты, г-госпожа Триша. Помни, кто тебя в госпожи-то произвел.

Арания опрокинула кубок, а я прикусила губу. И что с ней теперь делать?

Норвины тем временем тоже налили себе эля, выпили.

Госпожа сестрица после второго кубка застыла за столом, опустив голову и чуть покачиваясь. Пить дальше она вроде бы не собиралась. Рогор и Сокуг увлеченно жевали рыбешку. А мне хотелось пить, но только не эля. Горло пересохло, в голове бухало.

Я оглянулась и углядела ведро, стоявшее на скамейке у каменной опоры. Сверху его прикрывала доска. Там должна была быть вода — не всем же элем пробавляться в этом доме? Вот я и шагнула от стола, прихватив кубок. Сдвинула доску — и впрямь вода, хорошо-то как.

А уж как напилась, глянула вверх, на крышу.

На каменных опорах косо лежали гигантские стволы, поверх шли доски. Настеленные не от конька к стрехе, сверху вниз, а вдоль стены, поперек. А сверху, выходит, земля насыпана? Раз трава на крыше растет. и как только в дождь не протекает?

Рогор, которого я об этом спросила, хмыкнул.

— Все-то тебе любопытно. там на досках семь слоев бересты, как положено. Внахлест. Вот и не проходит вода.

— Хитро. — Я примостилась рядом с поникшей Аранией. Мокрое платье начало обсыхать и уже не так липло к ногам.

Госпожа сестрица вдруг вскинулась.

— Я тоже хочу спросить! Ты, Рогор, вчера сказал, что найдешь убийцу моей матери. Выходит, ты его знаешь? Знаешь и молчишь?

Рогор замер с надкушенной рыбкой во рту. Неспешно вытащил изо рта полуобглоданный скелет.

— Так ведь одно дело знать, другое болтать, госпожа Аранслейг. Я тебе имя, а ты к тому человеку убийцу отправишь, и что дальше? Умно задумано — один наемник дешевле легеда. А я останусь без денег. Мало того, в меня начнут тыкать пальцем — глядите, это Ргъёр, который мог бы заработать себе на безбедную старость, но не смог промолчать.

— А если убийца и меня прикончит? Да прежде, чем ты до него доберешься? — Выкрикнула Арания. Икнула — то ли от страха, то ли от пьяной отрыжки. — И вообще, я теперь твоя хозяйка. Вот и приказываю тебе рассказать все. Забыл, с чьего стола ел хлеб столько лет?

Рогор вдруг встал. Навис над столом. Арания икнула ещё раз, глянула на него оторопело.

— Хлеб, госпожа Аранслейг, я ел со стола твоей матери, достойной и щедрой Морислейг. Я об этом помню, поэтому, когда получу свой легед, сам отвезу тебя назад, в Неверовку. Но бояться тебе не следует — во-первых, ты сейчас живешь в доме Ирдраар, а сюда чужому человеку не пробраться. Во-вторых, ты убийце не нужна, он охотился за Морисланой. В-третьих, скоро я тебе покажу этого убийцу женщин. Напоследок. А потом убью его. Я, Ргъёр, сказал.

Он с силой хлопнул обеими ладонями по столу и вышел из общинного дома. Сокут невозмутимо дожевал очищенную рыбу, встал.

И тоже вышел, не сказав ни слова.

Арания снова икнула.

— Это они что? Они всё? Уходят со службы?

Я вздохнула.

— Видно так, госпожа Арания.

Она всхлипнула, нижняя губа у неё задрожала.

— Бросили... А меня и защитить сейчас некому — отец на границе, мать умерла. может, и впрямь остаться здесь? Стать женой одного из Ирдрааров? И провести всю жизнь в здешнем семейном доме, ужас-то какой.

Госпожа сестрица опустила голову, вцепилась в платье на коленках. Жалко дуру, а ничем не поможешь. Даже по головке её не погладишь — раз уж запретила себя касаться.

— Я с тобой останусь. — Пообещала я. — Одну не брошу.

Госпожа сестрица опустила голову и икнула. А со двора вдруг донесся неясный грохот, голоса. Мигнул свет, падавший из раскрытых дверей — влетела незнакомая бабища, суматошно взмахнула руками, запричитала:

— Там из королевского дворца колымага с дятлом! За вами!

Арания, до этого мешком сидевшая на лавке, словно у неё не осталось сил, вскочила на ноги.

— Из королевского дворца? Зачем? Кто.

Бабища снова взмахнула руками:

— Не знаю. а платье-то у тебя какое! Мятое, мокрое, грязное!

Как ты в нем во дворец.

Тут в общинный дом вошла Ослейг, глянула зло.

— Аранслейг, не знаю, что ты натворила, но за тобой приехали четверо жильцов из королевского дворца. С колымагой. Хотят увезти тебя и эту. — обе норвинки дружно глянули на меня с презрением. — Госпожу Тришу. Платье у тебя, конечно, испорчено, но какова госпожа, таков и наряд.

Арания глянула себе на подол. Ощутимо вздрогнула.

— Нет, такой я не поеду. Триша, за мной!

И вылетела из общинного дома. Я побежала следом, не удостоив норвинок ни прощальным словом, ни взглядом.

Перед воротами стояла закрытая повозка темного резного дерева. На дверце раскинул крылья серебряный с чернью дятел, выставив клюв на правую сторону.

Рядом гарцевали на гнедых конях четверо всадников, в темных коротких полукафтаньях с серебряной тесьмой по вороту и рукавам. Я, пока бежала, мазнула по ним взглядом.

Сухие лица со впалыми щеками, у трех подрезанные снизу короткими бородками, у одного скобленное ножом. И у всех к поясам подвешены мечи. Королевские жильцы. Выходит, мой отец, господин Добута, был таким же?

Один из жильцов, заметив бегущую Аранию, дернул повод. Конь рванулся вперед, перегоротив ей путь.

— Ты штоль Арания, дочка Кэмеш-Бури? Куда бежишь, скрыться хочешь? А ну встала!

Арания замерла на месте. Спросила чуть дрожащим с похмелья голосом:

— Почто нас требуют во дворец?

— А я знаю? — Всадник упер одну руку в бок, вольно развалился в седле. — Из королевских покоев прислали приказ, сказали — вези. Так что давай в колымагу, девка, и не задерживай нас попусту. А та, вторая — Триша, верно? Лезьте обе, да побыстрей.

Арания вдруг выкрикнула:

— Не сметь. не сметь говорить мне приказывать! Я для тебя госпожа Арания, дочь Серебряных Волков! Понял? И во дворец в этом платье я не поеду! Подождешь, пока переоденусь!

Всадник понукнул коня, тот пошел боком, напирая на Аранию.

— Непослушание? Слово короля — явиться немедленно.

И тут случилось странное. Арания вскинула голову и взвыла. По-волчьи, один в один. Конь всхрапнул, отпрыгнул назад. Всадник закачался в седле, рванул поводья, осаживая гнедого жеребца. Госпожа сестрица тут же смолкла и побежала к дому детей. Я рванулась следом.

В закуток мы ввалились вдвоем. Девки сидели рядком, как куры на жердочке — и все на моем топчане. Понятно, кто ж посмеет сесть на ложе госпожи Арании.

— Встали! За дело! — От вопля сестрицы даже полог вздрогнул. — Мне темно-синес платье и свежую сорочицу, госпоже Трише сорочицу и темно-желтое платье! Волосы чесать, никаких украшений, свежие туфли нам обеим! Достаньте благовоний из мамкиного ларца — мне аромат черемушный, Трише — розовый. Живо!

Девки с топчана взлетели испуганными курами. Заметались.

Готовы мы были враз. Саньша кинула мне сорочицу и свежее платье — я спешно переоблакалась. Она затянула шнуровку по разрезам и причесала меня в четыре взмаха гребня. Потом мазнула по щеке какой-то мазью из склянницы, что швырнула ей в руки Алюня.

От меня вдруг запахло. Сладко до приторности, тревожно и незнакомо. От запаха защекотало в носу, я чихнула — Саньша тут же пихнула в руку кусок чисто-белого полотна, шитый по краям незабудками.

— Прикрывайся платком, когда кашляешь. — Резко сказала Арания.

— И постарайся в королевском дворце вести себя, как госпожа.

Ходи ровно, глаза опускай вниз, улыбайся сладенько, рот платком прикрывай, если что. Сопли утирай им же. Ну, готова?

Вельша сунула мне в руки гребень, которым чесала Аранию.

Меж зубьев застряло всего три волоска. А вот огня не было — на дворе стоял день, и свечей никто не жег. Я скатала волосы, завязала их в край платка. Вечером спалю.

Жильцы ждали нас у колымаги с мрачными лицами, рядом стояли Рогор и Сокуг. Несколько насупившихся норвинов во главе с Ургъёром застыли поодаль, за ними виднелась стайка перешептывающихся баб.

Люди Морисланы смотрели спокойно, словно меж ними и Аранией ничего не случилось. Едва мы подошли, Рогор выступил вперед, услужливо распахнул дверцу колымаги. Спросил:

— Что-нибудь прикажешь, госпожа Аранслейг?

У Арании, лезшей в колымагу, дрогнули плечи.

— Да. Ждите меня тут.

Когда дверца захлопнулась, Ургъёр проревел:

— Мы будем ждать тебя, внушка моего брата!

Повозка тронулась. Едва мы выехали со двора, я спросила:

— Слышь, госпожа Арания. а где ты научилась так по-волчьи выть?

Госпожа сестрица вскинула глаза от колен.

— Что, похоже? Отец заставил. Это одно из десяти обязательных умений женщин рода Кэмеш-Бури, серебряного волка. Я и не хотела, да матушка велела делать все, что он прикажет. И вот поди ж ты — пригодилось. Хорошо хоть взвыла-то?

— Чисто волк в ночи. — С восхищением сказала я.

И Арания вдруг улыбнулась.

Едва мы въехали в ворота кремля, drobный стук колес сразу помягчел — здесь брусчатку уложили ровнее, чем в городе, так что дорога под колымагу стелилась гладкой скатертью. Кони облетели кремль по кругу, прижимаясь к стене, подскакали к королевскому дворцу. Мы вышли.

У распахнутых дверей застыли жильцы. Рядом на ступеньках поджидал немолодой мужик в длинной белой рубахе, прихваченной поясом из красных кожаных ремешков. При виде нас мужик поклонился, провозгласил:

— Госпожа Арания с госпожой Тришей? Следуйте за мной.

Повел он нас по лестнице до четвертого поверха. Там сошел со ступенек и ступил в малый проход, шедший вокруг лестничного провала закорюкой. Распахнул дверку, расписанную цветами и птицами — судя по клювам и хохолкам, дроздами. Горницу за ней охраняли четверо жильцов, державших на плечах обнаженные мечи.

Тут немолодой мужик остановился, бросил:

— Ждите, сейчас о вас доложу.

И исчез, но тут же появился снова. Мотнул головой, указывая на дверь, украшенную резными птахами.

— Вас ждут. Идите обе.

Арания чуть сгорбилась и пошла вперед. Я зашагала следом.

Вторая горница оказалась угловой. По двум стенам шли решетчатые окна, а за ними расплеснулась в берегах зелено-голубая лента громадной реки. Солнце её серебрило, белые просинки пятнали — должно быть, лодки плыли.

У стены по правую руку от двери стоял на небольшом возвышении громадный стул. Чудной такой — подлокотники навроде выпущенных вперед птичьих крыл, вместо ножек вырезанные из дерева большие птичьи лапы. На высокой спинке сидели два серебряных дятла, нацелившись друг на друга клювами. Меж ними к потолку поднималась железная ветка в медной листве. И листья по виду походили на березовые.

Король Досвет сидел на стуле, чуть подавшись вперед и согнувшись. На этот раз он был с непокрытой головой, без соболей шапки со стрелой. Под густыми волосами, темно-русыми с сединой, просвечивали две залысины, идущие от висков к затылку. Под глазами набухли мешки, набрякли прожилки — нехорошо выглядел король, нездорово. И на того молодцеватого мужика, что вошел в залу для пира два дня назад, уже не походил.

В руке, небрежно разложенной по подлокотнику-крылу, король держал грамоту с алой ленточкой по изнанке пергамента. Глядя на нас усталым, мутным взглядом.

Арания, вошедшая первой, отвесила поясной поклон, я сделала то же самое.

— Подобру тебе, король-батюшка! — Негромким голосом сказала госпожа сестрица. Застыла с опущенной головой.

— Подобру, король-батюшка! — Повторила я, тоже опуская голову.

Сказано держать глаза опущенными вниз, вот и будем. Только сладенько улыбаться чего-то не тянуло. Да ладно, чай, не выгонят.

Король шевельнулся на своем стуле с дятлами — я услышала, как хрустнули у него позвонки.

— Поздорову вам, девицы. Кто из вас Арания, дочь Морисланы?

— Я, батюшка. — Тихо ответила Арания, не поднимая головы.

— Печалюсь вместе с тобой о твоей матушке. — Немного невнятно сказал Досвет. — Морислана была славной госпожой, вечная ей память. И за мой род в свое время пострадала. Так что за мной должок остался, Арания, дочь Морисланы. Но об этом потом.

И он обратился уже ко мне, но другим голосом, построже:

— А ты, стало быть, госпожа Триша?

— Она, король-батюшка. — Я не выдержала и подняла голову. Несподручно разговаривать, упершись взглядом в пол.

Старым он мне показался, король Досвет. Вроде как ещё больше постарел, пока с нами разговаривал.

— Пришел ко мне вчера верч Яруня. Криком кричал, охальник, что притаилась де в моем королевском дворце измена. Мол, смерть славной госпожи Морисланы не от болезни приключилась, а от некой травы-отравы. Кричал также, что в тереме еду госпожи всегда пробовала травница Триша, родня госпожи Морисланы, со стороны Ирдрааров норвинских. И выходит по всему, что отраву госпоже Морислане могли подсунуть лишь у меня на пиру. За моим королевским столом. Говорил также верч Яруня, что госпожа Триша Ирдраар, стоявшая у ложа Морисланы в её последний час, может подтвердить его слова. Так ли это, девица?

— Так. — Подтвердила я.

Арания рядом ворохнулась, метнула на меня искоса взгляд — со значением. Я торопливо добавила:

— Король-батюшка.

— Поклянись. — Потребовал король.

— Клянусь Кириметью-матушкой.

Король Досвет глянул на меня удивленно. Ну да, я ж для него Триша Ирдраар, а норвинки должны клясться Дином или Трарин.

— Клянусь Кириметью-кормилицей. — Упрямо повторила я. — Чтоб мне руки-ноги перекосило, если вру. Я пробовала еду госпожи в терему. Но на пиру мы сели отдельно. И на следующий день госпожа Морислана умерла, потому что крючки из травы кольши разодрали ей нутро.

Он глянул остро, а мне вдруг стало страшновато. Ведь самому королю говорю сейчас, что в его дому, за его столом совершилось злодейство. А ну как все не так? Я вдруг ощутила, как заныла моя усохшая левая. И поспешно добавила, отводя её за спину:

— Конечно, если госпожа Морислана лакомилась между едой заедками какими, то.

Арания меня перебила:

— Нет! Матушка никогда в рот ничего не брала между едой, говорила, что брюхо нельзя баловать. Простите меня, король-батюшка, но.

Досвет повел по воздуху кистью руки, госпожа сестрица смолкла.

— Я понял. Значит, все за то, что в моем дому и впрямь измена.

Он откинулся на спинку, обмяк.

— Пусть будет так. Я этого не оставлю и виновных разыщу. Знаете ли вы, кто мог желать зла Морислане? Ведь не зря же она велела пробовать еду?

Рогор, вспомнила я. Вот кто может знать. Скажет ли Арания об этом королю?

А вдогонку вдруг подумалось, что Ерислана все же могла быть к этому причастна. И норвин врал, чтобы отвести от неё подозрения. Чтобы не мешали подобраться к легеду — уж больно ему хотелось получить за смерть Морисланы мешок бельчей.

— Нет, король-батюшка, мы ничего не знаем. — Голос у Арании прозвенел колокольчиком. — Правда, один раз матушка упоминала, что в Чистограде, ещё в молодости, с ней что-то случилось. Может, из-за этого все, а может, кто-то захотел отомстить моему отцу через его жену.

Выходит, Арания не знала, что случилось с Морисланой двадцать лет назад? Или просто не хотела выказывать этого перед королем?

— За то, что с ней случилось тогда в Чистограде, никто не стал бы мстить. — Устало сказал король. — Ведь в конце концов, у злодеев все вышло. А у Морисланы нет. Месть Эрешу Кэмеш-Бури. что ж, посмотрим.

Он отбросил свиток пергамента, который все ещё держал в руке.

Тот упал на малый столик за птичьей лапой, подпиравшей стул. Встал, тяжело выпрямившись.

— Вот вам моя королевская воля. Ты, девица Арания, дочка славной Морисланы, и ты девица Триша, её родственница, отныне будете жить в моем дворце. И служить моей дочери, королевшне Зоряне. Вас будут учить приличному обхождению и прочим наукам. Потом, когда настанет время, я найду вам женихов.

Он мимоходом глянул на мое лицо, поспешно отвел глаза.

— И назначу доброе приданое — в благодарность за заслуги Морисланы перед моей семьей. Да будет так.

Король Досвет тронул перо на подлокотнике-крыле, тут же зазвенели невесть где спрятанные колокольцы. Дверь скрипнула, в горницу сунулся давешний немолодой мужик в белой рубахе.

— Чего изволите, король-батюшка?

— Девицы будут жить тут, во дворце. И служить у королевишны Зоряны. — Негромко распорядился король. — Пусть их вещи доставят сюда. Найди им горницу. Скажешь также госпоже Любаве, что девиц следует обучать вместе с моей дочерью — в знак моей великой милости к покойной госпоже Морислане. Поручаю их тебе, Держа.

Он вышел из горницы, даже не глянув в нашу сторону. Арания придвинулась поближе и выдохнула мне в ухо:

— Мы будем жить во дворце! Слышь, Тришка, в самом дворце! И с королевишной знаться! Ох, любота!

Глава двенадцатая. Жизнь дворцовая

— За мной пожалте. — Сказал Держа. И повел нас по лестнице.

Горенку для жилья нам определили на пятом поверхе. Проходя мимо дверей, что тянулись по здешнему проходу редкой вереницей, королевский прислужник обернулся. Предупредил, строго стрельнув глазом:

— Здесь жильцы живут, и неженатые среди них есть. Только если дорожите королевской милостью, держите себя в строгости. Охальников близко не подпускайте, на речи мужские не откликайтесь. Будете честь блюсти, так женихи для вас найдутся первейшие, всем на завидки. Молодые, кровь с молоком. И камнями одарят, и прочим бабьим богатством. А если спутаетесь с кем, так доброго жениха уже не ждите. Не любит наш король-батюшка блуд-то. И знайте — здесь, во дворце, наши жильцовские бабы дворцовых осенних мух и тех загодя с весны считают, а уж сплетни из одного чиха слагают. Такие турусы на колесах у них выходят — на зависть всем сказочницам...

Свою речь старый дядька выговорил ровно, даже не споткнулся, на меня глядячи.

— Спасибо за совет, за науку, господин Держа. — Напевно ответила ему Арания.

Сейчас госпожа-сестрица не чинилась, носа не задирала — а ведь с прислужником разговаривала. Правда, прислуживал он не абы кому, а самому королю. И повадка у него поменялась, едва мы из королевских гостей обернулись прислужницами королевшины...

— Вы, ежели кто дерзнет, сей же час ко мне. — Держа глянул по-отечески. — Только господином меня не кликайте, мне такое величанье не по чину. Я тут числюсь главным прислужником королевской опочивальни. От короля-батюшки милостями пожалован, так что в господа не рвусь...

— Как отца родного слушаться будем, добрый человек. — Приглушенным тоном сказала Арания. — Спасибо тебе за совет, за доброе слово. Ты уж подскажи, если что, словом направь. Отблагодарствуем за науку-то...

Держа прищурил глаза по-доброму над окладистой бородой.

— Не бойтесь, обороню. Девицы вы почтительные, как не помочь.

И зашагал дальше, уже не оглядываясь, широкими шагами. Довел до горенки в самом конце поверха, почти что в дальнем углу — за две двери до конца прохода. Сказал, указывая на простую, сработанную из темных досок дверку:

— Вот тут будете проживать, госпожи мои, в одной горенке. Во дворце у короля-батюшки тесновато — и жильцы с женками тут ютятся, и прислуга, и Зорянины учителя, всем покоев не хватает... Сейчас пошлю прислужников, чтобы забрали ваши пожитки из дома сродственников. Весточку с ними передать не желаете?

Арания вдруг ответила привычным голосом, по-господски, словно до этого была под мороком, а тут очнулась:

— Почтенный Держа, пусть скажут моим девкам, Алуне с Вельшей, чтоб приехали. И чтобы с моих сундуков в дороге глаз не спускали! Пусть знают — если пропадет что, у них из жалования вычту! А Саньша пушай домой в Неверовку отправляется, мне тут во дворце простая чернавка без надобности...

Жаль Саньшу... Уж как она хотела погулять на здешнем Свадьбосеве, а теперь вот не выйдет. И с Сокугом я ей не помогла, не до того было.

Мне враз стало совестно. А потому я сказала умильным голосом, каким бабка Мирона

уговаривает бредящих больных:

— Сестрица Арания, может, оставим при себе Саньшу? Ведь преданная девка, вон как по матушке твоей убивалась...

Арания скривила губы, но тут вмешался Держа:

— Ты не поняла, госпожа. Во дворец взяли лишь вас двоих. Прислуги вам не положено, отныне вы сами в услужении, хоть и господском, без мытья полов. Так что все придется делать самим. Без прислужниц.

Арания аж задохнулась.

— А кто волосы мне будет чесать? А за платьем глядеть, горницу в чистоте содержать...

— Сама, все сама, госпожа хорошая. — Мягко, чуть ли не с сожалением сказал главный прислужник королевской опочивальни.

Но мне показалось, что он усмехается. Про себя.

— Пораньше встанете, одна другую причешет, та — первую. А за горницей вашей приглядят, тут особые чернавки для того имеются. Идите-ка сейчас к себе, и ждите там госпожу Любаву — я ей передам королевское указание. Она вскорости придет на вас глянуть.

После этих слов Держа ушел, а Арания пнула ногой дверь и зашипела — дубовая створка с одного пинка открыться не пожелала. Видать, давно стояла нетронутая.

— Счас в горницу зайдем, так разотру. — Пообещала я, приподнимая тяжелую дверку и отворачивая её. — Потом у здешней прислуги маслица попрошу, петелки смажу. Как ного-то? Не сломала чего? Ну-ка, постибай пальцы.

Но беспокоилась я напрасно. Арания влетела в горницу, огляделась, раздраженно сказала:

— Ну и убожество. Как тут жить без прислуги?

— А ты откажись. — Посоветовала я, заходя следом.

— Ни за что. — Твердо ответила госпожа сестрица. — Теперь, когда матушки нет, кто мне хорошего жениха найдет? Такого, чтобы с ним в столице жить, по каменным дорогам павой ходить, в деревне не скучать? Отец сам всю жизнь на границах, ему такое без надобности. Он скорее меня за какого-нибудь олгара отдаст. Чтобы с рук сбегать. И прохожу я потом всю жизнь с косами, оборками обмотанная. Не для того я от Ирдрааров ускользнула, чтобы в олгарском эяле всю жизнь куковать. Не хочу! Хочу хорошего жениха, тут, в Чистограде...

Я глянула на неё искоса, вздохнула. У каждого свои горести. Мне бы её лицо — так я бы согласилась не только на косы с оборками, но и на плат от бровей до пят. Не все ли равно, что носить, если люди, на тебя гляючи, не морщатся. И не отворачиваются.

Напрасно госпожа сестрица фыркала — горница, нам отведенная, была не так плоха. Под окошками, глядевшими на изгиб громадной реки, стояли две кровати, одна у левой стены, другая у правой. И обе застелены шитыми покрывалами.

Шитье припорошила пыль, так что нитки узора гляделись полинявшими — но только гляделись. На высоких подушках были надеты наволоки из темно-алого шелка, на пол брошены дорожки из лоскутных кос. В левом углу притулилась небольшая печка.

— Нога-то прошла? — Спросила я, вспомнив про сестрицын ушиб.

Арания, не отвечая, плюхнулась на левую кровать. В воздух поднялось облачко пыли.

— И где эти чернавки, что тут убирают? Грязюка везде.

— Ты посиди. — Мне вдруг припомнилось, что из двух сестер я старшая, а значит,

придется быть умнее и мудрее. И о жилье позаботится, поскольку Арания к труду непривычна. — А я пока покрывала с подушками повытряхиваю.

Отодвинув правую кровать, я растворила оконце. Сначала полюбовалась Дольжей-рекой, разлегшейся посередь чистоградских холмов. Дома начинались прямо от берегов, всю даль, до самого окоёма, застилало узорочье разноцветных крыш. Широкие улицы улеглись меж них темными лентами. Над дальним извивом реки прошвой из тонкой нити завис мост. Хорошо... ветерок с реки долетает, свежестью щеки обдувает.

— И горницу дали такую, что на реку выходит. — Недовольно пробурчала Арания со своей кровати. — Вот уж осенью, как задуют холодные ветра, окоченеем тут!

Я молча содрала с кровати покрывало. Ох, и пылища... подушки после выбивания даже цветом посветлели и засияли ярко-алым. Ну как на таком спать? Не стираючи?

Госпожа Любава пришла, когда я уже взялась за половики. Баба она оказалась высокая, видная — грудь пышная, волной, прямые черные брови расплескали от переносицы до черных же волос, кудреватого падавших на плечи. Глаз тоже черный, блестящий. Лет ей было за тридцать. Одета она была навроде королевешны на празднике — в тугую, не вздохнуть, душегрею до пояса и юбки в два слоя с разрезом. Глядела госпожа сладко, а вот голос оказался жестоковат. Визгливый, как у нашей мельничихи, жены Арфена.

— Значит, это вас король-батюшка решил милостью одарить, вместе с королевешной наукам научить? Ну-ка встаньте рядом, погляжу на вас.

Я поспешно швырнула половики в угол, шагнула к Арании, уже вскочившей с кровати. Встала рядом — локоть к локтю. И замерла.

— Ну, — ровненько сказала госпожа Любава, рассмотрев мое лицо.

— По крайней мере, одна из вас может не бояться, к ней наши местные охальники дорожку не проторят. А вот другая пусть остережется.

И слово в слово повторила то, что давеча говорил Держа — никого не привечать, ни на что не откликаться, а то слух пойдет и жениха не видать.

— Платья-то у вас хоть приличные? — Госпожа Любава придирчиво оглядела синее одеяние Арании и мое, желтое. — Вижу, все с дому, с родных деревень. Чай, свои же деревенские девки шили?

Арания дернулась, но с собой совладала. Сказала мягчайшим голосом:

— Госпожа Любава, не извольте беспокоиться. У нас и другие платья имеются, отсюда заказанные, из Чистограда, от столичных мастериц.

Любава кивнула.

— И то ладно. Лучше бы, конечно, носить цорсельское платье, королевешна Зоряна на другое и глядеть не желает. Но где уж вам...

Арания вскинулась:

— Госпожа Любава, всякой ткани у меня довольно. Ты только подскажи мне мастерицу, которая такое шьет. Я тут же закажу по две перемены, и себе, и сестре, ничего не пожалею...

Госпожа Любава глянула на неё благосклонно.

— Пришлю завтра же. Вижу, радеете, стремитесь к просвещению. Похвально. А тепері поговорим о том, что делать будете. Значит, так — каждый день с утра следует являться в покои королевешны.

Да пораньше, чтобы не проспять её пробуждения. Как только она к вам выйдет, вместе с ней отправитесь на прогулку. Коли прикажет чего — исполняйте. После прогулки свет-

королевишна обучается приличным манерам, истории государств великих и цорсельскому языку, для лучшего обхождения с послами. Вам на тех уроках положено быть, и если королевишна чего пожелает — тут же ей услужать. Если вас о чем спросят учителя — так не чиниться, а сей же час отвечать, и притом без ошибок, чтобы королевишне за вас зазорно не было. Все уяснили?

— Да! — С трепетом в голосе пискнула Арания.

Я кивнула.

— А после обеда у королевишны обычно уроки танцевальные. — Важно сказала госпожа Любава. — На них наша свет-Зорянушка не хороводы деревенские вышагивает, а заграничные пляски танцует.

С церемониями, где каждый шаг со значением. Чтоб, значит, нигде и ни в чем державу не позорить. Только вы танцевать не лезьте, больше смотрите. Потом, может, и попробуете. А пока ни шагов, ни поклонов не знаете — стойте в сторонке, королевишну, как притомится, платком обмахивайте.

— Как скажете, госпожа Любава. — Покладисто согласилась я. Арания смолчала — ей, похоже, отказ от танцев был не по нутру.

— Завтра к утру чтоб были в покоях королевишны на третьем поверхе. Я к вам поутру чернавку пришлю, проведет на первый раз.

— Госпожа Любава павой повернулась к двери. Задержалась у порога, сказала скучающе: — да, и черной работой руки белые не утруждайте, вам это не по чину. Я прикажу, чтоб сей же час прислали девку, порядок тут навести. А вы ждите благолепно, одежды не пачкайте...

— Видишь? — Жарко сказала Арания, едва дверь за Любавой закрылась. — Полюбились мы ей, точно тебе говорю! И девку нам пришлет, и мастерицу. Эх, вот бы ещё понравиться самой королевишне! И танцы заграничные вместе с ней выучить...

Меня точно иголкой в грудь кольнули. Морислану сегодня схоронили, то есть сожгли по норвинскому обычаю. Ладно я, которая её не знала — но сестрица?

Видать, что-то у меня на лице отразилось, потому что Арания дернулась и глянула недовольно.

— Ты что рожу корчишь? Страшно ведь...

— Госпожа Арания... ты матушку сегодня только схоронила, а уже о танцах думаешь. Не рано?

Она устыдилась. Даже глаза опустила. Потом вскинула голову, глянула надменно, свысока.

— Матушка померла, а мне дальше жить. Я и легед за её убийцу достойный назначила, и прощальную трапезу с её телом разделила, все как положено. Не всякая дочь отдаст свое приданное так легко, как я. Что ж такого, если я теперь стараюсь свою жизнь устроить?

И о нужном думаю? Вот преуспею в танцах, так все увидят, какая я разумная, к наукам способная. Глядишь, и жених мне найдется получше, сын какого-нибудь графы. Что в том дурного?

Матушкина душа на небе такому лишь порадуется. И вообще у норвинов не положено долго горевать...

Я вздохнула. Она была права. Мертвым умирать, живым жить. Мне ли, травнице, об этом не знать.

Арания молча уселась на кровать, обиженно поджав губы — мол, не буду с тобой

больше говорить. Тут прибежала худая чернявая девица с ведром в одной руке и свежими покрывалами в другой. А потом привезли сундуки и я принялась разбирать свои припасы — корзину в дороге, видать, трянуло. Приворотное зелье все вылилось, испачкав травы в свертках. Ещё и эта напасть...

Молчала Арания недолго. Двое дворцовых прислужников занесли последний сундук — сестрино богатство заняло добрых полгорницы, лишь у печки осталась тропка к выходу. Едва дверь за мужиками закрылась, Арания кинулась к сундукам. Спешно откинула одну крышку, вторую, закопалась внутрь.

Потом со стуком захлопнула сундуки, повернулась ко мне.

— Слышь, Триш. А пойдем прогуляемся по кремлю? Чего сиднем-то сидеть? Оглядимся, на красоты здешние полюбуемся.

Я бросила на пол последнюю испорченную ветку из припаса. Некоторые травы из потерянных были мне не к спеху. А вот стебли априхи, хрящиху и беличьи ушки нужно собрать заново. И не мешкая — скоро Свадьбосев, потом сила травок начнет слабеть.

Хотя в априхе тоже большой нужды нет, подумала я. От большого зуба в одночасье не помирают, случись что, будет время найти травку на стороне.

А вот хрящиха и беличьи ушки, которые чистят живот от отравы, дело другое. Помня страхи Арании и смерть Морисланы — здесь, в королевском дворце, без них лучше не жить. Сыскать бы ещё семицвет с живолистом, которые кровь останавливают, силы раненому дают. Мало ли что. Правда, живолист травка редкая, драгоценная, даже в Неверовке я её не нашла.

По всему выходило, что нужно идти в лес. Знать бы ещё, в какой стороне тут ближайший лесок и поле.

— Ну? — Арания встала передо мной. Даже ногой топнула, осердясь. — Идем мы или нет? Что за невежество дремучее! Что за наглость престолярная! Я с тобой своими платьями делюсь, в родственницы тебя зачисляю, не глядя на безродство. В люди вывожу — а ты нос от меня воротишь!

Я и впрямь, едва она ко мне подступилась, глянула в сторону окна. Задумалась — до леса далеко, а здесь, в кремле, целые рощи. Вдруг да найду травы рядышком, не выходя за ограду?

А потом расслышала слова Арании и дернулась, как от подзатыльника. Даже в животе все сжалось от обиды. Платьями она делилась! Да у меня свое выходное в узле припрятано! И господские платья там же уложены, все три, что дала Морислана по уговору с бабкой, и то, что пожаловала для пира.

Именно воспоминание о Морислане мой гнев и утихомирило.

Что поделаешь с девкой, коли такая норовистая выросла? И всех людей делит на две части — тех, кто кланяется ей, и тех, кому должна кланяться сама? Других-то людей для Арании нет, на свете не выросло, судя поговору да по повадкам. Лет девке немало, шестнадцать-семнадцать, так что переделывать её поздно.

А Морислана перед смертью просила приглядеть за любимой доченькой. И глупой Аранию назвала. А с дурехи какой спрос?

— Ладно. — Я выдохнула, заглушая злость. — Сейчас приберу тут малёха и все, можно идти.

Я запихнула испорченные травы в печную топку. Потом туда же сунула сестрины волосы, что утром увязала в свой плат. Вечером лишь свечку поднести, и все запылает.

Арания в мои дела не вмешивалась, топталась у порога, так ей не терпелось.

По дороге к лестнице нам попались навстречу две бабы — обе в господских платьях, со шнурами на боках. Одной уж лет сорок, другая чуть постарше меня, двадцати с лишним годков. Едва завидев нас, бабы застыли, выпучив глаза, как на диковину.

Особенно на меня.

— Подобрю вам, госпожи хорошие. — Прощебетала Арания.

— Подобрю. — Поддержала я сестрицу.

— И вам подобрю, коль не шутите. — Сказала старшая. А молодая прыснула.

Пока я раздумывала, не отвесить ли поклон той бабе, что постарше, почтить старость и то, что от смешков при виде меня удержалась, Арания дернула за рукав. Вцепилась в руку, больно ущипнув сквозь ткань.

И потащила на лестницу. Спустившись до четвертого поверха, зашипела:

— Ты что замерла? Как гвоздями приколоченная?

Я пожала плечами.

— Да вот думала, может, поклон.

— Думала она! — Арания глянула торжествующе. — Это же жильцовские женки, неужто не понятно?

— Не бойсь, догадалась. — Хмуро ответила я.

— Вот завтра встречу госпожу Любаву, так спрошу, как их привечать. — Арания озабоченно сморщила лоб. — А пока так мыслю — у здешних жильцов ни своего дома, ни земельного надела нет. Стало быть, они худородные. Уж всяко ниже моего отца. А мы у самой королевишны в услужении, так что наше место высокое. Опять же король-батюшка к нам благоволит. Тс-с, тише.

Хлопнула одна из дверей, на лестницу вышел парень. Серое полукафтанье, шитое серебром, на поясе длинный меч с тонким окончанием — жилец. Сказал задорно:

— Подобрю вам, красны девицы. Смотрю, стоите. притомились на ступеньках али головка закружилась? Так я провожу, плечом подопру, с меня не убудет. А хотите, так и на руках снесу, не переломаюсь.

Глядел он на нас двоих, ни одну не выделял. И от моего лица глаз не отводил, уж не знаю почему. Меня от его взгляда как горячей водой окатило. Пока Арания стояла столбом, я поспешно кивнула, ответила:

— И тебе подобрю, добрый молодец.

Не красавец, даже страшненький — а как по мне, так в самый раз.

В плечах сажень косая, над бровями и вокруг рта морщинки — видать, часто улыбается. Нос до того курносый, что ноздри ветер ловят, глаза друг от друга отстоят далеко, голубые, озорные. Бровей почти не видно, до того выгорели, короткий волос спелым ржаным колосом отливает.

Арания снова дернула меня за руку и поволокла вниз. Молча, с надутыми губами. Лишь когда дошли до выхода, разродилась жарким шепотом:

— Ох и дуреха. истинно — деревенщина! Позору захотела? Не слышала, что госпожа Любава сказала — с жильцами ни слова, ни полсловечка? Под беду меня подвести хочешь? Ладно свою жизнь загубишь — но ведь и меня ославишь!

Я вздохнула, но смолчала. Мне самой муж, который меня из-за приданого возьмет, без надобности. Скорей бы уж Арании жениха нашли, что ли — хоть сбуду с рук сестрицу-обузу. И снова начну с людьми здороваться без страха.

А если найду того, кто проклятье наслал, так и вовсе хорошо будет. Попасть бы после этого на глаза курносому.

Арания дернула меня за руку и поволокла вперед, обрывая мечты. Девичьи, глупые, не ко времени. Ох ты, Мать-Кириметь, кормилица. О том ли мне сейчас думать надо?

Прислужник, встретившийся на выходе, почтительно уступил дорогу. Двое жильцов, что стерегли распахнутые дворцовые двери, бросили вслед:

— Вон та ничего, в синем.

Арания от похвалы только брезгливо сморщилась.

Шагов на пятьдесят от выхода землю укрывал камень. Мы обошли громаду королевского дворца со стороны реки. В тридцати шагах начинался обрыв, до него все замощено камнем — ни травинки, ни кустика.

А снизу подпирала обрыв кремлевская стена, обнимала крутизну могучей опояской. Клыками в волчьей пасти вздымались над обрывом крыши башен. Видать, когда-то это был крутой яр над рекой, потом подножье обнесли каменной стеной, а на верхушке построили дворец.

Вид отсюда открывался знатный. Должа неспешно катила свои воды с севера на юг, рассекая весь видимый глазу мир широкой лентой. Чистоград лежал, как угощение на блюде. Я бы век тут стояла, но Арания не позволила — передернула плечами, захныкала, что дует и потащила дальше.

По ту сторону дворца сразу за каменным измощем шли сады и рощи. Палаты верчей выставляли из них только верхние поверхи, увенчанные теремами. Некоторые деревья и кусты, что тут росли, я не знала. Одно хорошо — травы под ними зеленели те же, что и в шатроковом лесу.

Дорогу выбирала Арания. Мы спустились к воротам кремля, поглазели, как заезжает внутрь ограды колымага — не расписная, как у Морисланы, а резная, в золоте, сидевшая на колесах перевернутой луковицей. Потом прогулялись вдоль высоченной ограды, глядя на павлинов. У одной из дорожек в загоне расхаживали чудные пестрые птицы с красными соплями под клювом. Увидев нас, пеструхи злобно заклекотали, две даже взъерошились, надулись.

— А это заморские куры. Громадные, не чета нашим! — С уважением сказала Арания. — Из-за морей, говорят, привозят. Такое не только простой люд — даже верчи не всегда едят. Королевская птица.

— Оно и видно, по нраву-то. — Ответила я.

Арания прыснула.

Хрящиху я углядела у храма Киримети, стоявшего посреди рощи древних берез. Спешно шагнула в сторону, сорвала траву и уже собиралась завернуть её в тряпицу, запасенную в рукаве. Но Арания вдруг ухватила меня за руку:

— Ты что?

Я ей ту ветку показала, объяснила раздельно, как дитю малому:

— Хрящиха. Листик жуёшь, в нужник бежишь. При отраве самое то!

Она опять сморщилась, как печеное яблоко.

— Мы у королевишны в услужении. Понимаешь? Если кто увидит, как ты травку рвешь, а свет-королевишна Зоряна потом на боль пожалуется, на кого подумают?

— А если у тебя что заболит? — Я глянула в упор. — Или после того, как в услужницы попала, ты отравы уже не боишься?

Сестрица дрогнула, но взгляда не отвела.

— Изыщем возможность тебя в лес отвести, обещаю. Но в кремле травы рвать боязно, вдруг донесут. А король-батюшка может и не понять. Пошли-ка лучше съестного раздобудем. Время уж к вечеру, а мы ещё не обедали. Не знай как у тебя, а у меня живот с голодухи сводит.

У меня самой в животе бурчало. Я кивнула, соглашаясь. И с показной покорностью разжала пальцы. Но едва Арания развернулась, вновь подхватила хрящиху и сунула её в рукав.

Однако у госпожи сестрицы словно глаза на спине выросли. Пропела, зараза, ледяным голосом, до ужаса похожим на голос Морисланы:

— Брось. Я все вижу.

Вот и пришлось хрящиху оставить.

У дворца Арания остановила первого прислужника, попавшегося навстречу, объявила ему надменным голосом:

— Мы новые услужницы свет-королевишны Зоряны. Скажи-ка мне, любезный.

Лицо у прислужника, молодого парня в белой рубаше, стало хитро-настороженным.

— Мне с сестрой в обед даже сухой корки не принесли, с голоду умирать оставили. Хочу знать, чье имя назвать королю-батюшке, когда он спросит, не утесняют ли нас? Кто тут отвечает за людей королевишны?

Прислужник отбил поясной поклон.

— Не изволь беспокоиться, госпожа моя! Сейчас главной поварихе все обскажу, она сей же час пришлет снеди в вашу горницу.

— Я имя спросила. — Арания напружинила спину. — Чтобы меня держали в черном теле, как крестьянку какую безродную.

— Все исправим, милостивица! — Парень снова махнул поклон. — Все лучшее принесем, свежее, отборное, с пылу с жара, как для самой королевишны! Уж не гневайся!

— Как для свет-королевишны не надо. — Отказалась Арания. — Не по чину мне так величаться, равняться с первой красой королевства нашего, свет-Зорянушкой. Хлеб пусть положат только белый. И мед чтобы в сотах был, не старый.

Спать мы легли, налопавшись от пуза. Не знаю, как Арания, а я едва дышала. Может, поэтому мне и приснился дурной сон. Как будто смотрят на меня опалелые голубые глаза, незнамо чьи. И там, в черном зеркальце распахнутого зрачка, дергается корявая тень. А рядом визжит кто-то, нечеловечьим голосом, долго, без выдоха и вдоха.

Я пыталась рвануться, уйти от тех глаз, но руки и ноги были скованы. Потом наконец проснулась, резко, как с горки спрыгнула. Села на кровати и утерла пот.

За окном занималось утро.

Спать я больше не ложилась — того и гляди, придут, чтобы отвести нас к королевишне. Умылась из медного рукомоя, подвешенного за печкой, над ведром. Спешно причесалась и облачилась в одно из платьев, подаренных Морисланой.

На этот раз со шнуровкой я справилась сама, сумев-таки дотянуться до правого бока усохшей левой. Правда, для того пришлось изогнуться червяком. Права была Мирона — от безделья любая немочь только прирастает, а от дела хоть каплей, да убывает.

Покончив с одеянием, я пошла будить Аранию. Та проснулась не сразу, уселась на койке, позевывая. Сказала:

— Слышь, Триша. я тут подумала. Буду тебя в родственницах держать, как и прежде.

Платьями поделюсь. У меня их много, ещё и матушкины остались. Опять же цорсельский наряд тебе справлю, не хуже, чем у меня, слово даю. Только ты, слышь-ка — ты мне за это благодарна будь.

Я вздохнула. Не сестра у меня, а дите малое. Как прислугу уму-разуму учить — так госпожа великая, ни дать ни взять. А как за собой присмотреть, так любая девка из деревни рукастее, чем она.

— Причесать тебя, что ль? — Небрежно сказала я. — Ну, садись вон на тот сундук.

Арания тут же приказала, словно только этого и ждала:

— Гребень возьми серебряный, матушкин. Он в том сундучке у стенки спрятан. И притиранья тоже там возьми. Да смотри не разбей.

Я в ответ свела брови. Арания, что-то бормоча о неблагодарных деревенщинах и посконных душонках, полезла по крышкам сундуков к стене.

Причесывала я хуже, чем Алюня или Вельша. Волос у Арании так и не пошел искрой как бывало раньше. Припомнив, что делала Вельша, когда готовила меня к пиру, я сказала:

— Надо бы пиво достать. С медом, волосы натирать.

— Сегодня же вечером добуду. — Пообещала Арания.

У меня было ещё одно пожелание, поважнее пива с медом:

— А не хочешь разузнать, как там Рогор с Сокугом? И девки наши? Ты ж их у Ирдрааров почитай что бросила. Как кутят малых.

— Вот ещё. — Арания вскинула голову. — Не до них мне теперь. И вообще. Ирдраары мне не чужие. Девочек кормить они не захотят, но на улицу тоже не выгонят. Думаю, всех трех спешно отправят в Неверовку. А Рогор с Сокугом хотели искать убийцу моей матери. Вот пусть и ищут, тут я им не помеха. И не нянька.

— Нехорошо так. — Назидательно сказала я. — Ладно мужики, но ведь девочек ты без денег оставила, верно? Как они доедут? Ни куска хлеба по дороге им не купить, ни за ночлег не заплатить. Да ещё и одни. Как бы кто не обидел.

Арания надулась, как мышь на крупу.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Они по дороге все о Свадьбосеве чистоградском болтали. Хоть и втихомолку, да я слышала. Небось и сбережения с собой захватили. На ленты да прочее. Вот пусть их и тратят. А что до обид — да кому они нужны?

У меня от злости аж левую больную руку судорогой свело. И зубы сжались.

— Сюда они не сами приехали — твоя мать привезла! Хочешь госпожой быть? Так будь ею! И ответ за своих людей держи. Морислана бы так не поступила.

Арания, по-прежнему сидя на сундуке, повела плечом. Равнодушно так.

— Я не могу отвечать за всех, кто служил моей матери. Я одна, а их вон сколько.

— Морислана тебя видит из чертогов Трарин! — Пригрозила я последним, что у меня оставалась. — Ей такое не понравится! Сама знаешь, те, которые на небе, к богам близко сидят. Вот пожалуется она своей луногрудой богине Трарин, а та и оставит тебя без жениха.

Арания вскочила.

— Довольно! Не смей угрожать мне карой Трарин, ты, нищенка!

Мы постояли некоторое время, меряясь взглядами.

— Чесать тебя больше не буду. — Зло пообещала я. — И от ядов беречь перестану.

— Если тебе эти девки так дороги, то узнаю. — Сдалась Арания. — Но больше не смей на меня кричать. И требовать не смей.

Она пошла одеваться, а я отправилась любоваться Дольжей в окошке.

Глава тринадцатая. Орешек знаний тверд

Девка в расшитом сарафане пришла, когда солнце стояло уже высоко. Повела она нас по другой лестнице, спрятанной за дверью в самом конце прохода, неподалеку от нашей горницы.

Здесь ступени оказались уже и круче тех, что были на главной лестнице посередь дворца.

Стены в покоях королевешны закрывали занавеси из голубого полотна. Ждать пришлось долго, и мы с Аранией даже вздремнули на лавке. Наконец двери растворились.

Вот теперь я рассмотрела королевешну Зоряну вблизи. Невысокая и бледная, гляделась она какой-то рыхлой и непропеченной — хоть и толстой не была. Подбородок торчал вперед куриной гузкой, кожа под глазами висела мешками, лицо одутловатое, а грудь, прижатая тугой душегреей, над краем ткани собралась складками, как пустое вымя у коровы. Даже темно-синие глаза, влажно блестящие, её не оживляли. Белесые волосы скручены жгутом, обвиты бусами рябинового цвета и уложены вокруг головы.

А на носу клюквой — прыщ. От отворотного?

Ну и цорсельское платье, конечно. Черное, в серебре и золоте, по подолу целые гроздья все тех же рябиновых бусин. Непрозрачных, как зеленые камушки с дальних Урьих гор — наш Арфен-мельник своей дочке целое ожерелье из таких привез с Простинской ярмарки.

— Подобру тебе, свет-королевешна! Каково почивалось, краса ты наша ненаглядная, надёжа единая? — Бойко выпалила Арания. И махнула поклон.

Я поклон повторила, пробормотала:

— Подобру, свет-королевешна. Рады тебя видеть.

Та удивленно распылила глаза. Скривилась, на меня глянув. Сказала в нос, точно её простуда прихватила:

— Что ж, и вам подобру. Кто такие?

Сзади из покоев выплыла госпожа Любава, махнула одной рукой — девки в расшитых сарафанах, толпившиеся за королевешной, тут же исчезли.

— Свет-королевешна, это дочь и дальняя родственница Эрэша Серебряного Волка. Из деревни приехали. Помните, я вам вчера вам говорила, что батюшка этих девиц определил к вам? Услужать, приличному обхождению у вас учиться.

— Приличное обхождение? В таком платье? — Королевешна глянула со скукой и сожалением, безглаголиво отвесила нижнюю губу.

— Сие невозможно, тетка Любава.

— Поменяют, все поменяют, матушка. — Пропела та.

Зоряна тяжело вздохнула, но губу подобрала и поплыла к выходу мимо нас. Любава замахала рукой — идите, мол.

Мы припустили следом за королевешной, которая в нашу сторону даже не глянула. Прогулка вышла недолгой. Зоряна спустилась чуть ниже храма Киримети. Потом, метя юбками, потопала к загону с пестрыми птицами. Там остановилась, достала из кошель, висевшего поверх юбок, булку, принялась кормить надутых громадных птиц крошками. Мы стояли позади. Арания глаз с королевешны не сводила, а я себя чувствовала дура душой.

Нет, если бы не желание найти того, кто наслал проклятье, я б тут точно не осталась. Тоже мне, важное дело — королевешнин зад созерцать. Да чиха её ждать.

На обратном пути королевешна изволила споткнуться. Арания тут же рванулась вперед, подхватила под локоток, защебетала:

— Дозволь за ручку взяться, поддержать, свет-краса королевешна! Видано ли дело — такой лебеди нежной бродить по таким колдобинам. да твоей ножкой только по коврам ступать, а не по каменюкам здешним!

— Да, дорожки в батюшкином кремле ужасные. — Спина у королевешны обмякла, а у Арании, напротив, напряглась — видать, Зоряна на неё всем телом навалилась.

Вот пусть и тащит, раз такая шустрая, подумала я. И поплелась следом. Королевешна тем временем заявила:

— Как только стану королевой, непременно все тут поменяю. Слово в том даю. Дорожки прикажу сделать прямые, эти отвратительные леса, от которых одни комары, вырублю. Подчистую. И сделаю парку — цветы высажены в ровные кучки, трава стрижена, кусты в ниточку. точь-в-точь как в императорском дворце в Зайте.

— Красота-то какая будет, матушка! — Убежденно ответила Арания.

Я мотнула головой, глянула на вековые березы у храма Киримети. Рубить ради стриженной травки деревья самой богини? То ли блажит королевешна, то ли с дури болтает.

Да и прочие деревья жалко. Вон сколько чужеземных. Кто-то трудился, вез их издалека, сажал-растил. И сейчас за ними присмотр был — на всех деревьях ветви обрезаны, сухостой и прошлогодняя листва убраны.

Но ума смолчать у меня хватило. Хотя, может, то трусость моя была, а не ум — королевешнам не перечат, не положено. Слышала я от Мироны байки, в которых король-батюшка непокорным молодцам сразу голову с плеч сносил. Я, конечно, девка — но тоже боязно.

В покоях королевешны, в дальней горнице, нас уже ждали. Высокий мужик с пышными кудрями, длинными, ниже плеч. Лежали они витыми прядями, каждая наособицу. И начесаны до блеска, как у господской девки или бабы.

Одет мужик был в кургузый черный кафтан — полы чуть ниже пояса обрезаны, кушак цветастый, как у бабы, и пуговицы из дорогих камней. Штаны синие, атласные, широкие в заду, а к колену узкие. Вокруг шеи белая тряпица в оборках, а под левым глазом торчит большая бородавка. Черная, ровным кружочком, блестит почему-то.

И губы напмажены, цвет как у спелой малины. Хотя рот жесткий, как положено мужику, морщинами обметан. В общем, непонятный какой-то.

Перед королевешной мужик поклонился по-чудному, руками помахал, выписывая кренделя. Заговорил ломано, коверкая слова:

— Добрый день, феликий принцесс. Я рад фидеть фас добрый здрафий.

— Добрый. — Достаточно любезно сказала Зоряна.

И села за длинный стол посередке горницы. Арания пристроилась поодаль, на углу столешницы, глянула на королевешну с обожанием. Я села рядом с сестрой, руки на коленях под столом сложила, как у бабки Мироны делала, когда та учила меня травницкому делу.

Станный мужик с напмаженными губами встал перед столом, закинул руки за спину.

— А кто этот дефушка, феликий принцесс?

— Мне в услужение дали. — Безразлично сказала Зоряна. — С деревни прибыли ничего не знают. Пусть слушают, Рейсор.

Мужик глянул на нас внимательно, меня обозрел особо, пренебрежительно усмехнулся.

— Фаш отец-король очень добр, феликий принцесс. О! Наш старый императорский

мать тоше любит подбирать фсякий несчастный собачка.

Зоряна заулыбалась, закивала головой.

— Правильно глаголишь. И мы милость несчастным оказываем. Всяко не хуже вашей старой императорши.

— Да, то есть так, феликий принцесс! — Рейсор шагнул к нашей стороне стола, живо сказал: — Слюшай меня, дефушки. Я есть учитель приличный манер, церемоний и обхождений, выписанный из императорский столиц Зайт. Когда я говорить, фы слюшать.

Если фы не отвечать, я наказать. Если фы слушать фсе, то потом стать очень фоспитанный молодой дефушка. Такой фоспитанный, что фас потом пригласить на лучший прием феликий принцесс Зоряна, который быть королева. Фы фсе понять?

Я кивнула, Арания с восторгом пропела:

— Все, батюшка!

Мужик прищурил серые глаза. И без того колючие.

— Я есть дан Рейсор. Фы есть забыть фаши фарварские слова, говорить, как в феликой империи. Фы понимать?

— Да, дан Рейсор. — Пискнула Арания.

— Чего уж тут не понять, дан Рейсор. — Отозвалась я. И вроде постаралась голос утишить, а все равно не так прозвучало. Не сладенько, как у Арании.

Мужик скривил напомаженные губы.

— Больше поштительности ф голосе, дефушка. Ты есть слишком дерефенский, это плёхо. Арания пихнула меня в бок. Локтем, больно.

— Прости, дан Рейсор. — Смирено проямлила я, опуская глаза.

Мужик мне не нравился, до скрипа зубовного не нравился. Но в чужом доме так положено — на какую половицу хозяева укажут, по той и ходи. Хозяйкой тут Зоряна, и ей этот Рейсор по сердцу. Вон как смотрит на него влажными глазами. Так что придется любезничать, хоть и через силу.

— Сефодня мы будем гофорить о церемонии малый императорский прием. — Важно провозгласил Рейсор. И заходил по горнице. — Малый прием — это есть фстреча, на который фы яфляться только по приклашению. В отличие от большой прием, на который должен приходить фсе благородный, который принят фо дфорце. На малый императорский прием нушно яфляться рано. Особ императорский крофф проводит прием там, где пошелаает — сфой спальня, будуар или императорский холл. Приклашенный на малый прием должен одеться эль-форао — ф одежде не больше дфух цфетофф, шея прикрыт днефной форотник со знак Фсефидящий Фрорис.

Он расхаживал перед нами и все рассказывал — какие должны быть каблуки, какие юбки и какие рукава. Прямо не учитель, а мастерица по платью.

Я на малый императорский прием не собиралась, а потому слушала его вполуха. Под конец только прислушалась, когда дан Рейсор строго объявил:

— А если особ императорский крофф плёхо одет. или не одет, то нушно опускать глас. И смотреть сторона или свой нога. Это есть прилично. Глассеть есть неприлично.

О как. Особ императорский, значит, может даже гольшом перед народом посиживать, а позор на том, кто его срамоту невзначай углядит.

До того это меня восхитило, что я не сдержалась и спросила:

— А кто такой особ императорский кров?

Арания сглотнула, чуть не подавившись слюной. Зоряна выкатила в мою сторону

влажные синие глаза, вяло сказала:

— Эти деревенские девки такие простодушные. И почто батюшка эту дурищу ко мне прислал? Скука, докука, на лицо без слез не взглянешь.

— Фы так ферно сказать, мой феликий принцесс. — Рейсор тряхнул кудрями, поклонился в сторону Зоряны. Повернулся ко мне. — Однако мы не мошем пресреть фолю фаш королевский отец. Я пояснить — особ императорский крофф, глюпый дефушка, есть лицо, рожденный императорский семья. Сам император, дфа его сын, три дочь, дядя, тетя и фнук. Я ясно сказать?

— А кто такой император? — Учение мне начинало нравиться. Пусть ругают — раз уж потом все объясняют. А ругань перетерплю, я девка простая, к тяжелому привычная. Вон Мирона тоже на все корки меня честила, если я не враз науку ухватывала.

Арания сидела мышкой. Зоряна в мою сторону не глядела, только нижнюю губу снова отвесила.

— Император есть феликий глафа феликий и могучий Цорсель, цивилизованный стран, несущий сф-фет.

— Что такое цивилизованный? — Накинулась я на новое слово.

Дан Рейсор встал прямо передо мной, выпрямился, заведя руки за спину.

— Цифилизованный есть достойный, просфещенный, лутший.

— А наше Положье цивилизованное? — При этом вопросе Арания рядом ожила и опять принялась меня пихать. Правда, уже ногой, под столом.

Зоряна тоже ожила, глянула с прищуром.

А дан Рейсор смутился. Почему-то.

— О, если этот страна немного менять, то он будем очень цифилизованный, очень. Я дать фам книга, но фы не уметь читать цорсельский, шаль, шаль.

— Потом дашь, Рейсор. — Неожиданно властно сказала Зоряна. — Девицы будут вместе со мной и цорсельскую речь учить. Со временем, думаю, даже в их головы придет свет. Раз уж батюшка взвалил на меня эту ношу.

Рейсор помахал руками, кланяясь, потом исчез. Зоряна выбралась из-за стола, прошлась по горнице, обернулась ко мне от дальнего окна.

— Ты, любезная, с какой деревни?

— С Шатрока. — Скромненько сказала я.

Локоть Арании въехал под ребра. Я опустила глаза, пропела сладко, подражая госпоже сестрице:

— Уж прости меня, свет-королевишна, если что не так. Я девка темная, деревенская.

Зоряна вздохнула. Пробурчала:

— Сколь велик труд меня ждет — тащить государство Положское из тьмы невежества, в котором оно прозябает. И вот средь таких девок всю жизнь придется жить! Дам из них делать! — Она передохнула, зыркнула строго, блеснув бельмами. — Ты пошто меня перед учителем позорила? Пошто с вопросами лезла? Платье на тебе господское, а манеры — крестьянские. Дурища этакая!

Арания вспорхнула с лавки птицей, метнулась к королевишне с поклоном.

— Прости её, свет-надёжа-королевишна, ради всех богов молю! Глупа, неразумна, обтешется.

— Ты что, дана Рейсора не слышала? — Зоряна глянула сверху вниз, надменно.

Арания, вот диво, тут же поняла, чего хотела от неё королевишна. Поправилась:

— Прости её, великий принцесс!

— Быстро учишься. — Зоряна глянула на сестрицу благосклонно.

Нет, все-таки не зря рука Кириметева Аранию до дворца довела — она тут как рыба в воде.

Не то что я.

— Боле никаких вопросов. — Строго сказала королевшна. — Молча науку постигай, поняла?

Тут в горницу вошел ещё один мужик. Пониже Рейсора, в два раза толще его, с редкими прядями вокруг лысины. В таком же кургузом кафтане, который на его надутым животе расходился, и меж пуговицами пузырями торчала белая рубаха. Мужик поклонился, отдуваясь, помахал в воздухе руками.

— Добрый день, великий принцесс. О, вы сегодня не одна?

Этот, в отличие от Рейсора, на тутешском говорил хорошо. И лицо у него было добрей, губы без помады.

— Подарок батюшки, услужницы. — Зоряна указала на нас подбородком, вернулась за стол. — Начинай, дан Вергель. А если эти невежи будут спрашивать чего, не отвечай. Дикие они, с лесу приехали.

Дан Вергель утер со лба пот. Рассказывал он складно, про какого-то цорсельского императора, именем Гардель Прекрасный. Он, значит, сначала хитромудро взшел на престол — хотя его очередь была пятая, он тогдашнему правителю дальним племянником приходился. А потом так ловко развязал войну с Андоей, страной по соседству, что все только диву дались — поскольку тамошний король помышлял не о войне, а о том, как бы за Гарделя дочку выдать. Но Прекрасный Гардель закрутил ссору, и Андойю победил, хотя та была больше Цорсея. А землю андойскую, завоевав, назвал цорсельской.

И с того самого Гарделя, значит, Цорсель начал зваться империей.

Зоряна на меня больше не глядела. Как только дан Вергель ушел, королевшна — или великий принцесс, как её теперь называла Арания — пожелала испытать чего-нибудь. Сестрица метнулась, крикнула девкам, что сторожили за дверью, вернулась с полной чашей узвара на меду.

— Освежись, великий принцесс, не побрезгуй.

Потом пришел немолодой цорселец с доброй улыбкой — дан Шуйден. И начал болтать по-цорсельски. В этом я ничего не соображала. Окончив урок, дан Шуйден протянул Арании, на которую королевшна поглядывала более благосклонно, толстую книгу.

— Тут, юная девушка, моей рукой написанна опись тутешских слов, а к ним я приписал подходящие цорсельские слова. Тутешскими буквами. Сделано мной для удобства великий принцесс Зоряны, но великий принцесс эту науку уже превзошла. А посему могу дать вам на изучение.

Арания выскочила из-за стола, книгу приняла с поклоном.

— Век благодарна буду, дан Шуйден.

Книга! Я обласкала взглядом коричневую плаху в руках у сестрицы. Вот знать бы грамоту, тоже бы почитала. И цорсельские слова бы выучила. Просто так, из любопытства.

Если, конечно, Арания ту книгу ещё даст. Короче, если бы да кабы, во рту бы жили жабы. А в носу грибы бы, если б да кабы бы.

Великий принцесс Зоряна уже плыла к двери. Бросила коротко перед дверью:

— Ступайте полдничать. Опосля сюда вертайтесь — учитель придет, я буду танцы

танцевать.

— Как скажешь, великий принцесс! — Арания наступила мне на ногу.

— Не преминем, великий принцесс! — Поддержала я. Не молчать же — и без того скоро без ноги останусь.

По дороге в нашу горницу Арания поймала первую попавшуюся девку в темном сарафане.

— Слышь-ка, любезная. мне на Норвинскую слободку весточку переслать надо. И ответ получить. Не знаешь, кто тут в город выходит и за денежку услугу может оказать?

— А вы из каких будете? — Невпопад спросила девка глуховатым голосом.

Арания глянула горделиво.

— Мы в горнице на пятом поверхе обретаемся. У великой королевешны в личном услужении состоим, её услужницы, значит...

— Хлюню пришлю. — Не дослушав, сказала девка. Махнула нам короткий поклон и помчалась по своим делам.

Арания повернулась ко мне, свела густые брови на переносице.

— До чего ж челядь во дворце дерзкая, и кланяется едва-едва, в полсилы. Ну, довольна? Вот пришлют нам прислужника, пошлем в город и узнаем про девок, как ты хотела. А теперь айда в горницу. Снедь, небось, уж принести, пополдничаем.

Еда и впрямь ждала нас в горнице — пять блюд, да с горкою. Арания скромненько выждала, пока я отпробую от каждого угощенья, потом подхватила горстью пирожок, отщипнула край, сунула мне.

И только когда я тот край проглотила, куснула сама.

— Вкусно, с зеленым луком. А ты, Тришка, больше с вопросами не лезь, не позорься. Если что, у меня лучше спрашивай. Что знаю, скажу.

Я уж было зачерпнула похлебки, но, услышав такие слова, замерла с ложкой у рта.

— Слышь, Арания. а император — это навроде нашего короля?

— Нет, он поболее будет. — Арания тоже зачерпнула горячего варева, подула. — Император — это высокая титла, выше её нет.

Сама слышала, раньше, пока Цорсель Андойю к рукам не прибрал, тамошние тоже королями звались, как и наш король-батюшка. А уж как завоевали — сразу императорами себя объявили. После того Норвинию, страну моих предков с матушкиной стороны, под себя подгрести. Была б титла выше — взяли бы. Да нету.

Я ложку сглотнула, обдумала услышанное.

— А с чего наша королевешна все цорсельское учит? Приемы всякие, слова, историю? Что, свое положское уже не греет?

— Глупая ты, Тришка. — Снисходительно сказала Арания. — Да как не учить, если Цорсель сейчас — намогучая страна? Знаешь, как у нас ведьмы с их Ведьмастерием появились?

— Расскажи. — Потребовала я.

Арания выудила из блюда курячью ногу, вгрызлась, пробормотала с забитым ртом:

— Ну ты и деревня. раньше все ведьмовство только у норвинов было. Неужто не слыхала? А у нас в Положье только мечом защищаться и умели. Даже теперь в Ведьмастерии половина ведьм — норвинки. Любит их кровь ведьмовство, понятно?

— Ага. — Живот у меня забурчал от духа похлебки, пришлось куснуть хлеба, чтоб бурчанье утишить. Пожожу с едой-то, поспрашиваю.

Арания взмахнула полуобгрызенной ногой.

— А потом в Цорселе объявились какие-то колдуны, именем — маги. и войной пошли на Норвинию. Ведьмы двенадцать сражений дали, и простого норвинского люду в тех сражения полегло видимо-невидимо. А выстоять все ж не смогли. Народишко познатней, те, кому в кабалу к Цорселю идти было невмочь — те сюда бежали. А простой люд, что в Норвинии остался, императорские люди в цорсельскую веру обратили. И зовут их сейчас — норцы. Мол, были норвины, а стали цорсельцы, и свободу свою, и веру потеряли.

— Да как же они? Так и живут? — Озадачилась я.

И в мыслях не могла себе представить такой доли, чтоб молиться — да не Киримети. Как жить, если в Свадьбосев березовой ветви в дом не принести, имя Киримети за столом не помянуть, в Зимнепраздник Кириметев блин не отведать, милость её не уважить?

— Как говорила матушка. — Пробурчала Арания с набитым ртом.

— Человек с любой бедой свыкается, дай только срок. Но сейчас нам с Цорселем враждовать нельзя, любовью да лаской надо дело вести. А то и поучиться у цорсельцев чему. Вон платья у них какие, тело не обрисовывают, как наши, а из ничего красоту лепят. Была ты толста, да с брюхом — а душегрей запоясалась натуго, и нет брюхато, есть девица в поясе тонка, в заду пышна. А то, что вся пышность от юбок, то глазу не видно. И говорят цорсельцы важно, силу за спиной чувствуют. Вот погоди, сядет королевишна Зоряна на престол, будет у нас тут лепота. Как в Зайте, ихнем стольнем граде — повсюду травка стрижена, девы в платьях, аки цветы пышные.

— Мне и в этих хорошо. — Проворчала я.

— Ты мели, да не заговаривайся. — Вскинулась Арания. — И помни: как придет мастерица цорсельское нам шить — молчи, не выкобенивайся. Если донесут о твоих словах великой принцесс, жди беды. Забывай свое деревенское, мы скоро в цивилизованный страна будем жить.

— Несуший сф-фет. — Издевательски сказала я, припомнив дана Рейсора.

Сестрица кивнула.

— Свет здесь означает учение, просвещение. Если хорошо с цорсельцами дело сладим, они, может, и магами своими с нами поделятся. Или ведьм чему новому обучат. Разобьем Урсаим, и не надо будет моему отцу на границах дневать-ночевать. И прочие земельные возвратятся по домам. Знаешь, сколько по всему Положью девок неженатых? Да не крестьянских, а в семьях у земельных, и даже графовых дочек? Думаешь, спроста я так бьюсь, чтоб мне мужа хорошего нашли? Если наша страна дружбу с Цорселем водить начнет, ей от того одни прибитки будут. Для того король-батюшка и взял своей дочке учителей с Цорсея.

— Водила дружбу синица с лисицей, — проворчала я, припомнив одну из прибауток бабки Мироны. — На нос ей села, песню запела, а та её съела.

Арания покачала головой.

— Нет, Цорсель и впрямь с нами замириться хочет. Они там давно никого не захватывали, лет сто уж как. Мирно жить хотят. Опять же меж нами Варесия лежит, тоже страна немалая. Её ж они не трогают? Стало быть, и нас не тронут.

Она помолчала чуток, сказала рассудительно:

— И потом, если они нас одолеют, то потом придется им самим с Урсаимом биться. Потому как Урсаим тоже зуб точит на наши земли. Да и цорсельцев абульхарисы шибко не любят, по слухам.

— Что ж, ихние маги с ведьмами сладили, а с колдунами-абульхарисами из Урсаима не могут? — Уличающе спросила я.

И поймала в блюде с похлебкой куриное крылышко.

— Там другое колдовство, южное. — Ответила Арания. — Шут его знает, но они вроде как боятся абульхарисов. Темное это дело — ведьмовство да колдовство. В нем у нас только ведьмы разбираются. Да и тех на границе наше же войско подpiraет. И как я от батюшки слышала, они там по-особому биться выучились. Так, чтобы силу ведьм преумножить.

Она задумалась, выдала:

— Помню, как-то раз отец вернулся с границы весь в ранах да в ожогах. Матушка бегают, перевязи меняет, а он ей и говорит — в этот раз, мол, ведьмин заслон у нас вышел редкий, пришлось конскую силу в дело пустить, и самим на мечи свечение принять. Только я не спрашивала, о чем он говорил. Это дело воев, мне, девице, оно без надобности..

Тут стукнула дверь, и явилась мастерица, шить цорсельское платье. Толстая баба, тоже утянутая в душную телогрею до пояса, как и королевишна.

Пока Арания, бросив ложку, лазила по сундукам, вытаскивая ткани нам на платья, я пригляделась к мастерице. Права была Арания насчет цорсельской одежды. Вот и толстая баба — а живота не видно, все спрятано, утянуто. Юбки взбитые, так что не поймешь, висит зад или нет. Словом, не одежда, а сплошной обман для глаз.

Отрезы Арания вытащила такие, что загляденье. По два для каждой — себе светло-лиловый и серый в серебряном шитье, мне цвета дубовой коры и сливочного масла.

Мастерица ткани похвалила и тут же принялась обмерять нас шнуром с узлами. Арания, вертясь перед ней в одной сорочице, начала расспрашивать бабу о житье-бытье — видать, решила сдружиться с каждым, кто хоть что-то значил во дворце.

Та отвечала охотно. Но работала не только языком. Руки у неё так и мелькали, хватая то шнурок, то крохотный нож — им баба отмечала на куске бересты свои замеры. Черты она резала и прямые, и косые, и поперечные. Я краем глаза глянула, но ничего не поняла.

Сама мастерица оказалась нашей, тутешской. Говорила она бойко, хитро поблескивая глазками с круглого широкого лица:

— Я раньше по нашему платью работала. Тут же, во дворце. Королеву Голубу обшивала, вместе с королевишной Зоряной. Уж какие одежды им шила — любо-дорого посмотреть, сверху донизу в жемчугах, в шитье да в золоте. Сама королева меня хвалила — ты, говорит, Снежка, в своем деле лучшая. Инда как вышьешь цветным шелком на платье цветок, так и не знаешь — то ли нюхать его, то ли рвать. А потом королевишне захотелось цорсельского. Так никто ж не умеет! Хотели сначала мастерицу из самого Зайта выписать, да ведьмы взбунтовались. А ну, говорят, коли та мастерица ткнет свет-королевишну заговоренной иглой? Или ядом булавку смажет? Или другую хитрость угадит? Вот и пришлось мне переучиваться. Мастерицу из Зайта привезли, поселили в Иноземной слободке, в цорсельском посольстве. Меня к ней три месяца в возке возили — науку постигать. Теперь шью только для королевишны. Да вот вас ещё приказали одеть.

Арания слушала, жмурилась от удовольствия. Потом мастерица ушла, собрав ткани и пообещав уже через пять дней принести сметанные платья на примерку. Госпожа сестрица тут же повернулась ко мне.

— Видишь? Во всем Положье цорсельское будем носить только мы да королевишна. Ох, любо-то как!

Я этому не радовалась. Как по мне, так чужое платье смотрелось неудобным. В тугой

душегрее не вздохнешь, не наклонишься.

— Королевишна ждет. — Напомнила я госпоже сестрице, чтобы не вдаваться в споры.

А сама подумала — мне тут век не жить, так что потерплю. Не велика беда, в цорсельском платье походить. В жизни и похуже бывает.

На ступеньках перед покоем Зоряны нам попалась девка в расшитом сарафане. От неё мы узнали, что танцам королевишна обучается в особой горнице. Пятой по счету от лестницы, с проходом через четыре горенки. Покой оказался большой, беленный, весь в росписях и с громадным зеркалом на одной из стен.

Зоряна вошла сразу же после нас. Глянула строго, Арания зачастила:

— Великий принцесс, не желаешь ли чего? Мы враз, мигом.

— В углу стойте. — Велела Зоряна. — Молча.

Арания поклонилась, утащила меня за руку в угол. За дверью уж грохотали шаги. Первый вошедший в горницу мужик оказался высок и хорош собой. Нос ровный, подбородок с ямкой, глаза светло-голубые, блестящие. За ним шел скрюченный худой парень, держа в руку странный короб — плоский, громадный, с боками, гнутыми волной. Оба были одеты по-цорсельски.

Высокий закланялся, вымахивая руками кренделя, запел:

— Великий принцесс, как поживать? Я так рад есть.

— Хорошо, Флювель. — Зоряна кивнула, прошла в середину горницы.

Флювель подлетел к ней с правого боку, свою руку вытянул вперед палкой. Королевишна положила ему руку на запястье. Тем временем худой, откланявшись, сел за низкий столик в углу. Уложил короб на столешницу.

А потом повел над ним руками.

Зазвенело и запело — капелью, соловьиными переливами, басовитой шмелиной песней. Пальцы у худого замелькали над коробом. На каждом, как я заметила, как наперстки были надеты. Длинные, уголком.

Звуки я опознала сразу — слышала такие же в Неверовке. Помнится, Рогор тогда ещё сказал, что это Морислана играет на эгергусе.

Зоряна с Флювелем принялись медленно вышагивать по горнице, ходить по кругу да друг другу кланяться. И так, и сяк руками разводили. Прямо как немые, которые знаками разговоры ведут.

Потом Флювель распорядился:

— Ревельгон!

Худой над коробом замер, замахал руками быстрее. Звуки посыпались чаще, гуще, разлетелись веселыми раскатами. Королевишна с Флювелем закружились, приседая и прихватывая друг друга за локти то так, то эдак.

Прям не танцы, а сплошное хождение да верчение. Поначалу смотреть чудно, а потом скучно, потому как — одно и то же. То ли дело наш перепляс, когда на всякое дудкино гуденье танцоры выкидывают по новому коленцу.

Но Арания рядом смотрела во все глазищи. Даже ногами по полу елозила, движения запоминая.

Одна радость — кончилось эта скукота быстро. Флювель с худым парнем ушли, королевишна, отдуваясь и отвесив нижнюю губу, глянула на нас. Арания завела:

— Как ты в танце-то выступала, великий принцесс! Одно слово — пава, лебедь Кириметьева! Ручкой махнешь, как крылом поведешь, по полу шагнешь, как уточка плывешь.

О таком танце только сказки сказывать, песни складывать.

Зоряна благосклонно кивнула.

— Вот, запоминайте. Когда-нибудь и сами, может, будете танцевать.

— Мечтаем об этом, великий принцесс! — Истоиво ответила Арания.

Королевишна почему-то бровки свела. Сестра тут же добавила:

— Хотя так, как ты, нам не плясать, великий принцесс! Статями не вышли. Нам бы сначала выучиться на ровном месте не спотыкаться! Чтобы так рукой поводить, как ты, да так павою плыть, надобно тобой быть, не иначе!

Зоряна благосклонно кивнула.

— Ну-ну, не печальтесь. Думаю, два-три шага как-нибудь выучите. Через годик-другой. Ступайте, на сегодня свободны.

Я на радостях так махнула поклон, что чуть до досок лбом не достала. Зоряна поплыла из горницы.

Вернувшись, Арания взялась за коричневую книгу, которую дал учитель цорсельского, Шуйден. Открыла, забормотала:

— Матан — мать. Шутер — отец.

Я на койку села, на неё глянула с завистью. Вот же, читает.

Потом вздохнула и принялась вышивать одну из сорочиц — мелкими листочками по вороту. Хоть иглой, да поработаю.

Однако с книгой Арания просидела недолго. Бросила её на кровать, завалилась на подушки в шелковых наволоках, шумно выдохнула. Сказала протяжно:

— Вот же слова придумали эти цорсельцы, язык сломаешь. А ты, Тришка, не хочешь поучиться? Как-никак, тебя тоже в услужение к королевишне взяли, не только меня.

Я губу прикусила, но ответила честно:

— Я грамоты не разумею. У нас в Шатроке буквицы только Арфен-мельник знал. А больше никто.

Сестра вскинулась на подушках.

— Да ты что? Тришка, ты и впрямь безграмотная? Ох, беда. Узнает кто, позору не оберешься. А если ещё докопаются, что ты из простых — и меня, и тебя враз в деревню сошлют! На пару, за обман!

Я пожала плечами.

— В деревне тоже люди живут. И наши деревенские добрей будут, чем здешние, из дворца. Т ак что беды большой в том не вижу.

— Ну да, ты только обрадуешься. — Зло сказала Арания. — Нет уж! Я назад в Неверовку не хочу. Сама тебя выучу. Не мое это дело, да выхода нет.

Она бросилась к сундукам.

— Тут у матушки был походный набор, письма писать. Куда только его Вельша засунула.

Покопавшись в нескольких сундуках, Арания вытащила крохотный сундучишко — в ладонь высоты и в две ладони ширины.

— А ну, подь сюда. Со мной садись, позволяю.

Арания ткнула пальцем, указывая мне на край кровати. Я примостилась, и она кинула мне на колени книгу, данную Шуйденом. Накрыла её сверху белым листом.

— Вот, это бумага. Теперь смотри — это перо.

Из сундучка появилось белое гусиное перо.

— Вот так ножичком зачинаем — а после в чернила макаем, и пишем.

Она вытащила из сундучка скляницу, открутила у неё крышку и макнула туда кончик пера. Потом осторожно начертила на бумаге две косые черты шалашиком. Провела по низу поперечную черту, вроде как подперла шалаш.

— Эта буквица зовется ази. Только если читать, то выговаривать надо просто а.

— Как это?

— Ну. — Арания закручинилась, подняла взгляд к потолку. — Как тебе объяснить-то? Вот гляди — когда матушка назвала тебя своей племянницей, ты стала называться Тришей Ирдраар. Так? А по правде как была Тришкой, так и осталась. Вот и выходит — на людях ты прозываешься госпожа Триша Ирдраар, а на деле ты просто Тришка. И с буквами так же — кличем буквицу ази, а говорим одно а.

Она писала одну за другой буквицы, а я их запоминала. Наука оказалась нелегкой, но я понемногу кумекала. Буквиц оказалось всего двадцать три. Как только дошли до последней, в дверь постучали.

— Тихо. — Зашипела Арания. Махом прибрала исписанные листы.

— Ну, кто там?

Дверь распахнулась, появился прыщавый парень с утиным носом. Поклонился, утер губы.

— Меня Хлюня зовут. Сказали, вам весточку передать надо, на Норвинскую слободку?

— Да. — Арания подскочила, выдрала у меня из рук книгу, уложила себе на колени.

И спешно принялась писать на чистом листе. Потом присыпала все песком из сундучка, стряхнула желтую порошу на пол, прямо себе под ноги. Госпожа, одно слово. Ясное дело, ей полов не мыть.

— Отнесешь в дом Ирдрааров, скажешь, от Арании. Когда принесешь ответ, дам тебе целую бельчу. Понял?

Хлюня кивнул и исчез со свернутым листом. Арания повернулась ко мне, свела брови.

— Ну вот и сладилось. Чего сидишь? Сейчас читать по книге будешь.

Это оказалось потрудней, чем рассматривать буквицы, которые писала Арания. Так что спать я легла с больной головой. И априхи в запасе не было, чтобы стебелек зажевать, боль сбить, вот что плохо.

Ответ из Норвинской слободки доставили следующим утром, перед тем, как мы отправились в покои королевешны. Арания выдала обещанную бельчу — Хлюня счастливо хлопнул носом, прежде чем исчезнуть. Сестра отошла к окну, разворачивая на ходу лист. Прочитала вслух:

— Девочек отослали в Неверовку с купеческим обозом. Купец знакомый, приглядит. Вечером третьего дня Рогор будет ждать тебя у выхода из кремля. Есть новости. Добрых тебе дней, Аранслейг. Ургъёр из дома Ирдраар.

Рука её с листом разогнулась, опадая, и она уставилась в окошко. Хотя вроде бы не любила на Дольжу смотреть.

Я подошла сзади, положила руку ей на плечо. Постояла молча, не зная, что сказать.

— Вот и это сладилось. — Вдруг выдохнула Арания.

И качнулась назад, на мгновение привалясь ко мне спиной.

Потом вскинула голову, отошла к кровати.

— Тришка. Пока есть время, давай-ка слоги повторим. Ну, что встала?

Эти три дня прошли так же скучно, как и первый. Мы с Аранией хвостиками бродили за

королевишной, молча слушали, что рассказывают её учителя, глядели, как она расхаживает по горнице с красавцем Флювелем. Каждый вечер Арания, зло морща лицо и покрикивая, учила меня читать. Даже показывала, как выводятся на бумаге буквы.

Днем в дворцовых проходах нам попадались жильцовские женки. При виде меня они хихикали, но каждый раз исправно здоровались.

Курносого парня я увидела за все это время только один раз. Да и то случайно, по дороге в дворцовую баню, что стояла в кремлевской роще на отшибе, вместе со службами. Рядом за деревьями прятался кругляш вытоптанной земли, на котором жильцы каждый вечер махали мечами. Там, издалека да мельком, я и углядела курносого.

И хоть стыдно это, за парнем бегать, но мне хотелось увидеть его ещё раз. Только без Арании. Даже думка мелькнула — а вдруг подойдет, сам со мной заговорит?

Поэтому на следующий день я предложила сестре перестирать её сорочицы. Сама Арания так их замыла, что на вырезе остался ношенный след. Стирала-то она как? Смех и грех, двумя пальцами прихватывала и в воде полоскала. А уж выжимала — в жгут вытягивала и ладошками сверху хлопала. Хотя я ей все честь по чести объяснила — и как тереть, и как ухватывать, и как воду выжимать.

Сестрица согласилась с радостью. Даже пообещала за это дать поносить кушак из цепочки, подарок матушки.

Но надеялась я напрасно. В тот вечер курносого на кругляше не оказалось. К бане, каменной, на шесть парилок, каждая при своей двери и своем предбаннике, я подошла самым медленным шагом. Все надеялась, что парень вот-вот мелькнет среди жильцов. Или со стороны дворца появится.

Не выгорело.

В баню я зашла, с горя прикусив губу. В парилке сидели две жильцовских бабы. Я на них с расстройства даже не глянула. Заскочила в парилку, молча плеснула в корыто горячей воды, зольного отстоя и вышла в предбанник, сорочицы замывать.

Терла от души, и опомнилась лишь тогда, когда ткань под рукой затрещала. Так я Арании все её шелковое исподнее в клочья разорву.

Даже усохшая левая не отзывалась привычной болью, пока стирала. Словно онемела. Как же так — один раз парня увидела, одно слово от него услышала, а сердце почему-то болит? Может, меня приворотным опоили? Да кому я такая нужна?

Жильцовские бабы, пока я над сорочицами изгалялась, закончили мыться. Оделись и скоренько выскочили наружу. Потом дверь снова хлопнула. Только я и головы не повернула, чтобы глянуть, кто там.

— Добрый вечер, госпожа Триша. — Мягко прозвучал голос рядом.

Я выпрямилась над корытом и увидела Глерду.

Глава четырнадцатая. Во беседах тайнства

Стояла Глерда, укрыв голову и плечи широким платом — с добрую скатерть размером, не меньше. Из желтоватой камки с темно-алой каймой.

— Подобру. — Поздоровкалась я.

И замолчала выжидающе. Ясное дело, что ведьма не мыться пришла — но во дворце меня все время ругали за то, что много спрашиваю. Лучше уж помолчу, пусть сама разговор начинает.

— Много говорить не буду. — Сказала ведьма. — Времени нет. Глянь сюда.

Она откинула плат с одного плеча, вытащила из рукава сложенный лист бумаги. Развернула, ухватила двумя пальцами и сунула мне под нос.

— Рисунок запоминай. Да хорошенько!

Я и глянула. Да чего там запоминать-то? Синие черты. Утыканный иглами круг — то ли ежа изобразить хотели, то ли отцветший чертополох. А посередке в круге черты другие, в одно место сходятся, ровно лучи солнечные. По ним — черты поперечные, без всякого порядка накинаны.

А если приглядеться, то начинает казаться, что место, где лучи сходятся, гуляет по кругу. То оно тут, то оно там. И поперечные черты вроде как дрожат, в глазах двоятся.

Я ещё не успела как следует все рассмотреть, а Глерда уже рывком убрала лист. Потребовала:

— Закрой глаза и вспоминай рисунок! В голове у себя его начерти заново! Ну, живо!

Я попробовала это сделать, только странные черты в круге мне никак не давались. Наружный-то круг с иглами вспоминался легко, а вот то, что посередке...

Глерда вдруг ни с того ни с сего шлепнула меня по щеке. Несильно, но обидно. Я от неожиданности даже распахнула глаза. На неё выпялилась и про все круги позабыла. Даже про положенное обращение не вспомнила, когда рявкнула:

— Ты чё, тетенька? Блажной травки объелась?

Ведьма, не отвечая, неспешно убрала лист в рукав. Глянула строго.

— Жаль, но способностей к ведьмовскому делу у тебя нет. А я так надеялась.

Я свела брови, она качнула головой, сказала чуть помягче:

— Да ты не серчай, госпожа Триша. Рисунок, что я тебе показала, у нас зовется малый щит. С его помощью мы узнаем, может ли кто стать ведьмой — показываем рисунок, потом велим в голове его нарисовать, с закрытыми глазами. А сами меж тем замахиваемся.

Щит слабый, от многого не защищает, но от пощечины — вполне. Вот и выходит — раз ты по щеке получила, значит, нет у тебя дара.

У меня, хоть и самую малость, но в груди засвербело. Стыдно почему-то стало. Как в детстве, когда Мирона меня ругала за нерадивость в учении.

Да что ж я такая несчастная? Вот и дара у меня нет. А красоты и раньше не было. Да и ученица я не из лучших, Мирона мне не раз об этом говорила. Правда, в детстве, а потом уже перестала.

Опять же неизвестно, какой травницей стану с годами — если и вовсе не позабуду травническое дело, бездельем во дворце здесь маясь.

И курносого сегодня увидеть не удалось. Словом, со всех сторон одни неудачи.

Глерда, вздохнув, сказала чуть громче:

— Что ж, не вышло, да и ладно. О другом поговорим, госпожа Триша. Помнишь, я упоминала, что Согерд не должен жениться на Зоряне? А ты попросила — пусть женится на ком угодно, только не на Арании? Так вот, мы нашли для него другую девку. Теперь требуется твое приворотное зелье.

— А нету. — Буркнула я. — Все мое зелье из горшка разлили, пока наши вещи везли во дворец. И травы попортили, в зелье их все измазали.

Глерда глянула недобро.

— Кто разлил?

— Дворцовые прислужники, которых за нашими вещами к Ирдраарам послали. — Её взгляд мне не понравился, так что я добавила: — Да ладно тебе, госпожа Глерда, не думай сразу на дурное. В одну телегу с Араньиными сундуками мою корзину погрузили, потом в спешке везли. Как тут не разлить? Дело-то житейское.

Ведьма поправила плат, задумчиво двинула бровями.

— Может, и так. А может, и нет. В любом случае, дело нужно исправлять. Зелье придется сварить заново.

— Проще сказать, чем сделать. — Сварливо ответила я. — Для него травы особые нужны, редкие. И поварня свободная, котелок чистый. А чтобы нужное в лесу найти, иногда и по три дня ходить приходится.

Глерда покивала, слушая меня.

— Значит, так. После Свадьбосева королевична Зоряна поедет под Чистоград, в село Зеленый Дол. Там у короля-батюшки летний дворец, в нем королева с королевичной каждый год самые жаркие дни пережидают. Леса под Зеленым Долом знатные, густые.

Думаю, там найдется все нужное для зелья. С королевичной и её прислугой отправится одна из наших ведьм. Как приедете, она к тебе подойдет, договорится насчет поварни. А теперь следующее дело.

За дверью вдруг завопила какая-то баба:

— А ты чего тут стоишь? Не видишь — мужская половина вон там, а тут бабы парные! Или следишь за кем, озорничать удумал? Я сейчас жильцов-то кликну!

Густой мужской бас ответил:

— Ты, госпожа, осадил. Тут женка верча Яруни, великая госпожа Горява помыться зашла. Вот и сторожу, потому как с прочими ей мыться неуместно.

— А что, во дворце Яруни баня сломалась, что она сюда пришла мыться? — Продолжил допытываться визгливый голос.

Мужик за дверью заржал.

— А ты чинить побежишь, коли так? Дымоход в нашей бане обвалился. Вот великая госпожа и попросилась в дворцовой баньке освежиться. Да не у тебя попросилась, а у самой королевы. Давай-давай, иди отсюда. Пустельга.

— Великая госпожа Горява? — Спросила я, глянув на Глерду.

Та хмыкнула, поправила плат на плечах.

— Ну, её покрывало точно здесь. Так вот, второе дело. Мы у себя в Ведьмастерии обсудили, как выманить того, кто навел проклятье на королевича. Госпожа Аленьша, наша верховная, полагает, что не все так просто, как кажется. Ведь королевичей Граденя и Теменя уже нет, Зоряна — наследница. Так зачем ему сидеть тут, в столице?

— Может, он здесь живет. — У меня руку вновь прихватило судорогой, и я спрятала её от Глерды за спину.

Ведьма от моих слов отмахнулась, как от мухи.

— Навряд ли. Колдун, о котором речь, скорее всего, даже не из Положья. Колдовство у него не наше, таких узоров, как у него, мы раньше не знали. Стало быть, своему мастерству он учился или у магов цорсельских, или у абульхарисов урсаймских. А может, и сам из них. Дело в другом — зачем он сейчас сидит в Чистограде? Раньше его не было. Помнишь, я тебе говорила, что видела твое лицо в детстве? Так вот, тогда узор был потухший, без искры.

— Дык. — Мне только одна мысль в голову и пришла. А поскольку Глерда молчала, глядя на меня выжидающе, я и бухнула:

— Может, опять кого-то сгубить хочет? Но если Зоряна Согерду предназначена, остается только король Досвет. И королева Голуба. Тогда Зоряна враз королевой станет.

— А потому, — тихо сказала ведьма, — нам следует его поймать. Чтоб тебе лицом выправиться, а нам — королевство уберечь.

Мы мгновение, не больше, смотрели друг другу в глаза. Потом я кивнула.

— Вот и славно. — Глерда поправила упавший с одного плеча плат.

— А теперь слушай. Погибшие королевичи жили на четвертом поверхе, там же, где живет сейчас король-батюшка. Двери в их покои расположены рядом с той, что ведет к Досвету. Знаю, что к королю ты уже ходила — когда он вызвал вас с Аранией во дворец. Помнишь две дверки с правой стороны от королевских покоев?

Я припомнила отделанные медью створки рядом с той, что была расписана цветами и птицами.

— Да.

— В покои королевича Граденя ведет вторая дверь от покоев Досвета. Та, что крайняя справа. — Она глянула остро. — Нужно, чтобы у той двери увидели тебя. И не один раз.

Спрашивать — зачем? — я не стала. У нас по зиме тетеревов к петле так подманивают, сыплют им рябину на снег. Вот и меня, как рябину, на подманку хотят пустить.

Только пока тетерев наступит в петлю, он ту рябину клюет. И остается на снегу самая малость.

Боязно. А с другой стороны — как мне жить с таким лицом? Рази ж это жизнь? О сватах только мечтаю, по весне с другими девками к Шатерке не хожу. Мне веноч бросай не бросай — все одно утонет.

— А если спросят, что там забыла? — Прямо спросила я.

Глерда чуть улыбнулась.

— Скажешь, что ты племянница Морисланы Ирдраар. И хочешь повидать то место, где погиб королевич. Память его почтить. Пусть тебя заметят у двери королевича не один раз. Сама знаешь — первый раз из баловства, второй раз из озорства.

Эту присказку я не раз слышала от Мироны. Закончила сама:

— А третий по злоумышлению. Неужто в покои вот так запросто пустят? И горницы покойного Граденя так и стоят незапертые?

— Это королевский дворец, госпожа Триша. — Твердым голосом заявила Глерда. — Его охраняют не только жильцы, но и мы, ведьмы. Ты нас не видишь, но мы-то видим все. К примеру, я знаю, что в вашей горенке стоят Араньины сундуки. Там и платья, и всякие богатства. Было ли такое, чтобы кто-то в её вещах рылся?

— Да вроде молчит Арания. — Признала я.

— То-то же. Здесь не воруют, госпожа Триша. Потому как озорника враз поймают и отрубят ему руку. И поделом, не тянись той рукой к чужому, не балуй. Поэтому покои

Градены и Теменя стоят нетронутые со дня их смерти. Если скажешь, что хочешь памяти покойного царевича поклониться, никто не воспрепятствует. Удивятся, конечно, но и только.

Я губу прикусила, размышляя.

— А как это того злодея поможет выманить?

Глерда улыбнулась. До этого лицо её всегда было ровным и спокойным, а тут улыбка вышла злой.

— Потому что тебя считают племянницей Морисланы Ирдраар. Потому что Морислана была одной из немногих, кто знал некто. И когда до того выползня дойдет, что родственница Морисланы ходит в покои Градена, он зашевелится. Подумает, что в покоях что-то есть. Или осталось с той самой ночи. А слух до него дойдет обязательно — у Ерисланы, жены Медведы, имеются глаза и уши во дворце.

Я глянула на Глерду, изумляясь.

— А вы, стало быть, его там ждать будете. Хитро! А что такое знала Морислана?

Лицо у Глерды снова стало спокойное.

— Тебе это знать без надобности, госпожа Триша. Живи как живешь, не мешайся в тайны сильных мира сего.

— Не мешалась бы, — проворчала я, — да без моего спросу замешали. Не я уродись такой после проклятья, может, сейчас в вашу сторону и не глянула бы.

— Да неужто? — Глерда глянула с насмешкой. — А за жизнь короля-батюшки сердце не болит? За государство положское?

Я нахмурилась.

— Мы люди простые, не наше это дело — королей спасать. И хватит об этом. Идти в покои королевича нужно без Арании?

— Если не хочешь сестру в наши дела замешивать, то без. — Глерда накинута на голову плат, укуталась так, что на виду остались одни глаза. — Значит, придется подумать, что ей сказать, а то увяжется следом. Подобрю тебе, госпожа Триша. И помни — из кремля не выходи. Здесь ты у нас под присмотром. Вскоре мы снова увидимся. Хочу у тебя над головой воду слить, с руки соль ссыпать. Гляну, может, и увижу чего.

Я враз вспомнила про ворожею Аксею, о которой мне рассказывала бабка Мирона.

— Тут такое дело, госпожа Глерда. Воду-то у меня над головой уже сливали.

Ведьма вскинулась, даже плат с головы приспустила.

— Вот как?

Рассказала я ей все — как меня бабка к ворожее водила, и как та истаяла чистой водой, едва соль с моей руки в воду насыпала да туда глянула.

Глерда на месте застыла, брови свела, глаза у неё мимо меня в стенку уперлись. Вот что неожиданные вести с людьми делают.

— Этого я не знала. Что ж ты раньше не рассказывала?

— А не спрашивал никто. — Я пожала плечами. — И к слову не пришлось.

Ведьма свела брови ещё сильнее.

— Хорошо хоть сейчас призналась. Ладно, об этом мы ещё поговорим. А сейчас мне надо посоветоваться. бывай поздорову, госпожа Триша.

Она вновь укуталась в плат по самые глаза, стукнула легонько в дверь. Мужской голос с той стороны пробасил:

— Выходите, госпожа. Никого не видно.

Она вышла, а я осталась полоскать сорочицы.

Покончив с делом, я распялила стиральное в затишке за каменкой, на деревянных гладких распялах. Подбросила в топку, выходящую в предбанник, несколько поленьев, скинула одежду и полезла на полку. Хотелось смыть после стирки пот — и как следует обдумать все услышанное.

А с Аранией под боком какие мысли? Только и слышно — Тришка, подай это, Тришка, сделай то. Суэта, одним словом.

Солнце за банным окошком уж к закату клонилось, так что я надеялась, что посижу в однёху да в свое удовольствие. Не вышло. Грохнула дверь, в парилку заскочили две бабы. Застучали шайками, поддали пару. Сунулись ко мне на полку. Я скинула волосы вперед, уткнулась лицом в колени. Г лядишь, и не признают.

— Ты кому жена-то? — По-свойски спросила одна. Похоже, по платью в предбаннике сообразила, что я не из прислуги.

Пришлось признаться:

— Никому.

Понятно уж было, что от беседы мне не отвертеться. Я откинула волосы назад, сказала:

— Из новых служниц королевешны я. Живу на пятом поверхе.

Бабенки заулыбались. Мое лицо их не испугало — значит, уже видели меня во дворце.

— Ишь ты! Так ты из тех двух, которые Тришка да Арания? А правду говорят, что вам король-батюшка назначил богатое приданое?

Я стиснула зубы, помолчала. Вдруг подумалось — если позволю этим двум называть себя Тришкой, как девку какую, потом ничего не поделаешь, так оно и пойдет. Арания, как узнает, раскричится, мол, что ты со всякими жильцовскими бабами разговоры заводишь, звать себя позволяешь зазорно.

Сама-то она кличет меня Тришкой, но чужим такого не спустила бы. Блюдет сестрица семейную честь. Хоть и считает, что сестрами мы зовемся только для отводу глаз.

И самой мне обидно было. Это для своих Тришкой быть не зазорно, а от чужих такого слышать не хочется. Я уж не девчонка, сопли подолом не утираю — плат для того в рукаве ношу. Обтесалась, спасибо Киримети-заступнице и вечно ворчащей Арании.

— Я госпожа Триша, а не Тришка. — Громко, неспешно вымолвила я. Улыбнулась пошире, лица у бабенок враз вытянулись. — А приданое батюшка-король нам не назначил, а только пообещал. Подобрать вам, госпожи — имени не знаю.

— Я Веньша. — Сказала одна.

— Улея. — Вторая утерла пот с лица. Глянула ехидно. — И тебе подобрать, госпожа Триша. А насчет приданого ты не сомневайся, наш король-батюшка не скуп. Раз обещал, значит, даст. Да и личных служниц у королевешны ещё не было, вы первые. Может, и она вас одарит, коль понравится. Уж по всему дворцу слух пошел, что на пятом поверхе две богатые невесты живут, не знай кому достанутся. Наши жильцы, которые неженатые, прямо не знают, как к вам подступиться.

— Вот с нами рядом Нетьяш живет. — Вмешалась в разговор первая, Веньша. — Справный жилец. Рукой силен, телом молодцеват. И годочков всего ничего — тридцать два от роду.

У меня в груди сперло. Выходит, курносый тоже не знает, как к нам подступиться? Из-за приданого? Ясное дело, что мне парень предпочел бы Аранию.

Я эту черную мысль придушила. На корню. Сказала бабам коротко:

— Я для супружества лицом не вышла.

Веньша коротко хохотнула. Улея прыгнула с полока, ухватилась за веник. Заявила снизу:

— Это ведь как подойти. Если лицо волосьями занавесишь, как недавно делала — то для бабьего дела очень даже годная. Тело у тебя ладное, белое, как я погляжу. Только бы усохшую руку за спиной всегда держать. Ну а с лица, как известно, воду не пить.

Да и свечку всегда можно затушить. Это тоже очень помогает, прям и не сказать, как!

Веньша снова засмеялась, потом улеглась, Улея нависла над ней с веником. Я соскользнула с полока, быстро омылась, собрала полувысохшие сорочицы и выскочила.

Солнце уж село, но вдоль дорожек сияли ночники — желтые сальные свечки, прикрытые от ночного ветерка пузырями из слюдяных кругляшей. Сверчки пели, даже лягушка где-то квакала. Тоже одна-одинешенька, навроде меня.

Я нарочно в этот раз поднялась от переднего входа, по главной лестнице. Жильцы, сторожившие дворцовые двери, со мной поздоровались хором, дружно. Я ответила, опустив глаза, проскочила мимо них мышкой. А на четвертом поверхе встала и огляделась.

Плохо то, что в проходе с дверями никого не оказалось. Ни души. И в тот день, когда нас вызвали к королю-батюшке, тут, на проходе тоже безлюдно было. Жильцы, что охраняли короля Досвета, стояли внутри, в его покоях.

Выходит, мне нужно не просто зайти к покойному королевичу — но и устроить так, чтобы меня заметили у здешней двери. А ещё от Арании избавится на вечер-другой. Каждый день сорочицы за ней перестирывать не будешь, ещё заподозрит да следом пойдет. Не велик труд, да велика докука.

Я припустила по лестнице.

Госпожа сестрица сидела на кровати, начесывая кудри при свете свечи пивом на меду, чтобы блестели наутро. Училась понемногу за собой присматривать. Увидев меня, она кинула гребень на кровать и завопила:

— Ты где была? То ли стирала, то ли заново те сорочицы ткала!

— Употела, вот и пришлось помыться. — По-доброму, тихим голосом пояснила я. — Не потной же идти завтра к королевешне? Ещё обдам её своим духом мужицким, враз сомлеет наш великий принцесс.

— Это да. — Согласилась Арания. И хихикнула, не удержавшись. — От твоего духа непременно сомлеет. А то, что Фуйдель её, с которым она по горнице скачет, весь потом пропах, да притом старым потом, не одного дня, того и не чует.

— Он из цивилизованный страна. — Укорила я сестру. — У него, может, даже пот сфет несет. И яблоневым цветом отдает. А разве его не Флювель зовут?

Арания снова хихикнула.

— А Фуйделем ему краше, идет больше. И дух от его пота самый обычный, я уж учуяла, как он мимо проходил. У отца на границе воины лучше пахнут, даже там баню раз в седмицу ладят. А этот, видать, и слова такого не знает. Я тебе на кровать кинула книжицу. Давай хоть по слогам, да почитай, пока спать не легли.

Я развешала полувысохшие сорочицы за печкой, взялась за книгу. Протянула:

— Шу-тер, о-те-ц.

Ох и трудное дело грамота. Арания тем временем дочесала волосы и достала из ларя серебряное зеркало. Уткнулась туда взглядом. Сейчас, пока все кудри в зеркальце не переглядит, и каждую щеку заново не изучит — не вскочил ли где прыщ? — не успокоится.

— Слышь, Арания. — Неспешно сказала я, загородившись книгой. — Что-то не подпускает нас к себе королевщина. По-простому, по-девичьи, с нами не болтает.

Сестра надула губы.

— Она — великий принцесс. Мыслимо ли дело, болтать по-девичьи в её положении? Да её корона ждет, трон королевский! А мы кто?

Я чуток помолчала, давая Арании время остыть. Снова начала:

— А мне так кажется — ей, бедной, никогда и болтать не приходилось. Ей же все только кланяются, слова человеческого никто не скажет. А ведь она тоже девка. Знаешь, о чем все девки думают?

— Ну и о чем же? — С насмешкой сказала Арания.

А сама даже зеркальце отложила.

— О женихах. — Открыла я ей истину, которую не раз слышала от жены Арфена-мельника. — Хочешь к ней поближе стать — так предложи ей погадать. На жениха и всяко.

Брови у Арании взлетели вверх.

— Как? На венки я гаданье знаю, с запертым колодцем тоже. воск в воду лила, в зеркало глядела. Только все эти гаданья глупые, я их пробовала, толку чуть. В эту весну по венкам вышло, что замуж выйду, да за богатого жениха. Я уж было о Согерде размечталась. Да только померла моя маменька, теперь о нем и думать не приходится. А так была бы я верчева женка, великая госпожа.

Она пригорюнилась, даже зеркальце опустила.

— Может, оно и к лучшему. — Утешила я. — А гадать надо на святом. К примеру, на ржи — её людям сама Кириметь-кормилица послала, для прокормления. Божье зернышко, как у нас в селе говорят. И что хорошо, для гадания на ржи нужна помощница.

Чтоб считать хорошо умела. Уяснила?

— Да-а. — выдохнула Арания. Рот у неё приоткрылся, глаза затянулись паволокой. — Для такого всякую сенную девку не позовешь. Тут-то мне и дорога.

— Вот-вот. — Поддакнула я. — Значит, слушай — гадать на ржи надо ввечеру, но так, чтобы солнышко ещё светило. В огне рожь горит, поэтому при зажженной свече гадание не ладится. Насыпаешь в решето ржаное зерно, ставишь на подзор под окном. Окошко растворяешь. Та девка, что гадает, должна желание загадать, а потом зерно рукой помешать и пригоршню набрать. Другая из той пригоршни зерно считает. Коли парное число выйдет, значит, загаданное сбудется. Непарное — не бывать тому.

— Как бы это подать великой принцесс. — Протянула Арания. — Как бы ещё так рассказать.

Я книгу захлопнула, улыбнулась.

— Да запросто. Вот как завтра пойдем гулять, я тебя спрошу о гаданьях. А ты мне все то, что я рассказала, повторишь. Правда, постараться нужно, чтобы у принцесс от тех слов глаза разгорелись.

— Уж я постараюсь. — Мечтательно пообещала мне Арания. — Уж я так постараюсь.

И осеклась.

— А вдруг нагаданное потом не сбудется?

— Не бойсь. — Твердо сказала я. — Зерно-то она своей рукой наберет, так? Можно сказать, сама гадать будет, с тебя только счет.

И потом — кто не любит рисковать, тому медвежью шубу не носить. Так у нас в Шатроке говорят.

— Желание надо вслух произносить? — С дрожью спросила Арания.

— Про себя. Я вот что думаю — скучно ей жить, великой-то. Даже если правду не выгадает, так хоть развлечется. Оживет малеха.

— Да, можно. — Медленно сказала Арания. — Если великий принцесс своего желания вслух не выскажет, то и сраму ей потом никакого не будет. А я с того подняться могу.

— Во-во. — Поддержала я.

На следующий день, едва мы отошли от дворца, Арания пихнула меня локтем. Пора начинать, поняла я. Хихикнула для порядка, вздохнула долго, жарко. И сказала голосом попроще, поглупей:

— Свадьбосев скоро. а у нас об эту пору девок на свадьбы уговаривают. Кто сильно уговорит, тот сразу и сватов засылает. А потом на Свадьбосев свадьбу играют. Охо-хонюшки, где-то наши с тобой женихи гуляют? И есть ли они вообще?

Свет-королевишна вроде как не слышала, однако юбки по дорожке сразу начали мести медленней.

— Есть ли, нет ли, это только боги знают. — Сильным, уверенным голосом ответила Арания. И убавила шаг, чтобы Зоряне в спину не врезаться. — А если так не терпится прс женихов узнать, так можно погадать. Хотя и не всякое гаданье правду открывает. Вот мне одна бабка рассказывала о гадании на ржи — оно, говорят, самое верное. Будет время, ужо тебе погадаю.

Тут королевишна оступилась. Арания скользнула к ней ужом.

— Ах, великий принцесс! Ножку не подверни. Дай-ко поддержку.

И прилепилась к локтю Зоряны. Та вольно облокотилась на сестру, пробубнила сдавлено, точно у неё зубы болели:

— Стану королевой, непременно прикажу все дорожки гладким камнем выстелить. Так что там за гадание?

Арания перегнулась, приникла к уху королевишны. Зашептала жарко, так что я едва расслышала:

— Мне о том гадании, великий принцесс, старая ворожея рассказала. Я и сама его пробовала. Вышло, что вскорости хорошего жениха найду. Или перед Зимнепроводами, или потом.

Я только головой покрутила. До чего же ушлая девка — такую и в ступу ложь, а пестиком все одно не вобьешь, вывернется.

— А что для того надо? — Пробубнила королевишна.

— Решето частое, ржаное зерно с самого верха сусека, блюдо серебряное. — Зачастила Арания. — Ну и помощницу бы позвать, которая все про это гадание знает, считать умеет.

— Да враки все это, чай. — Сказала Зоряна. Но голос у неё уже поменялся, и слышнсь было, что королевишне загорелось попробовать.

— Может, и враки, великий принцесс. — Задорно прощebetала Арания. — За чтс купила, за то и продаю, как узнала, так и говорю.

А только перед самым Свадьбосевом судьбу свою девичью узнать — самое то. В это время, говорят, сама богиня Кириметь по земле бродит, зерно, что в борозду легло, освящает.

— Ну-ну. — Ответила принцесс. Выпрямилась, отняла руку у Арании, зашагала живей.

По голосу было понятно, что выждет немного для порядка и призовет для гадания. Не сегодня, так завтра.

Дан Рейсор в тот день был злее, чем обычно. Хотя и раньше неласков был, но сегодня

прямо зверем смотрел. То ли съел чего, то ли встал не с той ноги. Урок был о том, как император цорсельский садится за свою вечернюю трапезу.

— Перффый за стол садится феликий осоп император. Перед ним стафят перфое блюдо, и он его ф-фкушает. Потом, если император благофолит, он делать snack, и за стол садиться его супруг, мать и дети. Затем император пробует фторое блюдо. Если он делать snack, за стол садиться феликий герцоги Цорселя. После третьего блюда император может соблагофолить, и за стол садиться прочие.

Я внутри похихикала, понятно. Что за ужин такой — сам сел в середине, лопает блюдо за блюдом, а прочие на него глядят, как собаки знака ждут, чтобы к миске подсесть. И не только чужие, но и родимая мать, женка и дети. Коли так, лучше и вовсе никого не звать. Ешь в однёху, чего заставлять других слюни глотать.

— Это делаться для тофо. — Возвысил дан Рейсор голос. — Чтопы никто из благородный не есть фперед император. И чтопы помнить, что сфой еда они фкушать только по милости феликий осоп император.

И вдруг шагнул ко мне, шлепнул ладонью по столу.

— Пофторить! Быстро!

Не на ту нарвался. Мне Мирона ещё длиннее речи закатывала, а потом требовала повторить. А дурости, которые устраивает «феликий осоп император», гораздо забавнее, чем цвет, жилка и лист у калюжницы. Вот там — скукота. А ведь помимо цвета, жилки и листа, ещё нужно было запомнить, куда идет лист свежий, лист сушеный, лист вареный, пареный и толченный, куда стебель, куда корень, а куда цвет. Да ещё где растёт, в какое время из земли росток дает, да когда цветет. Вот уж где ум сломаешь, пока запомнишь.

А тут что — один феликий осоп император и три его блюда.

Я ему и протараторила, только чисто, на тутешском. Он скривился.

— Глюпый дефка! Ты есть гоф-форить без должный почтений! Когда ты гофорить о феликий осоп император, тфой голос должен дрожать! Он есть сфет!

Арания уже пихала меня под столом. Язык чесался брякнуть, что мне и того света довольно, который от солнца идет. А что до императора, так даже если он весь сияет, от лба до зада, сюда евонный свет все равно не долетит — больно далеко его Зайт отсюда.

Но Арания так билась под столом, ровно её судороги сводили. И у Зоряны опять губа отвисла.

— Прости меня, дан Рейсор! — Я вложила в голос дрожь, чтобы раскаяние изобразить. — Буду стараться, обещаю!

Он зло глянул и отошел. Снова зашагал вдоль стола, вколачивая пятки в половицы с такой силой, словно гвозди ими вбивал. Опять начал рассказывать об императоре. Как он рот полощет после каждого блюда, и что всем положено делать, если он вдруг в ладоши хлопнет.

Единственная радость случилась в конце дня. После того, как дан Флювель, откланявшись после танцев, ушел, королевишна Зоряна повернулась в нашу сторону. Приказала усталым голосом:

— Как тебя там. Арания, что ли? Сходи освежись и возвращайся ко мне. Перемолвится с тобой хочу.

— Да, великий принцесс! — Сестра перегнулась в поклоне так, что едва лбом в коленки не врезалась.

Я поклонилась поскромней. Мы вышли, а на лестнице Арания вдруг зашипела:

— Ой, что делать-то! И к принцесс нельзя не пойти, и день сегодня такой.

— Какой? — Удивилась я.

— Так сегодня же вечером Рогор ждать будет! За кремлевскими воротами, с новостями!

Я застыла на полушаге. А ведь и впрямь, сегодня как раз третий день. После встречи с Глердой письмо с весточкой от Рогора вылетело у меня из головы. Напрочь.

— Выход один. — Прошипела Арания. — Ты выйдешь к воротам вместо меня. Скажешь Рогору, что я у самой королевешны Зоряны сижу, отлучиться никак не могу. Он столько лет в услужении у моей матушки был, так что поймет. Все, что он скажет, выслушаешь, и мне слово в слово передашь. Поняла?

— А если он уже того? Нашел виновного? — Спросила я.

— Даже если нашел, сегодня он его тебе не покажет. — Она задумалась, глянула на ступеньку под ногой. — Не под кремлевскими же воротами того убийца кончать! Скажи, пусть все приготовит и день назначит, а я у королевешны отпрошусь. Понимать должен, что я тоже на службе, а из дворца так просто не уйдешь. День пусть выберет или перед самым Свадьбосевом, или после.

— Ну раз так. — С сомнением сказала я. — Схожу. Только после Свадьбосева королевешна уедет в летний дворец, в село под Чистоградом.

— А ты откуда знаешь? — Арания глянула на меня с ревностью во взгляде. Губы стянулись в нитку.

Я пожала плечами.

— Вчера в бане жильцовские женки об этом болтали. А я стирала да слушала.

У Арании лицо помягчело.

— Ладно, тогда молодец. Вот можешь же пригодиться, когда хочешь, Тришка! Скажи Рогору, пусть назначит день перед Свадьбосевом. Я перед великой принцесс ужом вывернусь, но умолю её отпустить меня на денек. Айда в горницу.

В горенке сестра не задержалась. Перекусила с подноса, что уже стоял на крайнем сундуке, и убежала. Мне тоже пора было идти — сначала в покои Граденя, а потом на встречу с Рогором.

Перед выходом я на всякий случай расчесала волосы, натерла их пивом и распушила, полузакрыв ими лицо. Все по совету той жильцовой женки, Улеи. Красавицей от того не стала, конечно, но уродство свое чуток прикрыла. Да и волос у меня богатый, не хуже, чем у матушки, есть чем покрасоваться.

На четвертом поверхе никого не было. Я привалилась к стеночке, постояла. Когда снизу загремели шаги, изготовилась. Внутри все переворачивалось, когда думала, что вот сейчас зайду в горницу, где скончался мой отец — а с ним вместе сам королевич. Одна радость, оба померли мгновенно, как сказала Глерда. Не мучились. А может, кто-то из них истаял, как Аксея?

По лестнице поднималась чернавка. Я выждала, пока она поднимется до четвертого поверха, и взялась за медную ручку.

Вот только девка и головы в мою сторону не повернула. Шла себе убираться в чьей-то горнице, волокла ведро с водой на пятый поверх. И ничего не спросила, даже не глянула на меня.

Я все-таки переступила порог, зашла внутрь. Все двери в покоях погибшего Граденя стояли нараспашку. От входа виднелась вереница горниц, богато убранных, без пыли и паутины.

Дело было такое, что требовалось все обдумать. Глерда велела показаться у двери покойника три раза — но считается ли тот раз, когда меня видели, но не заметили? И даже не спросили, кто я, зачем в чужие горницы лезу?

Я снова выскочила в проход. Может, кто-то из жильцовских женок пройдет по лестнице? Те уж точно спросят.

Однако время шло, а никто не появлялся. Проскочила ещё одна прислужница, уже с подносом. Я снова зашла. Но и тут на меня не глянули.

А меж тем у кремлевских ворот уже должен был поджидать свою хозяйку Рогор. Норвин, конечно, мужик упрямый, он и до полуночи там проторчит — но у меня-то времени много не было.

И я решила взять дело в свои руки. Главное ведь что? Чтоб меня увидели у двери Граденя, да спросили, кто я и зачем лезу в чужие горницы. Так что я пошла вниз по лестнице.

Толстые стены дворца хранили прохладу, но снаружи оказалось жарко. Вечерело, однако от камней перед входом все ещё тянуло зноем, как от голышей в парной. Двустворчатые двери я прошла медленно, с жильцами поздоровалась степенно. Улыбаться им не стала, не рискнула. Вышла и зашагала по дорожке к службам.

Думалось мне так — если жильцы и впрямь считают меня завидной невестой, кто-нибудь из них заговорит. Может, даже увяжется следом. С жильцовскими женками я на такое не надеялась, у них свои дела.

О курносом со вчерашнего дня я старалась не думать. Вот отыщут ведьмы с моей помощью того убийца, вернут мне красу — тогда и пройду павой. Может, даже тут пройду, по кремлю, у него под носом. Если меня, преобразившуюся, внутрь пустят. И пусть он тогда на меня поглядит-полюбуется.

Хотя, окоротила я себя, после преображения он на меня и не глянет. Если нынче у него в глазах, как на меня посмотрит, приданое мелькает — потом я ему буду без надобности. Ведь приданное король Досвет обещал страшной девке по имени Триша, а той, если будет милостива Кириметь-заступница, в один день не станет. Она исчезнет, а вместо неё появится другая.

Кругляш, где жильцы тренировались, я обошла по дальней дорожке. Сердце у меня все-таки затрепыхалось, когда заметила там курносого. И тот меня увидел — подбежал, охальник, к ограде, споро перемахнул, опершись одной рукой на жердину.

Удаль молодецкую передо мной выказывал. У, морда наглая, глаза бесстыжие! И рубаха у него все тело от пота облепила, взгляд так и тянется.

Ещё двое жильцов к ограде подошли, выкрикнули:

— Подобру!

Я им степенно ответила:

— И вам поздорову, господа хорошие.

Курносый тем временем встал на дорожку в двух шагах передо мной. Почти её перегородил — самую малость оставил, только чтобы протиснуться. Глянул задорно.

— Подобру тебе, девица. По делу спешишь?

Другие жильцы от оградки отошли. Мне, наверно, следовало огорчиться, да не получилось. Значит, судьба такая, вздохнула я про себя. Сказала, склонив лицо — вроде как из скромности, а на деле, чтобы занавесить лицо кудрями:

— Воздухом подышать вышла. Да жарко больно, сейчас во дворец вернусь.

И хоть не велела себе даже думать о нем, а сердце затумкало пуще прежнего. Предложит проводить или нет?

Предложил.

— Проводить тебя, девица? Вдруг сомлешь по дороге.

Я, как Арания меня учила, глаза в дорожку воткнула, чтобы скромность свою выказать. Выдохнула полной грудью, и так, без воздуха, почти что просипела:

— Проводи, добрый человек. Голова чегой-то кружиться, боюсь на пятый поверх одна взбираться, ещё сомлею по дороге.

— Подожди тут. — Велел он. И снова перемахнул через ограду.

Я застыла, не поднимая глаз. Внутри у меня то ли смех нарождался, то ли злоба, то ли ещё что. Вот ведь наглец! И имени моего не знает, а уже приказы отдает.

От толпы жильцов, собравшихся на кругляше, донесся дружный гогот. Я поежилась, несмотря на жару. Ох, убьет меня Арания, как узнает.

Вернулся курносый быстро. Снова красиво перемахнул через жердочку, подошел, натягивая на ходу серый полукафтан в серебряном позументе.

— Не гневись, за одежкой бегал. Не хотел при тебе в нижней сорочице ходить, скромность твою тревожить.

Я едва не засмеялась в голос. Да знал бы он, скольких голых мужиков я повидала! Скольким раны зашивала, и на ногах, и на поясе. Только на заду да на причинном месте Мирона мне не позволяла раны шить, говорила, ты ещё девка, тебе ещё рано.

Я поплыла по дорожке, обмахиваясь ладонью. Пусть не забывает, что иду с ним только потому, что сомлеть боюсь.

— А как тебя зовут, девица? — спросил курносый, неспешно шагая у меня за плечом.

— Госпожа Триша. — Пропискалявила я, пытаюсь изобразить голос Арании, каким та беседовала с великой принцесс.

— А я Ерша.

— Подобрю тебе, господин Ерша.

— Да не господин я. — Отмахнулся он. — Особливо для тебя. А ты, госпожа Триша, будешь из новых королевических служниц?

Ведь все знает, а сам балаган передо мной разыгрывает, сердито подумала я. Сказала, снова ломая голос под Аранию:

— Из них.

— Ну и как тебе тут живется, во дворце-то? — Не унимался курносый. — Не обижает кто? Если что, ты только скажи, я враз.

Хотелось мне сказать, что мало кто из мужиков меня обидеть решиться, но разумнее было промолчать — и я промолчала.

— Свадьбосев скоро. — Снова закинул удочку курносый. — Тут, в кремле, гулянье будет, ведьмы силу показывать выйдут, пришедшему народу чарку от короля-батюшки нальют, угощение поставят. Толпа соберется! В прошлом году в давке у ворот аж двоих потоптали. Я, конечно, караул нести буду, но к вечеру освобожусь. Могу проводить.

— Благодарствуем. — Сказала я. На этот раз своим голосом — он все равно так дрожал, что притворяться сомлевшей не было нужды.

— Я на Свадьбосев буду с сестрицей Аранией.

— Так я вас обеих провожу. — Радостным голосом предложил Ерша.

У меня аж стук сердечный прервался. Значит, и впрямь о сестрице больше думает, как я

и предполагала.

— Арания чужих не любит. — Отбрехала я.

Так мы и шли. Ерша меня спрашивал, кто я да откуда, кто мои мать с отцом. Я отвечала так, как велела когда-то отвечать Морислана — что отца моего звали Иргъёр Ирдраар, что он погиб на границе, и давно. А мать, мол, была тутешкой, и скончалась сразу вслед за отцом. Сама же я росла у бабки в дальнем селе.

За разговорами мы дошли до лестницы. Там Ерша примолк. На четвертом поверхе я встала. Курносый, шедший чуть позади, тут же спросил:

— Притомилась? Дай руку, поддержу.

Я вместо ответа спросила:

— А не скажешь, в каких покоях прежде жил королевич Градень?

Жилец встал рядом, глянул изумленно. Неуверенно ткнул рукой в крайнюю дверь.

— Там. А зачем тебе?

Тут только я осознала, насколько глупым было все то, что сделала. И что затеяла все ради одного — курносого повидать. Не туда меня вели ноги, ох, не туда!

Однако жилец ждал ответа. Я промямлила:

— Тетушка моя, Морислана Ирдраар, рассказывала о бедном королевиче, что скончался тут, во дворце. Хочу его памяти поклониться.

Ерша вроде как побледнел. С чего бы?

— Не дело юной девице по горницам покойника шастать.

— Тетушка, — со значением сказала я, — много о Градене рассказывала. Жалела его очень. Он ведь совсем юным умер. Спасибо, что показал его дверь, господин Ерша. А теперь ступай. Голова у меня больше не кружится, так что дальше сама дойду. Поздорову тебе.

Я шагнула к двери, спиной ощущая, как курносый сверлит меня взглядом. Аж кожу меж лопаток стянуло.

Порог я перешагнула, дверь за собой прикрыла. Приникла ухом к двери. На лестнице стояла тишина. Что ж, так и стоит?

Ладно, решила я. Прогуляюсь пока по покоям.

В горницах Граденя стены не закрывало полотно, как у Зоряны. Большая часть покоев была выбелена и расписана. Я бродила, дивясь на чудных зверей, скачущих по стенам. Туры, вепри и медведи вели хороводы, кое-где за ними скакали охотники — не простого вида, на конях в дорогой сбруе. Одну горницу расписали дроздами, сидящими на ветках, да так умело, что каждое перышко в оперении виднелось на особицу.

Там, где не было росписей, камень прикрывали ковры. В предпоследней горнице я увидела кровать — и сразу вспомнила рассказ Глерды о том, что здесь случилось. На покрывале из громадной, белой клокастой шкуры, снятой с неизвестного зверя, лежала ветвь. Прямо поперек кровати. Большая, березовая, со свежей, чуть привядшей листвой.

Я вздохнула. Березовые ветви приносят на могилы родные, чтобы священное дерево осеняло прах близких так же, как осеняет святой оберег живых. Ветку, ясное дело, принесли сюда ради Граденя — но она заодно стала и приношением моему отцу. Я наклонилась, погладила черешок, прошептала:

— Батюшка. пусть Кириметь-кормилица не оставит тебя своей милостью в Наднебесье. И тебя тоже, королевич Градень.

Не знаю, сколько я простояла, глядя на кровать. Потом повернулась и увидела игрушки, расставленные на сундуке у стены. Деревянные раскрашенные ратники на конях и пехом,

птицы, медведи с топориками, лошадки. Сколько ж лет было Граденю? Зоряна, к примеру, чуть старше меня. Если мне двадцать весен, то ей двадцать три или больше. Понятно, что Градень старше сестры по годам. Но вот на сколько старше?

В груди что-то ворохнулось, и глаза стали заплывать слезой. Я сделала несколько шагов, встала у кровати, большой, как у взрослого мужика. Огляделась. Может, как раз на этом месте стояла моя матушка в ту ночь. А рядом с ней — мой батюшка.

Тут от входа что-то заскрипело. Я хлюпнула носом, рывком утерла слезы ладонью — и рванулась назад.

Приоткрыв дверь, в покои заглядывал Ерша, тревожно морща лоб и вскинув светлые, выгоревшие до белизны брови.

— Госпожа Триша? Ты как, жива?

— Да чо со мной станется? — Я отодвинула его здоровой рукой, сама вышла, дверку за собой плотно прикрыла. — А ты что тут стоишь, господин Ерша? Ступай давай, я до своего пятого поверха и сама доберусь.

Он все встревожено моргал. Тут растворилась дверь, что вела в покои Досвета. На пороге возник жилец, крупный мужик с коротко стриженной бородкой.

— Ерша Нетужевич? А я думаю, что за шум, что за разговоры под дверью у короля-батюшки? — Он быстро перевел взгляд на меня, бросил: — Подобру тебе, девица. А что тут.

— Мимо шли. — Поспешно ответил Ерша.

Но мне-то другое требовалось. Я и рубанула:

— А я в покои убиенного королевича заходила. Чтобы память его почтить. Поздорову вам, господа хорошие.

И рванула по лестнице вверх, оставляя мужиков одних.

В горницу свою я не зашла. Вместо этого прошагала весь пятый поверх, и по малой лестнице, что пряталась в конце прохода, спустилась вниз. Дверку, через которую можно было выйти, охраняли двое жильцов. Но ни один из них не был Ершей, так что я выскочила, не опуская глаз и не чувствуя стеснения в груди. Спешно прошагала по мелким дорожкам и вышла напрямую к кремлевским воротам.

Солнце лишь самую малость не дотягивало до окоёма. Запоздала я со своими делами, лишь бы Рогор не ушел.

Выскальзывая из ворот, что были втиснуты в простенок между двумя башнями, яглянула на жильцов, стоявших у громадных створок. Потом промерила взглядом одну из башен, островерхую, с оторочкой из стрельчатых зубцов по краю крыши. Охраняют ли ведьмы те ворота вместе с жильцами? И где запрятаны сторожевые горницы, о которых говорила Глерда?

За воротами лежала большая площадь, окруженная высокими каменными палатами — у каждого дома крыльцо шло до второго поверха. И с тремя святыми березами на краю. Землю, на которой росли деревья, окружало кольцо камней. На нижних ветвях полоскались густо увязанные шелковые ленты. Щедро горожане испрашивали милости у Киримети, не жалились. У нас-то в Шатроке к святому дереву одни лоскуты привязывали.

Народу на площади оказалось немного. В двух местах на сходах торговали калачами. Мальчишки-разносчики то вразнобой, то хором надсадно кричали:

— А кому калачи? Горячи, из печи! Подходи, не гляди, сразу в рот мечи!

Прохожий люд — большей частью прислужники, уходившие из кремля под вечер — останавливались, раскупая товар.

Я оглянулась и сразу увидела Рогора. Норвин выступил из-за полога лент, падавших с берез, заспешил ко мне. На поясе у него висел длинный тесак, как тогда, когда мы ехали из Неверовки в Чистоград. И одет он был в тутешскую рубаху, а не в норвинскую, с широкими рукавами.

Подойдя, Рогор обшарил взглядом просвет кремлевских ворот.

— Добрый тебе вечер, госпожа Триша. А где Аранслейг?

— И тебе подобра, Рогор. — Отозвалась я. — Ты уж извиняй, но Аранию к себе королевшна потребовала. Сам понимаешь, она теперь тоже в услужении, что ей велят, то и делает. Меня вот попросила к тебе на встречу вместо неё сходить.

— Как? — Рогор надвинулся на меня, пригнув голову. Глаза его зло блеснули. — Может, она просто передумала и уже не хочет платить легед? И потому прячется от меня? Так не поступают с сыновьями норвинов, что носят в крови лед.

— Ты, Рогор, не в себе. — Оборвала я его. — Арания, конечно, глупости делает — но от своего слова не откажется. Сказала, заплатит, значит, заплатит. А ещё она велела тебе передать — если ты уже знаешь того злодея, выбирай подходящий день. Она у королевшны загодя на тот день отпроситься. Только знай, что после Свадьбосева королевшна уедет в летний дворец под Чистоградом. И мы вместе с ней. Так что день нужно назначить до праздника.

Он отступил, глянул чуть поспокойнее.

— А ты стала другой, госпожа Триша. Обтесалась, говоришь как госпожа.

Я вздохнула. Дело нехитрое — научиться говорить как Арания. Рогору, однако, ответила по-другому:

— Тут, во дворце, всему быстро учат. Так какие у тебя новости?

Он кинул ладонь на рукоять тесака, снова придвинулся ко мне:

— Мы с Сокугом нашли убийцу.

Раз нашли, значит, убьют, подумала я. Мне вдруг стало не по себе. Сначала убил тот человек, теперь убьют его.

И все вроде правильно, не сидеть же Морислане на небесах, у своей норвинской Трарин, неотомщенной. Но уж больно много крови льется.

Да только мне ли на других пенять? Сама ведь стараюсь, чтобы ведьмы нашли колдуна, что проклятье наслал. Нашли и убили. Иначе мне лицом не выправится — а им свои дела не справить.

— Это я передам. — Отозвалась я. — Ещё вести есть?

Рогор глянул на меня пристально, помедлил, ответил:

— Скажешь Аранслейг — дознание, что провели во дворце, ни к чему не привело. С поварни пропал один подавальщик. Все думают, что это он подsunул Морислане угощение с отравой.

Я нахмурилась.

— А ты как думаешь? И откуда ты все знаешь?

Рогор наклонил голову ещё ниже, сказал ещё тише:

— Прислужники, госпожа Триша, знают многое. А мне не трудно налить лишнюю чарку поваренному службе. Что же до того, что я думаю. пропавший прислужник — концы в воду, вот что я думаю. Передай госпоже Аранслейг — те, кто ведет королевское дознание, на том человеке закончили. А я с него начал.

— И куда дошел? — Спросила я.

Рогор снова помолчал, глянул у меня над плечом, жарко дыхнул. Я ощутила в его дыхании запах эля, которого перепила тогда на норвинском прощании с Морисланой. Сразу вспомнилось, как она лежала на телеге, в ярко-алом платье, белая, прекрасная, усыпанная хладолистом.

— Только никому не говори. — Предупредил меня норвин. — Одной Аранслейг. Пусть бельчи готовит, потому что я нашел то, чего не нашли чистоградские ведьмы. Не могли ту отраву подмешать на королевской поварне. Народу там много толчется, заметить такое легко, а скрыть трудно. Умный человек приготовил бы угощение с отравой в другом месте, готовое принес во дворец и отдал бы подавальщику. Тот служка рассказал мне, что пирожное, куда засунули отраву, стряпают из сахарного зерна. Им в Чистограде торгуют только два купца. Вот я их и нашел, а потом спросил.

Он двинулся, оторвал ладонь от тесака, сжал в кулак, легонько постучал по рукояти. Видать, спрашивал от души.

— И выяснил, кто брал такое зерно перед королевским пиром. Они припомнили трех покупателей. Двух купцы знали, они и до этого брали у них сахарное зерно. А вот третий пришел за сахарным зерном в первый раз, его купец не знал. Зато у него оказалось приметное лицо — рябь по лицу, как после оспы, чего среди тутешей не встретишь, лысая голова. И одет в чужое платье.

Он остановился, горделиво выпятил грудь.

— Я сходил в Иноземную слободку. Ради такого дела и сам в тутешское переоделся, чтобы в глаза не бросаться. Поспрашивал там, походил, поглядел. И надо же такому случиться — как раз такой прислужник работает в доме того, кого я и раньше подозревал.

— А кого ты подозревал? — Не удержалась я.

Норвин фыркнул, покрутил головой.

— А легедом с тобой не поделиться?

— Больно уж ладно у тебя выходит. — С сомнением сказала я.

— Я, Ргъёр Хафсон, честный норвин. — Довольно заявил Рогор. — И не хожу кривыми путями. Вот всемогущий Дин и присматривает своим глазом, чтобы мне на пути попадалась иногда удача. Передай Аранслейг — я приду сюда за четыре дня до Свадьбосева, с утра. Пусть дочь Морислейг выходит, и я отведу её туда, где она увидит убийцу своей матери. Доброй тебе ночи, госпожа Триша.

Он повернулся, быстро зашагал к ближайшему сходу с площади. Свое «поздорову» я сказала уже в спину норвина.

Солнце укатывалось, небо с одного края выкрасилось в алое. По зубцам и башням кремля чиркали последние лучи. Я заспешила во дворец.

Глава пятнадцатая. Сказ о ржаном зернышке

Арания уже ждала в горнице — мерила проход от двери до окна быстрыми шагами. Увидев меня, застыла.

— Ты чего так долго? Ой, что со мной было.

Глаза у неё стали громадные, и на белом лице смотрелись двумя дырами. Я даже испугалась.

— Да что случилось-то?

Арания сморщилась — плакать собралась, догадалась я. Сказала, вздохнув с завыванием:

— Как сели гадать, сначала все шло хорошо. Великий принцесс даже улыбнуться изволила два раза — первый, когда одно желание загадала, а второй, когда оно сошлось. А потом пришла госпожа Любава. Великий принцесс ей — уйди, тетка Любава! Та её умолять. Мол, ведьмы наказали, чтобы свет-королевишна гаданьями не занималась — вдруг такое нагадает, что ей, наследнице положской, от того поплохеет! И ещё, мол, велено королем-батюшкой королевишну к девичьему баловству не приучать — ей высокий удел положен, страной править, а не вольной девицей жить! Не могу, говорит, тебя оставить, дозвожь хоть рядом посидеть. Великий принцесс и отвечает — садись в угол, тетка Любава, но приказывать тут не смей. Я, говорит, одна в этих покоях хозяйка. А та как села в уголок, как начала оттуда гляделками зыркать. И все желания враз сходиться перестали. Великий принцесс уж ликом темнеть начала.

Я и решила схитрить, два зерна как одно засчитать, чтобы чет вышел. А Любава совой из угла — не так считаешь, ну-ка пересчитай! Смотри, свет-королевишна, как бы твоя помощница не обманула тебя! Ну прям колдун-баба из сказки! Великий принцесс разом посмурнела и меня выгнала.

Она топнула ногой и снова заходила по горнице, огибая меня по пути, как неживую балясину.

— И потому ты криком исходишь? — Я только головой покачала, на неё глядячи.

Сдурела девка. Ей тут от Рогора такие вести, а она из-за великой принцесс по горнице бегают, как ошпаренная. Тоже мне, ликом потемнела — да Зоряна весь день ходит кислая, точно её поят одним капустным рассолом, а есть дают только девятидневные щи.

И опять же, сама виновата. Разве можно при гадании жульничать? Это ж какая обида королевишне. И что ей теперь думать о тех гаданиях, что сошлись? Чему верить?

Арания топнула ногой.

— Эх, Тришка, Тришка! Ума у тебя коврижка!

Ну ровно дите малое. Я на ту дразнилку не поддалась. Сказала со значением:

— У кого как, а у нас в Шатроке ковриги пекут большие. Вот бы кой-кому столько ума в голову.

— Ты что, и впрямь не понимаешь? — В голос взвыла Арания. — Да Любава не хочет меня к великой принцесс подпускать! Стережет её, точно муж ревнивый! И на меня теперь взъелась! А ведь завтра должна прийти мастерица с цорсельским платьем! Вдруг Любава прикажет больше к нам не ходить? Или платья велит нарочно испортить? Ох-ти мне бедной, сиротинушке без матушки! Некому меня защитить-пожалеть!

Выла она всерьез, как с горя большого. И руки заломила. Я вздохнула, подошла,

приобняла за плечи.

— Не горюй, придумаем что-нибудь. Вести от Рогора хочешь услышать?

Она кивнула. Но рук, у груди сцепленных, не разжала. Дослушав мой рассказ, всхлипнула:

— Как я теперь у Зоряны отпрошусь? Ох-ти моя матушка. неужто даже не полюбуюсь, как твоему убийцу голову отрубят?

Моя рука разом отдернулась от её плеча. Может, я и неправа была. Не брось меня Морислана в детстве, глядишь, и я бы сейчас то же самое говорила бы.

Арания все всхлипывала. Я подумала, со вздохом снова опустила ей руку на плечо. Сказала:

— Хорош сырость-то разводить. Смотри, будешь так долго реветь, под носом от соплей плесень нарастет.

— Сердца у тебя нет. — Вызверилась на меня Арания. — Бесчувственная ты, Тришка! И необразованная! Одни гадости говоришь, вместо того чтобы сказать что-то красивое, возвышенное, утешительное!

И что я такого сказала? Меня Мирона всегда так утешала, если коленку разобью или мальчишки на улице задразнят. Я пожала плечами, спросила:

— Когда Любава тебя поймала? В самом начале, как только ты дважды одно зерно посчитала или когда счет уже закончила?

— Как только дважды посчитала.

— Тогда что реवेशь? Скажешь, случайно обсчиталась, прости, великий принцесс. Сомлела, устала, в глазоньках потемнело.

Арания перестала всхлипывать.

— Думаешь, поможет?

Я сходила за утиральником, который второго дня смастерила из старой сорочицы. Подала Арании.

— На, утрись. А завтра, если королевишна о том спросит, стой на своем. Обсчиталась, и все тут. Рука дрогнула, вот и прихватила два зернышка вместо одного. И прощения проси, кланяйся пониже.

— Уж я так попрошу. — Арания высморкалась.

Я погладила её по плечу.

— Попросишь, попросишь. Все уладится, вот увидишь, Арания. А сейчас давай-ка спать, поздно уже. И не думай об этом больше.

Наутро Арания встала хмурая, с опухшими глазами. Я предложила расчесать ей волосы — она ответила кивком. Но рта так и не раскрыла. Едва закончили с этим, в дверь вдруг стукнули и в горницу вошла девка в расшитом сарафане.

— Королевишна приказала вас к ней привести. Немедля.

Арания вздрогнула. Глянула на меня, а спросила у девки:

— Обеих?

— Так сказали.

— Ох, что-то будет. — Прошептала она.

Приподняла руку и впервые за все время попросила, а не приказала:

— Триша, затяни мне шнуры на боку. Рука чегой-то дрожит.

В покои Зоряны мы вошли следом за прислужницей. В горнице, где обычно дожидались утреннего выхода королевишны, Арания вдруг замерла на месте. Девка тут же обернулась к

ней, бойко протараторила:

— Вас прямо в опочивальню к свет-королевишне велено привести. Пойдемте, госпожи, не задерживайтесь.

Арания вскинула голову, но тут же её опустила. Так и зашагала дальше, уткнув глаза в пол.

Горниц в покаях Зоряны было не меньше, чем в покаях Граденя. Девка привела нас напрямик в опочивальню, где стены были оббиты розоватым полотном, расшитым мелким жемчугом. На белых подзорах под окнами поблескивали алые камни, широченную кровать устилало белое же покрывало с шитой каймой, с которой свисали целые низки зернистого жемчуга.

Сама королевишна сидела на стуле у кровати, лицом к окну, одетая в шелковую сорочицу. Рукава заменяли две тонкие лямки.

Одна из них соскользнула с плеча, так что одежда провисла, некрасиво обнажив мягкую грудь. Сзади стояла служанка, и, осторожно поводя рукой, чесала светлые волосы королевишны.

Приведшая нас девка в расшитом сарафане низко поклонилась в сторону Зоряны, сидевшей спиной к двери. Махнула нам рукой — проходите, мол. Арания опять заробела, споткнулась на полушаге, так что я схватила её за руку, сжала ладонь.

И пошла туда, куда было велено — перед светлые очи королевишны.

Та смотрела в окно, глаза на нас перекатила неспешно. Губы у неё были поджаты так, что пошли морщинками.

— Подобру тебе, великий принцесс! — Выдавила Арания. И махнула глубокий поклон.

Я поклонилась так же низко.

— Подобру, великий принцесс!

Королевишна шумно выдохнула через нос, вскинула подбородок. Обратилась к Арании:

— Сначала ты. Пошто меня обманула?

Ладонь Арании в моей руке дрогнула.

— Прости, великий принцесс, обсчиталась я! День был жаркий, к вечеру притомилась. Вот и залезло одно малое зернышко мне под ноготь. А я его и не заметила, сбилась со счету. Хорошо хоть госпожа Любава углядела, от ошибки меня уберегла. Век ей буду благодарна!

Я на неё глянула в изумлении. Ну и девка! Вчера ту Любаву колдун-бабой обзывала, а сегодня хвалит.

Королевишна нахмурилась.

— А скажи-ка мне, девица Аранька. до того, как это зернышко залезло тебе под ноготь, ты тоже сбивалась?

— Нет, свет великий принцесс! Клянусь. Тэнгом, повелителем неба, клянусь! Клянусь что до того случая ошибок не было! Да и тот раз вышел случайно. Сомлела я, устала, в глазах отчего-то темнеть начало. уж прости ты меня, всеми богами молю!

Зоряна приоткрыла рот, тяжело вздохнула, облизала губы.

— Ты что — олгарка?

— Я дочь Эреша Кэмеш-Бури, мой великий принцесс! Отец сейчас на границе, матушка на днях скончалась.

Королевишна вяло дернула ладонью, не отрывая руку от подлокотника, и Арания резко замолчала.

— Насчет тебя я подумаю. А теперь ты. — Она глянула мне в лицо, и глаза её, вечно

сонные, тусклые, вдруг блеснули яростной синевой. — Говорят, твое имя — Триша Ирдраар. И помершей в кремле Морисланке Ирдраар ты приходишься родственницей. А ещё ты травница, да не из худших, как мне сказали. Все знают, что отраву ту Морисланке подсунула как раз её травница. То есть ты. Сделав это из зависти, а ещё потому, что семейство Ирдрааровское тебя так и не признало, как родственницу, по причине уродства. А чтобы отвести с себя вину, ты объявила, что отраву Морисланке могли подсунуть лишь на королевском пиру, на королевском мосту! И тем замарала ты мой дом, моего отца и меня са.

Тут голос у Зоряны сорвался. Она откинулась на спинку стула, начала хватать воздух ртом. Девка сзади спешно замахала ладонями у её лица.

— Это неправда. — Сказала я в полной тишине. — Я не травила госпожу Морислану. Она сделала мне много добра — привезла из дальнего села в столицу, признала как свою родственницу, платьями одарила. Да и не будь этого, я не стала бы её травить. Я не убийца.

— Молчи! — С дрожью в голосе выкрикнула Зоряна. — Смеешь мне перечить? Ах ты тварь! А ещё и ведьм накрутила, что убийца должен быть из дворца. теперь они по всем закоулкам шныряют! Любого обвинить готовы! Отцу моему наврала, ложную клятву перед ним дала. все я знаю, все! Хорошо, добрые люди мне подсказали, открыли глаза, какую змею батюшка пригрел — да не на своей груди, а на моей!

После её звенящего крика пала тишина. Я подняла взгляд над головой Зоряны. Сказать-то можно многое — да только слушать меня не хотят.

Тут приоткрылась одна из двух дверей в спальню, та, через которую мы вошли. В щели блеснул темный глаз, над ним соболя бровь, а ещё ниже — полоса муравчатого шелка, от господского платья. Кажись, Любава. Уж не она ли тот самый хороший люд, что не поленился королевичне глаза открыть? Чует мое сердце, что она.

— Молчишь? Сказать нечего? — Пропыхтела Зоряна.

— Не моя рука Морислане яд подсыпала, великий принцесс. — Я отвела взгляд от двери, глянула перед собой. Королевишна все ещё хватала ртом воздух. — Чем хочешь в том поклянусь. Госпожа Морислана опасалась отравы ещё до приезда в Чистоград. И меня к себе взяла, чтобы я ей еду пробовала.

Пусть делала я это для Арании — но госпожа матушка в кремле всегда ела с того же подноса. Так что сказанное было почти что правдой. Арания стояла рядом тихо, как мышка.

— Она меня, сироту, пригрела. Сама посуды, великий принцесс, зачем мне убивать госпожу Морислану?

Королевишна стукнула ладонью по подлокотнику.

— Да чтоб сюда, во дворец пробраться! Через её смерть! Может, ты и меня отравить хочешь?

Я мельком глянула на дверь. Темный глаз в щели моргнул, вновь раскрылся широко, жадно. Ну, жива буду — не забуду, госпожа Любава.

— Нет у меня в мыслях зла против тебя, великий принцесс.

Король, твой батюшка, мне приданое обещал, жениха хорошего. Случись с тобой какая беда, меня из дворца выгонят — где я такое найду? К тому же, будь я виновна, разве ведьмы о том не узнали бы?

Зоряна снова стукнула ладонью по подлокотнику.

— Ведьмы! У меня двух братьев сгубили, а они что? Разве смогли они найти злодеев? Или хоть одного брата спасти? Только и умеют, что бревнами своими кидаться да кричать, что они-де первая опора государству!

Двух братьев сгубили? А Глерда говорила, что второй королевич погиб на охоте. И рядом нашли волчьи следы.

— А посему, — закричала Зоряна, натужно, с визгом, заливаясь темно-багровым нехорошим румянцем, — Следует тебя, деревенщину неотесанную, на Правежную площадь отправить! Чтобы там правеж учинили.

Тут вторая дверь в горницу со стуком распахнулась, и в опочивальню влетела ладная баба в лазоревом платье, расшитом сверху донизу серебряными и золотыми цветами, каждое с куриное яйцо. Соболиный волос с рыжиной тек на спину волной, жемчужную нить на шее скрепляла пряжка — дрозд, усаженный почти сплошь вишнево-черными камнями. Её я узнала сразу — королева Голуба.

Прошлый раз, на королевском пиру, она показалась мне молодой бабой. Но сейчас глаза у неё расширились, лоб нахмурился, рот в тревоге приоткрылся — и стало заметно, что лет королеве уже немало. По лбу, вокруг глаз и по шее разошлись морщины, которых прежде не было видно.

— Зорянушка, дочка! — Голуба с порога кинулась к королевешне, которая на её возглас и головы не повернула. — Я крик у себя услышала. что стряслось? Кто тебя напугал, сердечко моё?

Следом за королевой в горницу скользнули ещё две бабы. Сердце у меня дрогнуло, когда в одной я узнала Ерислану. Лицо у жены верча Медведы было спокойное, даже чересчур. Как будто великая госпожа наперед знала, что увидит.

Вторую вошедшую я повстречала впервые. Худая, невысокая, русоволосая, лицо округлое, несмотря на худобу, платье простое, без вышивки. Плечи укрывал снежно-белый плат с узкой каймой из синего бисера. Мне сразу вспомнилась Глерда, укутанная в похожий плат. Который она, по её словам, взяла у великой госпожи Горявы, жены верча Яруни.

— Слыхала ли ты, маменька. — С дрожью сказала Зоряна. — Что батюшка нашел мне услужниц? Вот, полюбуйся!

Она ткнула рукой в меня, договорила:

— Та девка — убивица! Мало того, что отравила свою тетку, так ещё и поклеп возвела на наш дом! Помнишь женку земельного, Морисланку Ирдраар, что у Яруни в тереме померла? Она при ней состояла до самой смерти. Девка эта — травница, в ядах сведущая. Она, злыдня, батюшке поклялась, что Морисланку могли отравить только тут, в королевском дворце! А сгубила-то сама, больше никому! От зависти да от злости, не иначе!

Голуба обернулась ко мне, оглядела с ног до головы. Вскинула брови, нерешительно шевельнула губами. Сказала, оборачиваясь к дочке:

— Да с чего ты это взяла, ласточка моя. Батюшка тебя любит, ты теперь его единая надёжа.

— И не только его, но и всего нашего государства положского! — Тут же провозгласила Ерислана. Глаза у неё радостно блеснули.

Королева мельком на неё оглянулась, пробормотала:

— Верно. стало быть, не мог Досвет прислать к тебе незнай кого. С чего ты такие страсти взяла, Зорянушка? Может, врут люди. Тебе королевой быть, пора бы уж ложь от правды отличать.

— Да ты на неё глянь, матушка! — Завопила королевешна. — Разве можно с таким лицом кому-то добра желать?

Дыхание у меня оборвалось, вроде как под дых ударили. И тут Арания, руку которой я

выпустила, вдруг поймала мою ладонь. Сжала, сказала тоненько, протяжно:

— Свет-королева, матушка наша, не суди, дозвожь слово вымолвить. Матушка моя, Морислана Ирдраар, и впрямь отравы боялась. Потому и ела у себя в доме только пробовавшую еду, потому и Тришу к нам взяла. Не Тришкина рука отраву подмешала — Триша мою матушку от отравы уберегала.

Королева снова оглянулась на меня, опять нерешительно подвигала губами.

— Да кому она нужна была, та Морисланка. — Презрительно сказала Зоряна. — Всеё-то радости — хороша, как первоцвет. И лет уж сколько, а все цветочком ходила. Вот девка её и возненавидела. У самой — ни рожи, ни кожи.

— У моего отца всегда было много врагов. — Голосом ещё тоньше, ещё испуганнее выдохнула Арания. — Есть ли месть слаще, чем убить у заслуженного воя его любимую жену? И дочь, потому как я ела вместе с матушкой. Из-за этого матушка и покинула Неверовку, наше земельное. Сюда приехала — чтоб в кремле скрыться от отцовских врагов. Да не вышло.

Ну, Арания. не ожидала я от неё такого, по правде говоря.

Тут вперед шагнула невысокая светловолосая баба, что пришла вместе с Ерисланой и Голубой. Сказала вроде негромко, а вышло звучно:

— Брат мой, верч Егедя, всегда добром поминал Игора Ирдраара, храброго воя, что сгинул на границе его Атаньского верчества. Понравится ли ему, если услышит, что на дочь Игора возводят хулы и напраслину?

— Не о брате ты думаешь, Горява. — Тут же укорила её Ерислана. — А о муже своем, верче Яруне. Это ведь в его тереме Морисланка умерла!

— Ты, стало быть, хочешь ещё и моего Яруню в том обвинить? — Ровным голосом ответила невысокая Горява. Голову вскинула, неспешно поправила на плечах плат. — Твой муж думает также, великая госпожа Ерислана? Так мне и передать моему супругу, великому господину Яруне? Или это лишь твои бабьи думки?

— Мне нет дела до того, кто и что думает! — Крикнула Зоряна. — Я рядом с собой эту убийцу не потерплю! Место ей — на Правежной площади!

У меня по коже побежали холодные мурашки. Раз так площадь назвали, навряд ли на ней цветочками одаривают.

Королева снова склонилась над дочерью. Потянулась, чтобы погладить её по щеке. Та ласку стерпела, но подбородок вздернула.

— Мое последнее слово — видеть её тут не желаю!

Голуба растеряно затопталась у стула дочери.

— Но, душа моя. твой батюшка прислал этих девиц, надо бы сначала его спросить. Прежде чем гнать.

— И впрямь, — громко сказала Горява, — может, лучше обратиться с этим делом прямо к королю Досвету? Он девиц прислал, ему и судить, кто прав, а кто виноват.

Ерислана скривилась.

— Но девку-то свет-королевишне потом терпеть. И думать каждый день — вдруг да отравит?

Горява чуть улыбнулась.

— Гляжу, ты, Ерислана, заботишься о благе королевишны. Не желаешь ли сама пойти к королю Досвету? И объявить ему, что свет-королевишна присланную им услужницу в страшных винах винит?

— Я сама ему скажу. — Зоряна, сопя, встала со стула. — Девки, одеваться!

Глянула на меня, сморщила нос, оскалила мелкие зубки.

— А вы обе — марш к себе! Ты, уродка, вещи собирай. Вторую, может, ещё и помилую, оставлю при себе. Обе вон!

Мы отвесили по поклону. На этот раз уже Арания потащила меня к выходу за руку.

За дверью нас поджидала Любава. Стояла посередь горницы, грудь у неё тяжело вздымалась — видать, от двери отскакивала в спешке, вот и запыхалась.

— Что там стряслось? Слышу, крики в опочивальне. Чем вы свет-королевишну огорчили? Ну-ка признавайтесь.

— Прости, госпожа Любава, но без разрешения великой принцесс ничего сказать не могу! — Звонко выкрикнула Арания. Так, что отзвуки загуляли в углах горницы.

Надрывается, чтобы королевишна услышала. Хитрая.

По лестнице мы поднялись молча. Зайдя в горницу, Арания захлопнула дверь, свирепо прошипела:

— Как она мою мать. Морисланкой! Слышала? А меня — девкой Аранькой! Меня, госпожу Серебряных Волков! Да матушка моя родом из древнейшего дома Норвинии! А меня эта немочь ещё позорнее нарекла! Меня, которая свой род по отцу ведет от великого Олгара! А Зорянка меня как крестьянку безродную, девкой Аранькой нарекла! Ненавижу!

— Так уходи. — Предложила я, думая о своем. — Тебя Ирдраары примут, укроют. Потом отправишься домой. Девки, чай, уж заждались в Неверовке.

— Ну уж нет! Мне король-батюшка хорошего жениха обещал, и без него я отсюда не уйду! — Арания скорым шагом прогулялась до окна, вернулась, сказала тихо. — Неужто все случилось из-за одного ржаного зернышка? Не могу в это поверить. С какого перепугу Любава на тебя такую напраслину возвела? Видать, не хочется ей других к королевишне подпускать. Да только на меня покуситься боязно, вдруг олгарские верчи восстанут, на правез её потребуют за напраслину. А тебя защитить некому, знамо дело, сирота, кусай где хочешь. Ко всему прочему ты ещё и травница, в ядах смыслишь. Ах, змея! Ну, посмотрим.

То ли Арания посмотрела на дверь и опознала глаз Любавы в притворе двери, как я — то ли обо всем догадалась, увидев ту за дверью опочивальни.

Я в этот миг думала о другом. Вдруг Арания не права? И Любава нашептала напраслину вовсе не для того, чтобы убереечь королевишну от других, никого к ней не подпускать, быть ей в однёху и теткой, и подругой?

Ещё вчера днем Любава улыбалась мне по-доброму. Сегодня — такое. А что случилось между вчерашним днем и сегодняшним утром? Встреча с Рогором и гостевание в покоях Граденя. Что из этого могло встревожить Любаву, да так, что она с раннего утра побежала наговаривать на меня Зоряне?

В то, что по дворцу и впрямь ходили слухи, винившие меня в смерти Морисланы, я не верила. Жильцовские женки, с которыми столкнулась вчера, после встречи с Рогором, в сторону от меня не шарахнулись, поздоровались чинно, госпожой назвали. С убийцей, да ещё с моим лицом, они бы не хихикали, как это случилось позавчера в бане.

Мне вдруг подумалось — если норвин и впрямь нашел убийцу Морисланы, может, уговорить Аранию рассказать об этом королю Досвету? И так снять с себя ложные наветы? Однако сомнения в том, что норвин разыскал истинного злодея, у меня были. И никуда не уходили. Больно уж самоуверен Рогор, чего уж там.

Я облизнула губы. Подумала — а может, и не надо никого уговаривать. Норвин ждет

легеда, Арания жаждет мести — кто я такая, чтобы мешать этим двоим? Мое ли это дело?

А если навет Любавы случился из-за того, что я ходила в покои Граденя, тогда об этом должна узнать Глерда. И как можно быстрее. Узнать бы, в какой стороне здесь Ведьмастерий.

Все это время, пока я размышляла, Арания что-то говорила рядом. Потом дернула меня за рукав:

— Тришка! Слышишь, что я тебе говорю?

— Прости, Арания.

Она прерывисто вздохнула.

— Понимаю, ты в печали. Ладно, снова повторяю — тебе нужно уходить. Прямо сейчас, в чем есть. Слышала, как королевшна кричала о Правежной площади? Ты из деревни, а потому и не знаешь. На Правежной площади правеж творят над теми, кого обвинили.

— Я не убивала твою матушку. — Оборвала я её. — Мне бояться нечего.

Она сморщилась, как будто хлебнула порченной простокваши.

— Бояться всегда есть чего. На правеже всякое бывает. Будь ты покрасивше, тебя могли бы пожалеть, поверить. Но лицо у тебя уж больно. помятое, скажем так. Ведь и впрямь подумают, что ты из зависти могла отравить.

Она вдруг резко замолчала — и глянула на меня с тенью сомнения на лице. Потом нахмурилась. Сказала ещё решительней прежнего:

— Тебе надо уйти. Скрыться. Ступай в Олгарскую слободку, к олгарскому верчу, Алтыну Берсугу. Род моего отца с ним в родстве. На воротах слободки назовешь мое имя, спросишь про дом Берсуга, тебе покажут. Стукнешь в ворота верча и скажешь, что Арания Кэмеш-Бури твоя двоюродная сестра по матери. И что она просит родича приютить тебя, укрыть при нужде. Берсуги — род Яростного Медведя. В их доме тебя никто не тронет. Олгары уродств не боятся, как Ирдраары, так что там на тебя косо смотреть не будут. Потом, как все утихнет, пусть господин Алтын поможет тебе найти купеческий обоз до Балыкова. Оттуда до Неверовки рукой подать.

— А что мне в Неверовке делать? — Я покачала головой.

Не говорить же, что перво-наперво нужно сходить в Ведьмастерий. Арания осеклась, какое-то время смотрела на меня молча. Потом тихо спросила:

— Ты что, хочешь вернуться в свою деревню? Как её. Шурок?

— Шатрок. — Поправила я. — Нет, просто. просто не хочу уезжать из столицы. Может, я никогда больше в Чистоград не выберусь. В кои-то веки приехала на столичные дивы посмотреть.

Арания одно мгновение смотрела на меня с жалостью.

— Прости, Тришка. Я и забыла, что тебя потом ждет. Деревня, где один лес да медведи. И так всю жизнь — одни сосны перед глазами. И каждая сосна похожа на другую. Ужас! Да только лицо у тебя больно приметное, с таким даже на Свадьбосев в кремль не сможешь пойти — тут же узнают и схватят.

Она вдруг трянула головой.

— Вот что. Пока сиди в Олгарской слободке, у Берсугов. И носу за ограду не высовывай. Самому господину Алтыну скажи, что я хочу повидать его на Свадьбосеве. Пусть на празднике поглядывает по сторонам — я подойду, как только верчи с королем трапезу закончат. Передам с ним весточку для тебя. Вдруг к тому времени все утрясется? А сейчас давай уходи, чего стоишь? Тришка, ну!

— Может, тебе тоже уйти? — Я глянула ей в лицо. — Что, если на меня напраслину возвели, чтобы тебя оставить одну, а потом отравить? Всяко ведь может быть.

Арания прикусила губу, упрямо сдвинула брови.

— Нет. Тебе этого не понять, Тришка. Я не хочу, как ты, всю жизнь на сосны любоваться, с медведями разговаривать. я в Чистограде жить хочу! Чтобы народу вокруг много, на праздники в кремль ходить. Чтобы хоть раз в жизни — да пройтись в цорсельском платье! Павой, чтоб на меня все глядели! Не хочу бабьей доли — у печи сидеть, детей рожать, мешки с зерном по осени считать. Вот!

Лицо у неё скривилось. Она спешно провела по нему рукой, словно стирая что-то. Кинулась к сундукам, с грохотом откинула крышку, закопалась внутрь. В сундуке что-то лязгнуло. Арания разогнулась, держа в руках тяжелый узел, швырнула на соседнюю крышку. Звякнуло грозно, тяжело. Она дернула за лямки, монеты, рассыпаясь по толстому полотну, снова звякнули.

— Вот. Возьми бельчей двадцать. нет, лучше тридцать. На первое время хватит. Берсути за прокорм не берут. Но у них принято, чтобы человек, если в дом придет, помогал.

— За этим дело не станет.

Арания улыбнулась.

— А меня всегда это злило. Только сядешь за стол, как уже орать начинают — Араниэ, собери-ка тарелки с твоего конца стола! Соседка в бок тычет — Араниэ, ты младшенькая, сбегай принеси блюдо с пирожками!

Тут в дверь осторожно стукнули. Мы обе резко обернулись, Арания округлила глаза, глянула на меня с ужасом. И быстро уселась прямо поверх денег — те звякнули под тяжестью тела, две или три бельчи скатились на пол. Сестра прикрыла ногой монетку, которая блестела на самом виду, расправила подол пошире, крикнула:

— Входи, кто там!

Дверь растворилась и вошел Ерша. Я замерла, Арания холодно сказала:

— Лицо твое помню, а имени не знаю, добрый молодец. Какие вести ты нам принес?

Ерша, не кланяясь, глянул коротко на неё, потом на меня. Когда заговорил, голос его отдавал ледником, совсем как голос Арании:

— Король-батюшка зовет к себе госпожу Тришу Ирдраар.

Сестра на мгновение привстала с сундука. Потом, видать, вспомнила о деньгах, которые прикрывала телом, бухнулась обратно. Выпалила:

— Одну? Гоже ли девице.

Ерша глянул на неё немигающим взглядом.

— Ты что хочешь сказать, Арания Кэмеш-Бури? Что в покоях короля с твоей родственницей может случиться дурное? И кто же сотворит такое — уж не сам ли батюшка-король?

Арания посмотрела на меня таким взглядом, словно прощения просила. Выдохнула:

— Нет. Это я так, по глупости спросила.

— Хорошо, когда девка свою глупость признает. — Ответил ей Ерша. Глянул на меня, вскинул брови, собрав кожу на лбу складками. — Идешь ли, Триша Ирдраар?

— Иду. — Отозвалась я.

И пошла. Только ноженьки чегой-то дрожали.

Курносый шагал впереди, размашисто, споро. Попавшаяся нам навстречу жильцовская женка, увидев его, поздоровалась. А разглядев за его спиной меня, хихикнула. Я бросила:

— Подобру.

И пошла дальше, обмирая от страха. На лестнице нам навстречу никто не попался, и я этому обрадовалась. Стыдоба-то какая — вели меня словно на правеж, хоть ничего дурного я не делала.

На четвертом поверхе Ерша распахнул передо мной расписную дверку, чуть поклонился, приглашая войти. Сам вошел следом.

Среди жильцов, что охраняли первую горницу, мелькнуло бледное лицо Держи — того немолодого прислужника, что довел нас с Аранией до горницы в первый день нашей жизни здесь. Глядел он на меня недолго, мгновение, не больше. И тут же отвернулся к окну. Вроде как и не знает. Я, проходя мимо, сказала чисто из вежества:

— Подобру тебе, почтенный Держа.

Однако он не ответил, упорно глядя в другую сторону.

Король Досвет поджидал меня в той самой горнице, где стоял стул с птичьими крыльями вместо подлокотников. На этот раз он не сидел, а стоял у окна, глядя на горевшую серебряным блеском Дольжу — там, за стенами дворца, солнце поднималось все выше. И припекало все жарче. Ко мне он так и не повернулся. Я махнула поклон, сказала, уже не заботясь, чтобы в голосе звучала мягкость, как учила меня Арания:

— Подобру тебе, король-батюшка!

Досвет не ответил, руки, заложенные за спину, не шелохнулись. Я со свистом втянула воздух ноздрями. Ну не молчать же меня сюда позвали? Правда, после криков Зоряны молчание короля было прямо-таки в радость.

Я глянула на кусок Дольжи, который виднелся в решетчатом окне поверх королевского плеча. Серебром с зеленью лилась Дольжа, шитым покрывалом лежал по её берегам Чистоград, а сверху сияло небо, по которому плыла стая снежной белизны облаков. Тишь да благодать.

Как мне хотелось в тот миг вырваться из кремля, и не высказать. Лишь одно тут держало — изувеченное лицо. Да ещё, быть может, опасение за Аранию. И хорошо бы уйти — да нужно задержаться во дворце. Ещё на какое-то время.

— Зачем ты ходила в покои Граденя?

Голос Досвета прозвучал неожиданно, и я вздрогнула. Ответила, почти не раздумывая:

— Память почтить, невинноубиенного.

— Не ври мне! — Король Досвет резко обернулся.

Губы у него были стиснуты в ровную черту, светлые с сединой брови столкнулись на переносице. Может, я и решилась бы рассказать всю правду, если бы увидела на королевском лице хоть тень доброты. А так.

А так я боялась навредить делу. Захоти Глерда, чтобы король все знал — сама бы рассказала. Но она смолчала, значит, и мне не болтать.

Я повернулась, наградила злым взглядом Ершу. Он снаушничал о покоях королю, больше никому. А должен был рассказать все дворцовым сплетникам, на худой конец собратьям-жильцам. Уж те бы расстарались. Хоть и говорят, что у баб длинные языки, но каждая лекарка знает — у мужиков языки побольше бабьих. И по длине, и по языкатости.

— Ты на моего жильца не гляди. — Громыхнул Досвет. — Отвечай, когда тебя сам король спрашивает! Ну?

Ну, чо делать — надо было отвечать. Я распялила глаза, чтоб почестнее казаться. Сказала, стараясь, чтобы голос звучал потверже:

— Правду говорю, король-батюшка. Госпожа Морислана рассказывала мне о вашем сыне. Что сгубили его злодейски, что погиб он совсем юным, а злодеев так и не нашли.

Досвет снова повернулся к окну — быстро, одним махом. Опять закинул руки за спину.

— Сам посуди, король-батюшка. — Продолжила я, глядя на его руки.

Пальцы короля сжались крепко, до белизны. Ой, худо.

— Сама я из дальнего села, таких страстей там отродясь не было. Как же не глянуть-то? Вот уж вернусь домой, всем расскажу про несчастного Граденя. И про Теменя. Не суди меня строго, король-батюшка, деревенская я, неотесанная, на что ни гляну — удивляюсь.

Досвет все молчал. Тут в разговор вмешался Ерша:

— Ты, девица, ври да не заговаривайся. Тебя у двери Граденя ещё и служанки видели. Ты не раз туда заходила. Зачем?

Выходит, те прислужницы, что по лестнице взбирались, меня все-таки углядели, только виду не подали. Все, о чем меня просила Глерда, сделано. Одним махом, за один вечер. Осталось только с ней самой повидаться.

А ещё от ложного навета очиститься. И от королевского допроса отбрехаться. Проще сказать, чем сделать.

— Отвечай. — Напряженно потребовал Ерша. — Или нам позвать королевскую травницу? Саможориха ещё в поре, сама знаешь. Чего не хочешь рассказать ты, расскажет за тебя травка. Только себе хуже сделаешь.

У меня аж дыхание осеклось. Вон чем страшат. И что тут поделаешь? Если очень припрут, решила я, выложу все. С саможорихой шутки плохи. Но до того побарахтаюсь. И зачем только Глерда не рассказала все королю-батюшке? Он, думаю, только рад был бы, поймай ведьмы того убийца.

Я вздохнула, глянула на курносого. Спросила негромко:

— Ты, выходит, для того со мной знакомился, чтобы проследить, куда я хожу и что делаю?

Он чуть голову отвел, глаза прищурил, передернул бровями. Словно в лицо ему колким снегом швырнули, целой пригоршней. Сказал с неудовольствием:

— Не трати время, госпожа Триша. Травницу позвать быстрее, чем тебя уговаривать.

Я содрогнулась. Заигралась я, ох заигралась. А сказала все равно то же самое:

— Память почтить ходила.

— Три раза? — Отозвался от окна Досвет.

Одно мне оставалось. Сказать если не всю правду, так хоть какую-то её часть. Ту, что про меня. Может, и отвлеку от прочего.

Я выдохнула, сжала в кулак снова занывшую левую руку. Глянула в спину Досвету.

— Король-батюшка, дозвожь рассказать тебе одну тайну. Если помнишь, госпожа Морислана Ирдраар вошла в твой дворец как женка королевского жильца.

Ерша глянул остро, но смолчал. Король Досвет, не оборачиваясь, неспешно сказал:

— Да, я помню. Она была замужем за Добутой Варятischem.

Ишь ты, как моего отца звали. Не просто Добутой, а Варятischem. Красиво.

Однако король ждал. Я заторопилась:

— В ту пору, как погиб королевич Градень, госпожа Морислана была в тягости. Младенец родился потом. Правда, лицо у него вышло покарябанным. Да и одна рука того, усохла...

Досвет снова развернулся. Глянул на меня так же остро, как Ерша до того. Спросил:

— Значит, ты не Триша Ирдраар, а Триша Добутовна? А почему молчала? Почему Морислана — и сам верч Яруня! — называли тебя дочерью Игора Ирдраара?

Нехорошо про мертвую говорить дурное. А что делать? И про Глерду говорить нельзя, и саможориху пробовать не хочется. Я глянула в глаза королю. Ну, где наша не пропадала.

— Король-батюшка. сам знаешь, госпожа Морислана из норвинов, а у них покалеченных детей положено оставлять в лесу. Такой у норвинов обычай, и ничего тут не поделаешь. Но матушка меня в лесу не оставила. Не смогла, наверно. А вместо того она отдала меня одной бабке на воспитание. Потом взяла к себе, дочкой двоюродного брата нарекла. Тот, говорят, пропал на границе совсем молодым, детей не оставил. Сейчас, конечно, всей правды уже не узнать — но я полагаю, сделала она это не по злобе. А чтобы не смущать свою семью. Они-то думали, что первая дочь госпожи Морисланы умерла ещё в младенчестве.

Досвет наклонил голову, глянул исподлобья, тяжело приподнимая опухшие веки.

— Яруня об этом знает? А вторая дочь, Арания?

— Нет. Матушка не желала, чтобы об этом знали. Сожалела она очень, обо всем сожалела.

Как же я врать-то выучилась, в кремле проживая — аж самой страшно. Да уж, испоганилась я тут, опаскудела.

— Пусть так. Но что ты делала в покоях Граденя, Триша Добутовна? — Строго спросил Досвет.

А тут правда кончалась и начиналась снова ложь. Не хочется врать, а надо. Иначе — саможориха. Или про Глерду рассказ. Ещё и её под беду подведу.

А ведь баба ничего дурного мне не сделала. Над уродством моим не смеялась, всю правду про моего отца выложила, не торгуясь, как Морислана. И плохого не желала — всего лишь убийца найти, мне помочь да королевство спасти.

Я опять глаза распылила. Поширше. Напомнила себе — саможориха. Содрогнулась, лицо сделалось честным-пречестным.

— Прости, король-батюшка. Захотелось мне на том месте постоять, где погиб мой батюшка, где матушкина судьба поменялась. И моя вместе с ней. Горько о таком думать, а не думать не могу. Тянет меня туда, и все тут. Не знаю почему.

Ерша вдруг кашлянул.

— Дозволь сказать и мне, король-батюшка. Если тогда, двадцать лет назад, проклятье девицу покалечило, может, сейчас в покои Граденя именно оно её зовет? Дела эти колдовские, нам, простым людям, неясные. Сами ведьмы говорили, что до конца то проклятье так и не поняли, щит сработали кое-как, по внешним чертам. Если нынче покалечим девицу саможорихой, потом никогда не узнаем, что с ней творится. А вдруг тут что серьезное?

Король вдруг шагнул вперед, ко мне.

— А к людям? К человеку какому тебя не тянет?

Надежда у него в глазах плескалась, сумасшедшая, безнадежная. От сердца у меня отлегло — от саможорихи вроде отбрыкалась. А от той надежды стыдно стало.

— Нет. — Честно призналась я.

Ерша негромко сказал:

— Скоро Свадьбосев. В кремль много народу придет, из верчевых дворцов все служки явятся. Проследить бы.

Король Досвет тяжело выдохнул.

— Быть по сему. Приказываю тебе, Триша Добутовна — на Свадьбосев пойти вместе с Ершей. Чуть что почувешь, сразу ему говори. А теперь отвечай, почему моя дочь криком исходит, убийцей тебя называет?

Врать я устала, поэтому теперь выложила все. Начав с того, как предложила Арании погадать для королевичны. Лишь о том, что Любава подслушивала у Зоряниной опочивальни, я промолчала — стыдно стало наушничать по-мелкому. Досвет выслушал, шагнул к Ерше.

— Узнай, кто заходил в опочивальню королевичны с раннего утра. Навряд ли ей наговорили на служницу вчерашним вечером — иначе она спать бы не легла, прямо ночью потребовала бы всех на правеж. Расспроси каждую девку, до последней чернавки, которая полы моет.

— Будет сделано. — Отозвался Ерша.

Досвет повернулся ко мне.

— А ты будешь служить у Зоряны, как и служила. Я тебя в Морисланиной смерти не виню — особенно теперь, когда узнал, чья ты дочь. Тайну свою храни, если хочешь. С Зоряной я уже переговорил, успокоил. Она о навете больше не вспомнит, слово мне дала. Только больше — никаких ржанных зерен или гаданий.

Неужто пронесло? А уж как близко-то было. Я закивала, потом, опомнившись, махнула поклон.

— Благодарствую на добром слове, король-батюшка. Как ты сказал, так и сделаю.

Досвет усмехнулся.

— Так и скажу. Дочка у меня — жертва. но тебе этого не понять.

И помни — как что почувешь, или покажется что, сразу беги ко мне. Жильцам в первой горнице скажешь — слово и дело королевское, они тебя в любой час пропустят.

Потом он повернулся к жильцу.

— Ерша, вызови Аленьшу.

— Сделаю.

У меня оборвалось дыхание. Верховная ведьма придет во дворец? А вдруг она расскажет королю обо мне и Г лерде? И выйдет у меня из огня да в полымя.

Из-за этих мыслей из королевских покоев я вышла на подгибающихся ногах. Курносый скользнул следом, сказал уже на лестнице:

— О том, что было — не болтай. Скажешь, вызывали из-за ложного навета, расспрашивали о госпоже Морислане.

Я кивнула. Шагнула было к лестнице, но Ерша поймал меня за локоть, развернул к себе:

— Помнишь, что я в прошлый раз говорил, Триша Добутовна? Мое слово твердое. Если тебя кто обидит, ты только скажи. Люди бывают злы.

— А как ты заступишься, станут ещё злее. — Я глянула ему в лицо.

Ерша сдвинул светлые брови на переносице.

— Как-то не подумал.

Мне бы смолчать, глазки скромно потупить, но я снова встряла:

— Не печалься. Я ж подсказала? А скажи-ка, господин Ерша, защищать меня тоже по королевскому указу будешь? Или сам решился?

Он глянул мрачно, выдохнул мне в лицо:

— Это — сам. А что до прочего. Я пес королевский, госпожа Триша. На кого укажут, за

тем и слежу. А коли прикажут, то и горло порву. Сама понимать должна, королевишна — последняя наследница Положья, после смерти братьев к ней услужниц брать боялись. Вот вас первых взяли, на пробу. Да и то потому, что вы Морислане Ирдраар — кровная родня. Она, хоть и норвинка, но королевской семье была верна.

Он не просил у меня прощения за обман. Глядел прямо, словно ждал извинений от меня.

А вот выкуси, сердито подумала я. И спросила о другом:

— Раз она наша наследница, что ж её только цорсельскому учат? Все про иноземщину рассказывают — как там в Цорселе говорят да как за стол садятся.

Ерша прищурился, улыбнулся одним краем рта.

— Ишь ты, любопытная. Не твое это дело, Триша Добутовна.

Не мое так не мое. Мне с утра и так разговоров хватило. Одно осталось.

— Ты вот что, господин Ерша. Зови меня Триша Ирдраар. Не хочу, чтобы о матушке болтали всякое. Лады?

— Лады, госпожа Ирдраар. — Жилец отступил назад, поклонился. Низко.

Пришлось в ответ тоже махнуть поклон. По лестнице уже гремели чьи-то шаги. И я заспешила наверх.

Глава шестнадцатая. По куску от каждой тайны

Пока меня не было, Арания припрятала бельчи. Едва я вошла, кинулась ко мне:

— Ох, Тришка! Только что прислужница от великой принцесс приходила, сказала завтра к ней явится. Обеим и с утра, как обычно. Простила нас великий принцесс, радость-то какая. И обвинения с тебя сняла. А что было у короля?

— Спрашивали. — Я пожала плечами. — О матушке твоей, не ошиблась ли я, когда траву определяла. Потом идти велели, королевские услужать как прежде.

Арания надулась.

— Как прежде уже не получиться. Как теперь великой принцесс понравиться, если она из дворца нас едва не выгнала? А тебя и вовсе на Правежную площадь отослать хотела.

— Не думай об этом. — Утешила я. — Король-батюшка обещал тебе жениха? Вот и жди. Его слово твердое. Помучаешься во дворце, а потом замуж выйдешь.

Арания завздохала.

— Ну да, ну да. Одна надежда на королевское слово. Раз уж я великой принцесс не понравилась.

До вечера я шила, даже почитала книжицу с цорсельскими словами по настоянию Арании. Потом пожаловалась сестре, что употела за день. Та сразу же засобиравшись в баню. Сама она помылась быстро, меня ждать не захотела. Тем более что я решила остаться и простирнуть платья — её и свое. Уходя, прощebetала:

— Тришка, ты там глянь — я днем пятно на подол посадила. Ты уж потри, не забудь!

И убежала радостная.

Я полоскалась до ночи. Отстирала платья, помучилась, выводя пятно с платья Арании кипятком и золой, потом снова ополоснулась. Жильцовские женки заходили, мылись и уходили. При виде меня все начинали переглядываться, хихикать и перешептываться. Раз два в том шепоте мне послышалось имя Ерши.

А Глерда, которую я дожидалась, так и не пришла.

Арания оказалась права — услужать королевские как раньше не вышло. Великий принцесс больше с нами не разговаривала. Обходилась одними кивками — да ещё тыкала рукой в сторону двери, если хотела пить. Арания глаз с неё не спускала, чтобы тычок не пропустить.

Зато дан Рейсор лютовал пуще прежнего. Теперь от него доставалось и Арании. На уроках он, как и раньше, долдонил про «феликий осоп император», потом принимался спрашивать — но только нас, Зоряну не трогал.

Королевишна, пока он кричал, смотрела злобно, даже улыбалась иногда.

С даном Шуйденем было полегче. Время от времени по его требованию я говорила несколько слов на ломаном цорсельском. Он кивал, поглядывал благосклонно, но хвалить не хвалил — губа у Зоряны во время его уроков все время была отвешена, а лицо оставалось кислым. Арания слов знала меньше моего, однако и на неё дан Шуйден смотрел без злости. В отличие от дана Рейсора.

На уроках истории я заслушивалась — до того ладно рассказывал дан Вергель про историю Цорсея. Вот ведь хитрая штука — как слушаешь, так вся история у них состояла из побед и разных императоров. А если вдуматься, то выходит, что из войн и смертей. Я уж дожидаться не могла, когда мы дойдем до захвата Норвинии — уж больно любопытно было,

как он его опишет.

Мастерица по цорсельскому платью в обещанный срок так и не пришла. Однако явилась на следующий день, ближе к вечеру. Была она немногословна, на все вопросы Арании отвечала одинаково — да, нет и не знаю. Глаза при этом прятала, а губы держала крепко сжатыми, ни разу не улыбнувшись.

Но работала мастерица по имени Снежка споро, как и прежде. Обрядила нас по очереди в чужеземные платья, сметанные на живую нитку, потом исколола иголками, подгоняя подол и зауживая душегрею.

Прежде я думала, что юбки на тех платьях пышные, потому что ткани на них ушло немеряно. Оказалось, все ещё хитрей. Прежде чем нарядить нас в одежды, мастерица всякий раз цепляла нам на пояс круглый, в мужскую руку толщиной, валик. Тугие душегреи с пышными рукавами, которые приходилось одевать поверх сорочиц, туго сдавливали тело. Я прощупала бока — под тканью поскрипывали железные пластины в палец шириной. Сразу вспомнились олгары, Барыс и господин Эреш, которые облачились в железные рубахи перед отъездом на границу.

Трудная, видать, жизнь у цорсельских баб, если они, дома сидючи, в одежду железки суют.

Закончив с примеркой, мастерица сказала, что сорочицы к платьям потребуются другие, не такие, как у нас. И валики из тряпок. Арания тут же спросила:

— Может, возьмешься пошить, матушка? Заплачу хорошо, знаю, что мастерство твое дорогого стоит...

Но та только помотала головой и быстро ушла, пообещав принести готовые платья через пять дней после Свадьбосева.

Арания, едва за ней захлопнулась дверь, разохалась.

— Говорила я, что нам все это выйдет боком, или платья испортит, или сошьет не так. Вот теперь и платья на праздник не оденем, и сорочицы некому заказать, валики опять же.

— Не бойсь. — Успокоила я её. — Видела я ту сорочицу на королевешне.

Арания вскинулась:

— Запомни, Тришка — не королевешна, а великий принцесс! Как цорсельцы её великую особу называют, так и ты говори! Пора нам от старины отвыкать. Попомнишь мое слово — едва великий принцесс сядет на трон, в Положье тут же новая жизнь начнется!

Я скривилась, но спорить не стала. Пусть её. Уж больно ей хотелось стать своей во дворце. Несмотря ни на что. Арания словно слышала мои мысли, нахмурилась, отошла к окну. Выждала, потом спросила тихо:

— Что ты там о сорочице говорила?

— Что видела такую. — Повторила я. — Ничего сложного в ней нет, я тебе такое исподнее за два вечера сошью. И валик, если полотно есть. Там посередке одна ткань, я уж пощупала.

Арания заулыбалась. Велела:

— И себе сшей. Две штуки, чтоб на смену было. Слышь, Тришка? Пока ты со мной, в обносках ходить не будешь.

— Долго выйдет — по две шить. Да ещё и валики.

— Ничего. Пока можно и от старых рукава отодрать, на первое время сойдет.

На этом Арания с платьями покончила, а я только начала. Шить садилась каждый вечер, дело оказалось нетрудное, к тому же от мыслей отвлекало. Себе сестра захотела сорочицы из

шелка, как у Зоряны. А мне подарила штору тонкого — хоть в колечко пропускай — полотна.

Уж не знаю, что выяснил Ерша, опросив прислужниц королевешны, но госпожа Любава исчезла. Вместо неё в покоях Зоряны появилась могучая баба, с широкой прямой спиной и пухлыми плечами. Звали её госпожа Богатея. Как я узнала из болтовни жильцовских женок в бане, родом она была из Атаньского верчества. Из того самого, где верчем сидел Егедя, брат великой госпожи Горявы.

Королевешна Богатею не любила так же, как и нас. Почти не разговаривала с ней, только иногда с отвешенной губой бросала:

— Слышь, тетка Богатея, прикажи-ка там.

Вот и все разговоры. Про Любаву все те же жильцовские женки болтали, что она вдруг страх как занедужила, да так тяжко, что ни одна травница не смогла ей помочь. Так больная и поехала на родину — в то самое Ламаньское верчество, где сидел на верчестве Медведа, муж Ерисланы и отец Согерда.

Сам Ерша попадался мне иногда в дворцовых переходах и на лестнице. Останавливался, здоровался — и больше ничего. Я отвечала как положено, отвешивала поклон, проходила мимо, потом слышала из-за спины удаляющиеся шаги. И все.

А у меня от тех шагов сердце заходило. И сразу вспоминалось, как король приказал пойти на Свадьбосев вместе с Ершей. Я уж и платье к тому дню приготовила — темно-зеленое, одно из трех, что дала когда-то госпожа Морислана.

Арания, у которой я попросила ниток, тут же дала мне большой моток белого шелка. Не рядясь и не спрашивая, зачем.

И, на время отложив сорочицы, тем шелком я вышила цветы по подолу и рукавам. Махонькие, как незабудки. Сложила их в узорочье, подсмотренное у одной девахи на королевском пиру. Только там цветы были покрупней, на первоцвет смахивали, а я обошлась мелкими. Разбросала их по ткани сначала реденько, потом погуще, а по краю вышила рядком, в кайму.

Только ворот не тронула — такой, как мне, чужие взгляды к лицу притягивать ни к чему.

Как ни странно, но немилость Зоряны оказалась нам на руку.

Едва Арания заикнулась, что ей надо сходить к родне, навестить занедужившего дядю, та сразу буркнула:

— Куда хочешь, туда и иди. И эту с собой заberi, Тришку свою.

— За четыре дня до Свадьбосева отлучусь, великий принцесс! И на следующий же день снова на службу выйду! Уж как я тебе благодарна, да пошлют боги твоей великой особе долгих лет, счастья всякого. — Затянула было Арания, но королевешна уже отвернулась.

В общем, все было не так уж и плохо. Стирку Арания скинула на меня, а потому я проводила в бане чуть ли не каждый вечер. Но Глерда все не являлась. Я почти перестала её ждать, но однажды, идя к мыльням, услышала за спиной знакомый голос:

— Добрый вечер, госпожа Триша.

Я обернулась. Ведьма стояла, упрятав руки в длинные рукава. Платье на ней было неприметное, цвета осино́вой коры.

— Подобрю, госпожа. — начала было я.

Но та меня оборвала:

— Тише. Поговорим в Кириметьевом храме, тут, в кремле. Знаешь, где он?

— Видала.

— Там и свидимся. Только ты сначала по дорожкам погуляй, кругом походи. Да не спеши, понятно? А пока ходишь, оглядывайся — чтобы никто следом не увязался.

Она повернулась и неспешно зашагала по дорожке прочь. А я, как было велено, отправилась гулять. В сторону Кириметьева храма.

Божий дом, что стоял в кремле, для народа открывали только на Свадьбосев и Зимнепроводы. Каждый день туда заходила лишь королева Голуба. По слухам, все молила Кириметь-кормилицу приголубить её погибших детей и порадовать их своей милостью. Хотя чему в Наднебесье можно радоваться? Там всем одно суждено — тенями в заоблачном мире жить.

Лишь для злодеев у Киримети-защитницы заготовлен особый прием, как мне говорила бабка Мирона. Их богиня-кормилица заставляет печалиться в Наднебесье до слез. Оттого и льют дожди на земле положской. А по зиме их слезы замерзают и падают снегом. Ну, Градень-то с Теменем точно не плачут — но и не смеются, бедолаги.

Иногда с супружницей на моление приходил и сам король Досвет. Из храма Голуба отправлялась прямиком к королевским склепам, что прятались в изножье кремлевской стены, в том месте, где ограда подбиралась к обрыву над Дольжей. Там упокоились тела королевичей. Чего только не узнаешь из болтовни жильцовских баб.

А ещё они болтали, будто ключ от храма Голуба всегда держит при себе. Может, есть и второй ключ? Или Глерда испросила у королевы позволения навестить Кириметьев храм?

Про меня и Ершу жильцовские бабы тоже сплетничали. Мол, не слишком ли часто один жилец, самому королю правая рука, с новой услужницей встречается? А раз так, то быть свадьбе если не на Свадьбосев, то уж точно осенью. Дескать, позарился Ерша на богатое приданое, а чтобы его не упустить, пустился на мужскую хитрость, ту самую, от которой платье для невесты приходится шнуровать посвободнее — чтобы пузо не обтягивало. От тех разговоров меня пробирало злостью и стыдом до жаркого пота. И сердце тумкало тревожно, вроде как ждало чего-то.

Раза два в подслушанных сплетнях слышала я про покои мертвяка, куда денно и ночью ходит новая услужница со страшным лицом. Говорили также, что я родственница помершей Морислане, а та, как известно, была норвинкой, и кровь у неё ведьмовская. Под конец в тех сплетнях все сходились на одном — в покои, где помер королевич, я заглядывала не просто так. Видать, и во мне сидит что-то ведьминское.

Вот такие туры на колесах.

Прогулялась я дальним кругом, через загон с господской птицей, которую каждый день кормила Зоряна, и через две лужайки с павлинами. Взятые в баню утиральник да сменное увернула в узел, повесила на локоть. Один раз почудилось, будто следом кто-то идет. Но когда я оглянулась, ближняя дорожка оказалась пуста. Только по дальней торопливо вышагивали две чернавки — спешили домой после работы...

Все же после того я шагала осторожно, краем уха прислушиваясь ко всему. Сделала ещё один круг по дорожкам и наконец свернула, куда велено.

Здесь Кириметьев храм по размерам был велик — наш, шатрокский, рядом с ним гляделся бы сараюшкой. Островерхая крыша рогом поднималась над рощицей святых берез, высоченная, крашенная в красный цвет и увитая резьбой по краю. Сруб для храма сложили из гигантских сосновых стволов, а дверь, порог и приступку, как положено, сладили из березовых досок. Толстых, светлых, уже перекосившихся от жары — березовая доска сохнет

криво, вечно коробом идет.

На то береза и святое дерево, чтобы не позволять топтаться по себе, не ложиться послушно под человеческую ногу. В обычной избе из березы только лучины ладят. Да и те слишком быстро сгорают, не в пример сосновым.

Я толкнула дверь — она оказалась не заперта, отворилась со скрипом. Внутри был полумрак, от семи малых окошек, прорезанных под самой крышей, света падало мало. Да и вечерело снаружи.

Глерду я разглядела не сразу, она притаилась в углу храма тихой мышью. Завидев меня, кашлянула, сделала несколько шагов к середке, туда, где стоял цельный березовый пень, укрытый алой тканью в золотом шитье — трон для Киримети-кормилицы на случай, если богиня, устав бродить по земле, захочет в своем доме передохнуть.

Я пробормотала:

— Подобрю.

Ведьма вскинула руку, сказала:

— Тихо, Полеша, эта та, кого мы ждем.

За спиной раздался шорох, березовые полы скрипнули, и я тут же обернулась. В правом углу за дверью, в сумраке, блеснули чьи-то глаза.

— Он со мной. Поди сюда, госпожа Триша. — Глерда мягко повела рукой в сторону. — Садись на скамеечку.

За Кириметьевым сиденьем и впрямь стояла скамья. На неё кто-то загодя поставил ковш с водой, и горшок, укрытый крышкой.

— Воду сливать будете? — Понятливо спросила я. — А не боитесь? Аксея-то не выжила.

Она чуть шевельнулась.

— За беспокойство спасибо, конечно. Но нам, ведьмам, привычно со смертью впритирку ходить. На границе было куда опаснее, а я там не один год провела. И потом, в отличие от Аксеи, я в воду буду смотреть через щит. Садись.

И я села.

Дело свое Глерда сделала быстро. Воду слила в горшок, попутно окропив мою голову. Потом достала узелок с солью, насыпала в мою больную ладонь целую пригоршню — и бережно приняла высыпанное на расшитый плат. Увязала, сунула в длинный рукав.

У меня опять заныла усохшая рука. Только не с устатку, а от тревоги. Разговор нам предстоял долгий. О многом мне хотелось спросить госпожу Глерду.

— А теперь поговорим, госпожа Триша. — Сказала она. Как будто услышала мои мысли. — Того, кто стоит у двери, ты не бойся, Полеша наш человек. Постоит молча, приглядит, чтобы нам не помешали. Про то, что королевшна обвинила тебя в убийстве Морисланы, я уже знаю. Но потом тебя водили к королю — а там ушей у меня нет.

Я встала со скамейки — нехорошо сидеть, когда немолодая баба рядом стоит — и выложила все. Лишь про наши с Ершей разговоры умолчала. Ведьма чуток подумала, отозвалась:

— А мы в Ведьмастерии все гадали, зачем король-батюшка выпрашивал у госпожи Аленьши, как действуют на нерожденных младенцев проклятья. Стало быть, Досвет уже знает, что ты ходила в покои Граденя.

Вот и настало время, чтобы спросить. Я подбоченилась, глянула построже — пусть не думает, что я девка простая, всякое вранье стерплю.

— А скажи-ка, госпожа Глерда, почему король не знает, что вы, ведьмы, убийцу его сына поймать хотите? Только не говори, что это не мое дело. Я ведь могу и в ту дверку стукнуть, по которой птицы порхают. Она отсюда недалече, сама знаешь.

Ведьма замерла.

— Как твоя деревня называется, госпожа Триша? Спрашиваю, чтобы знать, где такие наглые девки вырастают. И по дуге ту деревню объезжать, если что.

Я от тех шуточек только зубы стиснула.

— Шатрок моя деревня зовется, госпожа Глерда. Только какими бы наши девки ни были, ваши из Ведьмастерия их везде обойдут.

Да ещё и подметки им на ходу оторвут. Думаешь, не понимаю, что в покоях Граденя никто убийца не ждет? Врала ты мне, госпожа Глерда. Без согласия короля ту засаду не устроить, поверх один, дверь соседняя, а за створкой жильцы бдят. Помнишь, как сама говорила — из кремля ни ногой, это опасно? Выходит, ждешь, когда убийца сам меня отыщет. А я у тебя как червяк на веревке, на которого рыбку ловят. Только червяк на рыбалке рыбу редко переживает. Заглочен крючок, ушел червячок. Вот я и спрашиваю, пока ещё жива — почему король не знает об этом?

За спиной у меня кто-то хрюкнул. Полеша смеется, сообразила я. Глерда в его сторону даже не глянула.

— Если ты кому-нибудь проболтаешься о том, что сейчас скажу, госпожа Триша, худо будет всем.

— У меня тоже умишко есть. — Твердо ответила я. — Меня саможорихой пугали, а я смолчала — и про тебя, и про убийца моего отца. Если увижу, что говоришь правду, не разболтаю. Будь спокойна.

Глерда вскинула голову.

— В одном ты права — засаду в покоях Граденя нет смысла делать. Стены они и есть стены, зачем их сторожить. Помнишь, что случилось с бывшей служанкой Морисланы, Парафеной?

Я нахмурилась, но кивнула. Как не помнить. Хотя и тут кое-что не вязалось. но об этом потом.

— Из того случая с Парафеной мы поняли, что кто-то сует нос в тайны, что хранила Морислана.

— Мы — это ведьмы? — Прервала я её. — Или ведьмы вместе с верчем Яруней?

— В наше время. — мягко сказала Глерда, — сила заклятий помогает не всегда. Иногда её лучше подкреплять силой мечей. Но я говорила и говорю — не пытайся узнать слишком много, не лезь в тайны сильных мира сего, госпожа Триша. А насчет прочего ты права — мы и вправду ждем, когда тот, кто накормил Парафену саможорихой, доберется до тебя. И в покои Граденя тебя попросили зайти только для того, чтобы по дворцу пошел слух о родственнице Морисланы. Которая ходит куда не надо, из себя вся странная, Морислане родственница. Но если ты боишься.

Вот не спроси она этого, я бы точно ногами затопала. А так не стала. Не потому, что она меня пожалела — просто не хотела признать, что и впрямь боюсь.

Да и не было мне пути назад. Возвращаться прежней в Шатрок я не хотела. Была у меня охота перед Ершей павой проплыть, с новым лицом — уж такая охота, что и речи не могло быть о возвращении назад.

— Страх не стыд, глаза не выест. — Сказала я. Чуть вздрогнула — холодно было в храме

у Кирымети, сыростью от березовых полов тянуло. К ночи холодало, видать. — И когда же тот убивец на меня набросится? Где?

— Кремль под охраной. — С готовностью сказала Глерда. — Теперь, когда слухи о тебе пошли, можно и дальше идти. Вот если бы ты вышла прогуляться. тут есть одна улочка. По обе стороны торговые лавки, товары в них доставляются отовсюду. Не только с Цорсея, но и с самого Урсаима добро везут окольными путями. Шелка, платки, украшения, притирания, для баб и девок замануха. А в конце улицы лавка стоит — хозяин там глуховатый, подмастерьев нет, один-одинешенек весь день. Товар не самый богатый, зато стоит недорого, всем бедным девкам на утешение. Начнешь туда заходить, другие тоже могут наведаться. Вся надежда на то. В лавке уж все готово, ведьмы в подполе и в доме напротив засели, ждут. Потому я и не сразу пришла — готовила ту засаду.

Она передохнула, добавила:

— Совсем одну тебя не оставим. Однако случиться может всякое. Одно помни — кто бы ни был тот любопытный, убивать тебя сразу он не станет.

— Ага, сначала саможорихой накормит. — Отозвалась я.

Глерда, словно и не слышала, продолжила:

— До Свадьбосева осталось четыре дня, королевешна в Зеленый Дол поедет на седьмой день после праздника. Так что в Чистограде вы пробудете ещё одиннадцать дней. Ведьма, что ворота стережет, знает тебя в лицо, стража выпустит в любое время. Только иди засветло. Прямо с завтрашнего дня и начинай.

— Завтра не могу. — Отозвалась я.

Завтра должен был наступить четвертый день перед Свадьбосевом — тот самый срок, что назначил Рогор. Королевешна приказала пойти с Аранией, и Арания хотела, чтобы я пошла — побаивалась того, что ей предстояло увидеть. Мне и самой хотелось глянуть на убийцу матушки, понять, он ли.

Глерда молча ждала, что я дальше скажу.

— Послезавтра выйду. — Заверила я её. — После урока танцевального как раз время будет. Как та улица называется?

— Девичий ряд. Как выйдешь из кремля, по Воротной площади иди к правому сходу. Там улица будет — Старостенная называется. По ней пройди чуток и сверни на третью улицу по правую руку.

Это и есть Девичий. И пусть Трарин приведет в нашу ловушку того самого колдуна. Или того, кто его знает.

— А как же искра в узоре от проклятья у меня на лбу? — Спросила я. — Опять вранье?

— Вот это чистая правда. — Строго ответила Глерда. — Тот, кто наслал проклятье, действительно близко.

Я заметила:

— Вот и скажите о том королю.

Глерда качнула головой.

— Скажи мне, госпожа Триша — когда ты в своем Шатроке на крючок нанизывала червяка, ты знала заранее, какую рыбу поймашь?

— Нет.

— Вот и тут как на рыбалке — крючок мы кидаем, но кто нам попадется, не знаем. Теперь скажи — стоит ли идти к королю, не зная наперед, кого поймает? И поймает ли вообще? И чем нам поможет король-батюшка? Людей своих пошлет? Так они у него простые

вои, лишь на мечях умеют биться. А в засаде на колдуна другое потребно.

— Чай, врешь ты все опять, тетенька. — С сомнением сказала я. — Вон Яруня почему-то знает про ваши дела. А королю, значит, нельзя.

За спиной у меня опять хрюкнуло. Смешливый этот Полеша.

— Яруню больше заботит верч Медведа с Ерисланой, о прочем он и не помышляет. — Строго сказала Глерда. — А ты помни главное — слишком многое совпало. Кто-то накормил саможорихой ту бабу, Парафену, потом умерла Морислана, а в твоём узоре засияла искра. Мы полагаем, что во всем замешан тот, с кем Морислана когда-то схлестнулась во дворце. Наше дело его поймать, а уж потом мы доложим королю обо всем.

— Ну, допустим. — Ещё строже, чем Глерда, заявила я. — А про Парафену ничего не хочешь рассказать, госпожа Глерда? Что такое знала бедная баба? И когда начала служить у Морисланы? У жильцовских женок прислужниц нет, их тут в черном теле держат. А у Ирдрааров все прислужницы — норвинки. Выходит.

— Выходит, — подхватила Глерда, — что Парафена стала прислуживать Морислане, когда та ушла из дворца. После смерти королевича и господина Добуты.

— И что же такое она могла знать? — Упрямо спросила я.

— Не знаю. — Резко ответила Глерда. — И на этом покончим наш разговор, госпожа Триша. Скажу только одну вещь — опасайся цорсельцев, что ходят у королевیشны в учителях. Дело в том, что у цорсельских магов волшебство как раз в том и состоит, что они накладывают узоры заклинаний на разные стихии — воду, пламя, ветер, материю. К материи цорсельцы относят соль, землю, камень и железо. А у нашего Ведьмастерия, в отличие от них, узоры чистые, без всяких накладок. Так вот, та ворожея, Аксея, могла истаять, только если в слитой ею воде отразилась цорсельская магия. Для их узоров, даже разбитых на части и отраженных нашими щитами, вода и соль — это как дрова в костре. В них они отражаются, соединяются, набирают силу. Поэтому говорю тебе — бойся учителей.

— Я и боюсь. — Проворчала я.

— А мне сказали, будто ты супротивничаешь. — Заявила Глерда. — То голос повысишь на дана Рейсора, то заговоришь с ним без всякого почтения.

— Кто, я? Да я ему в пояс кланяюсь! Рот открываю, только если спросит.

— И мне дерзишь. — Укорила Глерда. — Ещё раз говорю — поберегись, госпожа Триша. Магия на тебе цорсельская, и учителя тоже оттуда. Неспроста все это.

— А что ж тогда к самой королевیشне этих паскудников пускают?

— И язык у тебя грязный. — Тут же осудила меня Глерда. — Ты ваши деревенские словечки, госпожа Триша, у себя в голове держи, но на людях не вываливай. А насчет учителей знай — будь на то воля Ведьмастерия, они не то что королевیشну, порога кремлевского не увидели бы. Но у короля-батюшки своя воля, и решения, что он принимает, не нам обсуждать. Доброй ночи, госпожа Триша, потому как на дворе уже почти ночь. Ступай к себе и помни — при цорсельцах не болтай, молчи, опускай глаза.

Ну прямо вторая Арания на мою голову.

В горницу я возвращалась притихшая. И Ершу, попавшегося на лестнице, заметила не сразу. Он сам придержал меня за локоть, коротко кивнул — вроде как поклонился. Спросил тут же, не тратя времени на здоровканье, да не мягким голосом, а резким, хоть и приглушенным:

— Откуда так поздно?

— В баню ходила. — Отбрехала я. — А что до прочего — так и тебе подобра,

господин Ерша.

Курносый жилец снова ухватил за руку, коротко буркнул:

— Поговорить надо. Дело и слово королевское, так что не кричи.

И потащил меня вверх по лестнице. Остановился только на четвертом поверхе, толкнул дверь посередке — ту, что вела в покои Теменя. Шагнул за порог, не отпуская моей руки.

У самого входа, в первой горнице, горели две свечи. Обе почти без натеков, видать, зажгли их недавно. Но дальше покои стояли темные, пустые, страшные. Ерша утащил меня во вторую горницу, остановился у окна, развернул лицом к себе. Сказал сумрачно:

— Подобрю, коль не шутишь. И поздорову, с бани-то идучи. А что волосы не мокрые?

— Ты мне муж, что ли? — Осерчала я. — Кругом шла, вот их и обсушило ветерком.

И быстро спросила, пока он молчал:

— А что случилось с госпожой Любовой? Что-то она исчезла.

Он наморщил лоб.

— Хорошо, что ты сама об этом спросила. Вот о Любаве и поговорим, для начала. Королевишне на тебя наболтала именно она. Но зачем? Может, ты знаешь?

— Да откуда? — Отперлась я. — Саму Любаву о том и спрашивайте.

Ерша придвинулся ещё ближе, навис надо мной. У меня аж ноги подгибаться начали — наверно, от смятенья, что в пустой горнице с чужим мужиком одна стою. Узнает кто, позору не оберешься.

— Я бы спросил, да только умерла наша госпожа Любава. В одночасье, в королевской горнице, едва туда вошла королевская травница с саможорихой. За сердце ухватилась и упала на пол. Ты ведь травница, может, знаешь, как убить человека за миг до допроса?

Я приоткрыла рот от неожиданности. Значит, не уехала госпожа Любава. И не заболела.

— Так знаешь? — Настойчиво переспросил Ерша.

Я мотнула головой.

— Откуда? Наши травы либо лечат, либо калечат. Но чтобы вот так, в одночасье.

— И за миг до серьезного разговора. — Прибавил Ерша. — После саможорихи Любава нам бы все рассказала — но вместо того померла. То ли горе, то ли измена. то ли и то, и другое вместе. А потому, девица, поговорим-ка начистоту. Слишком много вокруг тебя тайн. Ты, говорят, с мужиком каким-то недавно на Воротной площади встречалась. В тот же день, как к Граденю ходила. И разговоры у вас были долгие. О чем?

Я вздрогнула, облизнула враз пересохшие губы. Выходит, за мной теперь глядят постоянно, как за шkodливой козой?

Мысли заметались. Как быть? Помня, что собрался сделать Рогор. вот скажу сейчас о нем, а его тут же искать кинуться. А если найдут? Не только норвина могу под беду подвести, но и Аранию.

— Четвёрта это был. — Неспешно сказала я, припомнив имя того мужика, с которым познакомилась в Неверовке, перед самым отъездом. И дальше я говорила ровным голосом, размерено, чтобы веры было больше. — Он у Морисланы в Неверовке служил, кого хочешь спроси. Несколько дней нас с Аранией на площади караулил, все ждал, может, выйдет кто. Худого тут нет. Четвёрта домой собрался, вот и хотел от нас восточку в Неверовку привезти. А я как раз вышла на площадь перед кремлем в тот вечер, на Чистоград глянуть, полюбоваться.

— Врешь. — Сухо сказал Ерша.

Сердце у меня замерло. И что я в нем нашла? Правильно этот Ерша о себе сказал — пес

он. Собака то есть. А что королевский, так то дело второе.

— Не вру. — Упрямо заявила я. — Чё мне врать? Езжай сам в Неверовку, найди там Четвёрку и спроси у него. Если мне не веришь.

Ох ты, мать Кириметь-кормилица, попалась-то я как! Курносый жилец глаз с моего лица не сводил. И хоть лицо у него было застывшее, каменное, страху у меня все равно не было. Неверовка отсюда далеко, не один день пути, так просто мои слова не проверишь.

— Скажем, я тебе поверю. — Сказал Ерша так же размерено, как и я до этого. — А в какому дяде идет завтра Арания?

И про это уже знает.

— Меня госпожа Арания держит не за сестру, а за бедную родственницу. Если ты о том помнишь, господин Ерша. А бедным родственникам докладов не делают. — Я быстро опустила голову, вроде как засмушалась. — То ли к Ирдраарам хочет пойти госпожа Арания, то ли к своим олгарским дядям — про то мне неизвестно.

— Что ж, завтра поглядим. — Ерша чуть отступил назад.

Следить будет, поняла я. Надо бы переговорить с Аранией — да побыстрей.

— Если ты все спросил, дозвожь мне уйти, господин Ерша. Не дело честной девице с чужим мужиком в пустых покоях прятаться. Увидит кто, позору не оберешься. И так жильцовские бабы всякое обо мне болтают.

— Да ну? — Спросил он тотчас. И руку вытянул, загораживая мне путь. — И что же?

— Что свадьба у нас скоро. — Ответила я, удивляясь своей смелости. Подняла взгляд, глянула на него, устав пялиться на пол. — И что платье невесте шнуровать не придется, в расслабленном пойдет, по блудному делу. Позоришь ты меня, господин Ерша.

Он только плечами пожал.

— Разве это позор — так, бабья болтовня. А будут сильно болтать, так женюсь. Если ты, конечно, против короля-батюшки ничего дурного не замышляешь. У королевского пса и жена должна быть ему под стать — верная.

У меня зубы сами сжались. От обиды и на него, и на судьбу — злодейку.

— И не стыдно тебе. — начала было я, но тут зубы опять сжались, со скрежетом. И слезы к глазам подступили, так что пришлось их сглатывать, дышать шумно, чтоб успокоиться.

Ерша все это время терпеливо ждал. Стоял спокойно, безмолвно. Я наконец промолвила:

— И не стыдно тебе издеваться над увечной? У меня ведь только лицо да рука покалечены — а разум цел. Разве можно такую, как я, по собственной охоте в жены звать? Или ты на приданое польстился? Так мне то приданое обещали, да не дали. Так что не торопись, молодец, женихатся — дождись сначала, пока дадут.

Он ответил так рассудительно, что мне аж поплохело:

— Приданое вещь хорошая, конечно. Но жена, которая у тебя за спиной ни с кем блудить не станет, стоит дороже приданого. Я и сам не красавец, что уж тут скрывать. Мне ли за красотой гоняться?

— Ах ты, потрох смердячий. — Прошипела я. Потому как поняла если не все, то многое. И руки в боки уперла. — Это кто ж тебя так обидел, что ты бабьей измены боишься больше, чем моего лица? Я, может, снаружи увечная — а ты внутри. Что, невеста сбежала? Или уже был женат?

Он мне тут же вернул то, что я говорила раньше:

— Я тебе что, муж, чтобы на твои расспросы отвечать?

— Да не говори, — сердито сказала я. — Больно надо. Подобрю тебе, добрый молодец, бывай-прощевай.

Ерша хмыкнул:

— Я тебе разве позволил уйти? Так что стой на месте, душа-девица. Нет в тебе девичьей кротости, госпожа Триша. Вот ни на бельчу нет. А ведь кротость девку только украшает. Лицо у тебя, конечно, страшное. Но я родом с границы, изувеченных там видел много. И пострашней, чем у тебя, бывают увечья. Я к тебе с добром, а ты дерзишь, огрызаешься. Нехорошо.

Ах, чтоб его. Я зубы сжала, спросила медовым голосом:

— Так ты с Атаньского или с Новинского верчества? Они, говорят, на границах лежат.

— Я из-под Рубели. Это на северной границе.

— А что там, тоже воюют? — Медовость у меня разом улетучилась. Права была когда-то бабка Мирона — нет во мне ничего господского, не умею я долго сладким голосом разговаривать.

Ерша хмыкнул.

— Там дорога на Урьи горы проходит. А по той дороге не только самоцветы с гор и шелка из Урсаима обходом везут, но и шушера всякая гуляет. У нас ведьм мало, приходится самим обходиться. Да и то сказать — нам ещё ничего, мы с людьми деремса, а не с абульхарисами, как в Новинском или Атаньском краю.

Я прищурила глаз. Внизу, в кремлевских садах, уже зажглись фонари. Отблески долетали даже сюда — и в их свете видно было, что стоит Ерша вольно, одну руку забросил на пояс, большой палец завел за кожаный ремень. Значит, никуда не торопиться, и меня пока отпускать не намерен. Ох и раскричится Арания, если приду совсем поздно.

Однако ж мужикам много перечить нельзя — это мне бабка Мирона всегда говорила. Не ровен час, опять начнет пытаться про то, куда завтра пойдет Арания.

Так что я вздохнула и спросила:

— А сюда ты как попал, добрый молодец? К королю в услужение?

Ерша ответил неспешно:

— Из Рубели послали с письмами для нашего верча, для Ушаты.

Ну и обоз по дороге охранять приставили, что шел с самоцветами для казны. А уже в самом Чистограде я на глаза королю попался. Глянулся я ему, вот Ушата меня и освободил от службы.

Он остановился, стрельнул взглядом в окно. Потом ухмыльнулся, озорно спросил:

— А про батюшку и матушку моих ничего спросить не желаешь?

— Скучно тебе, видать, во дворце-то, — медовым голосом посочувствовала я, — раз ты всяким прохожим девкам про батюшку с матушкой рассказать предлагаешь.

Он второй раз ухмыльнулся.

— Всяким — нет. А той, с которой на Свадьбосев сам король приказал пойти, как не рассказать?

— Так то ж подневольное.

Он вдруг надвинулся, дыхнул жарко в лицо:

— А хоть и подневольное. Чудная ты, говоришь дерзко. да мне ласковых ждать не приходится. Ласковые да кроткие в теремах сидят, на меня сверху вниз глядят — мол, жилец простой, ни бельчи за душой. Поцелуй с губ сорвать позволишь, а, девица?

— Таким, как ты, с медведями только целоваться. — Серdito сказала я. — Вот как уеду, заезжай к нам в Шатрок — у меня за огородом медведище живет, чужаков гоняет. Вот с ним и нацелуешься. Вдоволь.

Ерша коротко засмеялся.

— Первый раз у меня такое — у девицы поцелуй прошу, а она меня к медведю отсылает.

— А ты больше по чужим покоем поцелуй выпрашивай. — Бросила я. — Тебя не только к медведю, тебя и к абульхарисам пошлют за поцелуями.

Ерша снова бросил взгляд в окно. И то ли построжал лицом, то ли поскуchnел. Сказал серьезно:

— Давай-ка провожу до двери, гляну, чтоб никто не увидел. Бывай, госпожа Триша, скоро опять свидимся.

Я махнула поклон. Жилец довел меня до самого выхода, сам приоткрыл дверку. Глянул наружу, прислушался — и кивнул, чтоб выходила. Я побежала по лестнице.

А Ерша зачем-то остался в покоех королевича.

Арания меня ждала. И опять мерила горницу большими шагами.

— Где ты шатаешься? — Выкрикнула она, едва дверь за мной захлопнулась. — Ночь на дворе! Я тут места себе не нахожу! Вдруг тебя отравили, или выслали прочь из дворца.

— Меня после бани жилец задержал. Тот, что к королю меня водил давеча. — Оборвала я госпожу сестрицу. — Спрашивал, какого дядю ты будешь завтра навещать. Я ответила, что не знаю. А он мне в ответ сказал, что завтра все равно узнает. Выходит — следить за нами будут.

Арания на миг притихла. Потом тряхнула головой.

— Ничего. Я их так запутаю. никто мне не помешает увидеть, как маменькиному убивцу голову срубят, никто! А сейчас давай спать. Как ты там говорила — цыплят считай по осени, а беды поутру, так? Покойной ночи.

— Покойной. — Кивнула я.

Растет девка — вот уже и мои слова повторяет.

Глава семнадцатая. Рогор и легед

Следующий день выдался хмурым. За ночь ветер нагнал тучи, те обложили небо и повисли над Дольжей волглыми серыми пологам. Арания проснулась, едва я встала с кровати. Села, глянула глазами в голубоватых кругах. Вроде как и не спала.

— Думаю, платье надо сегодня одеть потемней, Тришка. Мало ли что.

От этих слов на меня дунуло холодом. Хотя слова Арании были разумны — и впрямь, мало ли что сегодня может случиться.

Правда, мое самое темное было приготовлено — и даже вышито — для Свадьбосева. Подумав, я развязала узел и достала платье, которое привезла из деревни. Арания, увидев его, скривилась.

— Не вздумай позорить меня этим. этим мешком. Нам ещё по кремлю идти. Если у тебя нет ничего подходящего, так и скажи. Я тебе свое дам.

— Ну, нет.

Она вскочила, прошлепала босыми ногами к сундукам. Покопалась в одном из них и бросила в мою сторону платье из тонкого полотна. Такое темное, что цвет даже чернью отдавал.

— Одевай. Что бы ты без меня делала, Тришка.

Здесь бы не была, подумала я.

Рогор ждал нас посреди площади. Открыто, ни от кого не таясь. Пока мы шли по кремлю, ничьих глаз я за нами не чувствовала. Но увидев его, вдруг испугалась. А ну как следят, и прямо сейчас подбегут, начнут выпрашивать?

Но никто не подходил — даже в сторону нашу никто не смотрел. Запоздавшие прислужники спешили к воротам, на правом сходе торговали калачами. Вот и весь народ, и никому до нас не было дела. Даже жильцы на этой стороне ворот не торчали. Разве что кто-то мог спрятаться за завесой из лент, что падали со святых берез, и оттуда подглядывать.

Норвин, завидев нас, заулыбался издалека, махнул короткий поклон. Арания ускорила шаг, немного не доходя, заявила громко и твердо:

— Как здоровье моего дядюшки Берсуга, почтенный Ргъёр?

Сильно ли он приболел?

Улыбка сползла с лица норвина. То ли то, что Арания назвала его по-норвински, было знаком, то ли Рогор и сам что-то сообразил.

— Да как сказать. — Пробормотал мужик. Обвел цепким взглядом всю площадь, пожал плечами. — Так-то он вроде ничего, госпожа Аранслейг. А если посмотреть по-другому. жалуется, что болит у него это самое.

Рогор тонул. Арания сказала быстро — и опять-таки громко:

— Да, у моего дяди всегда прихватывает поясницу в середине месяца первокура, после того, как он съездит в верховья Дольжи на охоту.

— Точно! — Рогор довольно кивнул. — Вот после той охоты ваш дядя и приболел, да.

И он ещё раз обвел площадь добрым прищуренным взглядом, изучив на этот раз и дома.

— Ах, мой дядя Берсуг! В его годы беречься надо, а он. — Арания глянула влево, вправо, обижено надула губы. — А что, мы пешком к нему пойдем? Ргъёр, почему ты не попросил матушкину колымагу у дяди Ирдраара? Кстати, как он?

— Он тоже скучает. — Задумчиво сказал Рогор, не сводя глаз с Арании.

Госпожа сестрица чуть заметно качнула головой.

— Но он на охоту за тридевять земель не катается, так что с ним все хорошо. — С облегчением закончил мужик. — А про повозку твою я не подумал, прости, госпожа Аранслейг. Один из олгарских купцов, что живет неподалеку, обещал мне дать для тебя лошадь. Я и свою у него оставил. Пойдем.

Он махнул рукой, указывая на левый сход с Воротной площади. Арания двинулась вперед, я шагнула следом. Норвин оглянулся, поднял с удивлением одну бровь.

— Госпожа Триша тоже поедет с нами?

Арания вскинула голову и потупила взгляд. Г ляделась она при этом и наглой, и застенчивой — все вместе.

— Мне, девице, невместно шастать по городу одной с чужим мужиком, почтенный Ргъёр. Так что да, Триша поедет со мной.

— Легче сказать, чем сделать. — Озадачился тот. — Конь-то будет один. Даже будь их два — разве Триша умеет ездить верхом? Тебя, госпожа Аранслейг, я на коне видел, а её. конь ведь привычки требует, ещё понесет.

Но Арания не дрогнула.

— Значит, Триша сядет позади меня. Надеюсь, мне дадут крепкую лошадь?

— Купец, госпожа Аранслейг, едва услышал твое имя, сразу заулыбался. — Степенно ответил норвин. — Похоже, он знает твоего отца. Поэтому доходягу не подсунет. А мы, выходит, сейчас в Олгарскую слободку направляемся? Раз у тебя дядя Берсуг приболел?

Арания кивнула.

— Да. Мой дядя всегда мучается болями в это время года, надо бы его навестить.

Она двинулась к левому сходу. Я и норвин заспешили следом.

Двор олгарского купца, где Рогор оставил своего коня — и договорился о втором для Арании — стоял неподалеку от Воротной площади. За четвертым поворотом от площади открылись высокие резные ворота, над которыми нависал громадный терем. Толстые бревна, каждое в полный обхват, уже успели потемнеть — значит, дом стоит не первый год.

За воротами нас поджидал сам хозяин, дородный, с крупным лицом, с темно-серебряной стриженной бородой, подковой обложившей щеки. Короткую белую рубаху, шитую по рукавам и подолу завитками, прикрывала длинная, до колен, свободная душегрея. Увидев Аранию, купец переломился в поясе, выказав на загривке полоску красной обветренной кожи над воротом рубахи:

— Доброго дня! Кто ко мне пришел, сама Араниэ Кэмеш-Бури. Слышите, вы? — Он выпрямился, обернулся к домочадцам, что толпились у него за спиной. — Одна из дочерей Серебряных Волков ступила на наш двор! Что стоите? Накрывайте столы, режьте кур, готовьте свежую лапшу, доставайте самый старый мед, к нам пришла дорогая гостья! Проходи, госпожа, будь гостьей.

— Я не могу. — Свысока бросила Арания. — Почтенный.

— Кеч Мерген, госпожа Араниэ...

— Кеч Мерген, ты из какого рода?

Арания перед кланяющимся купцом стояла второй королевишной — надменная, с задраным подбородком. Или второй Морисланой, подумалось мне вдруг.

— Я из рода Ушастого Зайца, Клаклы-Куян, почтенная госпожа. Все наши земли — по речушке Илар.

— Кеч Мерген из рода Ушастого Зайца, спасибо тебе от имени моего рода. Очень жаль,

но погостить у тебя я не могу, мне нужно спешить к моему дяде Берсугу..

— Пожелайте великому Алтыну здоровья и долгих лет от простого олгара Мергена, госпожа Араниэ.

Арания кивнула.

— Передам, Кеч Мерген. Спасибо тебе за то, что сам вышел нас встретить.

— Это честь для меня, госпожа Араниэ.

Домочадцы, как я заметила, и с места не сдвинулись, пока Арания беседовала с хозяином. Хотя стояли наготове. Забавные у этих олгаров обычаи.

Рогор торчал за спиной Арании молча, с умным видом. Купец наконец заметил и нас. Сказал с широкой улыбкой:

— Подобрю тебе, госпожа. добрый день, почтенный норвин.

Мы с Рогором вразнобой поздоровались в ответ. Но Кеч Мерген нас уже не слушал, поспешно шагнул к Арании, двумя руками подхватил её ладонь. Та чуть помедлила — и укрыла руки олгара свободной ладонью сверху. Мерген заулыбался ещё шире.

— Какая честь, госпожа Серебряных Волков. Ты подала мне обе руки.

— Для меня честь — увидеть тебя, достойный Кеч Мерген. И одолжить на один день коня с твоего двора. Он сможет унести двоих?

Купец, не отпуская рук Арании, чуть качнулся назад, обозрел её и меня. Пропел через плечо длинную фразу на олгарском. Двое парней в рубахах с засученными рукавами метнулись к сараю с оконцами. Олгар тем временем отпустил руки Арании.

— Сначала я хотел дать тебе белую кобылу, госпожа Араниэ, чтобы почтить твою чистоту. но теперь дам своего Карая. Он унесет двух седоков хоть на край света. Он самых чистых кровей, его предки восходят к самому Аю-Тулпу — коню великого Олгара, Отцу Пяти Родов. Передай твоему отцу, почтенному Эрешу Кэмеш-Бури — я желаю ему здоровья и долгих лет.

— Обязательно передам, почтенный Кеч Мерген из рода Ушастого Зайца.

— И я слышал о кончине твоей матери. Бедная Морисланиэ, как она была прекрасна — да станут мои слова молитвой о ней перед Тэнгом-Небо! Что поделать, не зря же заповедано предками — у живых знай цену, у мертвых могилу. Да скачет её душа вечно на лучших небесных конях!

— Да скачет. — Ответила чуть побледневшая Арания.

Из сарая, оказавшегося конюшней, парни уже выводили гнедого конька — невысокого, с широкой спиной и мохнатыми ногами. Следом — крупного вороного жеребца.

Я уж думала, что знаменитый Карай — это вороной, но высокого жеребца подвели к Рогору. А скакун, которого Кеч Мерген так расписывали, оказался неказистым гнедым. Арания вместе с купцом подошла к нему, ткнула кулаком под ребра, проверила подпругу. Мерген склонил голову.

— Мой Карай не способен на хитрости, госпожа Араниэ. Он честный конь, никогда не надувает брюхо, чтобы подпруга легла со слабинкой.

— Каков хозяин, таков и конь, почтенный Кеч Мерген. — Арания коротко поклонилась, стоя у лошадиного бока. — Я верну его тебе сегодня же вечером.

— Даже если не вернешь, госпожа Араниэ, ничего не случится.

Ты уже заплатила мне за него — радостью видеть тебя в моем дворе и счастьем пожать тебе обе руки.

Пока они так любезно болтали, один из парней шагнул к Арании, сложил ладони

лукошком, сплел пальцы. Присел, держа руки перед собой. Арания вдруг бесстыдно задрала ногу — и утвердила её на мужских ладонях. Ухватилась одной рукой за переднюю луку седла. Парень рывком выпрямился, и Арания взлетела на коня, перекинув свободную ногу через широкую спину.

Я глядела во все глаза. Дома, в Шатроке, раза три мне довелось проехаться на лошадях — без седла, елозя сидушкой по жесткому хребту. Наши деревенские мальчишки летом после жатвы приводили коней на водопой к Шатерке. Наскоро их поили, обтирали в воде пучком травы — и пускали пастись на прибрежный луг. А сами ныряли в речку, купаться и ловить рыбу в омутках.

Тут мне наступало раздолье — с краю луга лежала упавшая старая ива, вот с неё я и запрыгивала на ту лошадь, что подходила поближе. Ещё и хлеб из дома утаскивала, чтобы подманить животину. Без узды, держась за гриву, доскакивала до ближайшего леска и возвращалась обратно. И так аж три раза.

Однако мальчишки наябедничали своим отцам, а те пошли с поклоном к бабке Мироне. Мол, придержи свою увечную, потому что добром дело не кончится — или конь её потопчет, или она одну из лошадок перепугает до сломанной ноги. Бабка сначала наорала на мужиков, а потом отходила меня хворостиной по мягкому месту.

И правильно, если вдуматься. Лошадь животное крупная, детям не игрушка. Телом тяжела, а кости тонкие. Если на полном скаку ступит копытом в норку — или охромеет, или на забой пойдет.

Так что больше на лошадях я не ездила.

Арания помахала мне с коня, и я храбро шагнула вперед. Парень в рубаше с закатанными рукавами вдруг улыбнулся, глядя на меня. Присел, выставил перед собой только одну руку. Это что же — Арании, как более уважаемой, две ладони подставил, а мне больше одной не положено?

Однако додумать я не успела. Сзади в спину меня подтолкнул Рогор. Я неуверенно приподняла ногу, молодой олгар сам поймал мою ступню ладонью, кивнул на лошадь — давай.

— За седло цепляйся. — Подказала сверху Арания. — Там под задней лукой крючки для бурдюков.

Она ткнула рукой себе за спину, я кое-как нащупала под седлом крюк — небольшой, в половину моего пальца длиной. Молодой олгар начал выпрямляться, вознося меня вверх.

— Ногу перекидывай! — Зашипела Арания.

Я суматошно оглянулась — вроде никто мне под подол не заглядывал. Даже молодой олгар, державший мою ногу на ладони, глядел прямо в лицо, открыто, честно. Я смущенно приподняла ногу. Гнедой Карай вдруг дернул крупом и сам подлез под мое колено. Я наконец уселась на лошадиный круп — с помощью олгара, крючка под седлом и коня.

— За мой пояс держись. Крепко! — Строго приказала Арания.

Сзади Рогор уже залезал на своего вороного, олгары с поклонами распахивали ворота — и гнедой Карай мелкой рысью понес нас в город. Хмурое серое небо наконец разродилось первыми каплями. Тучи, что собирались с самого утра, заморосили дождиком. Таким теплым и реденьким, что я даже не стала смахивать воду с лица.

Рогор, отъехав от купцовского терема, придержал своего коня. Нечастые капли окропили ему плечи, осели редким бисером на крупе вороного жеребца.

— Госпожа Аранслейг, за тобой следят, как я понял?

— Да. Поэтому сперва съездим к Берсугам, чтобы сбить охотников со следа — коли такие есть. А уж потом отправимся туда, куда ты скажешь.

— Поедем за город. — Тут же отозвался норвин. — Того злодея я поймал, но держать его в самом городе опасно. Вот мы и присмотрели избенку в лесу за Норвинской слободкой. Сокуг сейчас там, приглядывает, чтобы ничего не случилось. И чтоб не забрел кто, ненужный.

— Славно. — Чужим голосом сказала Арания.

И я ощутила, как она дрожит.

Какое-то время мы ехали молча — только копыта коней звонко цокали по камням мостовой, да кричали шнырявшие по улочкам мальчишки. Дождь потихоньку сошел на нет, тучи просветлели, хоть и не разошлись полностью.

Рогор то и дело оглядывался через плечо. Арания ехала неподвижная, застыв в седле гвоздем. Бока у неё под моими руками чуть подрагивали. А ещё — были жесткие, хоть и не носила она пока цорсельской душегреи. Беспокоилась девка. Дело понятное — как-никак не на гулянье ехала, а в лицо матушкиному убийцу глянуть. Поэтому я подумала и спросила, потянувшись губами к её уху:

— А что, у твоего народа две руки жать — это особая честь?

Надо ж было как-то отвлечь девку разговорами.

— Да. — Арания глубоко вздохнула, выдохнула, бока у ней чутко расслабились. — Раз подаешь две руки — значит, за оружие уже не схватишься. Знак доверия. Если это делает человек из Пяти Великих родов — честь не просто особая, а великая.

— А ты из этих самых, из Великих? — Снова спросила я. — И что это за рода?

— Есть Пять родов. — Мрачным голосом ответила Арания. — Алабуга Белые Быки Берсуги Яростные Медведи, Кэмеш-Бури Серебряные Волки, Кар-Барысы Снежные Барсы Кара-Кычек Черные Псы. Я по отцу одна из Пяти Великих Родов, госпожа Серебряных Волков. Но это все слова. А на деле жизнь даже у госпожи Серебряных Волков такая же, как и у прочих олгарок — две косы, за спиной сплетенные в одну, платье с оборками и жизнь у печи. Ну, ещё мне положено кое-что уметь — на коне скакать, волком выть, свистеть как шесть лесных птиц, из лука стрелять.

— Ты умеешь стрелять из лука? — Ухватила я за сказанное.

Пусть выговорится девка.

Арания ответила не сразу.

— Немного. Слышь, Тришка. помнишь, я тебе говорила, что олгары уродств не боятся? Хочешь, расскажу почему?

— Да! — Крикнула я ей в ухо.

Небо просветлело ещё больше — и где-то впереди на одну из разноцветных городских крыш упал первый солнечный луч. Дунул ветерок, разгоняя серую хмарь.

— Это легенда такая. — Просветила меня Арания ласковым тоном. Будто не со мной разговаривала, а с самой великой принцесс.

Не хочет, чтобы её спрашивали про лук, сообразила я. Видать, и впрямь не больно хорошо стреляет. Хотя чего тут стыдится? Я, к примеру, лука и вовсе в руках не держала. Только петли по зиме на тетеревов ставила. Ох, Арания, гордынюшки у тебя.

— Жил когда-то род, который звался гары. — Сказала Арания, пока я раздумывала. И в первый раз мягко покачнулась в седле. — В том роду жил ребенок по имени Олгар. Но в одну темную ночь враги напали на гаров. Весь род убили, а Олгару отрубили ногу, руку,

выкололи один глаз, и заставили ползти к лесу, чтобы позабавится. Но он дополз, а на опушке леса его нашла волчица. Зверь вылизал Олгару раны и принес пойманного зайца. Так он выжил. Волчица осталась с ним, она оказалась одной из дочерей Тэнга-Небо. А через десять лет Олгар вырос, смастерил себе деревянные руку и ногу, приручил одного из вражеских коней и ушел мстить. Тэнг-Небо послал ему удачу, он истребил все племя врагов. Но сам погиб. После гибели Олгара его конь, Эя-Тулп, вернулся к волчице. Оказалось, что та родила пять щенков. Через месяц все пять обернулись мальчиками. От них и пошли Пять Великих родов, которые почитают все олгары.

Арания вдруг смолкла, подалась вперед.

— А вот и Олгарская слободка! Вон, гляди, за овражком!

Улица, по которой мы ехали, укатывалась вниз. Впереди её пересекал глубокий овраг — через него, опираясь на высокие опоры из бревенчатых узких срубов, перекинулся мост. На той стороне торчал невысокий частокол, за ним высились дома. Были они точь-в-точь такие же, как по эту сторону моста — терема с широкими дворами, сараюшки и крохотные полоски огородов. Поэтому я особо не всматривалась. Зато спросила о том, что хотела узнать:

— Выходит, после того Олгара у вас не бояться покалеченных?

— Не просто не бояться. — Со значением ответила Арания. — Олгары считают уродство испытанием от Тэнга-Небо. Мол, судьба калечит лишь тех, кто способен терпением и отвагой приблизится к Великому Олгару. Воины, даже лишившись руки или ноги, остаются в строю. У моего отца в отряде есть один такой — без обеих ног. Так он почти весь день проводит верхом. Седло ему смастерили особое, с упряжью для тела.

— А кто за лошадьё ухаживает? — С дрожью спросила я. Вон чего люди делают — без ног, а дерутся. А я из-за лица и руки страдаю.

— За лошадьё смотрят другие воины. И помогают ему во всем. Потому что за отрядом, в котором воюет увечный, приглядывает с небес сам великий Олгар. Шлет ему удачу в бою. тихо, подъезжаем.

Мы и впрямь уже ехали по мосту. Поверх бревен его выстелили досками, которые по концам крепились между собой веревками. Как полотняная лента стелился по мосту настил, гладкие доски елозили по бревнам, скрипели и прогибались под конскими копытами. То ли никудышная работа — то ли нарочно так было задумано.

Вороной Рогора по настилу шел неуверенно, храпел и зло дергал хвостом. А невысокий Карай ступал ровно, по-волчьи опустив голову вниз, бухал копытами по хлипким доскам, не сбиваясь.

Из-за ворот нас окликнули. Арания приподнялась на стременах, рывкнула:

— Кэмеш-Бури!

И нам отворили.

Палаты Алтына Берсуга стояли в глубине слободки. Они и палатами не гляделись — так, несколько громадных бревенчатых теремов, собранных на одном дворе. Арания перед воротами Берсугов спешила, зашла в калитку. Я слезла с гнедого, кинулась за ней. Рогор остался с лошадьми у ворот.

На широком дворе почти никого не было — то ли все по делам разбежались, то ли народу в теремах жило немного. Лишь за воротами торчала пара олгар, одетых в рубахи, плетеные из железа. При мечях и копьях.

При виде Арании, распахнувшей калитку, олгары поклонились, даже не спросив, кто

она — видать, знали в лицо. Поздоровкались по-тутешски, смешно выговаривая слова. Арания ответила, я тоже пробормотала своё «подобру». Один из ратников развернулся, крикнул:

— Эй, там, кто-нибудь! Гости приехали, выходите, встречайте!

Из ближайшего терема на крик выскочила крупная деваха — две рыжеватые косы за спиной заплетены в одну, по подолу и переднику оборки в три ряда. Сочно взвизгнула:

— Ой, Араниэ приехала! Сестренка! Давай, заходи! Мы тут блины на курином жире нажарили, сейчас попробуешь.

— Нерен, мне нужен дядя Алтын. — Строго сказала Арания. — А своими блинами угости моего человека, он за воротами стоит.

Нерен задорно блеснула глазами.

— А он молодой? Ладно, покормим. А ты волосы распустила, прямо как тутешка! Красиво! А мне отец не разрешает, и мать ругается.

— Я теперь на службе у королевишны состою, мне иначе нельзя. — Хмуро ответила Арания.

И зашагала к терему, что стоял в глубине двора. Идя за ней, я слышала, как деваха по имени Нерен что-то прокричала стражникам у ворот — уже на олгарском, курлыкаяще, звонко. Те ответили. Загромыхали затворы, заскрипели громадные петли — для Рогора отворяли ворота. Аранию я догнала уже на крыльце. Спросила с любопытством:

— А почему олгары с тобой по-тутешски говорят, а между собой по-своему? Или ты олгарского не знаешь?

— Потому что со мной ты. — Резко ответила Арания. — У олгар считается вежеством не говорить при чужаке на незнакомом ему языке. Чтобы у человека не было ни обиды, ни подозрений.

И она вошла внутрь, сильно толкнув дверь.

Олгарский верч, великий господин Алтын Берсуг, встретил нас в горнице на втором поверхе. Был он бос, широкое тело и округлые плечи прикрывала белая рубаха без всякой вышивки. Волос рыжеватый, как у той девки, Нерен. Олгарская мужская душегрея валялась рядом на скамье — а сам он шорничал, мелким шилом накалывая отверстия на куске кожи, уложенном на деревяшку. У ног верча лежало наполовину готовое седло, с высокой передней лукой, навроде того, что было на Карае, гнедом жеребчике.

Услышав скрип петель и наши шаги, верч Алтын поднял голову от куска кожи. Лицо у него оказалось широкое, добродушное, густые темно-рыжие брови лохматились на переносице. Крупный нос походил на оплывшую каплю — били по нему когда-то, и сильно били, сразу видно.

— Хей, младшая сестренка. почему ты раньше не пришла? Слышал я про смерть твоей матери, умная была женщина — и особой чистоты, особой красоты, да станут мои слова молитвой о ней Тэнгу-Небо. Давай, садись, Араниэ. Сейчас распоряжусь, принесут медов пирогов, всего. Зарежем жеребенка, истопим баню.

— Приветствую тебя, дядя Алтын. — Твердо сказала Арания. — Ты, наверно, уже знаешь, что я теперь служаю у королевишны.

Прости, но погостить у тебя не могу, отпустили только до вечера. А мне ещё нужно съездить в Норвинскую слободку, по важному делу. Но так, чтобы об этом никто не узнал. Ты мне поможешь?

Верч быстро глянул на меня. Арания шагнула вперед.

— Это Триша Ирдраар, моя двоюродная сестра со стороны Ирдрааров. Ещё с нами поедет мой прислужник, Рогор, он сейчас во дворе. Нам нужны лошади, чтобы добраться быстро. Для всех — я навещаю тебя, потому что у тебя приболела поясница. Помоги мне, дядя Алтын, мне больше некого попросить.

— Эреш на границе? — Отрывисто бросил верч.

Арания склонила голову, всхлипнула.

— Там. А я тут, одна-одинешенька.

— Зачем тебе к Ирдраарам? Да ещё тайно?

— Это по делам матери. — Не моргнув глазом, соврала Арания.

Хотя, если вдуматься, не очень-то и соврала.

— Она приказала переправить одну вещь Ирдраарам, если с ней что-нибудь случиться. Вещицу эту мне доставили совсем недавно.

— Это опасно? — Резко спросил верч. Голос его неприятно резанул по уху.

— Только для Ирдрааров. — Объявила Арания. — Поэтому никто не должен знать, что отныне та штука будет у них.

Великий господин Берсуг нахмурился, брови, сросшиеся на переносице, вдруг встопорщились. Он враз стал похож на медведя — и лоб низкий, покатый, и рыжеватая щетина по круглым щекам торчит как шерсть.

— Дай эту вещь мне, я переправлю сам.

— Дядя Алтын. — Арания качнула головой. — Это дело семейное. Ты должен понимать. Я — Кэмеш-Бури, но и Ирдраар тоже. Ты — нет.

Верч нахмурился ещё сильнее. Но больше уже ничего не спрашивал.

— Ты же знаешь — норвины, они повязаны с колдовством и всякими амулетами. — Добавила Арания. — Это какой-то семейный оберег, который тайно вывезли с потерянной родины. Я отдам его Ирдраарам, и все будет хорошо.

Великий господин Алтын кивнул, хоть и нехотя.

Со двора Берсугов нас вывезли в крытой подводе, закидав рогожами. Выехав из ворот, возница повернул коней не к Чистограду, а в поле, что расстилалось сразу за частоколом Олгарской слободки. В лесу, что начиналось за полем, олгар свернул на полянку, загнал задом в кусты — и распряг для нас коней. Под рогожами нашлись седла. На этот раз на лошадиный круп я забралась, встав на край телеги.

— Надо спешить! — Прошипел Рогор, усевшись на невысокого гнедого конька — прямо-таки родного брата Карая, оставшегося в конюшне Берсугов. — Сокуг ждет давно, беспокоится.

Арания без слов ткнула пятками бока вороного жеребчика, на котором сидели мы.

Чистоград мы объехали по дальнему кругу, по полям и подлескам. Кони неслись быстро, несмотря на мелкие стати. Мне с непривычки дорога далась тяжело, но я все-таки усидела, цепляясь за Аранию.

В лес за Норвинской слободкой мы заехали по дороге, далекой от города. Сначала пустили коней по узкой колее, где пришлось уворачиваться от мелких сучков, лезущих в глаза. Потом Рогор свернул в лес. Там коней пришлось вести в поводу.

Невысокая избушка, по самые окошки вросшая в землю, открылась взгляду как-то вдруг, неожиданно. Рядом виднелись остатки полуразобранных сараюшек — видать, раньше тут кто-то жил, а теперь залетные гости понемногу разбирали хозяйские постройки на дрова.

Своих коней Рогор и Арания привязали у крыльца с наполовину обушившимся навесом.

Норвин чуть задержался, мазнул взглядом по лошадям, сказал хозяйственно:

— Получу легед, тоже прикуплю этих, которых олгары лишь для себя держат. А что? Конь мелкий, значит, жрет немного. А меня сегодня нес только так.

— Ты сначала получи. — Свистящим шепотом посоветовала ему Арания.

Я поежилась — до того зловеще это у неё получилось.

Арания вошла в домик первой, следом порог перешагнула я. Единственная полутемная горница на первый взгляд казалась пустой, но тишину нарушало тяжкое сопение. Со свистом, как при простуде.

Пока я оглядывалась, ища сопящего, из темного угла возле печки выступил крепкий мужик. Молча махнул нам поклон, выпрямился. Я узнала Сокуга.

— Тащи сюда. — Благодушным тоном приказал ему Рогор, хлопнув дверью у нас за спиной.

Сокуг тут же повернулся к печке, занимавшей левую половину горницы, вытянул из запечка короткую скамью, на которой, скрючившись в три погибели, сидел какой-то мужичонка. Пока задние ножки со скрипом и грохотом волоклись по перекошенным половицам, сиделец дергался и мычал. И как только не падал? Вроде бы и руками за лавку не держался.

Норвин дотащил скамью до окошек на правой стороне избы, бухнул на пол край, за который тянул. Лишь теперь я разглядела, что человека на скамье удерживали веревки. Ноги оказались примотаны к ножкам, пояс охватывала петля, конец от которой был пропущен под лавкой и прихвачен узлом. Рот пленника закрывала грязная повязка.

А вот прижатые к груди руки гляделись культиками — столько на них было намотано тряпок. Там, где прятались пальцы, по ткани шли багровые разводы.

Ясно было, что тряпки намотали не просто так — кто-то пытался остановить кровь. Которой, судя по пятнам, вытекло немало.

Пока я стояла, онемев и сжав кулаки, Арания шагнула вперед. Резко спросила:

— Что с ним?

— Да вот. — По-прежнему благодушно ответил Рогор. — Говорить не хотел. Как это у тутешей говорится — супротивничал, охальник.

На последнем слове норвина мычание пленника оборвалось. Сокуг придвинулся, вытащил из ножен тесак. Сидевший опять замычал и отшатнулся. Норвин небрежно поймал его за плечо, притянул поближе, полоснул лезвием по тряпице, закрывавшей рот.

Мычание обернулось стоном. По одутловатой щеке в полуседой щетине брызнуло кровью. Арания при виде красного дернулась, потом опустила голову и оскалилась, безглаголиво сморщив нос и задрав верхнюю губу.

— Ты кто таков? Отвечай, тать.

Пленник все стонал. Сокуг несильно хлопнул его по макушке. Голова затряслась, над опущенными плечами замотались волосы той же длины, что и у дана Рейсора, до плеч. Были они спутанные, сплошь в колтунах, залитые чем-то темным. Лишь на темечке проглядывала густая соль седины.

Покрой у разодранного и залитого кровью кафтана разглядеть было невозможно. Но с одного плеча свисала тряпочка в оборках. Белая в тех местах, где её не залило багровым. Ни дать ни взять полуотодранный воротник цорсельской рубахи, какие Зорянины учителя поддевали под свои кургузые полукафтаны. Не из наших был мужик.

Выговор у него тоже оказался иноземный — тутешские слова он выдувал в нос,

пришептывая на конце.

— Я вареский посол, Лютек Калесци, любезная дана. Или госпожа. Не могу знать имени. — Мужичонка вдруг расплакался, всхлипывая и баюкая у себя на груди перевязанные руки.

Варесия, вспомнила я, это страна между Цорселем и Положьем. Небольшая такая, по словам дана Вергеля, учителя истории. А по словам той же Арании, наоборот, немалая. И кому тут верить?

Однако не об этом мне следовало думать, а о том, какая корысть чужестранному мужику в убийстве Морисланы. Зачем он на неё взъелся? Если он в том виноват, конечно.

Я оглянулась на госпожу сестрицу — злой оскал с её лица уже сошел, сейчас она хмурилась. Сокуг снова похлопал пленника по макушке, на этот раз посильней — так, что тот затрясся всем телом и смолк. Сказал внушительно:

— Кто не хочет лишней боли, должен не хныкать, а отвечать, когда его спрашивают.

— Да что вы тут творите, изверги? — Не выдержала я.

И слова рывкнула не абы как, а голосом бабки Мироны. Каким та разговаривала с нашими мужиками, если те куролесили да мордобоем баловались.

Не подумавши крикнула, конечно. Услышав мои слова, вареский посланник снова начал всхлипывать. А Сокуг в ответ дернул его за культю, защемив конец пальцами. Хныканье перешло в вой.

Умолк Лютек Калесци лишь тогда, когда норвин опять потянулся к перевязанным рукам. А у самого в лице ни одна жилка не дрогнула.

Ох и возрадовалась я в тот миг, что не приворожила его к Саньше, как та просила. Нешто сама Кириметь-кормилица руку мою отвела? Рази ж это мужик? Нелюдь он, похуже зверя лесного. Вон Ерша, и тот добрее будет. Хитрый только, и на баб обиду затаил.

Верно бабка Мирона говорила — не суди яблоко по красному боку, не попробовав.

— Пытали мы его. — Холодно сказал тем временем Рогор. — Уж извини, госпожа Триша, но мы, норвины, не как вы, тутеши. Саможорихой не балуемся. Мы, как наши прадеды, ножом прорезаем путь для правды наружу — из слабого тела с подлой душой.

Арания, стоявшая рядом, чуть шагнула вперед. Сказала чужим голосом:

— Слышь, Тришка, нету у нас времени на всякую болтовню. Нам ещё во дворец возвращаться. Пытали, не пытали. он убивец, что ж ему теперь, сказки рассказывать? А ты, господин вареский посол, изволь отвечать. Ты убил мою мать, Морислану Кэмеш-Бури, в девицах Ирдраар?

Пленник молчал, испугано тараща глаза на Аранию. Сокуг рядом с ним шевельнулся, вареский посланник взвизгнул:

— Я! Я её убил, признаю, все признаю, пресветлая госпожа.

— Под пыткой и не в таком признаются. — Хмуρο бросила я.

Не нравилось мне все увиденное. Госпожа сестрица глянула через плечо в мою сторону, сдвинула брови на переносице. Спросила голосом, который вдруг истончился:

— Зачем же ты её убил, потрох смердячий?

Лютек Калесци со свистом втянул воздух и закашлялся. Рогор заявил напористо:

— У таких, как он, всегда есть повод кого-то убить. А долг детей — отомстить тем, кто оборвал нить жизни их родителей.

— Госпожа! — Вдруг взвизгнул Лютек. — Я не убивал! Пытали.

Сокуг двинул рукой, вареский посол осекся, тоненько завыл. Рогор сказал угрюмо:

— Снова врешь? Со мной по-другому пел.

Рука Сокуга все ещё лежала на культе Лютека. Тот слабо вскрикнул:

— Твоя правда, господин, лгу я! Сам я сгубил ту Морислану, по злоумышлению моему..

Арания отступила ко мне, я приобняла её за плечи.

Меня и то трясло, хоть я, помогая Мироне, навидалась всякого. И всяких — болящих, кричащих, порванных, израненных... Бывало, хаживала по локти в крови. А Арания к такому не привычна. Взясась играть в норвинские игры, да оказалась слаба. Её не просто трясло — у неё аж жилы на шее вздулись, лицо потемнело от нехорошего румянца.

Мала все-таки Арания для такого. Додавит её Рогор до того, что она выплатит ему легед — а ведь норвины ради бельчей невинного сгубят, по всему видать. Ах вы, щуровы дети...

Гляди за ней, сказала Морислана в тот последний день, когда ещё говорила. Убереги. Как не крутись, а придется мне старшей быть.

Я потрепала Аранию по голове, шагнула вперед, отодвигая себе за спину — пущай постоит в сторонке, успокоится. Рявкнула на Сокуга:

— А ну отойди! Отойди, кому говорю! Не замай мужика!

Тот глянул непонимающе.

— Ужо я на вас управу найду. До самого короля дойду, слышите?

— Срывая голос, пообещала я. — А мне и идти недалеко — чай, в кремле теперь живу, на один поверх повыше короля. Что, жадюги бесстыжие, одни бельчи в глазах мелькают? На все готовы, лишь бы легед содрать? Вы что тут вместо убийца нам подсовываете? Случайного прохожего?

Рука у Сокуга зачем-то легла на рукоять тесака.

— Ты это дело оставь. — Посоветовала я, стараясь, чтобы дрожь из коленок не пробралась в голос.

Даже улыбнуться попыталась, чтоб казаться поуверенней. Только губы негнулись. Расхлюпалась бы, но уж коли взялась орать на мужиков, слабину давать нельзя. Так бабка Мирона говорила.

Поэтому я подбоченилась и сказала нагло:

— А ты за ножик, Сокуг, не хватайся, не пужай девок, мы пуганые. И запомни — бельчи все одно не с нами, так что нахрапом ты их не возьмешь. Меня с Аранией королевшна только на время отпустила. Коли до вечера не вернемся, жильцы нас искать кинутся. И в Олгарской слободке скажут, с кем мы в лес поехали. А уж через твоего дружка и на тебя выйдут.

Не больно я и врала, если вдуматься. Королевшна, конечно, ради нас и бровью не поведет. А вот Ерша точно искать будет. Не ради меня — ради тайн всяких.

Имя его, пусть и не высказанное, а лишь промелькнувшее в думках, придало мне сил. Смелей живется на свете, если знаешь, что тебя есть кому искать, случись что. Особенно, если это мужик. Да ещё при мече, не страдалец какой-нибудь.

Рогор кашлянул.

— Зачем так кричать, госпожа Триша? А про жильцов ты к чему? Мы тебе и госпоже Аранслейг не враги. А варесцу ты не верь — врет он, вину с себя отводит. Увидел молодых девиц, вот и хитрит. Все знают — девки народ жалостливый.

Я топнула ногой, перекосила лицо пострашней. Сокуг отвел взгляд, убрал руку с тесака.

— Скажи мне лучше вот что, Рогор. Ты этого человека подозревал с самого начала, ещё не зная про зерно для пирожного, так?

Почему?

— Долгая история, госпожа Триша. — Туманно ответил Рогор.

Я развернулась к нему с перекошенным лицом. Он поспешно сказал:

— А мы все равно никуда не торопимся. помнишь, госпожа Триша, ту бабу, которую ты лечила? Парафену? После того случая госпожа Морислана велела разузнать о приезжих. Один из тутешей, что в Неверовке служат, по её приказу это сделал. Как раз тогда в Балыково заезжал один купец. Одет он был по-вашему, по-тутешски, но говорил чудно, как сказала чернавка с постоянного двор. И товара, как это заведено у купцов, у него при себе не было. Ещё одно люди заметили — купец тот ни с кем не торговал, ни рядился. С ним были двое, прислужник и какая-то старуха. При чем уехали они из Балыкова как раз в тот день, когда Парафену нашли на опушке.

Он замолчал. В наступившей тишине Сокуг подтвердил:

— Да, это было так.

— Одна зацепка осталась. — Довольно заявил Рогор — Конюх на постоянном дворе запомнил клеймо на лошадях. Две поперечные черты в круге. Поэтому, когда отравили госпожу Морислану, я прошелся по торговцам лошадьми в Чистограде. Клеймо оказалось известное, купца Дудяши. Он лошадей продает, а потом, если что, принимает обратно. За меньшую денежку, конечно. Говорят, зарабатывает на этом даже больше, чем на прочей торговле. Хорошее дело. Кто не имеет своего коня с возом, тот у него берет, а потом.

— Что сказал Дудяша? — Оборвала я Рогора.

Норвин обиженно выдохнул. Провозгласил громко:

— Что как раз в те дни, в конце месяца черемшаня, он продал двух лошадей и легкую господскую повозку господину варескому послу. А потом принял все обратно. Ещё удивлялся — куда варесец на шесть дней уезжал? До Варесии только в один конец конному две седмицы тащится. А своей родни в Положье у посла нет — тут варесцы не живут.

Я молча слушала. Рогор с гордостью продолжил:

— Я с самого начала все сообразил. У самой Парафены какие тайны? Значит, саможорихой её накормили из-за госпожи Морисланы. Вот у той тайны имелись, да будет она счастлива в чертогах луногрудой Трарин. А кому нужна смерть госпожи? Ответ один — тому, кто за её тайнами охотился. Потому я и сказал тебе когда-то, госпожа Триша, что Ерислана тут ни при чем. Она с госпожой Морисланой только из-за сына могла схлестнуться. Но чтоб подсылать кого-то к Парафене.

Больно уж просто все у Рогора выходило. Просто — и нескладно. Зачем убивать Морислану, если все тайны от Парафены уже признаны? А если не признаны — тогда тем более зачем?

— Потом я вышел на торговца сахарным зерном. — Радостно сказал норвин. — И дальше, через прислужника, снова вернулся к дому вареского посла. Так Ргъёру Хафсону улыбнулась удача. А вместе со мной и моему другу, Скъёгу. Потому что легед, который я получу от госпожи Аранслейг, мы поделим.

— Я поняла, Ргъёр Хафсон. — Сказала я, стараясь выговорить норвинское имя с точности так, как выговаривал его сам Рогор.

И шагнула к лавке с пленником.

— А ты что скажешь, гость заморский? Зачем ты ездил в Балыково?

Посол заскулил, ничего не говоря. Сокуг застыл рядом неподвижно, с недовольным лицом. Так что мне пришлось самой пригрозить сидевшему на скамье:

— Или говори, господин хороший, или мы уйдем, а ты останешься наедине с норвинами.

— Скъёг! — Нехотя бросил Рогор.

Норвин тут же ожил и занес руку над культей Лютека. Я поспешно сказала:

— Стой, Сокуг! А ты говори, ну! Не скажешь, так Сокуг тебе.

Сама опять сжала кулаки. Левая уже привычно аукнулась болью. Плохо человека муками стращать, а что делать? Парафену, между прочим, этот мужичонка на опушке леса бросил умирать — судя по тому, что сказал норвин.

— Отвечай, господин иноземный посол. — Посоветовал Рогор звучно.

Пленник скорчился ещё больше, укрыл руки на животе, скрючился над ними.

— Госпожа. мы, варесцы, бедные. У меня даже своего выезда нет. А тут приходит цорсельский посол, приносит письмо от моего повелителя, вареского каролуса. и кошельки с бельчами. Шесть больших кошельков, пресветлая госпожа! А ещё приказ от моего каролуса — во всем ему помогать! Нужно было всего лишь найти под Бальковым служанку госпожи Морисланы. И подпустить к ней травницу, которую приведет цорселец. Вот и все, больше я ничего не сделал! Клянусь двуединым Фрорисом! И госпожу Морислану я не убивал! Клянусь! Я просто послал прислужника, чтобы он купил сахарных зерен. Чобы моя стряпуха — а она большая мастерица по сладким булочкам — приготовила пирожное в морковных цукатах! Которое делают на день Великого Фрориса! А сам я в жизни пальцем никого не тронул!

Он опять заплакал.

— Как звали травницу? — Спросила я.

— Кулеша, пресветлая госпожа! Клянусь Святыми началами Фрориса! Провалится мне на этом месте, если лгу, прямо в чертову пасть!

Про Фрориса и черта я слышала от Вергеля и Шуйдена — первому цорсельцы поклонялись, а второго боялись. Выходит, варесцы одной веры с цорсельцами. Самым святым для него клянется, получается.

Я замерла, глядя на иноземного посла. Арания за моей спиной немного ворохнулась, коснулась моего плеча.

— Врет он, Тришка. Везде-то он замешан, и везде ни при чем? Не бывает так! Спроси хоть про Парафену.

— Верно. — Согласилась я. — Хорошо вышиваешь, господин посол, только нитка у тебя гнила и не держит шва. О чем травница спрашивала Парафену?

— Я не слышал, мне в сторону велели отойти.

— Помочь? — Буркнул Сокуг.

Я качнула головой — погоди, мол. Снова сказала этому Лютеку, наставительно, как дитю малому:

— Выходит, тебя, цельного посла, в сторонке постоять послали? И ту травницу туда-сюда свозить? Как простого прислужника?

— Все так и было, госпожа. — Пленник всхлипнул, заелозил по лавке, пытаясь отодвинуться от Сокуга.

— И чо упрямяешься, дурень? — С сожалением сказала я. — Ты хоть на лицо мне глянь. Думаешь, я тебя пожалею?

Иноземный посол прерывисто задышал.

— Ну, как хошь. — Я пожала плечами. — Если ты так желаешь снова с норвинами

побеседовать, разве ж я тебе супротивница?

И развернулась, вроде как уйти собираюсь.

Пленник завопил, бухнулся на колени. Вместе с ним упала и лавка, так что на коленках он не устоял. Звучно грохнуло — это он ударился лбом об половицы. Завыл дико от боли, видать, потревожил перевязанные руки.

— Стой, госпожа! Все скажу, стой! Парафена. она раньше не Морислане служила, а королевичу Граденю! В няньках у него состояла! А я должен был узнать, куда могли спрятать королевича. Потому что он жив, жив, жив.

У меня аж сердце остановилось — и несколько мгновений я не дышала. Стояла столбом, не жива, не мертва. Рядом пискнула Арания:

— Как же так. стало быть, великий принцесс не наследница трона? Как же это.

Норвины стояли задумчивые. Потом Рогор, самый разговорчивый из них двоих, пробормотал:

— Король не может о том не знать. Раз уж даже чужеземцы знают.

Я шагнула к лежащему на полу Лютеку.

— А зачем цорсельский посол не поехал с травницей сам? Зачем тебя послал? Что в тебе такого, зачем ты ему нужен?

Лютек Калесци кое-как перевалился на бок, сказал, приподнимая от щелястых половиц лицо с дрожащими губами:

— Дан Вухсер, посол Цорселя, не знает тутешский так хорошо, как я. Он мог не понять эту. Парафену. И никто из тутешей не должен был слышать, что скажет нянька. Травницу, как только она дала той бабе злой травой, я отослал в лес.

— И где же королевич? — Выдохнула Арания. Тоже подошла к Лютеку, притопнула ногой — аж половица под ней затряслась. — Говори, не то снова велю пытаться!

Пленник судорожно выдохнул.

— Парафена не знала. сказала только — увезли, спрятали. И что королевич ослеп после того случая во дворце. А ещё она сказала, что хозяйка её тоже не знает, где королевич — увозили его мужики в кольчугах, в шлемах с личинами.

Думки мои полетели шальной зимней вьюгой, выметая все прочие мысли. Выходит, проклятье королевича пощадило. Не зря Морислана стояла над ним со щитом. Пощадило, но изуродовало. Может, потому его и спрятали. Какой из слепого да увечного король?

Про то, в какой стороне его спрятали, я сообразила сразу. Меня те мужики в личинах не обманули. У олгаров, где ж ещё? Муж у Морисланы из них, опять же увечных у них почитают — из-за той истории с великим Олгаром. Лучше места для бедолаги и не найти.

Вспомнилась мне и Глерда, сказавшая — не лезь в тайны сильных мира сего. Вот стою я, вот стоит Арания — и вот перед нами тайна. Не наша. Огнем жгущая. Королевская. Морисланина. чья ещё? Может, Ведьмастерия? Да и цорсельцы про то уже прознали.

Наше ли это дело — знать, что королевич жив? Вдруг норвины пойдут чесать языками? Если все выйдет наружу, всем не поздоровиться. И Арании, и норвинам, и мне. А сильней всего может не поздоровиться королевичу. Жалко увечного. Зачем его ищут цорсельцы? Не лечить же собрались?

— Что ещё сказала Парафена? — Громко спросила тем временем госпожа сестрица. Голос её дрожал от нетерпения.

Вот ещё напасть. Не понимает девка, куда суется. Я притянула её к себе за локоть, сказала на ухо:

— Слышь, госпожа Арания. ты ведь во дворце своей хочешь стать, так? И чтобы король-батюшка тебе хорошего жениха нашел?

А ну-ка подумай — как он посмотрит, если всякие встречные-поперечные о его спрятанном сыне прознают? Да ещё и увечном?

Арания на мгновение замерла. По лицу было видно, что она думает. Потом ответила с легкой злостью в голосе:

— А кто ему скажет — ты, что ли?

Я молча кивнула сначала на Сокуга, потом на Рогора.

— Они мои прислужники. — Надменно заявила Арания. — Я им плачу, они мне служат. И молчат, если прикажу.

— Вот, кстати. — Тут же оживился Рогор. — За прошлый месяц, черемшань, у нас жалование не получено. На пропитание и прочее. По десять бельчей на каждого выходит, госпожа Аранслейг! Ещё бы про легед поговорить.

Я показала ему кулак здоровой руки, он у меня покрупней и выглядит повнушительней. Посоветовала:

— И думать забудь. Иначе госпожа Арания счас вспомнит, как ты её обмануть пытался.

Рогор нахмурился, но ничего не сказал. От него я повернулась к госпоже сестрице. Укорила:

— Видишь? У этих все мысли о деньгах. Только я их не виню — ты ж тех норвинов в старости кормить не будешь, верно? Вот они и крутятся, чтобы заработать на дом с хозяйством. Чтобы было где голову преклонить.

— Сушую правду говорит госпожа Триша. — Растроганно подтвердил Рогор. — И я о своем доме мечтаю, и собрат мой Скъёг. Сами мы из бедного рода, не то, что Ирдраары, у нас даже общинного дома нет.

Я на него оглянулась, и в голову мне пришла ещё одна мысль.

— А вот давай спросим у Рогора. — Предложила я задушевно. — Мужик он разумный, в жизни понимает.

— Да, это так. — Подтвердил Сокуг со своего места.

— Скажи, Рогор — если простой человек вдруг узнает тайну человека знатного, что ему будет?

— Убьют. — Не раздумывая, ответил норвин. — Если только он не придумает, как добыть на этом денег, а потом сбежать.

— Я те дам — добыть денег. — Рывкнула я. — Тут чужое дите замешано. На родительском горе собрался свой дом строить, бесстыдник?

Рогор пробурчал:

— Можно и без денег. А бежать все равно придется. Какая ж это тайна, если её простые люди знают?

Плечи у меня под платьем пошли гусиной кожей. Вот и я о том же подумала. Только мне бежать из Чистогграда нельзя. А если промолчу, то на руку цорсельцам сыграю. И бежать плохо, и молчать стыдно.

Я мотнула головой, отгоняя сомнения. Решение я уже приняла, осталось только заставить всех сделать то, что мне нужно.

— Слышала Рогора? — Я глянула на Аранию. — Уяснила, о чем речь? Решай, госпожа Арания. Хочешь остаться в кремле или бежать? Хочешь прожить всю жизнь в деревне или дожидаться от короля жениха?

Все-таки Арания соображала быстро, когда ей надо. Сестрица насторожено собрала брови на переносице, спросила с опаской:

— И что для этого нужно?

Я додумывала свои думки, поэтому не ответила. А вместо того повернулась к Сокугу:

— Помоги-ка мне этого страдальца с пола поднять. Да осторожнее ты, нелюдь! За локотки бери, не за культи!

Мы вздели вверх Лютека, который снова начал дрожать и плакать. Перевязать бы варесца, нужные травы можно и в лесу найти. да только где взять чистые тряпки для перевязей?

— А теперь так. — Сказала я. — Ты, госпожа Арания, сейчас вместе с Рогором вернешься в Олгарскую слободку, к своему дяде. И будешь там ждать. Если я сумею договориться, тогда передам весточку или сама за тобой приду. После того можно будет и в кремль вернуться. Если же не сумею, пусть тебя родня спрячет.

— А с кем ты будешь договариваться, Тришка? — С подозрением спросила Арания. — С самым королем? Да он сразу же нас всех в застенки отправит, чтоб не болтали! Или того страшней — его меч, наши головы с плеч!

Дошло-таки.

— Нет, не с ним. — Я прикусила губу, но все же решилась. — С одним королевским псом буду говорить, вот с кем.

И зачем я вслух Ершу псом назвала? Аж самой тошно стало. Чтоб не думать об этом, я быстренько развернулась к Сокугу:

— Есть у тебя свой конь?

— Откуда? — Пробормотал тот. — Мы одного коня в складчину взяли. Для дела. На нем Ргъёр уехал.

А тот остался в конюшне Берсугов. Вот незадача.

— Значит, поедешь вместе с Рогором и Аранией. — Решила я. — Потом из Олгарской слободки поскачешь к кремлю. Спросишь у жильцов на воротах Ершу. Как только он выйдет, скажешь ему, что Триша Ирдраар ждет его в лесу за Норвинской слободкой, сказать кое-что хочет. И укажешь сюда дорогу. Понял?

Сокуг молча кивнул. Рогор тут же спросил:

— А почему ты его посылаешь, госпожа Триша, а не меня? Из Скъёга каждое слово клещами тянуть надо.

— Как раз поэтому. — Я глянула на Сокуга. — Много не болтай, слышишь? Если Ерша спросит — ты ничего не знаешь, тебя об услуге попросили, вот ты и услужил, по старой памяти. И.

Я вдруг задумалась — а если Ерша заподозрит какую хитрость, начнет допрашивать Сокуга, вместо того, чтобы приехать?

— И вот ещё что. Скажи, что Триша Ирдраар просила передать ему поклон от дочки Добуты Варятича. Повтори.

— Поклон от дочки Добуты Варятича. — Послушно сказал Сокуг.

— Кто это? — Удивилась Арания. — Этот Добута Варятич? И дочка его?

— Дед пыхто с пыхтовишной. — Я развернула её к двери, легонько подтолкнула в спину. — Не бери в голову. Ну, ступайте, храни вас Кириметь-кормилица. Не мешкайте.

— А ты? — Всполошилась Арания. — Останешься одна с этим? И кто этот Ерша? Тришка, ты у меня за спиной с кем-то снюхалась?

— Увидимся, тогда поговорим. — Твердо пообещала я. Глянула на норвина. — Рогор. Он понятливо кивнул, подхватил Аранию за локоток и потянул к двери.

Глава восемнадцатая. Торг за тайны — тайный торг

Норвины с Аранией ушли. Я выждала, пока они отъедут от избы подальше, потом вышла.

За поездками и разговорами время прошло незаметно. День перевалил за полдень, небо меж деревьями сияло чистой голубизной, навроде цветочков на льне. От утренних туч и следа не осталось.

Прикрыв за собой дверь, я глянула на едва заметную тропку, уходившую под деревья. Выйдет ли по-моему? Согласится ли Ерша приехать сразу же, без лишних расспросов? И смогу ли я уберечь от беды всех — Аранию, себя, норвинов. пусть они и злодеи, но даже в них есть что-то хорошее. Только сразу его не найдешь — прежде на них надо долго ногами топтать и кулаком грозить. А ещё лучше грозить не кулаком, а самим королем. Что я и сделала.

Старая ель по ту сторону прогалины, где стояла избенка, качала лапами, словно здоровалась и утешала. На прогретой солнцем прогалине пели кузнечики, но из-под деревьев тянуло прохладой. Я подперла дверь осиновым колышком, что нашелся рядом с прогнившими ступеньками. Там же, у крыльца, отыскала ржавый обломок — то ли отломанный конец старого серпа, то ли лезвие от сточенного ножа. И отправилась в лес, взяв его с собой.

Трясица, что прихватывает разрезанные жилы, и семицвет, который останавливает кровь, нашлись быстро. А вот живолист, придающий силы и заживляющий раны, попался не сразу. Далеко уходить я не хотела, вдруг явится кто незванный, да увидит замученного в избушке — поэтому прошлась лишь по ближним чащобам. И вскорости завернула назад.

Там-то, на обратном пути, и попался мне на глаза живолист — длинные острые листья, поверх которых на стеблях покачивались мелкие желтые цветы, по пятку на каждую гроздь. Да не где-нибудь попался, а под разрушенной сараюшкой со стороны леса. Милостива оказалась Кириметь-кормилица к господину варескому послу. Вот и дикий живолист рядом с брошенным жильем прорастила, редчайшее дело для этой травы.

Прежде чем вернуться в избу, я бесстыдно завернула подол, пропорала сорочицу подобранным обломком и отодрала от неё четыре полосы. Одежку, конечно, напрочь испортила, она у меня теперь походила не на исподнее, а на ночную душегрею бабки Мироны. Зато было чем перевязать руки послу.

То, что открылось у господина Лютека под повязками, я до самой смерти не забуду. Какой там семицвет с трясицей — поздно, вместо пальцев одни пеньки кровавые остались. У меня инда слезы наворачивались, пока я те изувеченные руки обкладывала перетертым в жмени живолистом и перевязывала.

Желание мое — уберечь от беды всех, и себя с Аранией, и норвинов — теперь гляделось по-другому. Может, и не стоило норвинов-то уберегать? Вон ведь что сотворили с живым человеком.

Лютек Калесци плакал, пока я трудилась над его руками.

Называл меня пресветлой госпожой и умолял отпустить, даже про детей рассказывал. Я затянула последний узел на повязках, выпрямилась. Украдкой утерла слезу. Да только плачь не плачь, а варесец сам беду на себя накликал, поехав к Парафене. Не брал бы у цорсельца кошель, не ехал в Неверовку — сидел бы сейчас дома, без денег, зато в добром здравии.

Плакал господин иноземный посол так жалостливо, что у меня прямо руки чесались отвязать его от скамьи. И отправить домой. Жалко было увечного, болящего. Приходилось все время напоминать себе, что королевича, к примеру, никто не пожалел.

Как и отца моего, и Парафену с Морисланой. Сколько уж людей загублено, а теперь охотятся за последним выжившим королевичем. И Лютек на той охоте вместе с цорсельцами бежит, в их своре. Вот пусть Ерша, а через него и сам король, на посла глянут, его дело рассудят. А коли захотят, так и домой отправят.

Я вздохнула. Попросту пожалеть было бы не в пример легче и проще. Однако как по-бабьи жалеть там, где чужое дите замешано? Поэтому я отвернулась, проморгалась, глаза насухо утерла рукавом. И спросила с показной строгостью:

— Скажи-ка мне, господин посол — неужто норвины не спрашивали, зачем ты ездил к Парафене?

— Спра-ашивали, пресветлая гос-спожа. Я им сказал то же самое, про травницу. Мол, подвел её к бабе и ушел.

— И они поверили? — Ещё строже прежнего спросила я.

Господин Лютек кивнул.

— Что ж ты всей правды им не сказал? Вдруг поверили бы, мучить перестали?

Вареский посол блеснул голубыми глазами, тонущими в слезах.

— Двуетинный Фрорис и два его лика. госпожа, норвины желали только признания в смерти Морисланы. Скажи я правду, они все равно продолжили бы, все из-за той проклятой норвинки, да отправит Фрорис её душу прямиком.

— Ты язык-то не распускай! О тетке моей говоришь. — Оборвала я его.

И сама на себя озлилась. Какой спрос с болезного? Правда, заплаканные глаза иноземца на мгновение глянули ненавидяще, вроде как даже просохли от слез. Может, померещилось. А может, и нет — от боли люди добрей не становятся, только обиду и злобу таить начинают.

Я сморщилась, потерла увечную руку, заляпанную чужой кровью и размятой зеленью. Попить бы. с утра во рту ничего не было, губы пересохли. Да и варесца следовало напоить. По-хорошему, ещё и накормить бы, однако где тут возьмешь еду?

Вода нашлась на задвинутом в угол столе, увешанном паутиной, как скатеркой. Плескалась она на самом дне сбитого из досок ведра. Я углядела на полке кружку, ополоснула, обтерла её подолом — все чище. Сначала сама глотнула прохладной воды, пахнувшей трухлявым деревом. Потом отнесла полную кружку варесцу, напоила его из рук. И спросила, едва он перестал хлебать:

— Что ещё знают цорсельцы о королевиче?

— Ничего, пресветлая госпожа! — Лютек смотрел жалобно, глазами помаргивал, слезы с ресниц сбивал. — Разве мне доверят большие тайны — я человек маленький, подневольный. Отпусти ты меня, Фрорисом молю! Заплачу щедро, всю жизнь буду молиться только за твое здоровье.

Я молча мотнула головой. Нельзя его отпускать. Вдруг ещё какие тайны знает? К тому же, если Ерша приедет, Лютек не к норвинам отправится, а к королю и его жильцам. Те варесца и пальцем не тронут — к чему, если саможориха в самой поре?

Первый раз в жизни я задумалась тогда, так ли плохи травы, что мы зовем калечащими. Будь у норвинов саможориха, они бы иноземца не мучили.

А с другой стороны — если ту же саможориху будет иметь каждый встречный-поперечный, добра не жди. Жена блудному мужу её подсунет, купец другому купцу. По всей

стране обеспамятевшие загуляют.

Я подтащила лавку с послом к стенке, чтоб он мог откинуться назад, дать спине роздых. Сама спешно вышла из избы, присела на ступеньку. О многом мне надо было подумать — а иноземный посол все молил, чтобы отпустила. Какие уж тут думки, только успевай слезы вытирать.

Под елями на той стороне прогалины тени становились гуще, солнце потихоньку укатывалось за окоём. Глядя на тропинку, я размышляла — чем же мне взять Ершу? Норвинов я напугала королем, Аранию — упущенным женихом. А Ершу вроде бы и пугать нечем.

Значит, придется торговаться. Правда, мне ещё не приходилось таким делом заниматься. Когда в Шатрок с товарами наезжали торговцы, Гусим или другие, бабка Мирона за покупками всегда ходила сама.

Но я с ней вместе гуляла, и все её ухватки выучила наизусть. Тут главное зайти издалека. Сначала следует спросить о ненужном тебе товаре. Потом за другой ухватится, но только за такой, который тоже без надобности. А уж потом можно браться за то, ради чего пришла. Только глядеть на товар нужно с небрежением, изъяны в нем находить и пальцем в них тыкать.

В общем, дело нехитрое. Я уложила на колени руки, прикрыла глаза и начала обдумывать все то, что хотела сказать Ерше.

Так и задремала, вся в думках. Пробудило меня ото сна конское ржание. Открыв глаза, я увидела сначала Сокуга, который выходил из-под еловых лап, ведя в поводу вороного. Следом показался Ерша, с золотисто-гнедым жеребцом. Бродить под елками гнедому не нравилось, и он упрямылся, дергал головой и недовольно ржал.

— Подобрю тебе, господин Ерша! — Задушевно сказала я, поднимаясь со ступенек.

— Поздорову. — Отрезал он. — И кого ж ты навещаешь в заброшенной избе посередь леса, а, красна девица? И где госпожа Арания?

Я вместо ответа глянула на Сокуга.

— Иди в избу, посиди там малеха. Лады?

Норвин неохотно кивнул, двинулся к крылечку. Ерша, недобро усмехнувшись, сказал ему вдогонку:

— Станный мужик у тебя на посылках бегают, госпожа Триша. Меня куда послать не хочешь?

Я махнула ему поклон прямо со ступенек — едва вперед не кувыркнулась. Сокуг, который уже подходил к крыльцу, отпрянул в сторону.

— Тебе, господин Ерша, я приказы давать не буду. Не смею!

Вот за эти слова я сама себя похвалила. Все говорили — Тришка, деревенщина, где твоя девичья скромность. а я таки научилась голубиную кротость выказывать, когда мне надо.

— А вместо того, господин Ерша, прошу, прогуляйся ты со мной в лесок! Хочу с тобой словом перемолвиться.

Взгляд у курносого жильца стал острее ножа. Однако мне он ничего не сказал, одним кивком обошелся. Привязал своего гнедого рядом с вороным Сокуга, развернулся и размахисто зашагал в лес. И все это — молча, вроде как на такую, как я, ему даже слово потратить жаль.

Пришлось за ним бежать, чтобы догнать.

По лесной тропке Ерша отмахал немало, прежде чем остановился. Отступил от стежки,

сел на ствол упавшей сосны и упер кулак правой руки в колено, оттопырив локоть. Глянул из-под спутанных волос цвета спелого колоса — волком глянул, по правде говоря.

— Зря ты туда сел, ещё живицы на штаны насажаешь. — Сказала я. Пущай видит, какая я заботливая. — Из упавшей сосны смола даже сильнее топится, чем из живой. Лучше постоял бы рядом.

Он меня перебил:

— Отвечай — что здесь делаешь ты, что здесь делает норвин и где твоя сестра Арания?

— А скажи-ка, господин Ерша, почему королевешну Зоряну взаперти держат? И к народу почти не выпускают? — Вопросом на вопрос ответила я.

У Ерши глаза сузились.

— Мы сейчас не о том говорим.

Я его перебила:

— Ты сначала меня до конца выслушай, добрый молодец, а потом и судить будешь, о том или не о том. Так пошто королевешну Зоряну растят как чужую, без подружек, и учат всему цорсельскому? Замуж за цорсельского принца готовят?

Ерша вскинул выгоревшие до белизны брови, сказал с насмешкой:

— А ты догада. Вот только не в свои сани не садись, не за свое дело не берись. Хотя чего уж там, догадалась — и Кириметь с тобой.

Я опешила. Выходит, свадьба уж скоро, раз королевский пособник так легко в этом признается.

Ладно, к первому товару приценились, подумала я. Помоги мне, Кириметьюшка — за вторым пощи.

— А чего олгарский верч не в кремле живет, господин Ерша? Все тутешские верчи за кремлевской оградой, в каменных палатах сидят. И только Берсуг, Араньин дядька, в Олгарской слободке кукует.

Вот тут курного проняло. Кулак с колена враз соскользнул. Голову он вскинул, бровями передернул.

— Это тот, к кому вы сегодня ездили? Говори, что знаешь. Говори!

Я ответила со всей строгостью:

— Заигрался ты со своими хитростями, господин Ерша. Я не потому тебя спрашиваю, что знаю. У нас, у простого люда, все по-простому — если мы спрашиваем, значит, не поняли. Да ладно, не хочешь, не говори.

— Ты меня в лес зазвала, чтобы спросить о Берсуге и свадьбе королевешны?

— Да не только. — протянула я.

— Зря я тебя тогда от саможорихи спас. — Сказал Ерша. И чуть пристукнул сжатым кулаком по стволу коряги. — Надо было сразу из тебя все тайны вытрясти. Больно уж ты вострая, лезешь куда не надо. А съела бы листик, все бы рассказала. И ходила бы сейчас по кремлю тихая, послушная. Не девка, а мечта!

— Грозишь? — Прямо спросила я.

— Мечтаю.

Сколько ни тяни, а пора и к главному приступать. Я скромность на лице изобразила, но глаза в землю втыкать не стала — на Ершу уставилась, чтобы за ним уследить.

— Если одна девка случайно важную тайну узнает, что ей за это будет?

— Смотря какая тайна. — Курносый тоже глаз с меня не спускал. — Однако у нас в Положье с девками и бабами не воюют. У положских воев и получше враги имеются, мы до

бабьего племени не опускаемся. А если какая-деваха узнала что-то, для девичьих ушей не предназначенное, то её, скорей всего, отправят в дальнее верчество и выдадут тамзамуж. Не за земельного, нет. Земельные у нас то тут, то там воюют, им за женами приглядывать некогда. За графу выдадут. Те по своим верчествам безвылазно сидят, доверенные им углы стерегут. Чтобы указы выполнялись, чтобы подати собирались, чтобы земельные на границы вовремя собирались. За своим графеновым уделом приглядывают, вот и за супружницей заодно присмотрят.

Стать женой графы? Арания бы согласилась, но только если супруг живет рядом со столицей. Тут-то и незадача, потому как Ерша ясно сказал — отправят далеко. Да и мне такое не подходит. Ох, навряд ли мы с ним договоримся.

— А если вместе с той девкой тайну узнал один прислужник?

Курносый вскинул одну бровь. Коротко глянул за мою спину, в сторону избушки, где остался Сокуг. Сказал скучным голосом:

— Это — потрудней. Но ведь тайны, госпожа Триша, они навроде яблок. В свой срок наливаются, и в свой же срок усыхают. Сегодня яблоко налитое, глаз манит, а через несколько месяцев сморщенное да засохшее, не людей им угощать, а скоту отдавать. Поэтому, если одной девице так важно, чтобы её прислужник жив остался, можно его просто подержать под замком. Пока тайна не усохнет, как то яблоко. И девица в том может полностью на меня положиться — я своему слову не изменю, что бы она не узнала. Ненужного душегубства не терплю, мне и нужного хватает.

Сразу две вещи сказал мне Ерша — во-первых, что простит, и во-вторых, что есть какая-то тайна, которая вскорости откроется. Вот только о чем он говорил? О том, почему Берсуг не живет в кремле? Или о том, что королевична выйдет замуж за цорсельца? Или король все-таки покажет народу увечного королевича? Вот и гадай.

— А если та девица. если она тайну узнала, когда неположенное совершала? И прислужника того принудила себе помогать? Что ей будет за неположенное?

— Что натворила-то? — Прямо спросил Ерша.

Я на одном дыхании выпалила:

— Приказала прислужнику разыскать убийцу моей матери.

Строгий наказ ему дала, и легед пообещала.

— Это норвинский выкуп за кровь? — Понятливо спросил Ерша. Прищурился с недоверием: — Откуда у тебя деньги, Триша?

В первый раз он меня Тришей назвал. Не красной девицей, не госпожой Тришей, а просто — Тришей. Ушам пожарчело, я судорожно вздохнула. Ответила, распылив глаза по-честному:

— Матушка немного оставила, в наследство.

Ерша глянул с насмешкой, но спросил уже о другом:

— Так нашел твой человек убийца?

— Тут ошибка вышла. — Промямлила я. — Там ещё кое-что приключилось.

И выложила все подчистую — о Парафене, об иноземных послах, а потом и о тайне королевской, про выжившего королевича.

Когда я смолкла, Ерша молча встал. Шагнул ко мне, схватил меня за локти, одним махом приподнял над землей, да так, что мое лицо оказалось прямо напротив его лица.

И заглянул мне в глаза — остро, страшно. Словно я в колодце сидела, а он, стоя над колодезным срубом, вниз глядел да решал — вытаскивать меня или нет?

Со страху я громко сглотнула. Неужто не поможет?

— Ты хоть понимаешь, куда ненароком ступила? — Спросил Ерша, все ещё держа меня над землей. С натугой спросил, словно каждое слово давалось ему с трудом.

— А то. — Пробормотала я. — Нешто я такая глупая? Только я ведь не нарошно. Так уж сошлось, что моя семья с королевской оказалась повязана. И там, где их злыдни — там и мои злыдни.

Ерша отпустил меня так резко, словно хотел мною землю проломить. Колени у меня разом подогнулись. Я оступилась, едва удержалась на ногах. Курносый зло ощерился.

— Не туда ты влезла, девица. Такая тайна как пламя — человека жжет.

Убьет, подумала я. Ох, Кириметь-кормилица, спаси-оборони.

— Значит, так. С такой тайной из Чистограда тебя отпускать нельзя. Как раз для такого случая у нас в кремле устроены покои для опальных, в башнях под яром. Все честь по чести — двери в железе, окна зарешечены. Не смотри на меня так, красна девица. Внутри те горницы не хуже дворцовых. Посидишь под замком, рукодельем наконец займешься, как это девке и положено. Звиняй за ущемление, конечно — но там к тебе уж никаких мужиков не подпустят. Ни прислужников, ни прочих. Так что можешь попрощаться со своим Сокугом.

— А зачем ты меня красной девицей называешь? В насмешку? — Я тоже ощерилась, но Ерша взгляда не отвел. — Не стыдно над увечной-то потешаться, господин Ерша? А что до прочего, так я ещё не все рассказала. Проклятье на мне лежит — вот прямо здесь, на лбу, кусок от колдовского узора впечатан. Обычным глазом его не увидеть, только ведьмы могут его разглядеть. А нынче в том узоре искра горит, потому что наславший то проклятье нынче тут, в Чистограде. Знаешь, от какого проклятья на мне кусок?

Ерша сложил на груди руки, глянул с прищуром.

— От того самого, что задело королевича. А кто тебе сказал про искру? Или у самой есть ведьмовской дар?

Я оскал с лица убрала, сказала с жаром:

— Мне об этом одна ведьма сказала, к которой я ходила. А теперь слушай — колдун, что проклятье наслал, должен быть из цорсельцев. Не зря же их посол рыщет по Положью да ищет королевича? И вот глянь — я из Морисланиной семьи, значит, могу что-то знать. А ещё по дворцу слухи пошли, что я ходила в покои королевича, да не один раз. И тот, кто хочет его сыскать, рано или поздно придет ко мне. Но саможориха скоро потеряет свою силу, так что ему придется поспешать. Сам видишь, господин Ерша — под замок мне нельзя. В башнях под яром тот злыдень меня не найдет, и я не узнаю, тот ли это, кто за проклятьем стоял. А так бы на живца его словили.

Я глянула на Ершу, чтоб увидеть, скоро ли он сообразит. Курносый меж тем стоял тихо — только ноздри чегой-то раздувал.

— Скажи-ка мне, девица, правильно ли я понял? В покои к королевичу ты сунулась нарочно, чтобы по дворцу пошли слухи. Потом королю наврала, зачем туда ходила — а я, дурень, тебя прикрыл. Пожалел жильцовскую дочку, из-за королевича пострадавшую! Тем временем ты послала своего прислужника делать то, что делать не след. И твой человек покалечил вареского посла. А теперь ты хочешь, чтобы я все забыл и под замок тебя не запер, потому как надеешься, что они и до тебя доберутся!

Долго ж он все перечислял. Я согласно кивнула, сказала умильненько:

— Догадливый ты, господин Ерша!

Он ответил колючим взглядом — у меня даже мурашки по коже побежали.

— Зачем ты суешься не в свое дело, госпожа Триша?

— Да как не мое-то? — Изумилась я. — Думаешь, легко с таким лицом ходить? А если того колдуна поймают, то его смерть с меня проклятье снимет! А может, и не только с меня. Сложенные на груди руки Ерши дрогнули.

— Мечтаешь раскрасавицей стать?

— Хочу стать такой, какой должна быть. — Упрямо сказала я. — А уж раскрасавицей или дурнушкой — то не в моей воле, а в Кириметевой. Помоги мне, господин Ерша. Подумай, как славно будет, если того убийцу поймают. Я свое лицо верну, а королевич, если Кириметь будет милостива, снова свет дневной увидит.

— Почему — если?

Я вздохнула.

— Глаз штука тонкая, это я тебе как травница говорю. Если в глазу от проклятья что-то усохло, то королевский сын останется слепым, даже если проклятье уйдет.

Ерша зло фыркнул.

— Ладно, води меня к послу. Норвина твоего я упрячу, а тебя, так и быть, оставлю. Только больше не устраивай хитростей, как в Олгарской слободке. Хочешь ходить по Чистограду, ходи, но так, чтобы мои люди тебя видели. И не теряли из виду.

— Само собой. — С готовностью согласилась я. — Не изволь казнить, дозволю ещё одно слово молвить, господин Ерша.

Он голову склонил набок, бровь вверх дернул — говори, мол.

— Я вообще-то сюда не одна приехала. Прости, господин Ерша, убоялась в однеху в лес топтать, Арания со мной была.

— И её тоже под замок сажать нельзя? — Он качнул головой, заявил рассудительно: — Вот смотрю на тебя, госпожа Триша, и не знаю — то ли орать, то ли ржать, аки конь.

— Я лучше на первый твой спрос отвечу. — Опасливо пробормотала я. — Сестру мою и впрямь нельзя запирать — исчезни она, так цорсельский посол вмиг неладное почует.

Он фыркнул — и впрямь как конь. Предупредил:

— Если отпустишь госпожу Аранию от себя, тут же отправлю её в башню. Поняла?

Я кивнула. Сказала:

— Арания была со мной, а с Сокугом был норвин Рогор. Он тоже в однеху побоялся. Прости ты нас, господин Ерша, всех и скопом. И от королевского гнева прикрой.

— Норвинов спрячу под замок. — Чужим голосом отозвался он. — Об ином и речи быть не может. Пошли в избу. И между нами — я бы на месте того злыдня к тебе не сунулся. Потому что уж больно на ловушку похоже. Одна надежда, что он дурнее нас.

— Или на то, что ему край как нужно королевича найти. — Ввернула я. — А король-батюшка, по всему выходит, вскоре собирается своего сына в кремль вернуть? Раз ты норвинов под замок согласился упрятать, выходит, та тайна прошлогодним яблоком скоро станет?

Он глянул на меня со строгим прищуром.

— Не болтала бы ты, Триша, о том, что не твоего ума дело.

— Не буду. — Послушно согласилась я.

Он чуть слышно вздохнул.

— Как, говоришь, звали ту травницу, что привел цорсельский посол?

— Кулеша.

— Кулеша. — Задумчиво сказал Ерша. — Нет, не упомяну такой. Ничего, найдем.

Когда из-за деревьев показалась изба, Ерша зачем-то остановился, придержал меня за рукав, негромко свистнул.

На прогалину из лесной чащи тут же выступило несколько королевских жильцов — в темно-зеленых полукафтаньях, пехом, без коней. Морды разбойничьи на этот раз без ухмылок, глаза вприщур, мечи наголо, в руках наизготовку.

Прямо как с ратью воевать собрались, аники-воины, подумала я. Едва успела язык прикусить, чтобы вслух этого не сказать.

— Успеш! — Приказал тем временем Ерша, не глядя на меня. — Девицу доведите до Воротной площади, на сходе оставьте, в кремль пусть зайдет сама, без поношения чести.

Я его перебила:

— Мне бы сначала Аранию забрать, из Олгарской слободки.

— За ней мои люди заедут. — Нетерпеливо сказал Ерша, не спуская глаз с избушки.

И собрался было уйти, но я поймала его за полу одежды. Недлинное оно, полукафтание-то, за край ловится легко, даже увечной рукой.

Он оглянулся.

— От тебя, я вижу, не отвяжешься. Ещё какую тайну вспомнила?

— Арания меня ждет, а не жильцов твоих. Если за ней кто чужой придет, может и не выйти.

— Опасается, значит? Ладно, постой там, под деревьями. — Ерша глянул на мою увечную руку, сжимавшую полу.

А потом посмотрел мне в глаза — с жалостью. Рука моя тут же разжалась.

— Успеш, придержи госпожу Тришу в сторонке.

Один из жильцов, уже успевший подойти ко мне, потянул за локоть. На лицо он казался постарше прочих, на меня смотрел открыто, добродушно. Мы отошли, встали в двух десятках шагов от остальных. Прочие жильцы сбились в кучу, замерли, поглядывая на избу и перебрасываясь тихими словами. Мечи, как я заметила, никто в ножны так и не вложил.

То, чего следует ждать, я примерно знала. Ерша из избы вышел не сразу, зато выходя, дверь раскрыл пинком. Та ударилась об стенку и тут же скосоротилась. Видать, лопнула одна из кожаных петель, державших её.

— Случилось что, Ерша Нетужевич? — Спросил жилец по имени Успеш, когда Ерша подлетел ко мне.

Тот глянул на него молча, кивнул на жильцов, стоявших в сторонке — и Успеш торопливо зашагал прочь. Ерша схватил меня за руку, потащил в лес. Я за ним полубежала, полупрыгала — курносый шел, не разбирая дороги. Ему что, у него ноги подлинней моих, он одним махом через поваленные лесины перешагивал. А у меня ещё и подол платья за все цеплялся.

Хорошо хоть ушли недалеко. На первой же прогалине среди лесной чащи курносый встал, развернулся ко мне, глянул глазами, в которых голубизна сверкала серым.

— Зачем врала?

— Это ты про то, что легед обещалась заплатить не я, а Арания? — Догадливо спросила я. — А тебе не все ли равно? Есть ли разница, какая из дочек Морисланы посулила деньги норвинам — старшая или младшая?

— Разница всегда есть. Потому как королю я буду докладывать, исходя из слов старшей. — Процедил сквозь зубы курносый. — А она, судя по всему, ко лжи приучена. Ох, смотри, саможорихи у королевской травницы много, на всех хватит.

Тут он зарвался малёха, и я его на место поставила:

— Ты, господин Ерша, про цорсельцев-то не забывай. Чтобы их в ловушку заманить, я вам нужна в добром здравии. Так что про саможориху забудь. И не гневи меня понапрасну хулами да карами. Так-то я кроткая, но когда мне раз за разом грозят, я ведь и озлиться могу.

— Да ну? — Ответил он. Брови вскинул, так что весь лоб морщинами пошел. — И что ж сделаешь, озлившись?

И не понять было, то ли он грозил, то ли насмехался. Я зубы сжала. Чай, будь я красавицей, не шутовал бы так.

Однако мысли мыслями, а Ерша на меня пялился, глазами сверкал, ответа ждал. Я руку вскинула, указала ему за спину.

— Вон видишь, травка малая, каждый лист как звезда на четыре луча? Крумша это. Особого вреда от неё нет, но если свежий лист в руках подержать, лицо да руки враз пойдут красными пятнами. И на почесуху весь изойдешься, седмицу так промаешься. На коней крумша тоже действует. А листик от той травки я могу по-всякому использовать — или за шиворот тебе засунуть, или под потник коню подложить.

— Грозишь? — Сурово спросил он.

Я ответила в точности, как сам он до этого:

— Мечтаю.

А поскольку Ерша все не унимался, стоял да глазами на меня сверкал, указала ему на небо, уже красневшее с одного краю от закатного зарева:

— Не пора ли поспешать, господин Ерша? Тебе, я смотрю, болтать нравится, однако мне-то с Аранией до ночи надо вернуться в кремль. Соврала я потому, что не хотела сразу все выкладывать. Понемногу и правду легче вынести, и ложь простить. А вывали я все сразу, ты, может, и не простил бы. Сейчас только об одном прошу — заступись ты за Аранию, пусть все думают, что это я норвинов наняла. Младшая она, глупая, ей ещё и семнадцати нет. Больно уж молода девка.

Ерша вдруг стиснул губы, но углы рта задрожали, словно он пытался смех внутри удержать. Бросил неспешно:

— Сказала старуха.

— Какая ни на есть, а старшая. — Строго поправила я его. — Опять же госпожа матушка, умирая, просила меня за Аранией приглядеть. Пусть все будет, как я сказала.

— Просишь меня наврать королю?

Я кивнула. Успокоила:

— Так ведь напрямую можно и не врать. Скажешь — старшая, мол, подговорила младшую. А та, дура-девка, сделала, как ей Тришка сказала, не понимаячи.

Он нехотя, но кивнул. Предупредил:

— Должна останешься. И настанет день, когда я тот должок с тебя стребую. Или тайной услугой травницкой, или ещё чем.

— Мы, шатрокские, от своих долгов не отказываемся. — Заявила я.

— Приходи, как будет нужда, помогу чем смогу.

И губу прикусила, от думки горькой. Будь я на лицо покрасивше, трижды бы подумала, прежде чем такие слова говорить. А так — уродство сторожит лучше всякого сторожа.

От избушки мы уехали втроем — я на коне одного из жильцов, Ерша и жилец Успеш. Прочие остались сторожить Сокуга и вареского посла. В кремль они должны были вернуться только после заката, когда Ерша пришлет телегу для изувеченного Лютека.

До Олгарской слободки мы доскакали быстро, правда, я за ту быстроту поплатилась отбитой об седло сидущой. И натертыми ногами. Одна радость — сзади, на попоне, у меня были приторочены вязки трав, те самые семицвет и трясица, что негодились господину Лютеку. Вместе с ними я скрутила остатки живолиста, пустив в дело выданную Успешем веревку.

На въезде в слободку дорогу нам опять перегородили ворота. Я уж собиралась, как Арания, прокричать «Кэмеш-Бури!» — но тут Ерша, скакавший следом за мной, вдруг рывкнул:

— Слово и дело!

И тяжелые створки, дрогнув, поползли в стороны.

В ворота Берсуга я стукнула сама. Сказала выглянувшему олгару в стальной рубахе:

— Подобрю тебе, господин олгар. Передай госпоже Арании, что за ней приехала Триша Ирдраар.

— Заходи давай. — Предложил было ратник. Даже рукой махнул, приглашая войти.

Но Ерша из-за моей спины отозвался:

— Ничего, мы тут постоим. А ты передай, чтобы норвин Рогор вышел вместе с госпожой Аранией. Разговор к нему есть. Важный.

Олгар скользнул по нему взглядом, переменялся в лице и исчез. Потом началось ожидание. Раздались шаги, где-то заржал конь. Первым из ворот выглянул сам хозяин, Алтын Берсуг.

Тут Ерша проявил вежество и сказал довольно почтительно:

— Подобрю тебе, великий господин Алтын.

Верч оглядел всех нас троих прищуренным глазом. Задержал взгляд на мне, спросил:

— Все ли у тебя ладно, госпожа Триша?

— Все хорошо, великий господин Алтын! — Я коротко поклонилась, едва не слетев с седла. Истертые о конскую спину ноги отозвались болью. — И даю тебе в том мое слово, можешь выпускать Аранию без боязни.

Берсуг глянул на Ершу, я тоже оглянулась. Курносый жилец неспешно склонил голову, но тут же вскинул. То ли кивнул, то ли поклон отвесил одной головой.

Олгарский верч молча исчез за калиткой. Заржали кони, грохнул засов — со двора выехали Арания и Рогор. Поздоровались с жильцами, глянули на меня. Я, чтоб их успокоить, улыбнулась, покивала.

Помогло мало. Рогор скривился, Арания охнула.

— Отъедем подальше. — Приказал нам всем Ерша. — Там и поговорим.

Как ни кривился норвин, но курносого послушался. Арания дернула за поводья с замороженным лицом. Ерша остановил коня там, где дорогу окружали одни заборы, бросил резко:

— Стой.

Дождался, пока все остановятся, потом обернулся ко мне, велел:

— Скажи ему.

Я натянула поводья. Мой жеребец сначала встал, потом, чуя близость других коней, зафыркал и затанцевал на месте, беспокойно бухая по земле копытами. Ногам вдруг стало влажно — видать, за день натерла волдырей, и теперь они лопнули. Я скривилась от боли, уцепилась за переднюю луку седла. Вымолвила кое-как:

— Рогор, все сговорено. Тебя с Сокугом пока поддержат взаперти, потом выпустят.

Норвин нахмурился.

— О таком уговоре у нас не было, госпожа Триша! Мало того, что легед не заплатят.

Ерша понукнул коня, выехал вперед, перехватил поводья моего жеребца под самой мордой. Дернул, трензеля уздечки звякнули, и конь сразу успокоился. Бросил в сторону Рогора:

— Слышь, добрый молодец, ты не выкобенивайся, а слушай девицу-то. Она тебе добра желает. С тебя не убудет, посидишь месячишко-другой в опальной башне, поешь с королевского стола, почешешь пузо от безделья. А коли не желаешь, можно и по-другому дело сладить — к примеру, мой меч, твоя голова с плеч.

И так просто он это сказал, так спокойно, что у меня аж дыхание оборвалось. Неужто и впрямь готов срубить Рогору неразумную голову?

— Пошутил я. — Проворчал норвин. — Не маленький, понимаю.

— Вот и славно. — Чужим, незнакомым мне голосом ответил Ерша.

— Теперь ты отдашь Успешу свой тесак, а он свяжет тебе руки. И отвезет тебя в тот дом, где ты пытал вареского посла — вот уж за что отрубить бы тебе грабки по самые по плечи. Ты что, пес смердячий, о себе возомнил? Что ты тут закон и право? Нет, норвин, правож у нас на Правежной, и заправляет там жилец Арося, самим королем над судилищем поставленный.

— Госпожа Триша! — Воззвал ко мне норвин.

Я, вспомнив, что самолично выманила норвина из терема Берсуга, вступилась:

— Ты, господин Ерша, всему учет веда, не только плохому, но и доброму. Не сделай Рогор того, что сделал, никто бы не узнал, какую тайну цорсельцы разнюхали.

— Это я помню. — Отозвался Ерша. — Только потому и согласился на твои мольбы, госпожа Триша. Однако тебе, госпожа Арания, скажу вот что — прислужники твои повинны в самовольных пытках посла и укрывании важных сведений. Ты сама — в том, что сотворили они это по твоему приказу. а потому ходи отныне осторожно. И язык держи на привязи. Твои же олгары, если узнают, тебя осудят, и твой же отец тебя накажет. Поняла?

— Все я поняла, батюшка. добрый господин. — Чуть задохнувшись голосом ответила Арания.

Ерша снова обратился к Рогору:

— А ты за свою жизнь не бойся. За тебя вон, заступница есть. — Он кивнул в мою сторону. — К ночи придет телега, и жильцы увезут вас троих — тебя с Сокугом да посла — в опальные башни. Этой же ночью ляжешь спать не на соломе, а на доброй постели, в кремле. В том тебе мое слово даю.

— Благодарствую, господин. — Пробормотал норвин.

— Тесак отдай. — Напомнил ему Ерша.

Оружие Рогора перекочевал к Успешу. Тот увязал руки норвина черной веревницей спереди — тонкой и легкой, вроде как шелковой. Потом Успеш подхватил поводья жеребца Рогора, понукнул. Они двинулись к слободским воротам, выходившим в поле за Чистоградом.

— А мы разделимся. — Сказал Ерша, разворачивая своего коня в сторону ворот, ведущих в город. — Вы, девицы, отсюда скачите вдвоем. Я следом двинусь, пригляжу по дороге, чтоб никто не обидел. Только чуть отстану. И хорошо бы вам вернуться на одном коне. Чтобы у того, кто может за вами следить, не появилось ненужных думок — откуда у девок лишний конь, по виду и сбруе как с кремлевского подворья.

Он подъехал ко мне поближе, коротко буркнул в мою сторону:

— Дозволь помочь тебе, девица.

И, не говоря больше ни слова, одним движением стащил с коня, усадив перед собой. Щеки у меня враз запылали — хотя мою спину от него отделяла передняя лука седла. Но вот поди ж ты. и хватку его, жесткую, крепкую, я все ещё чувствовала у себя под ребрами. Аж дышать тяжело стало. Сердце заколотилось стыдно, но сладко.

Арания, цокнув, подогнала своего коня поближе, и Ерша вновь приподнял меня. Поднес к олгарскому коньку, держа на весу легко, как зверюшку малую. Я неловко вскинула ногу, залезла на круп коня позади Арании. Уцепилась за её пояс, сказала, склоняя лицо так, чтобы волосы спрятали полыхавшие щеки — хоть в полутьме их и не видно было:

— Спасибо, господин Ерша, за заботу.

— По улице не гоните. — Заявил он, не отвечая на мои слова. — Поезжайте неспешной рысью. Коня оставьте у того купца, у которого взяли. А потом прямой дорожкой в кремль, никуда не заходя. Хоть и темно уже, да я у вас за спиной буду. Уяснили?

— А то. — Выдохнула я.

Арания, перекрутившись в поясе, глянула на меня через плечо. Недовольно выдохнула и дернула поводья.

Ковылять до горницы на стертых ногах оказалось страшно как тяжело. Хорошо хоть, солнце уже закатилось, и кремлевские дорожки утонули во мгле. Огни на башнях и в садах ту мглу резали кругами света, но рассеять не могли.

Поэтому, миновав ворота, я без всякой боязни поменяла походку со скользкой девичьей на мужскую. И запагала, ставя ноги широко, не по-бабьи.

Лишь перед самым дворцом снова пришлось засеменить мелкими шажками — у двухстворчатых дверей, освещенных факелами из сосновых ветвей, стояли трое жильцов. Торчали орясинами, перекидывались ехидными словечками да глазели на входящих. А я от боли скосоротилась. Даже распущенные волосы пришлось перекинуть со спины на плечи, чтоб перекосившееся лицо прядями прикрыть.

Войдя в горницу, Арания тут же кинулась расспрашивать, как я сладила дело и кем мне приходится тот курносый жилец. Я от неё отмахнулась:

— Погоди, дай сначала раны обиходить!

И, сменив разодранную сорочичу на целую, тут же порвала снятую одежду на ленты. Охая и шипя сквозь зубы, обложила лопнувшие волдыри размятым живолистом, начала перевязывать.

Арания тем временем бегала по горнице и требовала всей правды.

— Я, может, тоже правду хочу услышать. — Сердито сказала я, затягивая узел над коленом. — Почему так вышло, что у меня от нынешних разъездов все ноги в кровь, а тебе хоть бы хны. Вон и сейчас по горнице кобылкой скачешь.

— А ты едешь неправильно! — Укорила меня Арания. — На коне лягухой сидишь, ноги развесила по обе стороны и все. А их нужно согнуть, телом опереться на коленки, а не на задницу. Ты, конечно, уже старовата для учения — у олгар детей в пять лет на коня сажают. Но думаю, даже тебя можно научить. Только для этого нужно ездить почаще.

— Благодарствую, я лучше тут, в кремле посижу. — Проворчала я. И, вздохнув, добавила: — А тот курносый жилец, если помнишь, приходил к нам в горницу, когда меня в убийстве твоей матушки облыжно обвинили. Он тогда меня к королю отводил, и сам при том разговоре присутствовал.

— Выходит, он не простой жилец? — Арания застыла на месте, изумленно распылив глаза.

— Вроде того. — Сказала я наставительно. — Пес он королевский, как мне было сказано. Правда, жильцовские женки его по-другому называют — правая рука короля, мол. Потому я и послала за ним Сокуга. И все рассказала. Пожалел он меня, увечную, обещал заступиться. А взамен потребовал двух вещей — мы обо всем молчим, это раз. И никуда больше не исчезаю, как давеча в Олгарской слободке, это два. Чтоб его люди всегда могли за нами проследить. А иначе — опальная башня.

— Тогда и я из кремля больше не выйду, как ты. — Истово пообещала Арания. — Ну, Рогор, а ведь клялся, что найдет маменькиного убийцу! Под какую беду меня подвел!

— Там, где бельчи звенят, там никому не верь. — Неспешно заявила я, чувствуя, что железо нынче горячо и ковать надо прямо сейчас. — Вот только совсем взаперти в кремле я сидеть не буду. Мне тот жилец дело поручил. Хочет узнать, не увяжется ли кто следом, если я выйду из кремля. Вдруг кто узнал о вареском после и прочем?

Тогда ему прямой путь ко мне или к тебе, с расспросами. А я ему должна, за то, что он нас с тобой перед королем выгородил, во всем виноватыми не выставил. Так что придется ему услужить. Только об этом — молчок. Поняла?

— Чего уж тут не понять — Отозвалась Арания. — А далеко ли ходить будешь?

— Тут, по ближней улице, вокруг да около Воротной площади. — Ответила я и испугалась. Вдруг госпожа сестрица захочет пойти вместе со мной? А Глерда меж тем ясно сказала — её с собой не брать. Ни к чему это, да и опасно.

Но Арания в мои слова вдумываться не стала. Кивнула, предложила:

— Тогда давай спать, что ли? Покойной ночи.

— Покойной. — Сказала я.

И запоздало вспомнила про травы, что привезла.

Негоже травнице жить без травинки в запасе. Потому, поборов зевоту и стараясь не думать о болящих ногах, я развесила вязки трясицы и семицвета по обе стороны от окна, зацепив нить в щель меж стеной и деревянным наличником.

Пусть повисят, а завтра, уходя, я спрячу их в одном из сундуков Арании. Чтобы чернавки, придя убирать, не увидели собранную траву и не начали болтать лишнего. Сушить придется по ночам, хоть и не дело это. Только другого выхода нет.

На следующий день все потекло по накатанной — мы с Аранией с утра отправились в покои Зоряны, затем прогулялись по кремлевскому саду вслед за угрюмо молчавшей королевешней. Промаялись сначала на уроке у вечно озлобленного дана Рейсора — животом страдал мужик, не иначе. Так злобиться каждый день, и притом без причины, мог только больной.

Видеть после него приветливого дана Шуйдена было чистым утешением. А уж глазеть на прыжки да шаги королевешней под ручку с даном Флювелем, учителем танцев, я и вовсе посчитала развлечением.

Арания в первое утро после всего встала смурая, говорила тихо и кликала меня уже не Тришкой, а Тришенькой. Когда я к вечеру собралась уйти из дворца, сказала голосом мягким до умиления:

— Ты уж поосторожней там, слышь, Тришенька?

Я покивала головой, и, чтоб она не мучилась своими девичьими думками, пообещала:

— А насчет сорочиц ты не бойся — я их непременно дошью. Свечек у нас довольно,

посижу ночью подольше, к сроку справлюсь.

Она в ответ глянула странно, руки заломила, пальцы стиснула.

— Да разве в сорочицах дело? В гиблые дела ты ввязалась, по лицу вижу. Ох, Тришенька, что с тобой будет? Мне-то отцовское имя защитой станет, если что, а тебе.

— Не бойсь, госпожа Арания, все будет хорошо. — Твердо пообещала я.

Она отчего-то всхлипнула.

— Чую беду неминуемую. Ежли Зоряна не наследница.

Пришлось её спешно обнимать и шептать на ухо:

— Ты, госпожа Арания, не того. Велено забыть о том, что слышали, помнишь?

Она покивала, выпростала из рукава плат и шумно высморкалась. Прямо как я, когда меня сопли мучают.

А ведь обычно Арания это делала по-господски — шитым платом к кончику носа едва-едва прикасалась, выдыхала легко, самую малость. Чтобы, значит, не шуметь по-простонародному. Не того она от меня набралась в последние дни, ох не того.

В указанную Г лердой лавку я заходила каждый вечер, начиная со следующего дня. Всякий раз перекидывалась приветливым словом с хозяином, горьким вдовцом, как он говорил. Оглядывалась, приценивалась к товарам. После первого похода в лавку пришлось напомнить Арании, что с её матушкой у меня был заключен уговор на три бельчи в седмицу. Она тут же отсчитала мне жалование за прошедший месяц, не чинясь и не спрашивая ничего.

А что делать? Ничего не покупая, по лавкам не походишь. Те, кого мы ждали, могли заподозрить неладное. И без того, как Ерша мне сказал, надежды на то, что ловушка сработает, почти не было.

Так я и ходила, мучаясь думками — следит ли за мной кто-нибудь помимо людей Ерши? Тех я замечала время от времени, пока бродила по Девичьему ряду, шумному, с раскрытыми настежь лавками. Люди курносого, хоть и носили простые рубахи взамен жильцовских кафтанов, все же выделялись из толпы своей статью.

И взглядом — сощуренным, зорким, как у охотничьей птицы. Опять же по Девичьему ряду гуляли больше бабы с девками.

Одну из выданных Аранией бельчей я разменяла на медяки, купив на второй день ленту, а на третий нитки для шитья. Заходила я и в соседние лавки, глазела на товары, чтобы досужему взгляду не показались странными мои прогулки в одно место.

А поглазеть здесь было на что. Всюду, по всей длине Девичьего ряда из распахнутых лавок изливались товары — где ручьи из цветного шелка, где висящие вороха многоцветных лент, где вязки из подхваченных за один угол атласных платков, ярче всякой радуги, а где и положские шали, расписные, шитые, тканые.

Там, где продавались ковры, шелковые да шерстяные, их вывешивали так, чтобы со стен лавки они стекали на мостовую реками. Вот они и ложились волнами. И каждая волна была цельным ковром, когда ярким, а когда темным, в багровых и коричневых цветах.

Вокруг лавок, где торговали благовониями и притираниями, в воздухе висело облако духмяного запаха, за десять шагов в нос шибало. Внутри по полкам строем стояли скляницы и стеклянные кувшинчики, отблескивали цветным стеклом, радовали взгляд изгибами да позолотой.

Были там и другие лавки — с виду скромные, из которых ничего на улицу не вываливалось. Там, заглянув в распахнутое окно, можно было увидеть целые штабеля

златотканой и сребротканой парчи, или же вязки дорогих мехов, закрывающие все стены.

Имелись и лавки драгоценных уборов — в них я через оконца любовалась украшениями. Зарукавья из золотой скани, с зернью, с чернением по серебру, из бусин, из звеньев, украшенных зеленым камешком с Урьих гор. Кольца с яркими камнями, серьги, сделанные полумесяцем или гроздью подвесок, огруженные жемчугами, камнями алыми да синими. Господские кушаки, висящие на распялах, сработанные по-разному — и жемчужной нитью, и золотой цепью, и наборными бляхами.

Просто смотреть — и то дух захватывало. Вот только в крайней лавке на Девичьем ряду ничего не случилось.

Меж тем приближался Свадьбосев.

За два дня до него в кремль навезли досок — свежих, пахучих, только что вышедших из плотницких мастерских. Навалили их грудami по кремлевским дорожкам, отчего запах свежесрубленного дерева загулял повсюду, забираясь даже в старый королевский дворец, пропахший сыростью, камнем и железом.

В последний день перед Свадьбосевом в кремль с утра явились столяры и плотники — сколачивать столы под угощение и большой помост перед дворцом. Вереницами заезжали в кремлевские ворота подводы с курами — первокур был в разгаре, по селам били первую птицу, что вывелась из яиц, снесенных сразу после конца зимы.

Везли и бочки с хмельными медами, и дивные пряники с ягодной начинкой от столичных пирожников. Громадные, размером с каравай, они лежали стопками в круглых корзинах. И сверху на каждом было отпечатано дивное узорчье — где лебедь-сохрана, Кириметьева птица, где стольный град с кремлем, а где и ратник на коне. Праздником пахло не только в кремле, но и в самом Чистограде, и лица у людей посветлели.

Даже великий принцесс за день до Свадьбосева начала улыбаться. С утра, как мы пришли в переднюю горницу, Зоряна с нами поздоровкалась — чего не делала уж давным-давно. Едва дан Рейсор вошел в покой, где мы ожидали его урока, и радостно окрысился, заведя нас с Аранией, королевишна тут же приказала — тоном благостным, хоть мажь его на хлеб вместо масла:

— Ты на них нынче не ругайся, батюшка. Сами-то они стараются, только умишка у них нехватка. Однако не вина их это, а беда. А в такие дни ругаться не положено, Кириметь осерчает.

Слышать такое было настолько непривычно, что я даже на слова про нехватку ума не обиделась.

Но ещё большие чудеса ждали нас после урока танцев. Когда дан Флювель ушел, отскакав свое, королевишна повернулась к нам и сказала медовым голосом:

— Как вы есть мои доверенные услужницы, думаю, следует вас наградить. А потому завтра, когда ведьмы начнут показывать свое мастерство, приходите сюда. Окна мои смотрят и на двор, и на Дольжу, так что отсюда разглядите все в лучшем виде. Я и сама ведьмовское действо только из своих покоев смотрю. И со мной побудете. А теперь ступайте. Поздорову вам.

Обрадованная Арания всю дорогу до горницы рассказывала, какие теперь благости и милости нас ожидают. Про то, что Зоряна может и не стать королевишной, она вроде как позабыла. Скоропостижно.

Впрочем, я её в том не виню — такой уж день приближался, Свадьбосев, от него все мысли к добру сворачивали.

И я ждала того праздника с замиранием сердца. Однако в последний вечер, едва я вернулась из города, в дверь горницы стукнули. Вошел Ерша. Коротко поклонился, бросил в сторону Арании, сидевшей на кровати с зеркальцем в руках:

— Подобру тебе, госпожа Арания. не выйдешь ли ненадолго? Мне бы с госпожой Тришей словечком перемолвиться.

Арания вдруг уперлась:

— Не пойду. Не положено девице одной в горнице с мужиком сидеть. Вдруг ты чего дурного.

— Вон. — Негромко сказал Ерша. — Пока я не озлился. Если у тебя, красна девица память короткая — так у меня она длинная. И я помню, кто и в чем был повинен там, в лесу за Норвинской слободкой. Пока молча помню, но могу и вслух помянуть. Да не здесь, а в другой горнице.

— Ступай, госпожа Арания, прошу тебя. — Добавила я со своей стороны. — Не бойся, ничего плохого мне господин Ерша не сделает. У него из дурного только язык, а сердце и помыслы напротив, сплошь добрые.

Арания вышла, метнув от порога угрюмый взгляд. Ерша фыркнул.

— В добрых помыслах меня ещё никто не обвинял. Пришел тебе сказать, госпожа Триша, что завтра на Свадьбосев с тобой не пойду.

Я замерла. Мне и самой, конечно, приходило в голову, что гулять на празднике вместе с королевским псом не след. Ещё увидят те, кто на меня должен выйти, испугаются.

Но и мечтаний моих мне было жалко — чай, не одну ночь о будущем Свадьбосеве думала. Как пройду по праздничному кремлю, заглядывая в голубые глаза, как Ерша будет скидывать светлые брови, морща лоб, глядеть в мою сторону. может, даже чару с хмельным медом предложит с ним разделить, и пряником медовым угостит.

— Это чтобы не спугнуть тех, кто захочет на тебя поохотиться. — Пояснил Ерша, пока я молчала. — Но ты не грусти, госпожа Триша, с меня — следующий Свадьбосев. Если, конечно, тебя до того времени замуж не выдадут.

Я припомнила, как он обещался сам меня замуж взять, если обо мне и о нем слух пойдет. Видать, шутовал. Или успокоить хотел. Поделом мне — занеслась, позабыла про свое уродство. Размечталась, что и на меня могут смотреть, как на прочих девок — прямо, не отворачиваясь.

Все это я обдумала молча, а вслух сказала:

— Дело говоришь. Я и сама о том думала. Покойной тебе ночи, господин Ерша.

— Постой. — Сказал он. — Чтоб завтра на Свадьбосеве средь народа не стоять, в давке не давиться, с утра ступайте с Аранией к воротам. Здесь, в кремле, праздник начинается со слов короля-батюшки, которые он говорит с воротной башни. Те, кому заслуги позволяют, перед этим на стену забираются. Оттуда и короля слышать, и площадь как на ладони. А потом, когда народ в кремль хлынет, да по разным углам разбредется, люди со стены спускаются и идут себе спокойно, не боясь давки. Так вот, лестницу на стену, что по левую руку от ворот, завтра будет сторожить Успеш. Иди прямо к нему, он вас пропустит.

Я кивнула, он махнул короткий поклон и вышел. Арания, которой я передала слова Ерши о стене, возрадовалась:

— Туда не всякого пускают. ох, Тришенька, хорошо-то как! И великий принцесс к нам благоволит, ведьмовские чудеса из её покоев зовет смотреть, и на стену нас пустят. Вот уж свезло так свезло! Чем с простым-то народом мешаться, лучше сверху поглядеть. Внизу в

давке и щиплют, и по заду охлопывают, говорят. Помню, когда матушка была жива, мы всегда на стене стояли. А с этим королевским псом ты дружи — он человек, нам нужный, ещё пригодится.

— Спать ложись. — Сказала я, не желая продолжать этот разговор.

— А я пошью малёха. Давай, хорош болтать-то. Завтра вставать поутру.

Глава девятнадцатая. Свадьбосев

На следующий день мы обе поднялись на заре. Я начесала Араньины кудри пивом на меду до блеска. Потом причесалась сама, оделась. Арания сегодня нацепила свое лучшее платье — из серебряной парчи, с багрово-алыми камнями, нашитыми цепью от ворота до подола.

Я в своем темно-зеленом одеянии рядом с ней вроде как сливалась со стенками. Но меня это только обрадовало. Пуцай народ глазеет на Аранию — лишь бы на меня поменьше смотрели.

Выйдя на дворцовую лестницу, мы увидели жильцовских женок, идущих кто с мужьями, обряженными в коричневые кафтаны, шитые серебряным шнуром, а кто и с другими женками под руку вместо мужей — видать, их супружники были сегодня в дозоре.

Со стороны хозяйственного двора вышагивали богато наряженные бабы с ребятишками. Там, в спрятанных посреди садов палатах, проживали те королевские жильцы, у кого семейство уже не влазило в дворцовые горницы.

И у всех на лицах была радость.

У дворца за ночь выстроили громадный помост, уставили столами. На нем, как сказала Арания мне на ухо, будет угощаться праздничным курником сам король-батюшка. А вместе с ним верчи с семьями.

Дальше от помоста уходили рядами в кремлевские кущи столы, предназначенные для народа, что придет в кремль на праздник. Прислужники уже стаскивали туда угощение — бочонки с медами, караваи хлебные и пряничные, стопки блинов в глубоких блюдах, подовые пироги, тельное из кур и жареную птицу.

Наставили столов и у каменных палат, где жили верчи — великие господа, подобно королю-батюшке, тоже собирались угощать народ в этот день. Мы прошлись по окружной дороге вдоль каменной стены к двум воротным башням. Тут уже гомонила толпа, которой не хватило дорожек, а потому люди стояли на траве и меж деревьев. Жильцы с семьями, прислуга из дворца, из верчевых палат — весь люд, что служил, жил и работал в кремле.

Мы обошли их всех кругом и вышли к стене по левую руку от кремлевских ворот.

Лестница, косо уходившая вверх, начиналась у подножья левой башни. Деревянные ступеньки сторожили сразу трое жильцов, один из них был Успеш, как и обещал Ерша. При виде нас он махнул поклон — не очень глубокий, впрочем — и приказал остальным жильцам:

— Госпожу Аранию и госпожу Тришу пропустить.

Те, стоявшие перед ступеньками вразвалочку, опершись на копыя, тут же посторонились. Мы взобрались на стену. Могутная, широкая — шириной в семь шагов, не меньше — она щетинилась высокими островерхими зубцами, отгораживаясь ими от остального Чистограда. Камень стены на проходе покрывал настил из досок, залитых смоляным варом и посыпанных песком. Умно, подумала я. И от дождя защита, и человек не оскользнется.

В проходе уже стояли. Были тут люди только господского роду, наряженные в дорогие платья. Арания в толпу вошла, как нож в масло, задрав нос и покрикивая:

— Посторонись! Мы услужницы королевишны, нам от самой свет-Зорянушки велено на стене быть и смотреть.

К моему удивлению, никто не протестовал, напротив, все чинномирно уступали нам дорогу. Место, где встала Арания, согнав очередным воплем седого как лунь мужика в алой шелковой рубаше, шитой жемчугом, оказалось из лучших — за третьим зубцом от воротной башни.

Я встала за плечом Арании, она чуть подвинулась, открывая мне обзор.

Воротная площадь перед кремлем оказалась забита народом. Стояли даже под священными березами, разводя руками полога из лент. На сходах с площади тоже был люд, набились туда густо, от лиц рябило в глазах.

А за зубцами, что высились над воротами, виднелся сам король Досвет, в соболиной шапке со стрелой и в белой рубаше с дроздами по оплечью. По бокам его выглядывали Зоряна и Голуба. Корлевишна, как всегда, нарядилась в цорсельское платье, а королева одела тутешское, чисто-белое, шитое птицами, как у супруга. По левую и правую руку от королевской семьи толпились верчи с женами и детьми. Я обежала взглядом прорези меж зубцами, вылавливая знакомые мне лица. Яруня, Горява, Ерислана, Согерд, Алтын. и Нерен? Выходит, не простая девка тогда нас на блины звала. Ох и наглая же Арания — так отвечать дочке самого верча. А меня другому учит.

Загремели россыпью барабаны, залились им вслед дудки-сопелки. Негромкие разговоры, что вели люди на стене рядом с нами, смолкли. На площади тоже наступила тишина — гулкая, тяжкая, кошка чихни, и то услышишь...

— Люд положский! — Крикнул Досвет, не особо и надрываясь.

Голос его улетел к широкому кольцу из каменных домов в три-четыре поверха, что окружали Воротную площадь. Отразился от них и вернулся звонкими отголосками.

— Вот и новые пашни засеяны. Взрыл землю плуг, и упало в борозду зерно, и растет сейчас в глубине земли, как мужское семя зреет в чреве доброй жены. Настал новый Свадьбосев! Возрадуйтесь, люди! Восславим же Кириметь-кормилицу!

Площадь перед воротами взревела на тысячи голосов, отзвуки криков заматались в кольцо домов. Со стороны кремля тоже ответили — радостно заголосили женки, завопили ребятишки, гулко взревели королевские жильцы:

— Ясен Свадьбосев! Роди, мать-землица! Гляди за нами, Кириметь-заступа!

Король вскинул руку, повел ею — и вопли затихли. Продолжил:

— Скоро по селам выйдут сено косить, первый мед собирать, а там и до урожая недалеко. Отпразднуем же Свадьбосев, пусть Кириметь-кормилица, видя нашу радость, тоже возрадуется. Уважим матушку-богиню, что за положской землицей ходит, приглядывает, из одного зернышка двенадцать растит! У кого в доме девка красная али молодец добрый, пусть помнят — на Свадьбосев самое доброе сватовство! А уж свадьба и того добрей! Молодым, что на Свадьбосев поженятся, жить до ста лет без хвори, в довольстве да в холе, а умереть без горя да без боли! Ешьте и пейте, пляшите и пойте, радуйтесь и славьте Кириметь-кормилицу — мы празднуем Свадьбосев!

Площадь заревела ещё пуще. Даже моя печаль куда-то вдруг исчезла, и я, ухватив Аранию за руку, вместе с ней закричала:

— Ясен Свадьбосев! Ходи-гляди за нами, Кириметь-кормилица! Роди, мать-землица!

У меня инда слезы на глазах выступили — то ли от того, что горло надсадила, то ли от радости. В Шатроке приветственное слово Киримети всякий раз говорил Арфен-мельник, и кричали ему в ответ не так, как здесь, не в пример тише. А тут — сам король говорил, и крик стоял такой, будто вся земля вот-вот напополам треснет.

Король опять вскинул руку, качнул ею повелительно — мол, замолчите. Рядом со мной кто-то сказал с недоумением:

— А чего ж ещё? Пора уж и за столы идти.

Досвет выкрикнул:

— Люд положский! Коли вам я велю ваших красных девок на Свадьбосев за молодых сватать, могу ли свою от них прятать? Каждому цветку свой срок сужен, каждой девке свой жених нужен! Вот и к моей дочери сваты постучаться хотят! Но раз уж я ваш король, то и сватовство хочу принять прилюдно, принародно!

Снова забили барабаны, запели дудки. В доме аккурат напротив ворот, по ту сторону площади, растворились двери на высоком — на уровне второго поверха — крыльце.

— То ж дом Гундяша. — Прошептал кто-то сбоку. — Или он его уступил кому?

— Бери выше. — Тут же отозвался другой голос. — Не кому, а самому королю. И не уступил, а на день подарил, по слухам. Ох, не нравится мне все это.

Из боковой калитки кремля вдруг выступил отряд жильцов — коричневые с серебром спины, мечи наголо на плечах. Народ раздался, и жильцы начали высвобождать проход через всю площадь. Тут я разглядела Ершу — он встал у закрытых створок, и голова его отливала под солнцем светлой рыжиной, как спелая рожь. Ещё несколько жильцов замерли рядом с ним, а дальше коричневые кафтаны суетились, тесня людей.

Открыв проход, жильцы выстроились редкой цепью по его обеим сторонам. На высоком крыльце гундяшевого дома началось движение. Люди в кургуzych полукафтанных, с белыми тряпками вокруг шей, выходили попарно и шли к воротам кремля.

У идущего первым седые кудри висели до груди. В руках он держал алую подушку, на которой что-то лежало — черточка белая, не больше.

— Великий карол! — На ломаном тутешском выкрикнул седовласый, подойдя под самые ворота. Мужики в ярких кургуzych одеждах, числом десять, попарно стоявшие за его спиной, молчали.

— Я, великий посол великий Цорсель, великий герцог Вер Гоф Вухсер! Мы есть просить великий принцесс Зорян для великий императорский принц, сын великий император Цорсель Альет-Хагир-Зер! Чтобы великий принцесс стать его супруг, потому что у нас есть принц ей под пара! И великий император слать договор для этот брак!

Он приподнял повыше подушку, которую держал. Тут я сообразила, что белая черта — это свернутая бумага.

— Быть беде. — Уверенно заявил кто-то у меня за спиной. — Цорселец на положском троне? Ох-ти нам, братушки. Как бы не последний Свадьбосев счас празднуем.

Ерша неспешно двинулся вперед, забрал у посла договор и исчез за калиткой в воротах. Я бросила взгляд на Зоряну. Глаза у той были полуприкрыты, губы изогнуты в улыбке, но смятения на лице не было. Выходит, знала и ждала.

Потом рядом с королем появился Ерша, подал свернутую в трубку бумагу. Досвет её взял, вскинул руку, показывая бумагу площади.

— Принимаю сватовство великого господина Але. Алехагизеры! И договор к рассмотрению принимаю! И в том слово свое королевское даю! А тебя, господин посол, приглашаю за наш стол! Отведай с нами угощенья, отпразднуй с нами Свадьбосев, уважь щедрость Киримети-матушки!

Вухсер, цорсельский посол, скривился. То ли ему не понравилось, как король-батюшка переименовал имя их великого принца, то ли приглашение за стол, то ли само имя Киримети-

кормилицы, то ли ещё что.

А мне вдруг стало тоскливо и тревожно. Как может король Досвет принимать сватовство от человека, который зачем-то ищет его увечного сына — а может, и сам приложил руку к его увечью? А не сам, так кто-то из его народа.

Тем временем люди на площади безмолвствовали. Молчание было какое-то нехорошее, злое. Ерша шагнул к зубцам — я впилась взглядом в его лицо, спокойное, как будто ничего не случилось.

Встав одной ногой в сафьяновом сапоге на край проема меж зубцами, курносый закричал, вскинув брови и наморщив лоб:

— Ясен Свадьбосев! Долгих лет и здоровья свет-Зоряне! Доброго потомства нашей королевичне!

Его поддержали криками жильцы, несколько голосов отозвалось из толпы. С малой задержкой рывкнули слаженным хором чьи-то луженые плотки на задах площади. Вскоре вся площадь уже орала пожелания королевичне Зоряне. Но едва люди стихли, я расслышала:

— Вот же королевский пес. не иначе, загодя своих подкупленных повсюду расставил, чтобы те кричали нужные слова. Ох, не к добру выслуживается да цорсельца на трон тащит. Тот ведь своих с собой привезет, ему всякая рванина из Рубели без надобности будет.

— Быть беде. — Тихо отозвался кто-то в ответ.

Створки ворот внизу распахнулись. Цорсельского посла с его людьми жильцы отвели в сторону, а в кремль потекла людская река. Народ негромко переговаривался. Беспокойство было во всем — в лицах, в неспешных повадках, в голосах.

— Сёдни, похоже, никого не затопчут. — Произнесли рядом. С сожалением. — И не диво, после таких-то новостей. Эх! Прямо как и не Свадьбосев нынче.

Мы с Аранией гуляли по кремлю долго. Угостились у столов, все перепробовали. Зашли в кремлевский зверинец, поглазели на сонного от жары медведя и чудного зверя — навряд ли, только без рогов и с горбом на спине. Полюбовались на пляски, на хороводы, что водили девицы по дорожкам кремля.

На танцы те, надо сказать, Арания оглядывалась с завистью. Но когда я ей предложила пройтись в хороводе, не захотела.

— Мне, личной услужнице самой великой принцесс, неместно теперь плясать по-старому. Будь то цорсельские пляски — дело другое, там бы я попробовала. Я ведь, Тришенька, каждый шаг великой принцесс помню, каждый её скок...

Потом мы прошли мимо храма Киримети, где высокими горами лежали привезенные из дальних святых роц березовые ветви. Приготовленные загодя, чтобы каждый в конце праздника мог взять себе из кремля оберег на весь год. Мы свою ветвь решили забрать, когда пойдем к Зоряне в покои смотреть на ведьмовское действо.

Госпожу сестрицу, надо сказать, больше всего беспокоило одно — будет ли Зоряна у себя, когда туда явимся мы? Уж больно ей хотелось провести с великой принцесс хоть часть Свадьбосева.

— Вот ты погляди. — Втолковывала она мне. — Даже детям потом будет что рассказать. С самой великой принцесс на Свадьбосеве, мол, гуляла. А если после этого великий принцесс ещё и добрым глазом на нас посмотрит. глянь, Тришенька, знакомый кто-то!

Из толпы вдруг вынырнул невысокий олгар в белой рубахе и длинной душегрее. Изломанный нос да рваный шрам — я узнала Барыса. Он подлетел к Арании, сказал, не

кланяясь и едва выговаривая слова:

— Араниэ, отец тебя искать. Он тут, кремль.

Арания почему-то потемнела лицом. Барыс, не обращая на это внимания, ухватил её за рукав, потащил за собой. Араньиного отца мы нашли возле дворца, за первым столом от королевского помоста — он стоял, привалившись боком к его углу, и жевал кусок пирога. Одет был так же, как Барыс, в рубаху и душегрею.

При виде дочери Эреш Кэмеш-Бури спешно проглотил пирог, хлопнул ладонью об ладонь, стряхивая крошки. Раскинул руки.

— Дочка! Как ты? Одна среди чужих.

— Матушку убили. — Ответила ему Арания. Потом шагнула к нему в объятия и заревела.

— Я знаю. — Господин Эреш гладил дочь по спине, хмурил брови над её склоненной головой. — Ведьмы послали мне весточку на границу сразу же, как только это случилось. Я вчера ночью приехал в Чистоград, ночевал у Алтына, сегодня кинулся сюда. Мой брат Алтын сказал, что в последние дни случилось много чего. Что мою жену подло отравили.

Он метнул на меня укоризненный взгляд. Я поежилась, виновато опустила голову. Хоть и не в моих силах было защитить Морислану.

— И что мне следует о многом тебя расспросить. О том, где ты ходишь и что делаешь. Ещё он опасается, что Ирдраары втянули тебя в свои игры. Сегодня вечером мы с тобой гостим в доме у Алтына. И не спорь! Там поговорим обо всем.

— Белый день, травницэ Тришэ. — Барыс вдруг очутился рядом со мной. Речь у него была путаная, говорил он как-то в нос.

— Добрый, а не белый. — Поправила я его.

Он улыбнулся, показав щербину в зубах с той стороны, где по скуле прошелся рваный шрам. Откликнулся:

— Мы сказать либо счастлив день, либо белый.

И замолчал. Господин Эреш что-то шептал дочери, та ему негромко отвечала. Говорили они на тутешском, однако никакого желания стоять да наушничать у меня не было. Поэтому я повернулась к Барысу:

— Вы, значит, прямиком с границы?

— Не-е. — Он мотнул головой. — Сначала — Неверкэ.

Неверовка, сообразила я.

— Господин Эреш думал — Араниэ там. Потом сюда.

— А как девки добрались? Саньша, Алюня, Вельша? — По правде говоря, из всех троих меня больше всех заботила Саньша. Однако ж и остальные люди, чего ж не спросить.

Барыс в ответ косо улыбнулся одной половиной рта.

— Добрались. Как — я не знаю, девка не спрашивай. Тебя одну спросить, снова — замуж пойдешь, травницэ Тришэ?

Далось ему это сватовство. Или он решил короля Досвета послушаться, который сегодня всем девкам приказал замуж идти, а молодцам ожениться?

— Нет, Барыс. — я припомнила, как там его родовое имя.

Сложила по привычному: — Карбарусович. Не любя я тебе, а по уму да по расчету замуж идти не хочу. Ты уж прости меня, дура я, как и все девки. Невозможного хочу, друга сердешного найти да полюбить. Не таи обиду.

И махнула ему поклон. Он отступил назад, помотал головой.

— Какой обида? Ладно, все быть, и такое быть. Белых дней тебе, травницэ Тришэ.

После того разговора олгары засобирались уходить. Аранию господин Эреш собрался увести с собой. Та было воспротивилась:

— Как можно, батюшка! Меня сама великий принцесс позвала ведьминское действо из её окошка смотреть.

— Великий принцесс? — Оскалился в ответ её отец.

— То есть королевишна Зоряна, так её цорсельские учителя кличут. да мы с Тришенькой.

— Араниэ. — Строго сказал олгар. Метнул на меня непонятный взгляд, то ли предупреждающий, то ли недовольный. — Я вижу, ты распустила волосы, как не положено олгарке. Ладно, я молчу. Ты носишь не наше платье, и я опять молчу. Но ты не будешь называть дочь короля так, как называют её чужеземцы. Потому что тут я не смолчу. Ты поняла?

Я-то думала, что Арания сейчас кинется поучать батюшку, как меня поучала, но та промолчала. Кивнула только, но лицо при этом стало мрачней тучи.

— А что касается приглашения королевишны Зоряны, — продолжил господин Эреш. — К ней ты сегодня не пойдешь. Сам король, по просьбе верча Алтына, разрешил мне забрать тебя из дворца — хоть на один день, хоть навсегда, если я того пожелаю. Пусть травница Триша, которую тут считают почему-то твоей родней, пойдет и передаст наши извинения королевишне. А мы уходим. Кони нас ждут у Кэч Мергена — ты помнишь его? Вот и расскажешь мне по дороге, что у тебя за дела с Ирдраарами, что за норвин ездил с тобой, как тебе живется во дворце.

— А ведьминское действо? — Жалко вскрикнула Арания. — Неужто я его не увижу? Но господин Эреш был неумолим.

— Ты ездила в кремль на Свадьбосев шесть раз, Араниэ. И если один раз ты пропустишь часть праздника, это пойдет тебе на пользу. Может, хоть тогда ты перестанешь жаловаться на скуку, как жалуешься каждый год, возвращаясь домой со Свадьбосева.

Он увел её, пожелав мне счастливых дней. Следом убежал Барыс, криво улыбнувшись на прощание.

Оставшись одна, я какое-то время гуляла по дорожкам. Снова вернулась к столам, хлебнула медов, съела кроху от громадного пряника, куски которого валялись на деревянном блюде. Поодаль захмелевшие парни в шелковых рубашках — купецкие сыновья, видать — предлагали стайке девиц пройтись с ними в пляске. И звенели белячами, подзывая к себе потешных дударей и балалаечников, что бродили по кремлю в ожидании тех, кто заплатит за веселье помимо бесплатного.

Я вздохнула, глядя на парней. Девки смеялись, зубоскалили, опускали глаза, но плясать упорно отказывались. А парни все звали. Мое лицо защищало меня от такого нахальства лучше всякого оружия. Вот вроде бы и к добру — а на сердце тяжело, и завидки берут.

От дворца долетали неспешные напевы. Все кругом были сыты и пьяны. Кто валялся на траве, кто подъедал угощение. За столом кучка дородных баб обсуждала цорсельское сватовство.

— Что ж выходит, тот иноземный королевич прямо сюда заявится? После свадьбы-то? А потом у нас королем станет? Не было до того в Положье чужаков на троне.

— И-и, бабоньки. а мне Мелешна из Зеленого ряда говорила — цорселец-то кудри чешет, как баба, лицом бел да страшен. И служат у него колдуны почище наших ведьм. Зато,

говорят, Урсаиму сразу укорот дадут.

— А верчи-то? Видали, как сразу ликом посмурнели? Баюют, что великие господа могут и другого на королевство посадить, а Досвета убрать, раз у него нету больше детей мужского полу. Зорянка с чужеземным королевичем не всем по вкусу пришлись.

Потом с дальней дорожки кто-то выкрикнул:

— Ведьмы! Ведьмы вышли на помост!

И все потянулись к королевскому дворцу. Пора было и мне.

Пробежавшись мимо храма Киримети, я выбрала ветку покрасившее. Закинула её на плечо, заспешила к королевешне. Протолкаться к дверям дворца оказалось делом не простым — ведьмы уж начали свое действо. Шесть худых баб в черных платьях стояли на помосте, с которого успели убрать столы. Король с королевой и верчи с семьями стояли перед входом во дворец, глядя на начавшуюся забаву. С левого боку от великих господ торчало цорсельское посольство — все хмуро-надутое, в точности как дан Рейсор.

Только королевешны нигде не было, видать, Зоряна уже ушла к себе. И нас в покоях дожидалась.

Я на миг задержалась, вскинула голову.

Высоко-высоко над помостом, чуть пониже дворцовой крыши, кружились в воздухе кубки, тарелки, кувшины, отблескивая на солнце позолоченными боками. Потом двинулись по кругу, догоняя друг друга, загремели. и разделились. Чаши остались наверху, а блюда и кувшины опустились вниз. Кто-то выпустил голубей, и кубки начали играть с птицами — ловить их на лету в чашу, а потом отпускать. Одна из ведьм махнула рукой, словно выпуская голубя из ладони. По блюдам, что плыли в хороводе чуть пониже ловчих кубков, тут же заметались яркие зеленые огни, различимые даже в ярком солнечном свете.

Я протиснулась за спинами высоких господ по стеночке, проскользнула в распахнутые двери. Два жильца, что любовались гуляющей в небесах посудой, встав за дверными косяками, глянули на меня мельком — и снова уставились в небо. По их лицам полосами ходили зеленые отсветы.

До третьего поверха я взлетела птицей. Стукнула, вошла в малую дверку, что вела с главной лестницы в покои Зоряны.

Королевешна поджидала меня в покое, который выходил на двор перед входом. У двери горницы почему-то не оказалось ни одной девки в расшитом сарафане — неужто всех отпустила? Чуден день — Свадьбосев.

Только у меня почему-то от такой доброты королевешны поползли нехорошие думки. И сердце екнуло.

Зоряна стояла у окна, пристукивая носком ноги по полу. Одна, что меня почему-то успокоило. Я махнула от двери поклон.

— Подобрю тебе, великий принцесс! Ты уж нас прости. К госпоже Арании отец приехал с самой границы, король-батюшка позволил с ним побыть, сколько захочет. От неё тебе извинения, прощенья она у тебя просит. Может, хочешь чего? Так я мигом слетаю.

Зоряна оглянулась. Лицо у неё сегодня было счастливым — ну да, сам цорсельский принц посватался.

— Выходит, Арания не придет? — Она ненадолго отвесила нижнюю губу, но тут же её подобрала и снова улыбнулась. — Да. Не ожидала я от неё такого небрежения моим приглашением. Пойдем, госпожа Триша, на ту сторону. Сейчас ведьмы начнут метать горящие доски в старые лодки, что расставлены по середине Дольжи.

— Не сходя с помоста? — Поразилась я.

Королевишна небрежно дернула плечом. Вялая грудь, подпертая платьем, задрожала, выперла наружу.

— Конечно, не сходя. Чай, урсаймцы у ведьм перед глазами не стоят, когда те в них мечут бревна на границах. Нынче время лицезреть народу, как они умеют, не глядя, всякую цель сшибать. Чернь любит смотреть на всякие глупости, навроде баб, играющих огнями, стрелами да бревнами. Истинное просветление нашему люду, увы, недоступно. Не то что в Цорселе — там, говорят, даже крестьяне обучены грамоте. И перед своими господами кланяются не так, как наши — с размаху да в пояс. Тамошний простой народ поклон кладет красиво, с манерой, ручку отставит, ножку согнет. любота, словом! Ладно, пошли, сейчас доски полетят.

Мы двинулись на другую сторону дворца. Я, уходя, бросила взгляд в окно. Зеленые отсветы ложились на помост, но посуды в воздухе уже не было. Выше третьего поверха, на котором жила королевишна, в воздухе дрожали длинные доски. Стаей висели, выстроившись в ряды. И по ним бегали сполохи зеленого света — чудно-то как!

В выбранную Зоряной горницу я зашла следом за ней. Ещё на пороге взгляд мой метнулся к окну. Тут же блеснуло, серебряная лента Должи, разлегшаяся пониже кремля, вся запылала зеленым. Из-за закрытых створок донесся вопль толпы, даже стекла звякнули.

И тут что-то двинуло меня по затылку — и я повалилась лицом вперед. Напоследок увидев на чисто скобленных половицах отсветы от новой зеленой вспышки.

Очнулась я, когда мне начали вязать руки за спиной. Перед глазами все плыло, тело, повернутое на бок, распласталось по половицам мягким тестом. На плечах и коленях лежали чужие руки, крепко придавливая их к полу. Я сглотнула — горло пересохло. И попыталась заорать, но выдавить сумела лишь негромкий хрип.

Прямо перед глазами колыхались юбки королевишны, заслоняя весь обзор.

Что ж выходит, ловушка? Та самая, которую так ждали и ведьмы, и я сама? И чего не ожидал Ерша. Но где — здесь, в покоях положской королевишны, наследницы трона и королевства? Даже думать о таком казалось немыслимым, но глаза-то мои меня не обманывали, вот она, Зоряна, рядом мельтешит.

Тут мне защемили увечную руку, больно, до судорог, и все думки разом вылетели из головы. Кто-то, кого я видеть не могла, спешно наматывал жесткую веревку мне на руки. Я напрягла усохшую ладонь. Глядишь, и свяжут не так туго, а там, кто знает.

— Чего телепааетесь, недотепы! — Рывкнула вдруг королевишна. — Вдвоем одну девку связать не можете?

Юбки беспокойно ворохнулись и уплыли в сторону.

— Сейшас, мой феликий принцесс. — Отозвался кто-то.

И я тут же узнала дана Рейсора по выговору. У мужика, что заговорил после него, говор оказался тутешский.

— Сейчас, свет-королевишна, не изволь беспокоиться. У девки руки-крюки, кривые, калечные, вот и пришлось нам с ней повозиться. А где вторая, уж не гневайся, что спрашиваю, свет-великий принцесс-королевишна?

— Отец у неё сегодня явился с границ, да с собой забрал. — Недовольно ответила королевишна. — Или не отец, а кто другой, про то не ведаю. Ничего, нам и этой хватит, в покоях у Граденя видели только её, дуру деревенскую, с неё и спрос.

Меня подняли, поволокли по полу, как бесчувственную. Горница перед глазами качалась, кружилась, в горле стоял кислый вкус, словно желудок вот-вот опростается наружу. А я за праздничными столами поела вволю, да и медку хлебнула, так что подпирало нешуточно.

Я сглотнула, задышала носом, отгоняя дурноту. Глаза кое-как свела в одну линию, а то они все норовили разбежаться. Хотя и с трудом, но разглядела в горнице Зоряну, замершую у окна, дана Шуйдена, стоявшего в углу за дверью. И он, паскудник, здесь замешан? А по повадке и не скажешь, всегда такой ласковый да с улыбочкой.

Потом меня с размаху усадили на скамью, стоявшую меж двух окон. Затылок стукнулся об стенку, в голове пошел звон. Я опять едва не обеспамятела. Кое-как удержалась от этого, рот распялила, подышала, отгоняя странную, не ко времени пришедшую сонливость. И рассмотрела того, кто был в горнице помимо Зоряны, Рейсора и Шуйдена.

Держа. Тот самый королевский прислужник, что показывал нам с Аранией горницу в первый день во дворце. Тот, что у короля под дверями стоял, в доверенных людях числился.

Глубоко же измена забралась.

Дан Рейсор, пока я в себя приходила, отступил назад. Держа, с которого я не спускала глаз, отошел к двери. На меня он смотрел так же ровно и приветливо, как в тот день, когда мы с ним свиделись в первый раз.

— Ты бы, девица, лучше не запиралась. — Буркнула Зоряна от окна по левую руку от меня. — Говори, зачем ходила к братцу в покои. И что слышала от Морисланы о королевиче Градене. Образина у тебя вон какая, просто смотреть — и то с души воротит. Потому не заставляй меня ждать, тебе же хуже будет.

Вместо ответа я решила закричать.

— Помогите.

Вышло не очень, чуть громче шепота. Зато в голове от этого снова начались звон да боль.

— Ори не ори, никто не услышит. — Брезгливо заявила Зоряна. — Народ гуляет, своих девок я всех отпустила. Нигде никого. Хотя. заткните-ка ей рот. Вдруг докричится? Сейчас все равно придет травница от Ерисланы, скормит ей травку, вот уж тогда она выложит все.

Дан Рейсор шагнул ко мне, вытащил комок из-за пазухи кургузого полукафтання. По щекам прошлась тряпица, дурно пахнущая вонючими благовониями. Узел цорселец затянул у меня на загривке, защебив волосы. Тряпка, должно быть, была парчовой, потому как щеки оцарапало жестким шитьем.

Началось ожидание. Королевишна у окошка любовалась ведьмовским действием — словно и не случилось ничего. По лицу Зоряны, теперь уже не счастливому, как тогда, над воротами, а недовольному, с оттопыренной губой, гуляли зеленые отсветы. Рейсор и Шуйден стояли в углу, беседуя вполголоса по-цорсельски, Держа замер у двери — дозор нес.

А посереде горницы, на полу, осталась лежать святая ветвь от храма Кирымети. Должно быть, отлетела, когда я от удара хлопнулась оземь. Что ж выходит, никто её так и не поднял? А ведь Держа с Зоряной из положских, должны понимать. Стыдно перед Кирыметью — её оберег да по полу валять.

Хуже всего была мысль о том, что помощи ждать не приходится. Ни от ведьм, ни от Ерши. Кому придет в голову, что королевишна замешана в таких делах? Что ловушку на меня устроят в её горницах?

И ведь как сказала — «к моему братцу в покои». Ни погибшим его не назвала, ни

убиенным. стало быть, тоже знает, что Градень жив. Про травницу от Ерисланы упомянула — выходит, не только глубоко измена забралась, но и высоко.

Надо было что-то делать. Не спасусь, так посупротивничаю, подумала я, перебарывая тошноту.

И распылила глаза пошире, заморгала, вроде как напугана до последнего, вот прямо сейчас разревусь. Сама тихонько пошевелила увечной левой. Благо спиной меня притиснули к стенке, и руки оказались не на виду.

От веревок усохшую руку схватили судороги. Но сейчас я ею крутила не из-за этого. Пятерня на левой руке у меня была махонькая. Если большой палец к ладони прижать, вся длань превращалась в обточенную снизу веточку. Дома бабка Мирона завсегда подсовывала мне на мойку самые мелкие горшки и скляницы. Усохшая рука проходит в любое горлышко, рыбкой заныривает.

А где нырнешь, там и вынырнешь. Вот я и надеялась вытащить из веревок хотя бы левую. Как знать, вдруг это мне пригодится?

Правда, руки мне увязали надежно, с десятков витков вкривь и вкось положили. Но кто перевязи делал, тот знает — рука да нога для перевязок самые трудные места. Потому как любая холстина с них съезжает вниз. Лишь у тех, кто лежит неподвижно, такого не случается.

А я лежать пластом не собиралась.

Время тянулось медленной каплей. Отсветы на лице Зоряны уж погасли, народ за стенами дворца начал кричать потише. Первым заговорил Рейсор:

— Мой феликий принцесс, мошет, послать кохо-нипуть.

И тут в дверь стукнули.

— Заходи! — Взвизгнула Зоряна.

Дверь мягонько скрипнула, в горницу протиснулся мужичонка с неприметным лицом. Терен, вспомнила я. Тот самый, что по приказу Ерисланы сел со мной и Аранией на королевском пиру. Доверенный прислужник великой госпожи.

Мужичонка приблизился к Зоряне, отбивая через шаг по поклону. Под ноги ему попала святая ветвь — он перешагнул через неё легко, не поморщившись.

— Великая свет-королевишна, надёжа наша. не вели казнить, вели слово молвить.

— Где травница? — Пропыхтела Зоряна.

Тот отбил ещё один поклон.

— Великая госпожа Ерислана велела кланяться да извиняться. Такая беда у нас приключилась, уж такая беда! Едва госпожа Ерислана услышала, что королевишну отдают за цорсельского королевича, враз занедужила. Так что травница Кулеша ей сейчас самой нужна. А вам великая госпожа велела передать — пусть-де свет-королевишна нынче к королевским травницам обращается, их во дворце целых две, и все без дела гуляют.

Я искоса глянула в сторону Зоряны. Лицо у той налилось багровой кровью.

— Да как ты смеешь, подлый оскребыш, блевотина червячная! Я тебя удавить прикажу. я тебя в подземную темницу, в башню на ^яру.

Терен, не переставая кланяться, пропел:

— Госпожа Ерислана велела мне вернуться сразу же, как только весточку передам. И ещё просила напомнить, свет-королевишна, что ей во всякий час открыта дверь королевы Голубы. А мужу её, верчу Медведе, открыта дверь короля Досвета. И сверх того, хочет великая госпожа Ерислана, чтобы свет-королевишна накрепко запомнила одно — верчи

государства положского помнят ещё те года, когда не было короля, а был лишь верч Чистоградский, равный среди прочих. И не худо бы королевишне так себя вести, чтобы верчи о том и не вспоминали.

Зоряна судорожно втянула воздух, рот разинула, собираясь заорать. Лицо у неё было — пальцем чиркни, кровь брызнет. В этот миг дан Шуйден ласково сказал из своего угла:

— Ступай, почтенный прислужник. Держа тебя проводит. Мой великий принцесс, позволь сказать три слова. А также предложить одну вещицу.

Он спешно зашагал к Зоряне, вытаскивая на ходу из-за пазухи полукафтання малую скляницу. Терен исчез за дверью, словно его выдуло ветром.

— Великий принцесс, в Зайте придворные дамы, когда чувствуют большое огорчение, нюхают ароматный уксус. Мне только вчера доставили из Цорсея малую толику свежайшего бальзамического уксуса, с травой анососом. Вот, мой принцесс, поднеси пробку к носу.

Он взболтнул скляницу, отколупал крышку и сунул её королевишне под нос. Острая вонь поплыла по горнице. Зоряна сначала сказала обозлено:

— Мне, королевишне, отказала жена простого верча! Да ещё грозить посмела! Трижды прав ваш великий император, что герцогов своих даже к столу — и то не всегда приглашает! В черном теле их держит.

Потом королевишна нюхнула крышку, улыбнулась, багровый нехороший румянец начал уходить с её щек.

— Ах, дан Шуйден, и впрямь, знатное средство. Наши травницы до такого не додумались, им бы только роды принимать, руки-ноги чинить да прочее костоломство. А малое средство для успокоения души попросишь у них — и нет такого. До чего ж прекрасно живут в вашем Цорселе люди! Чего только у вас не придумали! А у нас все по старинке, все по-простому, чуть ли не по-мужицки.

— Фаши трафницы не понимать, что у такой госпоши, как фы, феликий принцесс, есть фысокие чустфа, которые требовать осопый лекарстфа! — Громогласно отозвался с другого конца горницы дан Рейсор.

Дан Шуйден тонко улыбнулся.

— Прошу великий принцесс принять от меня сей скромный дар как малую дань красоте, изяществу и грации, которые я зрю каждый день в облике великой принцесс. Нет слов, чтоб описать, как сильно я очарован. и как сильно желаю утолить скорби великой принцесс.

Он всучил Зоряне в руку скляницу, сказал, не переставая улыбаться:

— Нам следовало ожидать, что Ерислана перестанет помогать, как только будет объявлено о сватовстве великого принца. Впрочем, главную работу эта Кулеша уже сделала — мы знаем, что мальчишка жив. И будем настороже.

— Но эту-то. — Зоряна ткнула в меня мизинцем, держа у носа цорсельскую склянницу. — Эту как мы теперь заставим говорить? Действо ведьмовское уже кончилось, к ночи прислужницы вернутся. И мать моя взойдет в свои покои по соседству. Не услышал бы кто.

— Придется действовать старым проверенным способом — пытками. — Любезно сказал дан Шуйден. — Только дело придется провернуть быстро, чтобы нас не поймали. Не волнуйся, великий принцесс, мой друг Рейсор большой знаток всяких церемоний. В том числе и пыточных.

Я от этих слов облилась холодным потом. Может, пот и помог — веревки наконец соскользнули к запястьям, путы ослабли. Я чуть двинула усохшей рукой, и поняла, что теперь могу высвободить её разом, едва захочу. Ну, помогай, Кириметь-заступа.

— А куда её денем потом? — Невнятно спросила Зоряна, не отрывая носа от скляницы. — После саможорихи ушла бы сама, без памяти. А запытанную из моих покоев отпускать — о таком и помыслить не можно. Выдаст меня эта Тришка. Матушка, конечно, простит, но батюшка — не знаю. И убить нельзя, тело никуда не денешь.

— Не изволь беспокоится, великий принцесс. — Шуйден отступил от королевшины, склонился в поклоне. — Увечье, что имеет эта девка, мне знакомо. Явный след работы магов великого Цорсея. Очень сильное проклятье, вода-земля в основании — и что очень кстати, кусок от проклятья остался на девице. Понадобятся два горшка, один пустой, другой с водой. И немного земли. или зерна, муки, соли, не важно. Когда мы закончим, от её тела останется лишь малая толика воды.

От всего услышанного я задохнулась под вонючей тряпицей. Шуйден — цорсельский маг, в этом сомнения больше не было.

Иначе откуда ему знать, что с помощью проклятья на мне всякого человека можно обратить в воду? И как бы он иначе разглядел тот кусок от проклятья, что я на себе ношу?

Неужто тот, кого все ищут, все это время был рядом? А ведь и речь нашу Шуйден знает лучше всякого тутеша, даже опись тутешских слов составил. Такое не осилишь за год или за два. Значит, жил уже когда-то у нас.

— Славно, коль так. — Пробубнила Зоряна. Снова с наслаждением вдохнула из скляницы. И чего она в той вонии нашла? У меня в носу от кислого духа засвербило — даже вонь от тряпицы, что мой рот затыкала, не могла ту кислотину перебить. — Славное средство, дан Шуйден! А уж какая легкость в голове от него образуется — кажись, перо вставь, так и полечу... Держа, чего рот разинул? Дана Шуйдена не слышал? Неси, что сказано!

Немолодой прислужник спешно поклонился и вышел. Дан Рейсор двинулся ко мне. Но Шуйден его остановил:

— Нет, мой друг, сначала я заготовлю воду. И принесенную субстанцию, которую у нас называют матерния, тоже нужно подготовить заранее. Мне бы не хотелось испачкаться кровью после всего. Так что подожди.

Учитель церемоний остановился тут же, поклонился по-цорсельски, махнув рукой и согнув ногу.

— Как скажете, дан Вер Мафф Шуйден!

И все замерли в молчании — Зоряна у окна, прильнув ноздрей к склянице, Шуйден посередине горницы с доброй улыбкой на губах, Рейсор в двух шагах от меня, с лицом совсем не злобным в тот миг. В чертах его теперь была какая-то пустота.

А на полу валялась святая ветвь, всеми забытая. Диво, как на неё до сих пор не наступили. О таком святотатстве я и слыхом не слыхала — а оттого все косилась на неё глазом. Мать-Кириметь, твой оберег да на полу? Верно баили сегодня на стене — быть беде.

Держа вернулся быстро, как по мне, так вмиг обернулся. Но Зоряна почему-то бросила недовольно:

— Ты где ходил, старый пень? Стар становишься, только за смертью тебя посылать!

Королевский прислужник, словно все это говорилось не о нем, улыбнулся пригласительно, махнул в её сторону поклон. Прожурчал:

— Не изволь гневаться, свет ты наш великий, принцесс-королевишна. Вызnaval я от прислуги, где сейчас твои матушка с батюшкой, вдруг вернуться неожиданно.

Зоряна отвесила губу. Дан Шуйден спросил с любопытством:

— И где они?

— Как и положено, пошли к храму Киримети, встречать тех, кто решил жениться в святой праздник. — Ответил Держа. — Там уж толпа собралась, скоро не вернуться.

Он смолк, с поклоном протянул учителю цорсельского корзинку, из которой торчали горловины двух горшков.

— Вот, дан Шуйден, туточки вода, а для прочего я солонку прихватил с поварни.

— Славно. Благодарю тебя, Держа. — Шуйден двинулся ко мне.

Улыбочка с его лица так и не сошла. Корзину он поставил на пол у стены по правую руку от меня, воду над моей головой слил из полного горшка в пустой. Надо сказать, осторожно слил, не то что Глерда. Сунул оба горшка обратно в корзину и застыл, с легкой улыбкой глядя на меня.

Руки, подумала я, цепenea. Сейчас велит меня развязать, чтобы ссыпать соль с больной руки — и тут-то узнают вороги, что увечная длань у меня уже свободна. А потом затянут её натуго.

Сердце у меня встало. Вот так взяло и встало. А потом забилося, конечно. Я с хрипом втянула воздух носом, почти задохнувшись под вонючей тряпкой. Это не Шуйден мне улыбался — смертушка моя с его лица скалилась.

— Обойдемся лбом. — Решил он. — Ни к чему тратить время, развязывая эту девку. А потом опять связывая.

И у меня отлегло от сердца.

Голову мне нагнул Рейсор по знаку Шуйдена. Учитель цорсельского подставил под мой подбородок горшок, из которого слил воду, сыпанул на макушку соль из солонки. Часть её застряла в волосах — но и ссыпалось немало.

— Все. — Услышала я голос Шуйдена. — Приступай, мой друг.

Время. Настало время.

Рейсор дернул меня за подбородок, задирая голову. Потом взгляделся в мое лицо. А я — в его.

— Я предлагать снашала фыколоть один глас. — Равнодушно сказал учитель церемоний. — Это делать деффка сгофорчифый быстро и фесело. Потом можно путет упрать кляп, задафать фопрос.

Верно говоришь, подумала я. Глаз — место тонкое, болезненное. Чтоб его повредить, силы надо чуть, а боль в глазу человека воли лишает напрочь.

Мирона меня когда-то учила дергать зубы. Показывала, как напрягать запястье, как складывать пальцы клювиком на рукоятях щипцов. Даже поленья в те годы каждый день велела колоть, чтобы руку укрепить. Здоровую, конечно, не усохшую. Зуб дергать — это тебе не занозу вытаскивать, тут сила потребна.

И мне уж приходилось у двух баб порченые зубы рвать.

Исполать тебе, бабка Мирона — вот и пригодилась твоя наука, правда, в деле страшном, бесчеловечном. Но уж коли я решилась супротивничать, так не отступлюсь. Пусть Рейсор знак от меня понесет на своем лице. И ему памятка, и мне утешенье.

А Ерше на заметку — если в один день знакомая деваха пропадет, а глаз у учителя церемоний повредится, тут дело явно нечисто.

Рейсор пробежался пальцами по своему поясу. Я вдруг заметила, какие у него пальцы. Крепкие, длинные, без волос. То ли бреет их, то ли шерсть на теле не растёт, как это бывает у мужиков.

Ножичек, что Рейсор выудил из кожаной опояски, был мал, с мой палец, не больше. Но и таким человека измучить, как нечего делать.

Пора было. Я стряхнула с рук за спиной веревки, удержала их кончиками согнутых пальцев, чтоб не упали, выдавая мою свободу раньше, чем нужно. Привалилась лопатками к стене, задышала часто, словно вот-вот чувств лишусь.

А на деле дышалку прочищала. Взгляд кинула на березовую ветвь, что валялась на полу. Ну, помогай, Кириметьюшка, защитница девичья.

Зажав в правой руке ножик, цорселец крепко взял меня за подбородок, обхватил пальцами щеки. Держа, стоя у двери, равнодушно отвел взгляд, Шуйден улыбался благодушно, вроде как не на кровавое дело смотрел, а в горницу пришел для урока. Зоряна присосалась к подаренной им склянице, глядела на меня жадно, пожадней, чем на ведьмовское действо, что перед этим творилось над Дольжей-рекой.

Напоследок дан Рейсор надо мной наклонился. Повел руку с лезвием к моему глазу, неспешно, вроде как забавлялся. А у самого в глазах при этом было пустехонько.

Рука моя метнулась ему навстречу, опережая нож. Пальцы я сложила узкими щипцами, все суставы напрягла, верхним ногтем на самый вверх зрачка нацелилась. Руку выбросила с напором, даже плечо вслед за ней пошло.

И сразу же после удара ощутила, что попала туда, куда нужно. Пальцам сделалось слякотно, душе мерзостно. Не травницкое это дело — лишать человека глаза. Пусть даже и цорсельца.

Рейсор взвыл, его рука с ножом слепо двинулась по воздуху, едва не задев меня. Свободной рукой он прихлопнул окровавленную глазницу. Глаз я ему не выбила, но повредила сильно.

Сердце в груди у меня билось, как у пойманной птицы — часточасто.

Пока прочие не опомнились, я одним пальцем сдернула вниз вонючую тряпку, затыкавшую мне рот. Ухватила руку цорсельца с ножом, рванула её к себе и укусила. Зубы от рождения мне достались крупные, во рту не помещались, даже губы над ними смыкались с трудом — а тут все это пригодилось. Руку я прокусила до сустава. Он завопил во второй раз, пальцы разжал, ножик у него выпал.

Я отпихнула его руку от себя и сунулась вниз, на пол, ловя крохотную рукоять. Краем глаза заметила, что в горнице все ожили, отойдя от изумления — Держа рванулся ко мне, вытаскивая из-за пазухи длинный нож, Шуйден выхватил из штанов темную скляницу, сыпанул чего-то на ладонь, закрыл глаза. Колдует по-ихнему?

Рейсор смолк, покачнулся, махнул укушенной рукой, отступил назад.

А Зоряна смотрела как зачарованная — но не на меня, а на окровавленного Рейсора.

Я сидела на карачках на полу, и времени было в обрез. Или Держа меня сейчас заколет, или Шуйден заколдует. Сердце в груди трепыхалось бешеными толчками, надо было решать.

Я выбрала Шуйдена. Прямо с карачек, на четвереньках, по-собачьи, рванулась в правую сторону, к корзине с горшками. На то, чтобы встать да разогнуться, уже не было не времени, ни сил.

По хорошему, конечно, следовало бы сначала соль в воду насыпать, под нос цорсельцу сунуть, а потом уже заставить поглядеть.

Да только и на это требовалось время, которого у меня не было. Поэтому я, не мудрствуя, двумя руками ухватила за горшки и швырнула их с пола в голову Шуйдена. Оба вместе, разом. Видать, от испуга мне уж начало чудиться — потому что на миг показалось, будто плывет по горнице длинная белесая паутина. Начинаясь одним краем от лица Шуйдена, а другим скользя по воздуху.

Оттуда, где я на пол перед Рейсором упала, к тому месту, где сейчас сидела.

Два горшка с гулким звуком раскололись об лоб Шуйдена, и чудиться мне тут же перестало. Учитель цорсельского покачулся — оно и верно, горшки не семки, как в лоб вдарят, так на ногах не устоишь.

Только мне уж было не до Шуйдена, на меня шел Держа. Умно шел — ноги чуть расставив и согнув, нож опустив вниз. Как к раненому волку подступался. За ним шагал пришедший в себя Рейсор, из-под закрытого багрово-синего века лилась кровь. Укушенную руку он держал на весу, а уцелевшую правую загодя сжал в кулак.

И тут Зоряна завизжала, да так, что я оглохла. Рейсор, Держа, я — все уставились на королевешну. И с чего это она дурью орет?

Несколько мгновений ничего не происходило, а потом дверь в горницу распахнулась, с размаху ударившись об стенку. Сначала я разглядела только сапоги, что мелькнули на пороге. Все прочее от меня заслонял Держа.

Все изменилось как-то враз. Блеснула в воздухе сталь — кто-то шибанул Держу по затылку рукоятью длинного меча. Он покачулся и упал, не дойдя до меня каких-то двух шагов.

А за ним оказался Ерша, за спиной которого толпились ещё жильцы. Пока я глядела, чувствуя, как по лицу бегут слезы, курносый двинулся вбок. Мазнул, не глядя, по лицу Рейсора открытой пятерней той руки, что была свободна от меча. Тот запрокинулся на пол, бессильно махнув кулаком по воздуху.

Зоряна все визжала, повернувшись лицом к правой половине горницы. Хоть визг у неё звучал уже потише. А рукой, свободной от скляницы, королевешна перед собой помахивала.

И хоть смотреть на Ершу было не в пример приятней, я все же обернулась. Курносый, скользнув по мне взглядом, тоже развернулся вправо.

Шуйден стоял на полу на обрубках ног — выше тело есть, а ниже уже нет. Вокруг него по полу разливалась лужа воды, даже одежда почему-то истаяла.

Сработала соль с водой? Как да почему, мне было неизвестно. Может, дело в том, что цорселец колдовал, когда я в него швырнула горшками. А может, Шуйден все-таки раскрыл глаза напоследок.

Ерша тем временем бросил одному из жильцов:

— Убрать отсюда королевешну. В покои королевы её — и девок позовите, пусть присмотрят.

Потом он шагнул к тающему на полу учителю, присел у самого края лужи. Шуйден дышал со свистом, неверяще и с ужасом глядя на воду. При скрипе сапогов Ерши по полу цорселец повернул лицо в его сторону, бросил с ненавистью:

— Ничего не скажу. И не спрашивай. Я верю. то есть верил в процветание Цорселя. Рано или поздно мы получим то, что по недосмотру Фрориса досталось вам. Мне все равно умирать, так умру же с честью.

— А я ничего и не спрошу. — Холодно ответил Ерша. — Нужный мне ответ — ты ли тут озорничал двадцать лет назад — я и так скоро получу. Как только ты истaeшь.

Он оглянулся на меня через плечо. Стало быть, и он в Шуйдене заподозрил того колдуна, что наслал проклятье на королевский дворец. И ждал сейчас того, что ждала я.

Смолкшую Зоряну вывели из горницы под руки. С почтением вывели, отчего мне по сердцу царапнуло обидой. Один из жильцов подобрал с пола березовую ветвь.

— Это моя. — Прохрипела я. — Оберегом была. не трожь.

Он понятиливо кивнул, осторожно положил ветвь на лавку, где я совсем недавно сидела.

Держу и Рейсора повязали все теми же тонкими черными веревками, что я видела прошлый раз на Рогоре. Ерша, отвернувшись на миг от Шуйдена, распорядился:

— Этих поддержим тут до темноты. Ни к чему их выставлять на погляд, слухи множить. И без того болтать будут.

Потом глянул на цорсельского мага — без злобы, даже с сожалением. Спросил медленно:

— Может, передать что-нибудь вашему Вухсеру? Семье последние приветы али ещё чего.

— Вот он, истинный тутеш. — Процедил Шуйден, выдыхая каждое слово с трудом — таяние уж подбиралось к пояснице. — Не смей меня жалеть! Я тебе враг, ты меня должен ненавидеть. До последнего.

Ерша сказал спокойно:

— Я над мертвяками не изгаляюсь. И ненависти к ним не чувствую. А ты уже мертвяк.

— Мы ещё при. — Прохрипел Шуйден.

И смолк, выпустив два длинных свистящих вдоха — таяние перевалило за поясницу. Потом и грудь начала исчезать на глазах, словно в половицы уходила. Ерша встал, отступил от края быстро растущей лужи, глянул на меня:

— Ты как, госпожа Триша? За этими разговорами совсем о тебе позабыл. Прости ты меня, дурака, сделай милость.

Он шагнул ко мне, уже не обращая внимания на Шуйдена, который с высоты его колена ворочал глазами и судорожно хлопал руками по луже — как курица с отрезанной головой дергает ногами напоследок. Подошел, наклонился, подхватил меня под локотки и вздел на ноги. Лицо его оказались вдруг близко, так что я разглядела легкую сеть морщинок, оплетавшую голубые глаза, и складку, что расколола надвое лоб меж бровями.

— Расскажешь, что случилось? — Спросил он. Оглянулся через плечо на Рейсора. — И кто этого так отходил — уж не ты ли?

— А нечего было руки распускать. — Хрипло выдохнула я. — У нас в Шатроке.

И покачнулась. Ерша тут же бережно ухватил меня за плечи, поддержал.

— Суровые у вас в Шатроке девки, я уж понял. Прости, что запоздал — но пока королевшна не завопила, мне ходу в её покои не было. Все же королевшна, не простая девка. Да и не думал я, честно говоря, что случится дурное. Так, на всякий случай под двери пришел.

— Так бы и простоял? — Я спрашивала, а сама косилась глазом в сторону Шуйдена. От него уж только голова осталась.

— Руки у меня были связаны до первого шума. — Твердо сказал Ерша. — А как королевшна закричала, так я и вошел.

Он вдруг замер, пальцы на моих плечах крепко сжались.

— Мать честная. — Охнул кто-то из жильцов.

Началось, поняла я.

Одно жаль — то, что со мной творилось, я могла разглядеть только в широко распахнутых глазах Ерши.

Лицо моё оделось белесым, комковатым туманом. По лбу, щекам и усохшей руке разлились боль и зуд. Потом боль стала сильной, резанула, как серпом. И резко прошла, сменившись ощущением холодного и влажного прикосновения.

А перед лицом моим повисла паутина, сплетенная подобно морозным узорам на окнах по зимнему времени. Повисела и истаяла, словно и не было её.

Глава двадцатая. Чем сердце успокоится

Ерша глядел на меня во все глаза. Я в тех глазах выглядела чуть кривой — но все равно на себя прежнюю не походила. Скорее на Морислану. Или мне этого хотелось?

— Зеркало. — Приказал курносый низким голосом. — Принесите ей зеркало, пусть глянет.

Один из жильцов грохотнул подковками сапог, сорвавшись с места. Ерша вдруг облизнул губы. Угрюмо растянул губы, вроде как в улыбке.

— Говорил мне батюшка — Ерша, рыбу бери за жабры, а девку, коли чем понравилась, сразу в жены. — Он вдруг смутился, отдернул ладони от моих плеч. — Не по мне ты теперь рыбка, госпожа Триша, а жаль.

Я глянула ему в лицо и все поняла. Этот замуж не позовет.

Отказа побоится, измены, мало ли чего. а когда начнут меня замуж выдавать, так встанет в сторонке и пожелает оттуда — дескать, молодым совет да любовь, долгих лет да счастливого векования! Только глаза у него при этом будут как у больной собаки, щеки западут да лицо потемнеет. А спроси, чего ждал, почему сам замуж не звал — так и не ответит.

Не зря Кириметь-кормилица позволила девкам опаивать парней приворотным зельем, ох не зря. Редко среди них встретишь ту ярую цепкость, что девок отличает. Чтоб вот так глянуть, сказать — моё! — и вцепиться, и никому уж не отдавать. Насмерть стоять, если что.

В глаза мне блеснула лужица, оставшаяся от Шуйдена. Сколько кому отмерено Кириметью — того, думаю, даже кукуха лесная не знает. Но уж если жить, так с тем, кого сама выбрала. А иначе и сладкий кус горьким покажется.

Затылок, куда меня приложили то ли цорсельцы, то ли Держа, болел. Горница перед глазами плыла-кружилась, у горла стоял кислый ком. И сил не было, однако и сплеховать было нельзя.

Я отступила на два шага назад, под коленку мне уткнулся край лавки. На него я оперлась ногой — все легче стоять. Тайком вытерла об подол пальцы правой руки, которой заехала в глаз Рейсору. Быстро метнула взгляд на усохшую ладонь. Она теперь оказалась такой же, как здоровая. Пальцы подросли, запястье покруглело. Теперь меня нечем похаять — все у меня, как у людей.

Потом я набрала полную грудь воздуха, отчего голова закружилась ещё сильнее. Выкликнула раненой лебедушкой:

— Опозорил ты меня, Ерша Нетужевич! Как теперь в глаза людям посмотрю, как невестой в Кириметьев храм войду? А и в покои безлюдные ты меня заводил, всяки речи там говорил, за руки белые хватал-удерживал.

Тут я не очень и врала, если разобраться. Водил же меня Ерша в покои Теменя, умершего королевича, сразу после встречи с Глердой? Водил. А ещё спрашивал, позволю ли сорвать поцелуй с губ.

Ты-то тогда шутовал — ну а мне сейчас не до шуток, Ерша Нетужевич.

Трое жильцов, уже увязавших натуго Держу и дана Рейсора, стояли у входа в горницу. Лица у них были серьезные, но один уж больно подозрительно закашлялся и прикрыл рот распяленной ладонью. Откуда-то притопап четвертый, посланный за зеркальцем. В руках у него было полированное, мне по пояс, зеркало, которое я помнила по опочивальне Зоряны.

Влетел он, растолкав сотоварищей, и уже хотел было что-то сказать — но тут один из жильцов оглянулся в его сторону и приложил палец к губам. Он замер.

Потехи ждут, подумала я. Ну, будет вам потеха. Сам Ерша глядел без выражения, губы сжал туго-натуго, в тонкую черту. Лицо у него застыло, словно из камня вырезанное.

Мимоходом в пластине зеркала я увидела себя. Правда, издалека. Мать Кириметь, неужто я? Нос вздернутый, в веснушках, но ровный, не клювом, как раньше. Брови двумя крыльями над глазами изгибаются, рот словно земляникой измазан, розовеет. Не Морислана, конечно — но похожа. И зубы больше не торчат. То-то я смотрю, говорить стало легче.

— И в лесу мы встречались, и в кремлевских садах! — Выкрикнула я, передохнув и набрав побольше воздуха. Пусть все видят — убивается девка, значит, дело серьезное. — Ты, Ерша Нетужевич, в жены меня грозился взять, а теперь нос воротишь! В Кириметев храм не зовешь, не ведешь! Как теперь жить буду, люди добрые? Чем позор свой девичий прикрою? Кто меня взамуж возьмет такую? Был бы жив мой отец, честный жилец Добута Варятич, он бы за меня вступился. Только сгинул он, и некому теперь защитить сиротинушку.

На последнем слове я речь оборвала, лицо ладонями прикрыла. Достаточно сказала. Жильцы уж не на меня смотрели, а на Ершу. Не сказать, что нехорошо, но с сомнением. При имени Добуты Варятича брови у двоих из них сомкнулись на переносице. Небось и у самих дочери есть, и позор дочки умершего жильца им обидным показался.

Сквозь щелку меж пальцев я могла разглядеть только ноги Ерши в сафьяновых сапогах. Потом он шагнул ко мне. Склонился, щека его уколола мою частой щетиной. Прошептал, обжигая мое ухо дыханием:

— А ведь король-батюшка тебя за графу выдать обещался, если колдуна того поймать поможешь. Не хочешь все взад повернуть, Триша Добутовна? Я прикажу, и жильцы твои слова враз позабудут.

— Я те забуду. — Пригрозила я тоже шепотом. — Сказано — опозорил ты меня, в покои водил. Значит, женись.

— Ох, смотри, не пожалей потом. — Выдохнув это, он замолчал и выпрямился.

Там, где его щека колола мою щетиной, теперь было пусто, холодно, зябко.

Ещё какое-то время Ерша молчал. Ах ты злыдень, ещё кочевряжишься, в бессильной ярости подумала я. И громко, с завыванием, всхлипнула.

После этого он наконец решился:

— Свадьбосев ещё не кончился. Храм Киримети открыт, всякий, кто захочет, может пойти туда и жениться. Триша Добутовна, раз ты говоришь, что я тебя опозорил — хоть и не трогал я твою девичью красу, ну да ладно. пойдешь ли ты за меня взамуж? Говорят, те, кто справил свадьбу в Свадьбосев, живут до старости, в ладу да в радости. Может, хоть это нам поможет.

Опять его понесло не туда. Я оторвала ладони от лица, отступила назад, махнула поясной поклон:

— Коль не шутишь, с радостью пройду за тебя, Ерша Нетужевич. Не бойсь, я верной женой буду.

Курносый тяжело вздохнул. Но слова были сказаны, и отступать ему было некуда. Он даже руку протянул, чтоб поддержать, когда я после поклона покачнулась.

— Двери в покои запереть, никого сюда не пускать. — Велел он жильцам. — Одного-двух оставьте с той стороны на страже. Девоч Зоряниных гоните прочь, пусть переночуют на

хозяйственном дворе. Если спрашивать начнут, скажете, что тут, пока все гуляли, упала зажженная свеча. Пол обгорел, так что заходить нельзя. И пригрозите, что узнаете, кто из них ту свечу забыл — так у них будет, о чем трещать до утра. Королевишна эту ночь проведет у королевы Голубы. Если я не приду, после заката заверните этих двоих в покрывала и несите на руках в свободную опальную башню, под двойной караул. Кто попадется да спросит, скажете, что они угорели в горнице. И вот ещё что. Уходя, коснитесь половиц ножами с зеленым огнем, чтобы доски и впрямь почернели. Все. Поздорову вам.

Потом Ерша ухватил меня за руку, дернул к двери. Однако я уперлась, кивнула в сторону лавки:

— Ерша Нетужевич, это наша с Аранией ветвь, на целый год. Не могу её бросить.

— Заберу сам к вечеру. — Пообещал он.

Больше я ему не супротивничала. Жильцы расступились, и в зеркале, что было на руках одного из них, я ещё раз оглядела себя. Правда, на бегу, Ерша почему-то запешил. Может, боялся передумать?

Кириметь-заступница. я и впрямь — красавица! И щеки ровные, мягкие, лоб высокий, глаза ясные. Хорошо-то как.

По дорожкам кремлевским мы шли в молчании. Попадавшиеся нам навстречу жильцы и их женки отвечивали поклоны Ерше. На меня косились с ехидством и любопытством.

Перед Кириметевым храмом толпы почти не было — все, кто хотел, уж оженились. Раскрытую березовую дверь, что успела перекосяться из-за жары, стоявшей последние дни, охраняли жильцы. Завидев Ершу, они поклонились, он ответил кивком.

Мы встали сразу за темноволосым парнем в длинной душегрее, который держал за руку деваху в простом сарафане. Олгар и тутешка. Видать, уводом брал девицу, без согласия родителей. Как-то они жить станут? И где, на какой стороне? Однако деваху знай себе улыбалась, на парня смотрела без робости. Тот тоже скупно улыбался, глядя на неё. Из храма вышли двое, они тут же ступили на березовую приступку.

Когда настала наша очередь, Ерша вошел первым. Я перешагнула порог вслед за ним, и сначала увидела жильцов, замерших в дальнем конце храма, по ту сторону березового пня. Короля с королевой, стоявших у стены под их надзором, я разглядела уж потом. В первый раз положских владык оберегало сразу шесть оружных людей — и это не считая тех, что стояли у двери храма. Неужто ожидали чего дурного?

С Кириметьевого трона, березового пня, ради свадеб, что здесь творились, сняли шитый золотом покров. Все согласно обычаю — так положено, чтобы руки молодых соединялись не над холодным золотом или шелком, а над березовым срезом. Свет из высоко прорубленных окошек до низа не доходил, тек под самым потолком — на кремль опускался вечер. Но темно не было. По углам ярко горели березовые лучины в стальных держакках, установленных над ушатами с водой. Лица людей в храме освещал желтый свет, неровный, но теплый, как прикосновение Киримети.

При виде нас Досвет удивленно вскинул брови, все ещё темные, лишь самую малость тронутые сединой. Ерша медленно кивнул, глядя на него. Потом протянул назад руку, не глядя, ухватил мою ладонь, притянул к себе. И громко объявил:

— Король-батюшка, королева-матушка, дозвоьте слово сказать. Вот моя невеста, госпожа Триша Добутовна. Пожаловалась она принародно, что я её девичью красу позором покрыв, на тайных свиданиях с ней виделся. Потому, хоть и не просил я на то позволения заранее, как положено, но жениться на ней должен нынче же. И если вы мне в том откажете,

уйду со службы. Но на девице женюсь, в том мое слово крепко.

Он замолчал, махнул поклон. Король вдруг сделал несколько шагов вперед, самую малость не дойдя до пня. Глянул на меня пристально, пока королева Голуба по-доброму улыбалась, стоя у стены под охраной.

— Ты ли это, Триша Добутовна?

Я махнула поклон в свою очередь.

— Я, король-батюшка! Кирыметью-матушкой клянусь, что я!

Он вдруг выдохнул, подбородок у него задрожал. Сказал странным голосом, словно слезы в себе удерживал:

— Ишь как ты изменилась. и похорошела с той поры, как я тебя видел в последний раз. Прямо и не узнать тебя. Выходит, случилось то, что должно было случиться?

Королева Голуба смотрела от стены уже удивленно. Я глянула на Досвета открыто, согласилась:

— Случилось. И я изменилась. Даст Кирыметь, кое-кто другой нынче тоже изменится.

Он не ответил. Глянул, губами пошевелил, пришептывая что-то беззвучное.

— Досвет. — С тревогой сказала Голуба из-за его спины. — Не серчай, душа моя, на Ершу Нетужевича. И на девицу Тришу не серчай. Имя-то у неё какое знакомое. Дело молодое, с кем не бывает. Прости ты его, и пусть он на ней женится, девку честной женой сделает.

— Да. — Рассеянно сказал Досвет. Тряхнул головой — соболя шапка со стрелой чуть сбилась набок. И снова глянул на меня остро и въедливо. — А что, мой жилец Ерша и впрямь тебя опозорил, госпожа Триша?

Тут меня сомнение прошибло. Вдруг королю сейчас захочется наказать Ершу за мою ложь?

— Говори правду. — Велел Досвет. Словно понял по моей нерешительности, что дело нечисто.

Ерша вдруг ухватил меня за руку.

— Король-батюшка, разреши слово молвить. Было дело, сорвал я с губ девицы поцелуй, да не один. Позор невелик, но и малое пятно честь марает. Она в том не виновата, сам я озоровал.

— Нет. — Негромко сказала я. — Не так было. Уж прости ты меня, король-батюшка, но соврала я. Однако на этот раз врать не стану — не трогал меня Ерша. Хотела я его хитростью на себе оженить, вот и все.

Один из жильцов засмеялся было, но королева глянула в его сторону и смех оборвался. Прочие стояли с надутыми рожам. Меня бабка Мирона тоже этой хитрости учила — хочется тебе засмеяться, а нельзя, так нужно губы сжать да щеки надуть. И стоять так молча, смех в себе давить.

— Вот оно как. — Задумчиво протянул Досвет. — А ведь я, Триша Добутовна, в благодарность за то, что ты и твои родители претерпели, подумывал отдать тебя даже не за графу, а за лучшего в Положье жениха. Стала бы ты знатной госпожой, со временем назвалась бы великой.

А мне Ерша говорил, что выдать меня хотят за графу. Что ж, король-батюшка у себя в королевстве владыка, никому о своих желаниях отчитываться не обязан. Вчера одно подумал, сёдни другое — король, одним словом.

Да только на все Положье имелся лишь один парень в жениховской поре, женка

которого со временем станет великой госпожой — тот самый Сogerд. И при нем Ерислана свекровушкой. Никому такого счастья не пожелаю, даже Арании, хоть та и не отказалась бы, по дурости своей да молодости.

Такое супружество не мне наградой станет, а Ерислане наказанием. Видать, Ерша уже вызнал да доложил, кому служила травница Кулеша.

Я, недолго думая, снова махнула поклон.

— Благодарствую за честь, за ласку, король-батюшка, да только мой выбор уж сделан. И зовут его Ершей Нетужевичем, а не Сogerдом Медведовичем.

Досвет глянул на меня внимательно, кивнул и снова вернулся к стене, под охрану жильцов.

— Быть по сему. Женись на ней, Ерша. Только дела свои после свадьбы не забрасывай.

— Как прикажешь, король-батюшка. — Спокойно ответил тот.

Голуба, которая все это время удивленно слушала, поспешно заявила:

— Даем мы вам свое благословение, дети, на тот случай, если у кого из вас нет ни отца, ни матери. Даем мы вам свое благословение и тогда, если у одного из вас родители против этой свадьбы. Любви, потомства да долгого вам векования вдвоем, и да хранит вас Кириметь-кормилица.

Ерша глянул на меня без улыбки, строго. Потом подтолкнул в правую сторону от пня — иди.

И я пошла.

Началось.

Ерша встал по левую сторону от Кириметьевского трона, я по правую. Он, как положено мужу, повернулся лицом на рассветную сторону. Я развернулась лицом к закатной стороне. Потом мы глянули друг на друга через плечо и протянули руки над березовым пнем.

Крепкие пальцы Ерши охватили всю мою ладонь, даже запястья прикрыли. И так, со сплетенными руками, мы двинулись посолонь вокруг пня.

Первый круг — на здоровое потомство.

Второй — чтоб в любви нам жить до старости.

Третий — на долгие лета.

После последнего круга Ерша потянул меня за руку к себе. И я, обойдя вокруг пня, подошла, повернулась к нему лицом. Он вроде как улыбался — края губ подрагивали, загнувшись вверх. Да только меж бровей застыла строгая складка.

— Идите, дети, с миром и с любовью. — Сказал король. — О прочем поговорим потом, Ерша.

И мы пошли. В кремле быстро темнело, зажигались первые фонари. Жильцы собирали по дорожкам последних подгулявших гостей, выпроваживали их к воротам.

У первой же рощицы, где тени сгущались так сильно, что стволы терялись во мраке, Ерша утащил меня с дорожки под деревья. Остановился, притянул к себе — и вдруг обнял, одним махом скользнув ладонями от плеч к поясу. Стиснул, отчего дыхание у меня оборвалось.

Потом согнулся, наклоняясь, и я ощутила его губы там, где шея соединялась с плечом. Сказал, щекоча мне кожу губами:

— Ведь жамкну один раз посильнее — сломаю, только косточки хрупнут. и не боишься вот так стоять-то? Насильно ведь меня оженела.

— Грозишь? — Прямо спросила я, чувствуя, как щекочат мне шею и подбородок

жесткие, выгоревшие от солнца волосы.

— Опасаюсь. — Выдохнул он. Неспешно поднял голову, проложив от ключицы до щеки тропу из поцелуев.

— По обычаю, — задыхаясь, сказала я. — Невесте перед свадьбой положено в баню сходить.

Он коротко засмеялся, овеявая мне щеку частым горячим дыханием.

— А у олгар невеста в баню идет уж после свадьбы, да прямо сразу и с женихом.

— Ты вот что. — Строго сказала я, попытавшись вырваться из кольца его рук.

Не получилось.

— Ты сначала наши обычаи соблюди, а уж потом и за олгарские берись. — Я, осерчав, стукнула его по груди. — Отпусти, медведь!

— Как ты в девках непокорная была, — строго ответил Ерша. — Такой и в женах остаться хочешь, как я посмотрю. Придется тебя поучить.

Я замерла у него в руках.

И подумала — сама же рвалась замуж. Да за Ершу рвалась, не за кого-то другого. Вот и получи. Всякий знает — мужняя жена мужу перечить не должна. А должна почитать и уважать.

Я сглотнула, враз осознав, что придется теперь и говорить по-другому, и жить по-другому. Кончилась девичья вольница.

— Сначала сходим за твоими вещами. — Распорядился Ерша, ободренный моим молчанием. — А потом, и впрямь. день был жаркий, я и сам с утра в бегах. Ополоснемся и вернемся в мою горницу. Слышала, Триша?

— А то. — Отозвалась я.

— Отвечать бы лучше так — как скажешь, Ерша. — Мягким голосом поправил он. — Повтори, а то и до дворца не дойдем — прямо здесь уляжемся, где чурбаки вместо подушек.

— Один по кустам валяйся. — Проворчала я. Хоть и понимала, что не права.

Ерша тут же закрыл мне рот поцелуем, отчего ноги разом подкосились. Потом, когда я отдышалась, сказал мрачно:

— Ты сама за меня захотела, я тебя не звал. Ну а коли хотела, так знай — я у короля правая рука, значит, жить нам придется во дворце. Как могу я прочим жильцам приказывать, если меня даже собственная жена не слушается? Или ты станешь послушной женой.

— Или?

Он снова меня поцеловал, и голова у меня пошла кругом.

— Или я тебя опою приворотным зельем, Триша. Кирыметью тебе в том клянусь. И тогда ты станешь послушной. Ходить будешь только по той половице, на которую укажу, влево-вправо даже не глянешь.

Я дернулась у него в руках.

— С ума сошел? Девочек опаивать не положено.

— Ты не девка, ты моя жена. — Хрипло сказал он. — А потому Кирыметь-кормилица меня простит. А над тобой, думаю, только посмеется — мол, за что девка боролась, аккурат на то и напоролась.

И он снова меня поцеловал, да так, что я едва не задохнулась. Деваться мне было некуда, а потому я разлепила непослушные губы, выдохнула:

— Как скажешь, Ерша.

Кольцо его рук сразу разжалось.

— Пойдем, жена.

Голос у него был страсть какой довольный. Мне вдруг стало смешно. Нет, ну точно дите малое — я самую малость отступила назад, а он уже и рад, точно крепость взял, да немалую.

На следующее утро я уже жила в горнице Ерши как его жена. Покой оказался большим, в два раза больше того, где проживали мы с Аранией. Тут даже имелась перегородка, что отделяла закуток, шедший от печки. Окон было целых три, и над крайним я укрепила березовую ветвь, принесенную из покоев королевешны.

В светелку Арании Ерша по моей просьбе отнес другой оберег, взятый от храма Киримети.

Всем жильцам и их женам было объявлено, что я Триша, да не та — не родственница Арании, а приехавшая из дальней деревни дочь умершего на королевской службе жильца Добуты Варятича. Жильцовские женки кланялись мне теперь низко, в пояс. И кликали с почтением, по отчеству — Триша Добутовна. Думаю, что больше из-за мужа, чем из-за отца.

Те четверо жильцов, что побывали в покое королевешны, молчали, храня мою тайну.

Рассказать правду Арании Ерша мне не позволил, сказав, что время для этого ещё не пришло. Из-за этого первые дни пришлось просидеть в горнице безвылазно, спешно сметывая новые платья — потому что старые, подаренные Морисланой, Арания могла узнать. Ради такого дела Ерша сам сходил на Девичий ряд и набрал для меня отрезов, принес их в охапке, как поленья.

А ещё он купил ожерелье и серьги зеленого камня, того самого, что с Урьих гор. Принес, сунул мне в руку и пробормотал, что к моим зеленым глазам они точно подойдут.

После чего тут же убежал по своим делам.

Сестре моей Арании объявили, что я спешно уехала домой, в родную деревню, забрав свои вещи. Та удивилась, но поскольку новость объявил ей не кто-нибудь, а сам король, вызвав сестрицу к себе, приняла всё молча.

Насчет того, что произошло в покоех королевешны, муж велел молчать. Я и так не стала бы трепать языком — у травниц многие тайны хранятся как за семью замками, никогда на белый свет не выходя. Но понять, почему Ерша и король так желают скрыть от людей измену цорсельцев, не могла.

Как-то раз, измучившись мыслями, я спросила мужа об этом прямо. Случилось это вечером, когда Ерша вернулся после своих дел и уже хлебал холодные летние щи, скинув рубаху и примостившись за столом в одних штанах.

Ответом на мой вопрос стал усталый взгляд, а потом и вздох.

— И чего тебе неймется, Триша? Или в постели тебя мало утомляю, вот тебе и лезут разные думки в голову?

— Что ты! — Вскинулась я.

— Сиди. — Осадил он. — Так и быть, скажу. Нужны нам цорсельцы. Как пугало для верчей. Помнишь, что Терен говорил Зоряне?

Я кивнула. Как не помнить — прислужник Ерисланы грозил королевешне тем, что короля сместят.

— Негоже королевству Положскому опять на верчества распадаться, как в былые времена. — Ерша нахмурил брови. — Врагов у нас немало, поодиночке от них не отбиться. Стало быть, нужно верчей чем-то в страхе держать. И опять-таки — зрение к королевичу вернулось.

Об этом я уже знала, поэтому молча кивнула.

— Но видит он не слишком хорошо. И посадить его на трон будет делом нелегким. Матушку твою убили, а она была единственной, кто в ту ночь во дворце все видел своими глазами. Парафена память потеряла, да и кто она — прислужница, нянька... Морислане верчи поверили бы сразу, выйди она перед ними и поклянись страшной клятвой, что королевич жив, что в ту ночь он спасся. Поэтому, думаю, её и убили.

Светлых дней тебе в чертоге норвинской Трарин, матушка, подумала я. Обида на мать у меня давно прошла, развеявшись дымом по ветру. Умом я понимала, что Морислана меня когда-то пожалела, не бросив в лесу, как это положено у норвинов. А вместо того пристроив в надежные руки.

Правда, она и это обставила, как милость, и сумела выторговать за меня горшок приворотного. И тут все дело к пользе своей обратила, не зря норвины называли её мудрой.

— Поэтому королю пришлось обратиться к ведьмам из Ведьмастерия, чтобы те рассказали верчам о выжившем королевиче. И поклялись. Ведьмы взамен попросили себе места у трона, чтобы находится при короле неотлучно. И чтобы советами их не брезговали. Не хотелось королю на это соглашаться, но пришлось. Однако даже после этого трон под королевичем будет шататься — слишком много лет его прятали, чтобы от убийц уберечь и верчей его немочью не испугать. А потому сомнения, истинный ли он, останутся навсегда.

Ерша замолчал и добрал из миски последние ложки щей. Смел со стола крошки, упавшие с ломтя хлеба, неспешно забросил их в рот.

У меня потеплело на сердце — до того родные были у Ерши повадки, бережливые. Ох и разумно я поступила тогда, когда оженала его на себе.

А выйди я замуж за Согерда, сейчас бы в тереме с его маменькой лаялась. Да любовалась, как прыщавый верчев сын с золотого блюда золотой ложницей сладкую кашу хлебает, лицо перекосив. И думать о таком не хочется.

Ерша, конечно, и без меня бы не пропал. Рано или поздно оженала бы его на себе какая-нибудь разумница. Сначала опоив приворотным.

Пока я в тех думках плавала, Ерша глянул в упор, спросил:

— Ты устала, что ли, Триша? Вон глаза какие — прижмуренные, как будто спишь наяву.

— Ты от беседы не увиливай. — Я трянула головой, села попрямей. — С королевичем-то понятно, возвращать его будут. А с Зоряной что будет? И почему из-за этого измену цорсельскую скрывают?

Ерша отставил миску, глянул на меня через стол, уперев по своему обычаю одну руку в колено ноги.

— Зоряна выйдет замуж за цорсельца и отправится в Зайт. Муж её, цорсельский королевич, станет для наших верчей пугалом. Чтоб знали — как только помрет королевич Градень, Зоряна вернется в Чистоград. Да не одна, а с супругом, и по праву потребует себе трон. Пусть верчи чувствуют за своей спиной дыхание Цорселя, чтобы оно гнало их туда, куда нужно нам и Положью. А правда про цорсельцев замарает и саму Зоряну, и всю королевскую семью.

Чего мы допустить никак не можем.

Он выдохнул, вскочил с лавки, обошел стол.

— А теперь хватит о делах королевских беседовать. Я устал, ты притомилась — самое время почивать.

Он сгреб меня в охапку и понес, не слушая, что я ему говорю. А говорила я важное, о том, что надо бы съездить нам вдвоем в деревню к бабке Мироне, навестить её.

К Мироне мы, конечно, съездили. Как только Ерша отвез в Зеленый Дол королевское семейство — жару летнюю в лесах положских пересидеть...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Словарик старых слов (анахронизмов) и терминов, использованных в книге:

Шибко — скоро, быстро.

Полукафтаны — мужская одежда, носимая поверх рубахи, с рукавами и полами короче и уже, чем у кафтана.

Порскнуть — стремительно броситься куда-либо.

Колымага — тяжелая закрытая четырехколесная повозка, на высоких осях, иногда с лестницами.

Инда — даже.

Смурная — хмурая, мрачная.

Бельча — местная монета.

Ить — ведь.

Поршни — простейшая кожаная обувь, раскроенная и гнутая из одного лоскута сырой кожи.

Прошва — узкая полоска ткани, вышитой или узорчатой, которую вшивают между деталями одежды.

Небось — наверное.

Стребовать — спросить, потребовать.

Поверх — этаж дома.

В одной бельче двадцать медяков.

Баклажка — небольшой металлический сосуд с крышкой или пробкой.

Шанежка — круглый открытый пирожок, ватрушка.

Туесок, туес — небольшая берестяная коробка с крышкой, в форме цилиндра.

Негоже — плохо, дурно.

Окоём — горизонт, пространство, которое можно окинуть глазом.

Повойник — мягкая шапочка из ткани, с круглым дном, околышем и завязками сзади.

Балясина — фигурный столбик, поддерживающий перила или полог кровати.

Ряднина — грубый холст из льняной (или пеньковой) пряжи.

Клеть — неотопливаемый сруб, примыкающий к избе в виде сеней.

Сенник — сарай для сена.

Посолонь — движение по солнцу (по часовой стрелке).

Противосолонь — движение против солнца (против часовой стрелки). Вздевать что-либо — поднимать, возносить.

Заступа — здесь защитница.

Узорочье — все виды узоров: резные, вышитые, плетенные, драгоценные. Подклеть — цокольный этаж (первый этаж) в доме.

Палаты — жилой каменный или кирпичный дом.

Терем — бревенчатый жилой верхний ярус хором или палат. Протараторить — произнести быстро, торопливо.

Сафьян — кожа козы, выдубленная и покрашенная в яркий цвет. Разоблакаться — раздеваться.

Вежественная — знающая обычаи, вежливая.

Вежество — образованность, вежливость.

Склянница — небольшой стеклянный сосуд с пробкой или крышкой. Немочная — болезненная, бледная, хилая.

Немочь — болезнь.

Узвар — прохладительный напиток из сухих фруктов и ягод, иногда с добавлением меда. Узвар вариться или просто настаивается.

Вой — воин.

Ушат — деревянная кадка, ведро, с двумя ушками на верхнем срезе.

Пестрядина, пестрец — грубая льняная ткань из разноцветных ниток.

Подзор — полоса ткани с вышивкой или кружевом, которую подшивают к краю покрывала или свисающей длинной простыни. Здесь — полоса ткани, пришитая к накидке на подоконник.

Поставец — небольшой шкаф с полками для утвари или книг.

Г ольцы-перекаты — обточенные водой камни на речных перекатах.

Простенок — перегородка, переборка между покоями.

Топчан — дощатая кровать на козлах.

Ендова — медный или деревянный сосуд для питья, в виде ладьи.

Неспоудручно — неудобно, неловко.

Охальник — озорник, нахал, развратник.

Чернавка — служанка, выполняющая черную (самую грязную) работу.

Г узка — задок птицы.

Докука — надоедливое дело.

Пустельга — мелкая хищная птица. Здесь — надоедливая баба, нападающая без толку.

Позумент — золотая или серебряная тесьма, златотканая или сребротканая лента.

Сход — спуск, выход.

Правеж — суд, принуждение, кара.

Г оже ли — подходит ли, допустимо ли.

Долдонить — повторять одно и те же.

Личина — часть шлема в виде металлической маски.

Орясина — дубина, жердь.

Облыжно — ложно.

Зарукавье — браслет.

Скань — ювелирная техника, при которой на металлическую основу припаивается узор из золотой или серебряной проволоки, одиночной или свитой в жгуты (веревочки).

Зернь — ювелирная техника, при которой на орнамент из скани или на металлическую основу напаиваются мельчайшие шарики из золота или серебра.

Курник — высокий пирог с курицей, в котором могут быть прослойки из грибов, каши, орехов, яиц и ягод.

Подовый пирог — пирог, испеченный на низу печного зева, с которого уже сгребли прогоревшие угли.

Телепаться — медлить, копошиться, рассусоливать.

Исполать — хвала, слава.

Тридцать трав лечащих:

Априха — высушенные стебли хороши от зубной боли, семена — от головной.

Нижинка — помогает от головных хворей, а каша из стеблей, корней и листьев, наложенная на голову, лечит тех, кто повредился в рассудке после травы саможорихи.

Чудова травка — хороша в заваре от головных хворей.

Хрящиха — очищает живот, если кто поел порченной еды. Потреблять желательно рядом с отхожим местом, потому как действует быстро.

Беличьи ушки — вызывает рвоту, если положить в рот свежий или сухой лист.

Семицвет — останавливает кровь.

Трясица — зажимает жилы.

Живолист — заставляет тело бороться за жизнь. Заживляет раны. Длинные острые листья, поверх которых на стеблях растут желтые цветы — по пятку на каждую гроздь.

Калюжница — успокаивает.

Тридцать трав калечащих.

Саможориха — свежий лист заставляет человека сказать правду, но пережигает разум.

Кольша — растет в воде. Стебли треплют, не вынимая из воды, вышедшие жилы режут и гнут в крючки. Высохнув, крючки становятся махонькими. Проглоченные с едой, снова разбухают и вцепляются в кишки. Через день или сутки набухающие жилы достигают своей полной величины. Еда, съеденная после этого, будоражит крючки, и они распарывают внутренности.

Блажная травка — туманит человеку разум, приносит видения.

Месяцы.

Март — таянь.

Апрель — перволист.

Май — черемшань.

Июнь — первокур.

Июль — жарень.

Август — яблонь.

Сентябрь — жатень.

Октябрь — перволед.

Ноябрь — думник.

Декабрь — снежинь.

Январь — морожень.

Февраль — перевёртень.

Населенные пункты: деревня Шатрок, село Неверовка, городок Прости, городок Соболеково, городок Бальково, город Оксиград, город Лаишев-град. Чистоград — столица.

Географические названия: Касопа-море, Дольжа-река, Урьи горы.

Верчества: Чистоградское (верч — король Досвет), Ужарское (верч — Кирень), Рубельское (верч — Ушата), Алабужское (верч — Эмет Алабуга), Берсугское (верч — Алтын Берсуг), Новинское (верч — Яруня, жена — Г орява), Ламаньское (верч — Медведа, жена — Ерислана), Атаньское (верч — Егедя, жена — Ланьша).

Королевская семья — король Досвет, королева Голуба, королевишна Зоряна, старший королевич Градень (погиб двадцать один год назад от неизвестного колдовства), младший королевич Темень (погиб девять лет назад на охоте).

Цорсель включает бывшее королевство Андойя и Норвинию. Столица — Зайт. Другие страны, упомянутые в тексте — Варесия (у западных границ Положья) и Урсаим (у южных границ Положья).